

Алексей Яшин

ЗАТО МЫ ДЕЛАЛИ РАКЕТЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Алексей Яшин

**ЗАТО МЫ ДЕЛАЛИ РАКЕТЫ:
ВОСПОМИНАНИЕ
О БУДУЩЕМ**

Москва
«Московский Парнас»
2015

ББК 84 Р7 (Рос.— Рус.)
УДК 882
Я 96

Алексей Яшин. Зато мы делали ракеты: Воспоминание о будущем (седьмая книга рассказов Николая Андреяновича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— Москва: «Московский Парнас», 2015.— 441 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-73301-06-354

Цикл произведений, условно названный автором «рассказами Николая Андреяновича», продолжен романом «Зато мы делали ракеты: Воспоминание о будущем» — развернутым повествованием о жизни нашей страны в 70—80-е годы, взятой в обширном тогда ареале инженерной среды. Это как «Инженеры» Гарина-Михайловского позапрошлого века, романы Вениамина Каверина с центральными героями — людьми науки, «Все впереди» Белова и многие, многие другие созвучные произведения русской и советской литературы. Понятно, что своеобразный, самобытный язык автора выделяет книгу из череды названных. Учитывая специфику нашего времени, описываемое в романе житье-бытье воспринимается как светлая ностальгия, словом, воспоминание о будущем, коль скоро такое наступит...

Иллюстрация на обложке
Олеси Янгол (Юрмала, Латвия)

- © Яшин Алексей Афанасьевич, 2015
- © Белтов Владимир Николаевич (фотографии), 2015
- © Ханбеков Леонид Васильевич (предисловие), 2015

Инженеры 70-х... Любительское фото. Молодые специалисты запросто на развалинах мельницы строят цех по производству интегральных микросхем

К ЧИТАТЕЛЮ

О творчестве современного русского писателя, лауреата многих литературных премий, главного редактора всероссийского литературного журнала «Приокские зори» Алексея Яшина написаны и изданы в Москве наша* и Натальи Квасниковой** книги. Много в них сказано, но все равно, каждая новая книга, особенно если это роман, открывает читателю все новые грани самобытного дарования и творческого мировоззрения писателя из Тулы, а родом и воспитанием из мурманского Заполярья — «владений» Северного флота.

Одной из устоявшихся традиций русской, а потом русской советской литературы, является своего рода «профессиональный роман», то есть развернутое повествование о людях и их жизненной среде в опреде-

---

* Ханбеков Л. В. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина.— М.: «Московский Парнас», 2008.— 90 с., ил. (Серия «Созвездие России»); очерк также вошел в книгу: Ханбеков Л. В. Собрание сочинений. Т. 4.— М.: «Московский Парнас», 2009.— С. 62—145.

** Квасникова Н. В. От сатирика слышу!.. Одна из ипостасей творчества Алексея Яшина: художественно-публицистическая повесть / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 71 с., ил. (Серия «Созвездие России»).

ленной социальной среде. Сразу в памяти возникают образы героев книг Вениамина Каверина: от исследователей Арктики до ученых-медиков. Символично, что Алексей Яшин — победитель Первого международного Каверинского конкурса, недавно проведенного в Полярном (Северный флот) — это город, где Каверин писал своих «Двух капитанов».

А из русской классики XIX — начала XX вв. это прежде всего роман о инженерах Гарина-Михайловского, кстати, самого инженера, хорошо известного в дореволюционной России. В частности, по его проекту и под его руководством была построена южно-крымская шоссейная дорога... Но — это к слову.

Вот и в новом романе Алексея Яшина основные герои — инженеры самой «золотой» советской поры: 70—80-е годы, когда, вспоминая присказку, бытовавшую тогда в научных и, особенно, промышленных НИИ и КБ, человек с охотой шел на работу утром, а вечером с еще большим удовольствием возвращался домой. И вторая присказка: инженерная работа как сочетание творческого труда и клубного досуга...

Плохо все это было или хорошо? Обычно отвечают: все хорошо для своего времени и места. Но это слишком обще и декларативно. Объективный же ответ при оценке любой деятельности — это результативность, создание общественно-полезного продукта. А таковой в инженерно-промышленном секторе в 70—80-е годы был превосходен... чтобы там сейчас не болтали досужие СМИ. «Зато мы делали ракеты», — озаглавил свой роман автор... и отменные ракеты, заметим мы. Это не современные «Протоны», с пугающей монотонностью сгорающие после старта...

А то, что все, или почти все, были пронизаны духом социального оптимизма, дружелюбия и практического бескорыстия — это уже аксиома того «зо-

лотого» (можно и без закавычивания) периода советского времени.

Не сразу понял смысл подзаголовка романа: «Воспоминание о будущем», но все оказалось проще: этой словесной формулой, идущей от давнего показа на советском еще экране английского фантастического фильма с тем же названием (режиссер Деникен), автор подчеркнул: жизнь на планете Земля идет циклами, по диалектической спирали от Гегеля — Маркса, или, как судачит досужий народ: черная полоса жизни сменится белой, а там и посмотрим... Так что автор вовсе не неисправимый оптимист, а знаток науки эволюции. Тем более, что биоэволюция — вторая, кроме литературной, профессия Алексея Яшина, ученого со известным в мире именем: зайдите в научный отдел любого крупного книжного магазина Москвы и других крупных городов и наверняка найдете стопку его томов по этой самой биоэволюции прошедших и нынешних времен...

Итак, общий смысл подзаголовка: еще будем мы делать ракеты! Словом, воспоминание о будущем. Тем более, что сейчас воочию наблюдаем действительность известной, чисто русской поговорки: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Опять Россию обложили, а значит пятнадцатилетнее отставание в «оборонке» (до 2000-го года хватало еще сталинского, советского разгона...) надо срочно ликвидировать. А кто это будет делать: абрамовские с иже присными, прибравшими к рукам все и вся в России? Малый и средний «бизнесы», то есть мелкооптовые торгаши? — Не смешите. Опять, как в годы действия романа, на авансцену выходят трудяги-инженеры и потомственные работяги-мастеровые. Вот к чему склоняется автор.

Конечно, сейчас и в обозримой перспективе до сталинского и устиновского размаха военпрома дело не дойдет, но все же хоть что-то америкосам и их

марионеткам, особенно из бывшего «соцлагеря», можно будет противопоставить.

В части фабульно-сюжетной организации романа, его литературной аранжировки не лишним будет отметить, что это уже третья (первые две*) книга автора, отменного выдумщика на новое и хорошо забытое старое, написанная в возрождаемом им средневековом итальянском жанре новеллино. Как нам представляется, именно роман-новеллино позволяет сочетать в себе достаточно строгую организацию упомянутых выше фабулы и сюжета, свободу изложения и своеобразие литературного языка. А там пусть судят читатели и «критики румяные», говоря словами классика.

Еще в подзаголовке книги стоит уже привычное для читающих произведения Алексея Яшина: «Седьмая книга рассказов Николая Андреяновича». Это уже сугубо индивидуальная традиция автора. В этом видим и более общую традицию русской литературы. Достаточно вспомнить пушкинских и лермонтовских рассказчиков.

Несомненно, Николай Андреянович есть в чем-то авторизованный герой цикла романов, повестей и рассказов нашего автора. Но ведь и читатель смотрит на описываемое в названном цикле произведений глазами Николая Андреяновича, частично абстрагируясь от личности автора? Утвердительно ответим на этот риторический вопрос. Правда писателя — объективное через условно субъективное. Ведь это не

---

* Яшин А. А. Квадратная пустота: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбеков: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 334 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»); Яшин А. А. Административный восторг, или картинка с выставки: Роман-новеллино: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

передовица органа партийной печати, но реализация художественной задачи.

Наконец, содержание романа нельзя сводить к такому примитивизму ностальгии по прошлому. Воспоминание о будущем — это когда прошлое и (текущее) настоящее взаимно пронизывают друг друга. Как писал великий русский философ Н. Ф. Федоров («Философия общего дела»), память отцов есть содержание жизни детей. Все в меняющемся мире закольцовано. Прошлое не остается мертвым грузом, но чудесным образом возрождается в поколениях вновь и вновь. Тем более, что время действия романа Алексея Яшина есть еще не до конца перевернутая страница читаемой книги.

...А эту книгу, надеюсь, с интересом и сопереживанием прочтут и матерый, советской закалки, любитель русской словесности, и постепенно выходящий из зомбирования 1990-х — начала 2000-х годов представитель новой генерации поколений, пока что еще стыдливо, иногда «любящий почитать что-либо этакое на досуге».

И еще одно предварение к книге, которую вы, уважаемый читатель, только что открыли. Это, так сказать, замечание о «стиле» чтения. Дьявольское изобретение Интернет и обслуживающие его инфраструктуру «гэджики» сделали свое черное дело: почти исчезла культура чтения книг, именно — книг, то есть произведений объемных, с выверенной фабулой и развертыванием сюжета по известным литературным законам и традициям. Понятно, с учетом творческой манеры автора. На смену традиционному чтению пришел этакий эрзац, в обыденной речи звучащий как «полистать журнальчик», «раскрыть книжку».

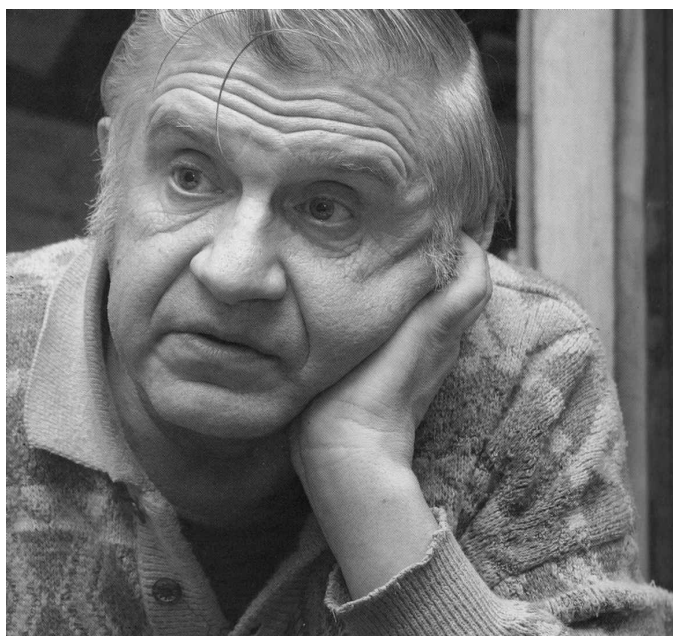
Поэтому хочется предупредить читателей предваряемой книги: «листать» ее — так и вовсе лучше в руки не брать! Это роман для чтения: роман по

жанру и роман по описываемым событиям, где характеристики героев повествования и все событийные моменты, как, например, в «Улиссе» Джойса, развиваются от первой до последней страницы; «листая» же — воспринимаешь только обрывки...

Пусть читатель не пугается «производственного» названия книги, хотя я и к чисто производственным романам претензий не имею: собственно производство тех же ракет — за пределами событий книги, но есть люди, характеры, среда тех, кто эти ракеты делает...

И напоследок: это вовсе не автобиографическая книга, но — роман, события которого есть художественное видение и обобщение. Но что точно от автора — его взгляд на мир вещей и мыслей.

*Леонид Ханбеков, президент
Академии российской литературы*

*Фотохудожник Владимир Белтов (1944—2012):
«Вся моя жизнь — это фотография»
(Публикуемые в книге фотоработы В. Н. Бел-
това взяты из издания: Владимир Белтов. Сергей
Павлов. Каталог выставки. Текст Ирины Скибин-
ской.— Тула: ЗАО «Гриф и К», 2012.— 47 с. ©).*

Инженеры 70-х... Даже выходя из дома с рублем, человек чувствовал себя уверенно. Но то был рубль!

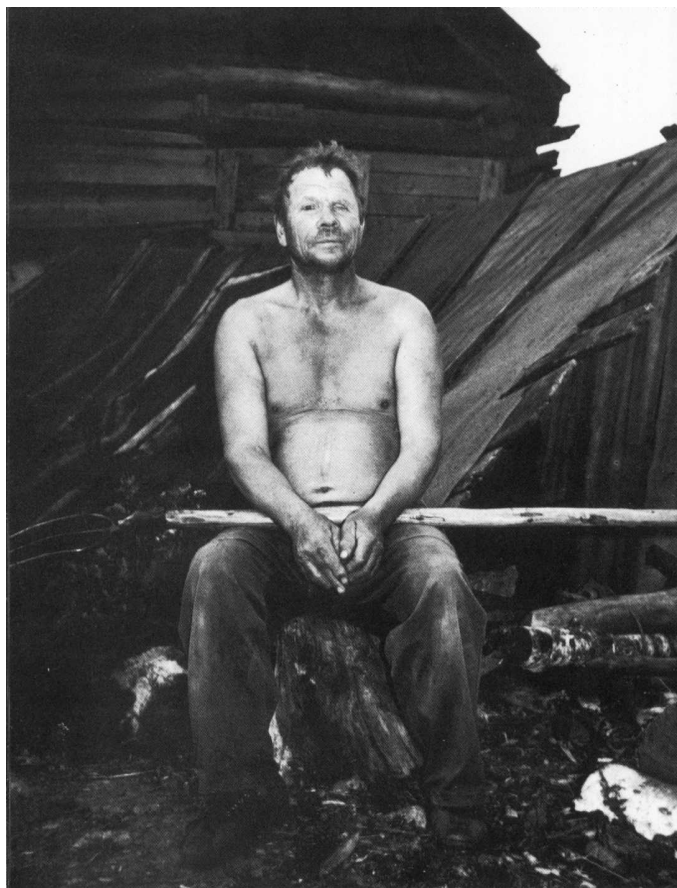
ПРОЛОГ — ЗАЧИН

При слове «зачин» Николаю Андреевичу вспоминаются, как бы казалось очевидным, не народные былины и песенные действия, но самое начало, пожалуй, лучшего рассказа Льва Николаевича Толстого «Два гусара». Помните: «В тысяча восьмисотых годах, в те времена, когда не было еще ни железных, ни шоссейных дорог...»

Так и постоянный герой наших сочинений, неутомимый рассказчик Николай Андреевич, начиная воспоминания о своей инженерной молодости, мысленно твердил подобающий случаю зачин.

...В «золотые» советские семидесятые годы, в те прекрасные и мирные во всех отношениях времена, когда в нашей стране — еще 1/6 части земной суши — все люди работали по способности, а получали по труду, но во много раз *все* получали больше не наличными, а через общественное потребление; когда слово «олигарх» встречалось только и исключительно в школьных и вузовских учебниках античной истории, а будущие «властители дум» березовичи и абрамовские учились в школе второй ступени и даже в горячечных снах не могли помыслить, что они украдут каждый полстраны; когда таджики проживали в Таджикской ССР с присовокупленной к ней Горно-Бадахшанской автономной республикой, а дома, заводы и улицы по всей стране строило местное население, оно же и подметавшее эти улицы; когда браки заключались по любви на небесах, а не на сайтах Интернета с обязательными брачными контрактами — если осчастливленный жених при деньгах; когда в метро, поездах, городском наземном транспорте все читали, а не стерегли свои карманы; когда по официальному курсу рубль стоил больше полутора долларов, а по сравнительной покупательной стоимости и вовсе в пять раз его превышал; ко-

гда бензин стоил дешевле газированной воды в уличном автомате, а нефть с газом продавали за рубеж от избытка, но не по необходимости, причем большая часть этой продаваемой нефти перекачивалась из Ирана; когда СССР продавал оружия больше всех в мире; когда эхо взрыва «кузькиной матери» на Новой Земле трижды обогнуло земной шар и заставило заокеанских «ястребов» перекраситься в голубков; когда отечественные «голубые» излечивались от этой разновидности шизофрении в кащенках или в лагерях общего режима; когда, наконец, наш дорогой (и лично!) Леонид Ильич примерял четвертую Золотую Звезду; когда... словом, к тем временам относятся воспоминания Николая Андреяновича, повод к чему дало трагикомическое происшествие с его давним другом Андреем Сергеевичем Смышляевым.

Владимир Белтов. Иван Иванович Иванов. Из цикла «...1980-е»

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
За успехи в труде послан на неделю провести
Ноябрьские праздники в городе-герое Киеве: виды
на тамошнюю ВДНХ*

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ: ДНИ И НОЧИ ТРИСТА ШЕСТОЙ ПАЛАТЫ

◆ «Палата номер шесть» нашего классика, как мы помним с (советских) школьных лет, художественно отобразила *status quo* русского общества тех лет. Институт традиции и преемственности художественных образов, надеемся, позволит нам сравнить «палату» и состояние «палат» нашего времени. Тем более, что медицина и, например, словесность современного русского, или, если хотите, российского социума обе находятся в состоянии глубочайшего кризиса... или упадка, если опять хотите.

«А почему именно «палата № 306»?» — спросит склонный к мелочному анализу читатель. Ответ: простое совпадение, но с намеком. Просто недавно довелось давнему другу Николая Андреевича с недельку полежать в палате с таким ассоциативным номером в муниципальной больнице обычного областного города рядовой провинции.

Когда приятель Николая Андреевича рассказывал за гостевым чаем о порядках и нравах условно обобщенной палаты № 306, то наш покорный слуга испытывал двойственное чувство: внутренней скорби и откровенного хохота. Тем более, что собеседник является отменным юмористом, каковые в наше суконно-чиновное время, к счастью, еще не перевелись.

Как известно, театр начинается с вешалки. Так и отделение больницы, в которое определили нашего знакомого, начиналось с того, что принято называть предбанником приемного покоя. — Это где дежурный врач с приданной ему медсестрой осматривают организмы вновь поступающих пациентов и расцеховывают их в нужные палаты для починки или сборки — после травмирования.

В предбаннике длиннокоридорного образца, так-

же, как принято, стоят в ряд широкие диваны-топчаны, где по больничным правилам должны сидеть в ожидании приема и расцеховки больные и привезшие их родственники. Причем, если первые, уже отдавшие себя в руки здравоохранения, по естественной человеческой психологии — «теперь не я, а эскулапы за меня отвечают» — прямо-таки на глазах здоровают и рассказывают кавказские анекдоты на медицинские темы, то вторые скорбно молчат: расходов-то сколько предстоит! Даже не врачам и персоналу, здравоохранение у нас вроде бесплатное, а на ежедневные приносы допайков к сиротским больничным супчикам и кашкам, опять же лекарства, домашнее долечивание и прочее, прочее. Да и персонал скучает без внимания родственников их пациентов... Тоже ведь люди-человеки!

Давненько, слава те, господи, не определялся наш Андрей Сергеевич в лечебницы, а тут не повезло: в их родном облцентре Тулуповске объявили трехмесячник благоустройства тротуаров с заменой остатков еще советской укладки асфальта на калейдоскопическую выкладку фигурных плиток. Благо, удачно решились два основных вопроса: материал и рабсила. Плитку тысячами погонных метров стал выпускать новопостроенный заводик купца Филимонова, гласного облдумы и председателя ее комитета по дорогам, а к ним и рабсила подоспела: наемные целые эшелоны таджиков по шайтан-арбе в город прибыл.

Как положено, первым делом с помощью японских бульдозеров с навесками-асфальтоломами все тротуары города превратили в глубокие канавы с брустверами-надолбами битого бывшего покрытия по краям... Кстати, подсказка нынешнему незаалежносамостийному гетману: вот такими канавами напрочь можно отгородиться от москалей! Не надо дорогостоящих бетонных стен с колючкой под током поверху. Но жители города понимают: все это временные

трудности в их передвижении — для будущего блага цивилизованных плиточных тротуаров. А наш добрый народ доверчив, тем более к временно-постоянным трудностям издавна привычен. Потому, невольно чертыхаясь, за полкилометра обходя канавы и, рискуя всем чем угодно, перепрыгивая их в узких местах, добираются после службы или торговли к своему дому — к семье, к детишкам.

Как также положено, второй этап — увоз мусора, заравнивание канав и собственно укладка мозаичной плитки — на неопределенное время застыл. Во-первых, тулуповский губернатор, молодежавший любимец всех женщин города и области, «потерял доверие» и был за смехотворную для его чина взятку всего-то в полсотни миллионов не то что долларов-евро, но рублей (!?) отстранен и направлен в узилище строгого режима. Устроили показательный правеш и для губернского бомонда. Купец Филимонов был уличен в постройке плиточного заводика за казенные деньги. Он, понятно, выкрутился, но пока что завод «до выяснения» закрыт и опечатан.

Во-вторых, у мусульман наступил священный месяц рамадан, на время которого таджики забросили выравнивание канав.

Андрей Сергеевич понял серьезность намерений гастарбайтеров в первый же день, точнее — ночь рамадана. Проживал он в квартире на седьмом этаже дома, известного в центральной части города как «тысяча мелочей» — магазин с аналогичным наименованием занимал весь первый этаж здания. Квартира же выходила окнами на очень даже обширный двор, который только потому не подвергали точечной застройке супермаркетами и «торгово-увлекательными» центрами, что место это спускалось достаточно круто. Выравнивать его под нулевой угол строительства — тратить деньги экономичного частного застройщика... Потому пологий этот двор на всякий

случай заасфальтировали, а в городском реестре полезных дел назвали детско-юношеской спортивной площадкой. Действительно, зимой детишки катались под горку на санках и лыжах, а летом пацанва тоже под горку барражировала на «роликах» и на тех досках с колесиками, что недавно стали олимпийским видом спорта с американским названием, которое Андрей Сергеевич так и не научился выговаривать. Еще эту доску часто рекламируют по телику: долговязый парень, обычно с фиолетово покрашенными патлами — явный намек на толерантность, одетый в одежду стиля «О'Нил», то есть в долговязые трусы ниже колен и в майку до колен, держит под мышкой эту доску, задирая с этой стороны майку тоже до подмышки...

Но не в ребячьих американских забавах дело. Прослушав в теленовостях сообщение о начале рамадана, Андрей Сергеевич пропустил это, как истовый потомок православных предков и, тем более, как невоинствующий атеист, мимо ушей. Стояли самые светлые в этом году дни, спалось не то чтобы плохо, но как-то неохотно, потому часа в четыре ночи он и проснулся: из-за открытой по причине жаркого времени балконной двери доносилось непонятное жужжание. Захватив сигарету, он вышел на балкон и в бледном полусвете наступающего дня рассмотрел поразившую его картину: весь асфальтовый пологий двор был заполнен неуместными для этого времени суток людьми. Как он по привычке матерого инженера прикинул: не менее двух-трех сотен, причем каждый упирался коленами в личный белый коврик, ритмически наклонял голову, обращенную лицом в сторону Мекки, и все вместе негромко произносили священные аяты*.

---

* Коран состоит из глав — сур, а суры из стихов — аятов. Отсюда и духовное звание аятолла — толкователь аятов.

Уже особо и думать не надо — откуда они сюда прибыли: вблизи двора, пониже, располагалось несколько рабочих и техникумовских общежитий, где летом, а то и зимой, проживали миграционные таджики. Первая мысль, пришедшая в голову Андрея Сергеевича, конечно, оказалась на злобу дня: дескать, не скоро тротуарные канавы заровняют!

◆ «Скоро сказка сказывается, — бормотал про себя Андрей Сергеевич, подходя ввечеру после работы к своим «тысячам мелочей», — да не скоро дело делается»... и, дабы не обходить половину периметра дома, обрытую канавой, запомнявав, что ему не физкультурных двадцать лет, соколом решил перелезть канаву — с бруствера на бруствер — в пока завшемся ему узком месте.

...Итог полета, как некогда у натовского же сокола Пауэрса над страной Советов, оказался неутешительным. Супруга ахнула при виде вошедшего в квартиру Андрея Сергеевича: расплосованная летняя рубашка, вымазанные асфальтовыми обломками белые брюки, царапины на лице и руках, всклокоченные волосы на голове, прихрамывающая походка... Причем, на обе ноги. Даже часы наручные разбиты и мобильник, что в заднем кармане брюк находился, тоже дуба дал. И пришел домой с долгом чести: в момент ныряния в канаву денег при себе не имел, поэтому обещал ихнего дома божу Василию, что вытаскивал его, оглоушенного, на другой день выставить чекушку.

После ванны по ощущениям организма сообразил, что переломов никаких нет, только шишки и ссадины. Супруга промыла их перекисью водорода, ушибленные места натерла меновазином, а сам Андрей Сергеевич, на законных основаниях приняв в ужин три стопки кизлярского коньяка, засветло лег спать почти что умиротворенный.

Однако наутро проснулся с ощущением разбитости всего тела, ушибы заметно припухли, а поскольку Андрей Сергеевич, как и все практически здоровые люди, то есть не профессиональные больные, страдал мнительностью в части состояния организма, то припомнил известные в народе симптомы сотрясения мозга: легкая тошнота, головокружение... и также показалось, что неприятный комок катается в желудке и двенадцатиперстной кишке, о расположении которой имел самое смутное знание, а свесив ноги с кровати, вроде почувствовал этакое круговое вращение спальни со всей ее утварью. Заодно вспомнил, что при ушибах и царапинах «на природе» следует обязательно делать противостолбнячный укол.

Все это он и изложил на кухне супруге Галине Николаевне, занятой приготовлением завтрака, заметно ее напугав. По женской привычке и она начала запугивать Андрея Сергеевича. Как опытный инженер, все же не преминул здесь вспомнить известный принцип «обратной связи»... Но когда он не проявил даже аппетита вежливости к затейливо приготовленному завтраку (вчера он допил коньяк из ранее початой бутылки), супруга резюмировала: «Все, звони на работу, собирайся, пойдем в больницу!»

Больница скорой помощи в десяти минутах ходьбы даже для прихрамывающего страдальца — и вот они уже в предбаннике приемного покоя. Поскольку Андрея Сергеевича, а более всего его супругу, особенно беспокоили подозрения насчет предполагаемого головокружения, то и отделение в форме приземистого здания дореволюционной постройки они выбрали соответствующее, травматическое.

Приемный доктор был занят с предыдущим страдальцем, но все широкие диваны-топчаны в предбаннике занимали вповалку-вполулежку странные пациенты: в тридцатиградусную жару в неопрятной зимней одежде, дурно пахнущие мочой и спиртовым перега-

ром, обросшие и вымученно спящие, часто вскрикивающие во сне и похрапывающие.

— Ишь, бедолаги,— посочувствовала супруга,— небось, в аварию где-нито попали...

— Чтоб они не попали, а совсем со свету белого пропали! — охотно пояснила грузная санитарка, как раз шуровавшая размахренной шваброй возле грязнущих обуви отдыхавших, развозя по предбаннику и без того едкий запах проалкоголенной мочи,— как-таки аварийщики! Бомжи это пьяные, что за ночь менты насобирали и сдали «Скорой помощи» нашего района. Теперича трезвяки отменили, велено по больничкам для очухивания расталдыкивать...

Из дальнейшей беседы, а известно, что робеющие поначалу пациенты охотно, даже нервически охотно общаются с нижним медперсоналом, Андрей Сергеевич воспринял от скучавшей и злобившейся доселе пожилой санитарки ликбез. Закон-то от государственных властей о призрении подобранных на улицах пьяных бомжей и вообще мертвецки перебравших даже приличных граждан по лечебницам скоренько приняли — проголосовали думцы, но на том и остановились. И местные власти никаких разъяснений-пояснений не получили, а потому ни копейки денег больницам на организацию и содержание бомжей в своих бюджетах не предусмотрели. Заодно медиков предупредили строго, но по-отечески: куда хотите девайте, но если хотя бы одного не примите от «скоропомощников», не дай, бог, зимой кого выгоните на мороз, а тот замерзнет?.. — В сельской больничке карьеру продолжите!

— ...Вот они и пролеживают диваны тут, всю отделению провоняли. Ночью очухаются, начинают по палатам шататься, закурить, а то и выпить клянчат. Зимой же иные и вовсе приживаются. Весь день дрыхнут, сердобольные старушки из больных им каши с хлебцем больничные приносят. К вечеру

уходят, понищенствуют у маркетов всяких, насобирают на бутылку «максимки», зальют глотку и снова дрыхнуть к нам... И попробуй их тронь! Конечно, жалко их, бедолаг, у нас в доме тоже вот одного жена разведенная с тещей выгнали...

Санитарка уже вовсе отставила швабру, готовясь к долгому рассказу, но здесь приемная медсестра выглянула из кабинета, дескать, следующий! Супруга заторопила Андрея Сергеевича, развесившего было уши.

♦ Скучающий от обыденности больничной жизни врач среднестаршего возраста скептически выслушал Андрея Сергеевича — короткий, логически выверенный доклад на инженерной пятиминутке — и пространный комментарий его супруги. Не вставая с места, велел пациенту показать ушибленное место, а в отношении головы — сделать пару-тройку приседаний и нагибаний, затем на минуту стать по стойке «смирно».

Как и положено, от общения с представителями медицины всякие там девичьи нежности навроде тошнот и головокружений напрочь покинули робкого пациента.

— Смажьте дома ссадины йодом или зеленкой, предварительно промыв, если вчера не догадались, перекисью водорода. Лена, — вальяжно повернулся он к медсестре с замечательно круглыми коленками, — промассируй затылок... угу, — обменялся он взглядом со своей помощницей, — вот вам справка об обращении к нам, а завтра — к труду!

— Как это к труду, — возмутилась супруга. А вдруг сотрясение мозга? А как без рентгена и томографа? Да он в госпитализации нуждается!

Врач добродушно рассмеялся, отрицательно-отказывающе повертел головой, все протягивая справку:

— Никаких показаний, уважаемая, к госпитализации и инструментальному обследованию у вашего супруга не имеется. Так... ушибы небольшие.

Разошедшаяся супруга начала высказывать все, что думала о современной медицине в общем и врачебной помощи в частности и подробно.

Врач заскучал, медсестра приотворила дверь в коридор-предбанник, готовясь выкликнуть следующего из накопившейся очереди страждущих, но здесь в ту же дверь вошел явно знакомый Андрею Сергеевичу врач, хотя и шапочно, но знакомый: жилец соседнего подъезда их дома. Тот тоже смутно припомнил растерянного пациента, кивнул ему и завел с хозяином кабинета какой-то туманный медицинский разговор вполголоса.

Супруга тоже в лицо знала соседа, потому, когда тот, явно чем-то недовольный в ответе дежурного доктора, чуть повысил голос: «Но меня-то, как заводделением, нужно было поставить в известность!» — то притормозила Андрея Сергеевича, которому сейчас только одного хотелось: забыть о конфузе-позоре и мигом выбежать на волю. Дождавшись же окончания разговора двух медиков и тихо справившись у медсестры об имени-отчестве заводделением, она третью корпуса встала на пути его:

— Борис Семенович...

— А-а, уважаемые соседи! Что случилось, что привело в наше скорбное учреждение? — с легким полупоклоном и в нужной, приличествующей мало-знакомым соседям ласковой интонации спросил, преимущественно ориентируясь на доминирующую супругу, Борис Семенович.

Понимая, а женщины тонко все понимают в житейско-служебном политесе, что заведующий отделением есть не простой врач, потому человек занятый, супруга уложила всего в два-три десятка слов.

— Ну что ж, по летнему времени койко-места имеются, а здоровье вещь такая, что лучше лишний раз провериться... Так что полежите у нас четыре — пять деньков, рентген и томографию вам, не торо-

пясь, сделаем. Как говорится, с чувством, с толком, с расстановкой. И синяки серьезному инженеру не к лицу, а здесь подживут, затянутся. Оформляй, Фокич, сегодня я двух выписал из триста шестой. А вам, Андрей Сергеевич, скорой поправки — я уже в ипостаси лечащего врача за этим прослежу.

◆ Смешанное женско-мужское отделение встретило супружескую пару прохладцей, понятно, не от отсутствующих в провинциальных медучреждениях кондиционеров, но от дореволюционной аршинной толщины кладки стен и малой этажности здания, окаймленного намного выше протянувшихся к зениту звенящего от летней жары неба тополей и конских каштанов. Время утреннего обхода, потому в длинном коридоре постовая медсестра за своим сложным столом с навесными полками да молодящаяся санитарка лет под пятьдесят, роста «метр с кепкой», со спины смахивающая на неакселерированную шестиклассницу, мелкокурчавая словно обезьянка, весело переругивались с пациентом, торопящимся в туалет перекурить до прихода в его палату врачебного причта:

— Петров! Что на двери-то вашего сортира значится?

— Сама знаешь что.

— Во-во, а ты даже конца обхода дожидаться не можешь, не терпится, да? Вот нарвешься на проверку от главврача — выпрут из больницы, а то и вовсе по новому указу штрафанут!

— Не бойсь, у нас контингент, он же электорат, почти дурдомовский, травмированный на голову, так что мы вне закона...

Слышавший дурашливую перебранку Андрей Сергеевич было оробел, но супруга подвела его к медсестре:

— Принимайте в триста шестую.

И положила на стол направление.

— А сами дойдете, коль цифры читать умеете?

Три койки свободны — выбирай, как говорится, любую на вкус. На ту, что у стенки между окон, не ложись, сетка с одного края проваливается. Петров вот наемднн ночью грохнулся, все отделение перебудил.

— Так сильно стукнулся? — обеспокоилась супруга. — Да нет, матом четверть часа громыхал. Ну, идите, идите, а то обход уже в триста четвертой...

Палата поразила Андрея Сергеевича двояко: в отличие от всеобщей обшарпанности старинного корпуса и всего прочего в здравоохранении, триста шестая сверкала свежеоблицованным ласкового цвета кафелем стенами, свежими же полом и потолком, евроокнами. Огорчительной же оказалась величина и количество кроватей: десять штук, включая изматеренную неистовым курильщиком Петровым.

Поздоровавшись со старожителями, вошедшие выбрали только что освободившуюся угловую подоконную кровать. Поскольку супруга поспешно собрала дома все потребное Андрею Сергеевичу, включая суточный допдаек к больничному едову, то обещала навестить завтра вечером, с чем и удалилась заниматься домашними хозяйственными делами. Она тоже позвонила с утра в свою «контору», как истинный инженер советской закваски Андрей Сергеевич именовал ее место службы в крохотной частнособственнической компашке.

Тут подоспела давешняя санитарка-обезьянка и с приговорками-пословицами, разговаривая одновременно со всеми обитателями палаты, включая молчащих и спящих, перестелила кровать нового постояльца. Она же, уловив любопытствующий по объему палаты взгляд Андрея Сергеевича, охотно пояснила: помещение готовили-ремонтировали под операционную, но в последующий момент таковую решили разместить во флигеле здания. Отсюда и облицовка стен, ремонт пола и потолка, обширность самого десятикроватьного помещения... а также всего две розетки

электрические, оставшиеся от доремонтных времен и отсутствие принятых в больницах индивидуальных бра над кроватями, их включателей-выключателей, пультов с вызовом дежурной медсестры. Их заменили свернутые в кольца провода, выходящие из стеновых отверстий: не успели-таки привести комнату в кондицию до приказа переориентировать планируемую операционную в многоместную палату...

◆ До прихода белохалатников Андрей Сергеевич начерно познакомился, то есть обменялся именами, с обитателями триста шестой. С удовольствием узнал, что все в палате, как ходящие, так и травмированно-лежащие, из числа курильщиков. Лишних вопросов, комментируя давешний диалог Петрова с санитаркой, которую, как тотчас выяснилось, в обиходе отделения зовут Гаврошем, а в их палате Гречанкой, о месте курения в свете новейших думских утеснений любителей травки никотианы задавать не стал. Более того, между обходом и обедом выяснил: единственный в палате травмировано-лежащий, восемнадцатилетний грузин Ваха, или полностью Вахтанг, обросший за время послеоперационного лежания рыжеватой бородкой *а ля* нынешний чеченский начальник в Грозном, с полным на то основанием и дружелюбным поощрением обитателей палаты курил свои дорогостоящие сигареты коричневого цвета прямо на своем больничном ложе. Как матерый инженер-изобретатель, Андрей Сергеевич даже восхитился изобретательностью Вахи.

— Пора, однако, и покурить,— с почти неуловимым акцентом сказал Ваха, отложив свой неотрывный планшет и попросив соседа Серегу поставить его на зарядку в тройник у телевизора. Дружелюбно подмигнув новичку, вытащил из-под кровати, как он там называется — домодельный «кальян», то есть двухлитровую картонную коробку с этикеткой виноградного сока, в днище которой вставлена обыч-

ная медицинская резиновая клистирная трубка, которую Ваха привычно перекинул через подоконник полуотворенного окна, под которым лежал. После чего закурил, выдыхая дым ароматичной сигареты в питьевое отверстие коробки и время от времени дую в нее — гнал дым в клистирную трубку.

— Где, Ваха, трубку-то взял? Из дома принесли?

— За-ачем, Сергеич, из дома. Там у меня врачей нет. Гречанка за урок принесла.

Как-то на слово «урок», не гармонирующем с обстановкой, Андрей Сергеевич не прореагировал. Зато отметил, что уносимый Серегой к телевизору планшет что ни на есть самый новомодный и сильно дорогой.

Сам он, как человек старорежимный и мыслящий самостоятельно, ко всем этим гэджикам относился холодно, но, имея взрослых детей, в назначении и стоимости таких придурочьих штуквин примерно разбирался...

Во время обхода Борис Семенович со свитой около кровати Андрея Сергеевича не остановился, только кивнув и прибавив: «С завтрашнего утра обследуем». На Ваху посмотрел одобрительно, дескать, уже сам с ходячей своей каталкой до туалета добираться, так что через пару-тройку дней переходи на свои — двое! Что-то и другим опекаемым небобидное сказал. Зато другой лечащий врач палаты, а они все — хирурги, короткий и толстолицый, обругал предоперационного, как и у Вахи с травмой нижней части позвоночника:

— ...Я сколько раз говорил: лежи на спине и ни в коем случае не вставай с постели! Тебя ведь к операции готовят, а ты — как ни выйду в коридор, так обязательно мчишься в сортир, преимущественно, дымить! Перетерпи и пользуйся уткой и судном, когда жена приходит. Доиграешься, и операция не поможет. Останешься инвалидом в молодом возрасте, да и

средств государственных сколько напрасно уйдет на операцию?! Дурдом, действительно, а не палата.

Дурдом не дурдом, размышлял Андрей Сергеевич перед обедом, мечтая о горячем больничном супчике, но палата-то великовата для действительно тяжелых, слабых пациентов. Хотя бы все они о своих хворях все не поминали и хохотали на злобу дня и свежие анекдоты. И потом, кровати как-то фигурно расставлены: вдоль одной безоконной длинной стены — паровозиком ложе Андрея Сергеевича, обруганного врачом Олега и два рукомошника ближе к входной двери. А вот вдаль другой, оконный, аж шесть лежбищ перпендикулярно стене. И еще две — опять же паровозиком — посередине комнаты. Самая «центральная» из них, как пояснили охотно Андрею Сергеевичу, постоянно никем не занимается. «Для ночных гостей!» — хохотнул Ваха. На законный же вопрос о ночных гостях все рассмеялись: дождись, мол, Сергеич, ночного часа, сразу просветишься!

...Обед оказался очень даже приличным; все же не голодные девяностые годы. Ваха принципиально больничного не ел, а бородатому Сергею, к которому с воли не приходили, некрасивая, но добрая раздатчица, не спрашивая, уже по устоявшейся привычке налила по края в большую тарелку самой гущи щей, а в другую положила двойную дозу гречневой каши и два самых больших куска курицы. Хлеба Серега также взял с запасом. Тихо и вежливо поблагодарил за заботу.

◆ Андрей Сергеевич — давний и добрый собеседник Николая Андреевича. Когда-то вместе с ним служили по инженерной части в тулуповской «оборонке». Она сейчас вроде как в гору пошла, Андрей Сергеевич ей не изменяет. Как и все инженерá советской закалки пристрастен к чтению литературы, в основном классики, но его иногда подзуживают к знакомству с современными литераторами.

Не из «голубосальных» пиарщиков, конечно. Что-то он ругает, а порой и одобряет. Так что почти безо всякого принуждения и тонких намеков рассказал о днях и ночах триста шестой палаты, как-то разом перешел к аналогии, сравнению больничных нравов и положению в современной словесности. Мысли его, хотя и несколько «непричесанные», представили для Николая Андреевича определенный интерес. Тем более, и пусть на нас вдругорядь всенародно избранные думцы не обижаются, что хорошо заваренный чаек приятели сопроводили бутылочкой почти неподдельного кизлярского коньяка... Что очень даже побуждает к анализирующей словоохотливости.

Получалось со слов Андрея Сергеевича так, что сейчас врачи и писатели, соответственно — пациенты и читатели, находятся в одинаковом положении: пишут, борются с недугами и читают с таким скучноватым энтузиазмом. И никому до всех них дела нет. Разве что господу богу, мудро смотрящему с горних высот на неудобства существования народа, коему выпало тягостное испытание. В который уже раз за век с небольшим?

Если аналогия между болящими и читателями художественной литературы весьма прозрачна — число тех и других, имеются в виду пациенты стационаров, в общей массе населения составляет считанные проценты, то между врачами и писателями эта самая аналогия посложнее. Если у последних удачливые пиарщики в основном сосредоточены в столице, да и число их невелико, то у лечебников возможностей избежать серых, низкооплачиваемых будней в казенных больницах намного больше.

Здесь еще следует первоочередно учитывать, что в девяностые годы каждый провинциальный, уважающий себя университет, как правило, «переквалифицировавшийся» в таковой из технического института, организовал собственный... медицинский

факультет! Понятно дело, со ссылкой на отмену обязательного распределения выпускников традиционных мединститутов, что привело к врачебному обезлюживанию провинциального же здравоохранения. А подготовка квалифицированного врача невозможна без сложившихся научно-педагогических школ. Все это нынешние пациенты очень даже ощущают на себе.

Вот потому-то большинство нынешних выпускников «от Гигии и Панакии», которыми они клянутся по Гиппократу, а впрочем, и врачи старших поколений, массово ринулись куда угодно, но только не в госбольницы. Благо вариантов личного трудоустройства много: кто в аптечные сети лекарствами торговать, другие — в медчиновники, в частные лечебно-диагностические (с акцентом на последнем слове) лавочки и так далее. Известно, рыба ищет где глубже... Правда, смотря какая рыба; та же камбала, наоборот, выискивает песчаные мели. Понимай, как кому хочется. Кто в лес, кто по дрова... Словом, больная медицина, больная литература, подытожил свое философское рассуждение добрый старинный приятель Николая Андреяновича.

Не совсем он понял аналогии Андрея Сергеевича, но согласился: разброд, шатания, всеобщая неуверенность в завтрашнем дне тут и там. А в эту зиму — весну — лето и вовсе тревожно на душе: америкосы со своими, ими же поставленными, киевскими холуями так ловко и всесторонне продуманно Россию подставили, что даже в тулуповской глубинке люди, заслышав самолетный гул, останавливаются как вкопанные и, приложив ладошки козырьком ко лбу, смотрят вверх, мысленно определяя: куда аэроплан летит: на запад или восток? Власти же наши демонстративно сугубо внутренними делами занимаются: ужесточают винно-табачные законы, толерантность в народе воспитывают и борьбу с экстремизмом...

Опять же каждый занят своим делом. Писатель уже и не знает: о чем дозволено сочинять?

◆ Послеобеденные догадки и размышления Андрея Сергеевича о грядущих, таинственных ночных событиях в притихшей по поводу полуденного тихого часа палате прервала стремительно вошедшая Гречанка:

— Ваха! Покурил? Планшет зарядил? Давай делом займемся; хватит тебе голых баб на экране рассматривать, так и до онанизма недалеко. Еще с недельку полежишь, встанешь на ноги и будешь днем и ночью своих малюток пользоваться в натуре!

Ваха добродушно рассмеялся, на локтях поудобнее устроился, полусидя на двух подушках, освободил краешек кровати для санитарки, налил ей стакан сока:

— Пэй, настоящий ежевичный. С Кавказа — не из магазина тухлого.

Оба занялись планшетом, причем гаврошистая санитарка что-то списывала с него с толстую тетрадь, бормоча не по-русски. Ваха скользил указательным пальцем по экрану, переводя кадры.

Проходившая по коридору матерая медсестра Люда заглянула в растворенную дверь:

— Галь! Ты бы хоть для порядка в палате пыль смахнула, а?

— Не до того, Людок, не до того. Ваха через день-другой на ноги встанет, выпишут, а кто мне еще с таким планшетом попадетя? А мой ноутбук дома совсем плохо фурычет...

Андрей Сергеевич, только собравшийся вздремнуть в тишине, обвеваемый теплым ветерком из растворенного своего окна, заинтересовался шибко продвинутой в компьютерной грамотности санитаркой, решил пойти покурить, около кровати Вахи остановился ненавязчиво и очень даже поразился увиденному: курчавая четким и разборчивым почерком списывала с планшета... слова и целые фразы на древ-

негреческом языке. Имея инженерное образование, не мог спутать «альфы» и «омеги» ни с чем другим. Опять же прозвище «Гречанка» санитарки уже знал. Как и Гавроша.

Немало подивившись, но воспитанно не отвлекая занятых делом людей, Андрей Сергеевич проследовал к выходу из палаты мимо стоявшей у двери тумбы с телевизором, между которой и стеной располагалась крайняя в шестикроватном ряду постель Максима. Сон и к нему не шел, потому поднялся и проследовал за палатным новичком.

Постовая медсестра Лена, такая же матерая, как и Людмила, полудремала в опустевшем коридоре за своим постом, но все же одобрительно прокомментировала:

— У вас, мужиков, хоть совесть имеется, поочередно дымить ходите, а вот бабы... Сейчас разошлись, а давеча в очередь стояли в свой туалет курить, а вчерашние две цыганки, что мужиками своими побиты, и вовсе без конца шмыг да шмыг туда! О-хо-хо, хоть бы ночью поспать дали...

И она о ночи, опять встревожился Андрей Сергеевич.

В предбаннике туалета они с Максимом закурили. Как ни странно, Максим, мужчина в самом начале пятого десятка лет, завел речь о книгах. Видимо, обратил внимание, что после обеда, прилегли, Андрей Сергеевич раскрыл захваченный из дома томик Стефана Цвейга со знаменитыми очерками о Толстом, Достоевском и Ницше. Давно все собирался почитать, да руки не доходили. А ладно изданная под «карманный формат» книжка, купленная еще в девяностые годы, все манила... Вот и доманила; нет худа без добра.

Сам Максим из потомственной военной семьи, окончил милицейский юридический институт, ныне закрытый, но в те же девяностые годы занимавший

здание бывшего тулуповского обкома. Поработал адвокатом, что-то не пошло, купил «газель» и занялся подрядными перевозками бакалеи из оптовых баз в магазинчики и лавочки. Намедни попал в аварию, сам отделался сотрясением и ушибами, но весь груз побился-рассыпался.

— Понимаешь, Сергеич, хотя и сам вроде как индивидуальный частник, но хозяин магазина никаких форс-мажоров знать не хочет! Плати, мол, двести тысяч за испорченный товар — и все тут! Я бы заплатил, будь моя вина в аварии, но ведь и гаишники в протоколе прямо указали, что в мою «газель» хрен пьяный на внедорожнике врезался. Выпишусь — в судебную тяжбу влезу, но на принцип пойду!

— Н-да, Максим, потратишь ты нервов, хотя принцип — дело святое. Даже если с пройдохами-торгашами связываться.

— Да ну их всех... Хорошо бы страховки хватило на ремонт в знакомом автосервисе. Слушай, Сергеич, у тебя дома библиотека большая?

— За тысячу книг, наверно, будет. А ты увлекаешься?

— Не то чтобы библиоман, но кое-что целенаправленно собираю. Сам я с Дальнего Востока, отец в погранвойсках служил, так подбираю все книги дальневосточных и восточно-сибирских издательств о тамошних военных событиях: от конфликтов на КВЖД двадцатых годов до Победы над Японией. У тебя что-нибудь есть из этого?

— Посмотреть надо. Обменяемся телефонами.

— Конечно, обменяемся. Сейчас мало кому дело есть до книг. Докуривай, пойдем один раритет покажу.

В дверях палаты разминулись с только что обруганным лечащим врачом предоперационным автослесарем Олегом:

— А я вам на смену, пока мой коротконогий в ординаторской торчит.

Максим достал из тумбочки книгу в любительском переплете с машинописным, через копирку, текстом:

— Наши поэты-диссиденты и приравненный к ним Высоцкий. Из конфиската тех лет. Вчера проводывал меня однокашник, сейчас в «Кленовом переулке»^{*} служит, в презент принес.

Андрей Сергеевич прилег. Послеполуденный оконный ветерок приятно освежал. На самую малую громкость работал с утра до вечера невыключаемый телевизор. На фоне легкого похрапывания яростного курильщика Петрова бормотала по-древнегречески ученая санитарка, выписывая с планшета в тетрадь античные тексты. Потянуло в сон. И как пары часов не бывало! Проснулся от голоса раздатчицы: «Больные! На полдник кефир и печенье. Подходи, кто ходит». Соседу Максима бородатому Сереге кефир налила — до краев — в его полулитровую кружку и печенья дала сколько смогла захватить в руку.

♦ К его пробуждению пристенную кровать центрального ряда — «паровозика» уже заняли. На ней сидел парень лет тридцати пяти, всем видом показывая: места очень даже знакомые. Представившись ближнему соседу Андрею Сергеевичу Витьком, подтвердил: да, в третий раз уже здесь. После чего отворил дверцу тумбочки, проделал, нагнувшись, в ней некие манипуляции, что-то в три приема выпил, не разгибаясь, из стакана. Донесся запах разогретого до летней температуры пива. Зажевал бутербродом с колбасой.

— ...Вот, Сергеич, уже в третий раз со своей

---

^{*} Так в Тулуповске народ называет областное фээсбешное управление.

башкой травмированной, сейчас со своим добром на завершающую операцию пришел.

Витек указал на упакованный в полиэтилен ящик, водруженный на тумбочку:

— Здесь всякие прибабасы из ортопедической мастерской, будут мою черепушку конопатить. Да-а, главное сейчас выжить...

Надо полагать, Витек сегодня начал принимать еще дома, поэтому, освежившись еще стаканом пива, разохотился для монолога с интеллигентным соседом:

— Я на вторую операцию с этим вот ящиком еще полтора месяца назад явился. Но — конфуз случился из-за моей доверчивости. Уже к операции подготовили, выбрила меня жена под Котовского, и врач днем подошел, говорит: готовься, мол, на завтрашнее утро. Есть ничего нельзя, пить — можно. И ушел. А я все думаю: что пить-то можно? В тумбочке бутылка водки стояла — приятель принес; выпьешь, Витек, когда все образумится. Думаю, помирать если завтра, то хоть с музыкой. Вот за вечер без закуски — врач ведь запретил строго-настро-го! — всю бутылку и выпил. Врач ведь не уточнял: что конкретно пить можно. Дескать, что не запрещено, то разрешено. Да утром заначенной поллитровкой пивка освежился. Меня и выпихнули тотчас из больнички: иди домой, проспись, подумай хорошенько, а через месяц-другой сызнова к нам...

Затем Витек перешел к своей биографии. После школы работал токарем, даже стал победителем профессионального городского конкурса. Все возмущался, когда цеховое начальство в сговоре с работягами вынудили уволиться: ты, мол, по две нормы в день зашибаешь, приходится эту самую норму для всех остальных увеличивать, народ ропщет... Пришлось наивному стахановцу податься из-за безденежья в конце девяностых подручным к браткам-крышевикам, а те его, как «шестерку», сдали друзь-

якам-ментам для улучшения их отчетности. Пять лет отсидел, вернулся, женился, снова в работяги определился, да в цеховую аварию попал, головой серьезно пострадал. И здесь подставили; заводское начальство оформило травму как внерабочую, только-то и удалось третью группу пенсионную оформить.

— ...Сейчас никакого шума не переношу, в цеху работать не могу. Хорошо, с лагзака обнаружил у себя способности в резьбе по дереву. Тем и живу. Вот сейчас знакомому богатенькому щучью морду для настенного антуража начал вырезать: он рыбак отчаянный, рыбину как-то здоровенную поймал, захотел ее морду в дереве видеть. Заплатить-то он хорошо заплатит, а дальше что? Хорошо, семья сохранилась — жена и мать, но орут на меня: здоровый мужик, а не работаешь, содержать тебя нам, бабам, приходится! Мне же сейчас — главное выжить, пройти через эту «ремонтную» операцию...

На этом рассказ Витька прервала пришедшая его супруга-учительница, внешне отдаленно напоминавшая моложавую цыганку. И Люда-медсестра, вошедшая в палату с пучком градусников, от которых все постояльцы с презрением отказались, воскликнула:

— А-а, Витек к нам пожаловал, и цыганка твоя примчалась! — Обе дружелюбно поздоровались. Уходя, Люда, обернулась:

— Витек! Если к вечеру не нахлобysteаешься, приходи в процедурную, укол снотворный сделаю. Тебе перед операцией следует две-три ночи хорошо выспаться. И ты, цыганка, его особо не балуй, повторного конфуза врачи не потерпят.

Через пару минут, ставя в тумбочку что-то стеклянное, супруга промолвила то же самое: «Ты уж меня не подведи».

Некоторое время Витек разговаривал с женой вполне мирно, но затем вспылал. «Цыганка» обиделась и ушла. Как догадался Андрей Сергеевич, со-

сед остался недоволен качеством, то есть крепостью, принесенной «передачки». Витек же, одолжив у Максима мобильник «на пару коротких звонков», стал названивать друзьям-знакомым, завершая разговор одной и той же фразой: «Надеюсь, пузырек спирта-то прихватишь?»

Соседу же пояснил: он вовсе не алкаш, но очень боится за исход операции. Еще он вынул из тумбочки и показал соседу толстый том житий святых.

◆ Начался предужинный посетительский час. Вслед за «цыганкой» уже к Вахе пришла целая делегация его грузинских родственников от мала до велика. Гречанка ретировалась, недовольная прерванным уроком, достаточно явственно ворчала, для проформы протирая тряпкой подоконник около кровати Андрея Сергеевича:

— ...Заботятся, видишь ли. Пока он после операции лежнем лежал на животе, оправлялся в посудины, так никто не приходил поухаживать. Теперь, когда оклемался, лицемеры эти делегациями утром и вечером наваливаются!

— Что поделаешь, Галь,— вежливо поддержал разговор Андрей Сергеевич,— кавказцы народ семейно-компанейский, всегда поддержат в трудную минуту, заботу проявят... хотя и на публику не прочь повоздействовать.

— Вот-вот, повоздействовать. Теперь вот партия за партией к нему до семи вечера станут ходить, а мне домой пора: собака, кошка и кот без жратвы с утра сидят!

— Так иди, конечно.

— Да хотела вечером сегодняшней урок начисто переписать, но не успела на планшете найти перевод всего-навсего одного слова: тала`сса или та`ласса, не знаю как ударение правильно...

— Таласса, Галь, это по-гречески море.

— Да ну-у! Ты, то есть вы, греческий знаете?

— Да нет, просто когда в девяностых полностью «Улисса» Джойса у нас издали, прочитал этот захваленный всем миром роман. А там таласса постоянно повторяется... чаще даже чем «сопливо-зеленая дублинская бухта». С какой, осмелюсь поинтересоваться, Галя, целью ты на древнегреческий пришла? Правда что ли гречанка по национальности?

— Да нет, из местных, Носковской слободы. Просто зимой этой купила тринадцатитомник Иоанна Златоуста на распродаже закрывающегося книжного магазина в Замостовье. По дешевке. Сейчас пятый том дочитываю...

— На греческом, что ли? — совсем уж изумился Андрей Сергеевич.

— Нет, на русском, но почти на каждой странице ссылка внизу на древнегреческом — и без перевода. Вот и изучаю, чтобы их читать. Смеются надо мною: не поздно ли начала изучать древний язык? А чем поздно, если для нужного дела.

— Вот-вот, Галя, совсем не поздно, тем более что ты девушка еще молодая. Крылов, знаменитый наш писатель, в шестьдесят с гаком лет древнегреческий специально изучил, чтобы басни Эзопа в подлиннике читать!.. и переводить их в своих вариантах на русский язык.

— Ладно, спасибо за талассу. Пошла к своим зверям голодным. С тем и вышла, но через пару минут вернулась, неся в руках подушку:

— Возьмите, Сергеич, а то на одной плохо спится.

Пожинав казенной кашницей «дружба», памятной со времен своих пионерских лагерей, Андрей Сергеевич дополнил ее домашними харчами, с помощью личного кипятильника тайваньского производства сделал чай и, прихлебывая его, продолжил чтение томика Стефана Цвейга. Усмехнулся горьковато, прочитав фразу в конце очерка о Ницше: «...Но ма-

ло того, что никто их не покупает,— даже для экземпляров «от автора» Ницше, поздний Ницше, не находит читателей. Четвертую часть «Заратустры» он печатает на собственный счет всего в сорока экземплярах — и в семидесятимиллионной Германии он находит ровно семь человек, которым он может послать книгу...»

Это прямо как у нынешних писателей, с двумя-тремя из которых, местных тулуповских, Андрей Сергеевич был знаком: трудятся, бедолаги, иссушая свои головы, по вечерам, ночам и выходным, ибо еще надо отстоять трудовень на работе — себя и семью кормить, издадут на кровные сотню экземпляров книжки и точно знают: хорошо хоть по-советски грамотная супруга пролистает ее! Других читателей он не сыщет.

В палате меж тем Витек слегка повздорил с Максимом: хотя и не жадный человек, но надоел ему травмированный выпрашиванием мобильника; никто не нес ему пузырек спирта... Вот и продолжал обзывать.

Меж тем ночь приближалась, пугая Андрея Сергеевича своей неопределенностью — со слов старожил палаты.

◆ Начало ночи в палате ознаменовалось вполне мирными событиями. Ваха впервые, сползши на животе с кровати, встал на своих двоих без опорной каталки, с минуту постоял, слегка качаясь, и даже сделал пару шагов. Все его поздравили, но упростили больше подвигов не совершать — до утра подождать.

И второе: Витек вернулся из процедурной не солоно хлебавши. Медсестра Люда, попросив дыхнуть, укол ему не сделала, ограничившись снотворной таблеткой.

Наконец, все дружно отказали яростному курильщику Петрову, с утра до вечера «стрелявшего» сигареты. «Поимей совесть,— выразил общее мне-

ние Максим,— не сирота ведь, убеди жену, чтобы приносила!.. Ну и что — стерва! Подумаешь, удивил парень девку своим... Ведь не водку просишь у нее». Петров обиделся, перестал общаться со всеми и пошел просить по другим палатам, включая заселенную цыганками. Подавали слабо, а от гадалок-цыганок еле вырвался.

Наконец-то утомленное долгим июльским днем солнце упало за горизонт, из растворенных окон повеяло свежим ночным ветерком. В половине двенадцатого заглянула Люда:

— Все, мужики, мы с Ленкой идем спать. Курить по одному, не компашкой, ходите. И телевизор хоть на ночь выключите!

Хотя по приглушенному телевизору шел вечерний советский фильм, Андрей Сергеевич потерял бдительность *primaе noctis** и заснул. Но часа через два, уже при выключенном телевизоре, проснулся от крика: «Давай, наливай! (далее нецензурно)...» И голос Вахи, по ночам беседовавшего по скайпу своего знаменитого планшета со знакомыми девушками-полночнымицами: «Ну-у, Светик, не стэсняйся, побалууй твоего хорошего мальчика, покажись во всэй красе!»

В свете коридорного ночника из растворенной двери и отблеска экрана Вахиного прибора Андрей Сергеевич рассмотрел: на центральной, «гостевой» кровати лежал мужик с перебинтованной головой и в бессознание сыпал матом, разбавляя его всего двумя цензурными словами: «Давай, наливай!»

Вот оно — началось. Андрей Сергеевич, вообще-то опасавшийся впавших в беспамятство глубоко пьяных людей, да еще контуженных, было забеспокоился. Но здесь вошли Люда с Леной, мастерски привязали новичка медицинскими жгутами руками и

---

* Первая ночь (лат.); из средневековой формулы римского права: *Jus primaе noctis* — право первой ночи...

ногами к спинкам кровати, всадили умиротворяющий укол и ушли досыпать. Контуженный замолчал. Молчала и палата, только Ваха тихо упрашивал картинку с планшета не стесняться...

И вновь Андрей Сергеевич заснул и уже без треволений доспал до общего подъема. Максим с бородатым Сергеем уже щелкали какие-то орешки и смотрели по телевизору утренние сводки с украинского (юго-восточного или юго-западного?) фронта. Освобожденный медсестрой от пут и стащивший с головы повязку ночной гость, явно протрезвевший, интересовался: где он, как сюда попал и, конечно, попросил сигарету. Петрова полка прибыло! После завтрака его, как прописавшегося в палате, переместили на свободную кровать в шестиместном ряду, готовя центральную для следующей ночи, так сказать, *secunda noctis* для Андрея Сергеевича...

♦ Второй день пребывания в отделении прошел для Андрея Сергеевича, что называется, по накатанной: точное повторение предыдущего; с криками и угрозами круглолицего врача на травмированного Олега, не желавшего лежать на животе, но регулярно уходившего в курилку. И Гречанка брала очередной урок у Вахиного планшета. Максим с бородатым Сергеем все щелкали какие-то орешки, которых у бывшего адвоката имелся поместительный мешочек, принесенный женой. Петров лежал молча, ни с кем не разговаривал, но в вечернее посещение его жена и супруга прибывшего в ночи смиростивились и принесли им по пачке самых дешевых сигарет. Олег помирился с навестившей его «цыганкой», что-то выпил, нагнувшись над растворенной тумбочкой, закусывая помидорами и колбасой.

Медсестер Люду и Лену заменили на текущие сутки как две капли воды похожие друг на друга и сменных ими товарок Антонина и Маша.

В связи с этим Андрей Сергеевич, ранее пола-

гавший из давней своей пациентской практики и нынешних сериалов, что все медсестры суть молодые, изящно-стройные блондинки, либо томные шатенки с глазами «с поволокой», что говорит об обольстительно сдерживаемой страсти, сделал вывод: в подразделениях лечебниц костоломно-травматического, хирургического и неврозного характеров и медсестры подстать серьезности заболеваний и специфике континента-электората: среднестаршего возраста, матери в своей коренастости. Но в то же время склонные к ироническому отношению ко всему и всея, с редким для женщин, тем более медичек, чувством конкретного юмора. Такие в беде не оставят, но и сюсюкать не расположены.

...Главным же героем триста шестой «краснознаменной ордена Буратино» палаты, как ее именовал бывший адвокат Максим, этого дня стал Ваха: безо всякой опорной каталки, только внимательно глядя под ноги и не сгибая травмированный низ позвоночника, подстраховываемый абсолютно трезвым с утра Витьком, он сходил в туалет на своих двоих: по большой, малой и никотиновой нуждам.

Во вторую ходку подстраховать Ваху вызвался Андрей Сергеевич. За курением в предбаннике туалета грузинский юноша кратко изложил свою биографию: жил в Грузии, на Украине, сейчас в Тулуповске; знает, соответственно, грузинский, мингрельский, слегка — кахетинский и абхазский, русский и украинский языки. Окончил девять классов, занимался дзюдо в шестой тулуповской спортшколе, шел на КМС*, но перед решающим соревнованием в Кстово загремел вот сюда. Скорее всего, со спортом закончено. «Придется в шахматы податься, — рассмеялся Ваха, — или вплотную заняться спаррингом с девушками!»

---

* Кандидат в мастера спорта.

— Так ведь любовные утехы требуют физических усилий, как бы на твоём позвоночнике не отразилось? По крайней мере, поначалу, после выписки.

— Нэ, Сергеич, Борис Семенович сказал: первые полгода, а лучше и целый год, ни в коем случае не сидеть. Только стоять-ходить и лежать, вытянув ноги. Лучше всего на животе или на боку. А это, как сам, Сергеич, по боевой молодости помнишь, — самые-то позы в спарринге, ха-ха-ха!

Поведал Ваха — по наводящему вопросу — и историю своей травмы:

— У нас здесь в городе, в неперестроенном ещё старом центре, есть трёхэтажный дом. Грузинским окрест зовется. Как бабушка говорит: ещё до революции его построил грузинский купец и заселил земляками. Так и живём: дружно, все праздники любой семьи — всем домом празднуем. А две недели назад отец с Украины по делам приехал да у двоюродной сестры день рождения... Вот, сидя на подоконнике, и выпал с третьего этажа. Обидно, почти трезвый был! Приземлился на ноги и поначалу ничего не почувствовал. Посмеялся с нашими ребятами во дворе, выпили, покурили. Спать лег — все о'кей, а утром проснулся — как гвоздь в поясницу вбили. И меня сюда на «скорой» с сиреной и мигалкой. Врачам, конечно, сказал, что в два часа ночи пошел на крышу антенну телевизионную поправить, поскользнулся...

На обратном пути в палату, заметив единственную в отделении молодую девицу, что, как заметил ранее Андрей Сергеевич, явно скучала, готовясь к выписке и, будучи одетой в шорты, демонстрировала хорошо загорелые ноги, Ваха махнул спутнику рукой: сам, мол, дойду — и вступил в беседу с обольстительницей. Надей ее звали.

◆ К вечеру травмированный Витек серьезно «заложил за галстук» — все же пришел приятель со спиртовым допайком — и заснул без снотворного до

утра. Супруга Андрея Сергеевича принесла, не забыв оделить палатных коллег мужа, свежееиспеченных мясных пирожков, а Максим задумчиво произнес, что сегодня пятничный уикэнд, время корпоративов, с каковых обычно и привозят сюда самых интересных ночных гостей. Да еще Андрей Сергеевич под пирожки с пылу-жару напился чаю так, что спасительный сон вовсе с темнотой на улице не шел. Даже намеков не посылал. Тем более, Максим с Серегой затеяли после полуночи смотреть теледебаты на тему войны Украины с Новороссией. Или с Россией?

Поставив Вахе и Петрову процедурные оздоровительные капельницы, Антонина и Маша ушли поживать в сестринскую комнату, горестно кивнув на слова Максима: «Вы, сестрички, особо не засыпайтесь — пятница сегодня!»

В половине первого Максим, пробормотав «Сталина на вас всех нет!», выключил «ящик» и отправился с Серегой покурить на сон грядущий. Еще через четверть часа в заснувшую палату вошла все в тех же шортах девушка, вернее, бывшая таковой до четырнадцати лет, как затем уяснил из ее разговора с Вахой Андрей Сергеевич, Надя со своим светящимся экраном смартфоном-айфоном, присела на край кровати. Ваха со своим знаменитым планшетом и ночная гостя со своим же гэджиком начали скакать по интернету, перекачивая друг другу картинки из личной жизни.

Поневоле бодрствующий Андрей Сергеевич выслушал много интересного из жизни современной девической молодежи. Невольно порадовался, что дочерей в его потомстве не завелось... Семнадцать только-только исполнилось. Занимается уже год в студии Нелли Мухиной, готовящей для тулуповских частных клубов и приличных ресторанов танцовщиц «на жести», то есть, как понял Андрей Сергеевич, стриптизерш, крутящихся на шестах. С этой самой

«жести» она и грохнулась башкой о пол эстрады: «Катка-сука, у которой я отбила парня, на занятии по гимнастике подмазала мой шест кремом. Ничего, выпишусь через пару дней, я ей...» Здесь громко захрапел Петров, Андрей Сергеевич не расслышал, что она с Каткой сотворит. Ваха рассмеялся: «Не слишком жестоко? А если тебя поймают?»

Еще Надя долго расхваливала себя, не очень-то личиком вышедшую да еще и белобрысую: «...Я очень в городе известная, со мной многие знакомятся по инету и на дискотеках. Жаль, еще год у Нельки дрочиться на жести, но исполнится восемнадцать — на настоящую эстраду выйду, бабки хорошие потекут от клиентов, куплю такой же вот планшет!»

Все же Андрей Сергеевич под рокот голосов ночной парочки слегка задремал, но ненадолго, менее чем на час. Ваха с Надей хихикали, глядя на экран планшета. Иногда «жестяница» восторженно восклицала: «Ого! Даже голова кружится — не от травмы, все уже зажило. Просто представишь себя на ее месте...»

Петров выдал храповицкого аж на четверть часа, после чего Максим крикнул, проснувшись: «Да повернись ты, так твою растак, на бок!» Снова в тишине ночной палаты по стенам и потолку бегали блики Вахиного планшета — и нескончаемый разговор полупшепотом: «...Знаешь, Ваха, я, конечно не из ботаников, а предрассудками с восьмого класса не страдаю, но... как бы сказать, я не против поддержать с тобой Монику с Клинтоном, как наша Нелька попережку с матом говорит, когда злится на нас, — но, понимаешь, сейчас у меня новый парень. Как-то стремно». — «Дур-ра! — не сдержался Ваха, — причем тут парень? Хоть сто парней! Они же не на соседней койке? Ладно, проехали, как хочешь, давай-ка один фильм посмотрим...»

◆ Не успел Ваха со своей целомудренной ночной

подругой прокомментировать забойное начало фильма, как со стороны коридора через настежь растворенную палатную дверь послышался грохот стальных лифтовых ворот и грубый голос мужика — санитаря приемного отделения: «Девки! Тоня, Маша! Принимай постояльца. Сказал Фокич: в триста шестую на центровку!»

Сонные медсестры ввели в палату и уложили на кровать веселого, но чрезмерно пьяного гражданина с традиционной повязкой на голове, стащили с него летнюю куртку и уложили, порекомендовав самому снять ботинки. Минут пять в палате слышались только похихикиванье Нади и одобрителное хмыканье Вахи. Затем, очухавшись, новоприбывший с грохотом свалился с кровати, но с алкоголизированной живостью встал, рассмеялся:

— А где это я? Карина? — мы еще в Италии?

— В больнице ты, — пояснил Ваха, — с пробитой головой. Лежи, дорогой, покойно, мешаешь.

— Как в больнице? А что, уже американцы нас окружили? Да я и сам наполовину американец...

В скудном освещении через растворенную в коридор дверь Андрей Сергеевич наконец-то рассмотрел «центрового»: молодой, достаточно высокий, несколько полноватый мужик. Действительно, мягкая манера говорить и как-то по-импортному закругленный кончик умеренно мясистого носа действительно намекали на облик подгулявшего янки. Если бы не полное отсутствие акцента.

Некоторое время тулуповский янки монологически, ибо сладкая целомудренная парочка перестала обращать на него внимание, остальные спали, либо, как Андрей Сергеевич, притворялись таковыми, выяснял, трудновато решая пробитой головой задачу со многими неизвестными: почему он в больнице и зачем ему «заштопали мозги» да еще в окружении американских и украинских спецназовцев; кому из

соседей по палате он одолжил на время настоящий швейцарский «ролекс», что эта Каринка из Италии к нему на такси не мчится, куда запропастился Юрка, с которым они не успели-таки допить третью бутылку текилы? И так далее. Вошедшей же взглянуть на него сонной Антонине он заявил с прямою свободололюбивого янки: «Мадам! Распорядитесь подать мне сто грамм текилы... только настоящей, не поддельной из Краснодара». На что дородная медсестра спянула, одобрительно взглянула на изучающих компьютерную грамоту Ваху с Надей, промолвила: «Спите, больной, а то я закачу в задницу тебе сто грамм успокаивающего!» И ушла досматривать специальные медицинские сны. Ваха же, на миг оторвавшись от планшета, добродушно добавил: «Спи, отдыхай, дорогой. Жаль я сейчас не в спортивной форме, а то бы дружески успокоил тебя без американо-украинского спецназа...»

Меж тем, окончив вопросительный монолог, до модельный янки о чем-то задумался, вдел, как гусар ментик, правую руку в рукав куртки и неуверенно направился к двери, великодушно сказав: «Кто мой «ролекс» найдет — дар-рю!» И вышел. Через минуту из отдаленного конца коридора послышался дробящийся грохот: это как мешок с капустой упадет у нерадивого хозяина в подпол через люк, разорвется по швам, а кочаны побегут наперегонки по цементированному полу...

По пробуждающейся женской доброте Надя оторвалась от планшета и побежала в сестринскую. Сообщив о падении, вернулась к Вахе.

Уже не Антонина, но Маша, незлобиво бранясь, ввела в палату янки в гусарском ментике и пригвоздила его к постели, заодно пояснила примолкшей палате, адресуясь вроде как к возмутителю больничного режима: «Какой тебе Юрка? Он же тебя, как мне санитар из приемного говорил, со своей на сно-

сях женой и доставил сюда. Забыл, что с ним праздновали пятый месяц беременности Юркиной жены, а ты грохнулся башкой о текильную бутылку, что сам и свалил со стола на пол! Спи и другим выспаться дай, если совесть имеешь...»

Снова десять минут покоя, но затем, обнаружив в кармане мобильник, включил его и начал названивать: «Карина, милая моя, ты где? А-а, в Италии, в Фиуме*. А меня американцы в плен взяли, срочно садись в такси и через полчаса будь здесь. Я пошел в приемную ждать тебя». И снова неуверенно, но уже целеустремленно вышел в коридор. И опять нерадивый хозяин, у которого руки не из того места растут, уронил в подпол мешок с капустой... На этот раз ни Надя, ни медсестры не обеспокоились. Через четверть часа заблудившийся янки ввалился в палату и рухнул на «центровку».

...Теперь Юрке он звонил раза три; после каждого звонка проделывая все тот же поход в коридор в поисках приемного отделения больничного корпуса. С тем же грохотом — и возвращением в палату номер триста шесть.

Уже утренняя заря забрезжила за окнами, Надя ушла к себе отсыпаться. И Ваха задремал, погасив экран планшета, когда герой второй ночи, добро простив всем и всея грехи, еще раз пожелав счастья новому владельцу «ролекса», вышел в коридор в очередной раз. Грохот падений все затихал и затихал по удалении его, уже слабо доносился с лестничных маршей и... навсегда затих. Здесь Андрея Сергеевича сморил вымоленный им у высших сил сон.

Наутро, благо расслабляющая больничная суббота, вся триста шестая спала почти до развозки каши

---

* Город на севере Италии. «Фиуме спьяну взял Д'Аннуцио...» — писал наш пролетарский поэт; Д'Аннуцио — итальянский поэт-футурист, в Первую мировую войну командовал ротой в итальянской армии.

и кофейного напитка из полезного для здоровья ячменя с овсом на завтрак. А Гречанка сообщила последние известия: все-таки ночного постояльца забрал до восхода солнца друг Юра: повез опохмеляться текилой и долечиваться в домашнем покое.

Вослед вошедшая со вновь гордо отвергнутыми градусниками Антонина добавила: «Ушел все-таки, стервец!» На что Максим заметил: «Ну и хорошо, вам же хлопот меньше. Как говорить, баба, извиняюсь, с возу — кобыле легче!» — «Не скажи, нам аккордно платят за вновь поступающих и первично обработанных пациентов, а раз ночью пришел и тогда же ушел, в журнал отделенческий не записан, то получи, фашист, гранату, распишись за пулемет! Как у нас в госпитале, где по молодости работала, говорили...»

Гречанка продолжила: дескать, хозяин фирмы какой-то; что ж у нас даже предприниматели-бизнесмены такие пьяницы! На что Максим резюмировал: «Слава богу, хоть что-то порядочное, человеческое в них осталось!»

♦ Примерно так же прошли в триста шестой палате уикэндовские суббота и воскресенье. В понедельник после завтрака Олега увезли на операцию, а в обход выписали Петрова, героя первой ночи и Андрея Сергеевича. Первые двое, как представители свободных, алкозависимых профессий, скупно попрощавшись, тотчас ушли. Андрей Сергеевич до часу дня ждал больничный лист.

Привезли на каталке прооперированного Олега, уложили в кровать на живот. Через полчаса он отошел от наркоза, наощупь достал из тумбочки сигареты и зажигалку, закурил, стряхивая пепел в услужливо подставленный на пол обок кровати Витьком стакан.

...Дорассказав, Андрей Сергеевич поблагодарил хозяев за гостеприимство, за чай-сахар и убыл домой.

— Смотри, Сергеич, больше через канавы не перепрыгивай, — напутствовал его Николай Андреянович.

— А их сейчас спешно таджики зарывают и плитку докладывают. Ураза-байрам с месяцем рамаданом закончились, наступили трудовые будни, так сказать.

...Так в памяти Николая Андреяновича остались дни и ночи триста шестой палаты — для будущих жизненных ассоциаций. Тоже так сказать.

...Добрый все же наш народ: нищие писатели и ошалевшие от безнаказанности чиновники, чудом сохранившиеся ученые и инженеры, торгаши-предприниматели и измученные «болонским процессом» училки всех родов и полов, героические медики и вмиг ставшие «патриотами» олигархеры, разворовавшие 1/6 часть земной суши, несчастные бомжи и счастливые сержанты «службы услуг правопорядка», пьющие и курящие с их антогонистами. Все добрые — русские, хохлы и таджики на заработках, потомки ветхозаветного народа, не уехавшие на историческую родину, настороженные татары и кавказцы, казаки и чеченские воины на баррикадах восставшего Донбасса, отошедшие от мокрых дел бандиты и губернаторы-взяточники. Все, все, все... но только пока они в России живут. Уехав же на ПМЖ, резко меняются. К худшему. Кроме русского человека, да и того искусственно возрожденный атавизм частнособственничества отчасти портит.

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
Чтобы умел — на научную конференцию марш!*

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ: О ШЕСТИДЕСЯТНИКАХ И ДЕТЕКТИВАХ

◆ История с пребыванием давнего приятеля — Андрея Сергеевича Смышляева в триста шестой палате городской больницы скорой помощи все как-то не выходила из головы, навевала воспоминания о тех давних временах, что они вместе работали в начале их инженерной карьеры. В скоро наступившие длинные осенние вечера, вернувшись из университета, уже попривыкший к своей роли доцента Николай Андреевич ужинал, со смехом просматривал предвыборную дармовую почту, что по пути вынимал в подъезде из ящика, затем брал в руки серьезную книгу — по отечественной истории или из русской классики — и уютно примащивался на диванчике, стараясь не глядеть в сторону телевизора, что трудолюбиво смотрела супруга, переделав домашние дела.

Но, как говорит народная мудрость, от дьявола-искусителя и в чистом поле не отвяжешься. То есть и из телеящика слова в уши втекают, а по утрам, за завтраком, кухонный репродуктор то пургой гневной завывает, то ласково шепчет о пользе пищевых добавок. Про добавки, то есть биологически активные вещества (на основе дешевого витамина «С»), все понятно: нанятые актеры второго разряда имитируют голосами заботливых докторов и болящих старушек-пенсионерок. А как быть с пишущими в газетах, вещающими по радио, красующимися перед телекамерами с актуальными интервью, творческими и депутатскими отчетами, многочасовыми воспоминаниями о своем творческом пути и так далее? Ведь каждый из них, о чем бы ни говорил, обязательно вначале, как по обязанности, лягнет «тоталитарные советские годы». С них подписку что ли берут?

А тут прямо живой и свежий пример. Взял в ру-

ки вечером Николай Андреевич бесплатную ветеранскую местную газету, что вынул из почтового ящика, и решил прочитать заинтересовавшую его статью известного местного же писателя Виталия Жирова по поводу 500-летия городского кремля. С изумлением узнал из статьи наш доцент, что оказывается только в последние годы кремль был приведен в приличный вид. Не верь глазам своим! Ведь Николай Андреевич прекрасно помнил из своей юности, только-только приехав в семье с Севера в Тулоповск: разрушенный веками кремль, почти грудой камней, полностью восстановили и купола башен позолотили именно в 60-е годы. И собор в кремле тоже. Так и стоит по сию пору. Правда, про позолоту писатель Жиров упомянул, хотя и здесь со снисходительной усмешкой в словах...

И во всех этих обязательных «идеологических предисловиях» утверждают: все было плохо в советские годы, все неладно и наперекосяк.

Отложил Николай Андреевич уважаемую им ветеранскую газету (хотя сам еще «молодой» пенсионер), задумался. Да, конечно, много было нелепого, но еще больше хорошего, оптимистичного, полезного человеку. Сейчас вроде как все наоборот, хотя за четверть века уже и попривыкли. Но прежнее всегда приятно вспомнить. Даже это самое нелепое.

С определенными, но весьма существенными оговорками Николай Андреевич признавал, что в золотые советские 60—80-е годы жили скучновато. Если, конечно, под скукой понимать отсутствие нынешних казино («И, как на золотое дно, ныряет сволочь в казино», — это какой-то поэт припечатал), стриптиз-клубов, ночных ресторанов с «комнатами отдыха», бандитских разборок, многомесячных шоу-выборов депутатов разных уровней и так далее. Поэтому народ, особенно молодой, искал развлечения в очевидных нелепостях. И получал отменное удоволь-

ствии от этого. Такая вот интеллектуальная забава процветала.

Тут к месту вспомнился Андрюха Смышляев — дружок Николая Андреевича еще по работе в ЦКБ агрегатостроения, куда он был распределен после окончания института, проработал восемь лет и ушел в НПО «Меткость». Как раз позавчера, гуляя после лекций в городском парке, он и встретил давешнего героя триста шестой палаты, тоже возвращавшегося домой с работы, все из того же ЦКБ агрегатостроения, только теперь с приставкой «ОАО». Поговорили о былом, вспомнили сослуживцев и, конечно, с хохотом, летнюю историю.

...А теперь Николай Андреевич стал вспоминать о своей работе в ЦКБ юным инженером, о проделках Смышляева — первого пересмешника в учреждении, о прежнем начальстве. Благо недавно из областной официальной газеты узнал: некогда бывший основатель и первый начальник ЦКБ, уже четверть века проживающий в Москве, получил очень высокое почетное звание.

Все одно к одному тянуло на приятные воспоминания...

Люди мы смиренные, все люди в стране и особенно мы, шестидесятники. Отшумело в кои-то года интеллигентное поколение эпохи великой гласности и общественного мнения — начала века, отшумело на земских съездах, думских трибунах и сгнуло в Европах, а самые неловкие — на Беломорканале. Несколько позже перемерли голодной смертью, были расстреляны в троцкистско-ежовских подвалах ОГПУ—НКВД, умерли от «сердечной инфекции» (сам в руках держал реабилитационные бумаги со стандартным диагнозом) на Колыме, а позже — в Степлаге, Берлаге и Онеголаге люди, из которых грозился поэт навывдывать наикрепчайших гвоздей. В Великую войну повыбиты крупшовским металлом последние

миллионы отчаянных российских людей. Итак, в кратчайший исторический срок духовные потомки Троцкого уничтожили хотя и робко, столетиями, но впоследствии все быстрее и увереннее накапливавшийся в народе генотип инакомыслия и духовной раскрепощенности. Много, кстати говоря, написано о гонениях на лженауку генетику, и причины указывают: темные, мол, люди у власти стояли, бездарям покровительствовали в науке. Но так ли просто? Мне кажется, что темнота эта отлично сочеталась у них с черноземной хитростью, понимали про себя: из грязи в князи выкарабкались, не имея за собой поколений генной эволюции, становления и закрепления интеллекта. Это уязвляло нуворишей власти, которые посему и поспешили объявить о первозданном, природном многоумии, запретили генетику... Но это к слову. Так вот, выжили люди смиренные, все мы с вами ведем род от них. В конце пятидесятых годов народу позволили перевести дух; следующие шестидесятые прошли в эйфории выздоравливающего больного. Что было дальше — вы знаете. Вот тогда-то, прямо к полету Гагарина, к семилетке и провозглашению с высоченных трибун пришествия коммунизма на памяти ныне живущего поколения, нынешние шестидесятники учились в золотых, по школьным понятиям, классах: от шестого до девятого; десятый и одиннадцатый, недавно введенный, не в счет. Почему? Только по наблюдениям, это были люди еще предшествующей эпохи. Какие-то год-два, но отделяли их от нас. Понятно, что в школе это не было видно, но впоследствии, сталкиваясь постоянно с ними в жизни, убеждался: это не шестидесятники. Такой вот парадокс. И что за незримая грань? Ума не приложу. Это как до и после встречи с милиционером: все к тебе товарищ да товарищ, а вот он, сокол в красной фуражечке, подошел, откозырял и — «пройдемте, г р а ж д а н и н!».

Веселое поколение росло, впервые в новейшей истории страны не голодало, впервые — и опять-таки единственный, увы, более не повторившийся случай за всю историю! — почти исчезли очереди. А раз не голодало, то умное росло, видное собою, добротой оттаявшее, не приучаемое копейку с копейкой складывать. Когда школы мы позаканчивали, в институты пошли, то еще веселее жить стали, потому что юность влюбчивая накатила, а девушки-шестидесятницы под стать выросли: красивые, добрые, ласковые, денег сами не брали и не требовали, а главное — Никитушко, хоть в опале к тому времени уже был, но сумел-таки нас за школьной партией увлечь своим безоглядным оптимизмом, верой во всемогущество научно-технического прогресса. Тогда физики словесно победили лириков, а мы всей братией, гордо миновав КПП военных училищ, плюнув на вывески юридических и разных торгово-экономических вузов, пошли учиться на инженеров, хотя даже в провинции в технических институтах свирепствовал конкурс. Счастливым было время, как прекрасно и волнующе в теплую сухую осень пахло в городе дымком сжигаемых листьев! В киношках шли хотя отобранные, но все же настоящие итальянские и французские фильмы, а наши девушка, прилежные ученицы-медалистки, чуть робея от непривычности перенятых с экранов манер, в темноте парковых аллей расстегивали кофточки и позволяли нам, страшно волнуясь, целовать их маленькие груди...

Быстро все закончилось. Застой крепчал. Мигом, по приказу перестали печатать в толстых журналах ужасающие повести и романы о пытках в плавучих тюрьмах по пути на Магадан, расстрелах тысячных толп заключенных... ну, это вы сейчас все вновь читаете. А тогда послушно замолкли, один только чудак засопровтивлялся, непонятливый человек... Но иные хитрецы вроде как на рожон полезли, в дурдо-

мах побывали, а оттуда — прямо за бугор. Это опять к слову. Слова-то словами, но за считанные годы все произошло навроде недавно слышанной мною оговорки диктора центрального радио: «Вы слушали скрипичные сонаты советских композиторов, а теперь послушаем музыку...» Мы вышли из вузов в жизнь, в которой более не было свежести, оптимизма и научно-технического прогресса. Как память о них остались с нами навеки наши добрые, сейчас чуть смешные жены — бывшие подруги с трепетными маленькими грудями, а в пыльных чуланах «хрущевок» — учебники обществоведения и конспекты по сопромату. Вот тогда-то стал складываться психологический тип, а заодно и социальный, шестидесятника: слабо приспособленного к реальной жизни, в которой к тому времени командно-распределительные, торгово-культурные посты заняли предшествующие и последующие за нами поколения. Сверхмеры инфантильные, по привычке юности верующие в науку и не верящие, что «от трудов праведных не наживешь палат каменных», любящие потолстевших жен, потому попавшие им под каблук, анекдотисты, уважающие праздничные застолья с друзьями, по семейному, очень увлекающиеся холостяцкими пирושками, посиделками в тогда очень доступных ресторанах, беседами с народом в пивных (еще не «барах» с обязательной дорогостоящей закуской). Душевную надломленность шестидесятники по молодости топили в интеллигентном винопитии, легком адюльтере с незамужними шестидесятницами, слушании «Голоса Америки» и «Дойче Вилле», чтении привозимых из Ленинграда ксероксов с «Архипелагом ГУЛАГ»ом», Вивеканандой и «Разворванной республикой» (это об Азербайджане). После тридцати занялись детьми, построили дачи, но деловыми людьми так и не стали: не получили закалки в те десять освежающих лет. Жили, как и раньше, на голую

зарплату, в торговлю пирожками не шли, защищали диссертации, создали самый большой в мире фонд изобретений, что не внедрялись в бюрократизованную промышленность, крепили оборону страны за кульманами и паяльниками отделов, лабораторий, копали в обезлюдевших колхозах картошку, сахарную свеклу. Самогона не гнали тогда. Вот такое выросло поколение, в чем-то сродни шестидесятникам XIX-го века. Еще раз подчеркну: наиболее массовая группа шестидесятников осела в НИИ, КБ, а тамошние условия в наибольшей степени препятствовали их перерождению в торговцев пирожками, хронических пьяниц, проституток, милицейско-руководящий аппарат управления жизнью общества. Именно в этой многолюдной, своеобразной среде сложился свой стиль жизни, свой фольклор, философия мировоззрения. Эпоха преобладания в жизни шестидесятников — годы семидесятые, по-своему тоже веселые, анекдотичные, слуховые; слухи заменили прессу и телевидение, а любимым чтением стали детективы. В инженерной среде высший тип детектива — психологический (народ попроще баловался милицейскими комиксами и «Семнадцатью мгновениями весны»), что не удивительно: сама наша жизнь стала все более напоминать сложный, изломанный по сюжетной линии детектив, в котором развязка все приближается, приближается, но не наступает, захватывает все больший круг персонажей, всю страну и... все летит в тартарары без логически осязаемого смысла. Вот, кстати, о детективах.

◆ Было время — учреждения располагались в невысоких, по преимуществу двух-трехэтажных домах добротной, в полсажени у основания, кирпичной кладки. Окна задумывались невеликими, в толстых стенах они смотрелись изнутри покоев бойницами. Просторные подоконники заставлялись кадками с японскими деревьями, в заведениях второго разряда

закладывались стопками пыльных дел, тесня горшочки с геранями и чахлыми фиалками. Здания со всех сторон огораживались решетчатыми чугунными оградками, в промежутках между ними росли столетние, выше крыш вязы и тополя. Такое устройство в совокупности с духовым отоплением — высшим достижением калориферной мысли — создавало учреждению приятный, ровный климат во все времена года и даже исправляло крайние выпадки природы в России: в тридцатипятиградусную жару, безводную засушливую духоту и пыль толстые стены, невысокие этажи, томные вязы доставляли служащим райскую тенистую прохладу, а в лютый, французов сгубивший мороз те же стены, сугробы застрявшего между тополями и оградой слежавшегося снега, самовар сторожа под лестницей, а более всего отменные калориферы приятно покоили теплом и уютом чиновников в добротных суконных вицмундирах: от писцов 14-го класса и выше, вплоть до действительных статских, тайных...

Так было, а может, сказывается обычный ностальгический скепсис памяти предков? Своего рода ретроспективный оптимизм: дескать, раньше и вода была мокрее! Но уж очень многое говорит за реальную основу зависти быту старинных служащих: во-первых, схоронились от Кагановичей и Татлиных эти самые уютные, климатически выдержанные здания, в них сейчас по преимуществу районные нарсуды и прокуратуры розыск и правож ведут. Кроме того, достаточно сравнить численный состав новых учреждений со старыми; последних имелось 4—5 на губернский город, невеликое число служащих в них упражнялось, не было массовости, а именно переход от индивидуальности к избранности, от нее к массовости есть онтологическая первопричина стандартизации, то есть упрощения условия быта и самого существования.

В наше с вами, — как любит говаривать парторг КБ, где я тружусь, — время, когда число служащих в стране почти сравнялось с числом работающих (я использую устоявшееся определение слова «работающий» в смысле кующий, вертящий, строгающий, воруя... нет, это из другой прослойки), об избранности, не помяная даже об индивидуальности, смешно речь вести. Более того, начальники над служащими, по-старинному избранные из избранных, и, сверх того, начальники над начальниками, то есть прежние индивидуальности, и те служат в условиях всего лишь условного, делового комфорта, отличаясь от простых исполнителей только уединенным расположением и тамбурированным входом. А могло ли быть иначе? — как пишут сегодня в газетных статьях с критикой сталинизма. Увы, это закономерная, диалектическая, хотя и жестокая необходимость. Так учит нас наша передовая философская мысль. Ведь, если бы не была приостановлена тенденция строительства учреждений-особняков, то... страшно помыслить. При нынешнем, вызванном безостановочным научно-техническим прогрессом росте числа учреждений и служащих в них, вся европейская часть страны, включая Поморье, Валдайскую возвышенность, Таврию и Северный Кавказ, покрылась бы сплошной сетью, плетеной из узорных чугунных оград, а в каждой ячейке, посреди вязов и тополей (елей на севере, кизиловых и тутовых деревьев на юге) — учреждение со стабильным климатом... Не осталось бы места для железных дорог, по которым высшие служащие командировались в Центр за инструкциями, гребных физкультурных каналов и каналов малосудоходных, а также площадок для размещения производственных мощностей, необходимых хотя бы для оправдания существования самих учреждений, призванных идейно и административно руководить этими мощностями.

Такой путь, конечно, всерьез не принимался даже в эпоху волюнтаризма. Выход нашли в социально-экономической жертвенности: поступились удобствами быта служащих. Жертвование протянулось на несколько десятилетий и проводилось в три этапа. Поначалу, когда финансовые и технические возможности резко отставали от динамики роста учреждений, выход искали в переуплотнении населения зданий прежних управ, судов, банков и пр. Это совпало по времени с общегосударственным жилищным кризисом. На следующем этапе, когда финансово-технические возможности еще не сбалансировались с ростом числа служащих, ввели ночные смены для руководящих товарищей и граждан (грань между этими категориями стала очень неустойчивой), размещали учреждения в случайных, совсем иного функционального назначения помещениях, расширили ареал географического расположения — децентрализация, — в частности, освоили огромные сибирские просторы. Частично ситуацию подправляло робко начавшееся строительство в масштабах народного хозяйства.

Но только третий, решающий, этап разрешил проблему: наконец-то нашли разумный, также диалектически сбалансированный компромисс между возросшими финансовыми и строительными возможностями государства, с одной стороны, резко прогрессирующей численностью учреждений и служащих, с другой, минимумом жизненных удобств служащих, с третьей. За техническую основу взяли принципы нового конструктивизма (не татлинского!) школы Ле Корбюзье, за финансовую — технологичность и дешевизну поточно-панельного домостроительства. Так появились многоэтажные учреждения из стекла и бетона, в которых разместились многочисленные учреждения со всем своим основным, техническим и вспомогательным персоналом.

Бетон — незаменимый материал для строитель-

ства посадочных полос аэродромов, заводских корпусов с тяжелым кузнечно-прессовым оборудованием, бомбоубежищ и оборонительных сооружений для долговременного сопротивления ракетно-артиллерийскому обстрелу. Перспективны почему-то отвергнутые идеи 20-х годов о строительстве океанских тяжелогрузов с литыми бетонными корпусами. Менее удобен, но еще терпим бетон при сооружении жилых зданий, терпим, учитывая, что владельцы квартир сами заделывают дыры, щели и другие огрехи спешно-поточного строительства. Кроме того, дареному коню в зубы не смотрят, на безрыбье и рак рыба. А что касемо сохранения тепла зимой, то отчасти здесь помогает центральное водяное отопление, небольшая кубатура комнат с легким перенаселением. Летом можно бороться с раскаленной духотой: открывать балконную дверь, проводить жаркое дневное время на работе, на даче, в пивной...

◆ Но вот в учреждениях бетон враг номер один, а вреден своими коварными свойствами: идеальная теплопроводность, когда зимой в бетонном здании холоднее уличного, летом жарче пляжного. Всему этому хорошо помогают огромные витринные окна, занимающие до 75 процентов от площади наружных стен помещений, а где окна, там щели, незатворяющиеся до упора рамы, фрамуги, отлетевшая замазка. «Огромная кубатура помещений — идеальный полигон для разгула температурных стихий», — так монотонно, в ритм ходьбе докладывал сам себе мой приятель, коллега и бывший — по институту — знакомец Андрей Смышляев с необязательным по его малой должности — инженер-конструктор третьей категории — и относительной молодости отчеством Сергеевич, идучи утром на работу. Обличительную, хулительную филиппику против бетона ему подсказала сама жизнь, а именно: установившаяся с неделю тому назад знойная июльская погода. Несчастней

он, бедный, не сумел отвертеться от восьмичасового сидения в конторе в такую жаркую непогоду! Более умные, сообразительные его коллеги устроились на это время кто как смог: кто отпуск подгадал к самой ненавистной для служащего в бетонном здании поре, кто-то сумел обосновать и внушить начальнику своего отдела необходимость в срочной, долговременной казенной поездке в прохладные места: в Ригу по снабжению, в Ленинград по обмену опытом, на худой конец, в Вологду к смежникам — там сейчас циклонит. Народ посерее, поплоче догадливостью загорал в колхозе на сенокосе или на поздней прополке. По аналитическим подсчетам Смышляева — дал Бог в насмешку антагонистической его натуре типичного шестидесятника фамилию! — еще процентов до тридцати сотрудников КБ, не попавших в число отпускников, командированных и сенокосных, таинственно исчезли на жаркое время из учреждения без всякого видимого обоснования причин отсутствия. Как только люди умудряются? Много в природе нерешенных загадок, но именно эта, судя по всему, — постулат, нечто необъяснимое, априорное сущности конторского бытия.

Предоставленный самому себе, Смышляев уподобился утопающему, спасение которого дело его рук. В подобных ситуациях человек мужает, развивает свой инстинкт выживаемости, плавучести тож. Точно так же бросают малых ребят в воду: учись плавать по жизни, малыш! Не хочешь тонуть — плыви, работай ручонками, сучи ножонками. Хотя прошли те времена, когда жизнь учила Андрея выживанию в стенах учреждения, бросая в разнотекущие конторские воды, но июльскую жару в бетонной коробке он всегда ожидал с ужасом, отчаянием, сердечным биением: был по рождению и начальному вырастанию сибиряком, не мог подавить в себе атавизм прохлады и простора. Но коли судьба из-за

некоторой, тоже от сибирской температуры, раздолжности строптивного характера и воследовавшей от этого некоторой же холодности к нему начальников — непосредственных и посредственных — не смогла избавить от каторги июльского присутствия в конторе, то ему самому приходится искать противоядие. Хотя и частичное, но оно было найдено: с наступлением невыносимо душных дней Андрей ежегодно отказывался от услуг троллейбуса, а на работу ходил пешком.

И не только по причине жары. Как-то случайно проснувшись слишком рано, еще не будучи морганатически женатым на Галочке, проживая без забот и печалей, не желая выслушивать нудные материнские нотации по поводу перерасхода вчерашнего аванса без убедительных мотивов (потратил он четвертной билет, купив у подозрительного ханьги из носковской пивной, впрочем, ханьги себе на уме, по дешевой до смеха цене роскошно переплетенную книгу Вейнингера «Пол и характер:»), Андрей выскочил из дома за полтора часа до работы. Стоял тогда пусть не душный июль, но весьма жаркий август — первый месяц его работы после института. Все же сообразив, что в его ничтожном чине появляться на службе за час до звонка — дерзкий вызов и намек, он впервые, не опаздывая, не толкаясь в переполненном непохмеленными работягами троллейбусе, дивным летним утром, не спеша, интересуясь во встречных киосках сигаретами, газетками, пристойными его возрасту и увлечениям журналами, а также встречными, розовыми со сна девушками, прошелся по вымытым, свежим с ночи городским улицам и заявился в контору вовремя с чудесным прогулочным настроением, которое цепко держалось весь день. А кроме настроения, что само по себе немаловажно, пришло ему в голову на той утренней прогулке несколько афористических мыслей о начальниках, сuti

начальничества, которые помогли хладнокровнее, спокойнее выполнять в течение дня наиболее необъяснимые, вроде как нелепые установления правил внутреннего дисциплинарного распорядка.

С того дня, хотя появилась в его жизни Галочка, а впереди ожидалось прибавление семейства, а с ними масса житейских, политико-бытовых, морально-этических хлопот, когда только можно было, Андрей добирался до своего учреждения пешком. Афоризмы, которых со временем набралось на целую общую тетрадь большого формата, обычно сопутствовали безмятежному состоянию души, а сумеркам ее более отвечали гневные эссе-обличения, также заносимые по приходу в КБ в большеформатную тетрадь, за ознакомление с которой дорого бы заплатили иные руководители, особенно его непосредственный начальник Михаил Иванович Дорофеев, человек любознательный.

...Сегодняшнее предчувствие тропического сидения в стеклобетонном гробу, да к тому же в предельно (в который только раз?) обострившейся, неугасаемой, чисто органического происхождения борьбе между ним и администрацией что-то грозило взрывом. Все это склоняло размышления именно к пространным обличениям.

Развитие монолога о злобности бетона прервало видение: на противоположной стороне улицы им. Пфаффенбляхера мелькнул и энергично спрятался в автобусе двадцать восьмого маршрута Чурбаков, мелкий начальник из соседнего отдела. Шахматист, он спешил к получасовой разминке перед работой. Мысли Смышляева потекли по иному руслу. В чем суть его развившегося конфликта с начальством? Вопрос был древний, оскомину набивший, но навязчиво — своего рода мазохизм — всплывавший в голове всякий раз, как случалась очередная неприятность. А вывод, давно сформулированный, гласил:

все дело в неверном о нем, Смышляеве, мнении, сложившемся у начальников. Давно открыл он парадокс, чем гордился, и полагал себя первопроходцем мысли, парадокс о ложной убедительности народной мудрости: чем дольше знаешь человека, тем больше его узнаешь, выраженный в крылатой фольклорной форме («пуд соли нужно съесть, чтобы человека узнать»). В давние времена мысль эта верно отображала сущность дела, во времена оформления народной мудрости. Но тогда-то люди жили в деревнях, откуда истоки фольклора, когда человек был на виду со всех сторон, в избе, в работе, в гульбе, в отношениях с родственниками, соседями, просто односельчанами и чужаками. Деревенский ум, скучая по событиям в своем замкнутом мирке, все свое неуемное любопытство и острое внимание крестьянина сосредотачивал на личности каждого в отдельности. Ни одна мелочь характера и поведения за время долгой, сконцентрированной деревенской жизни не ускользала от оценивающего, изучающего соглядатайства. Так было.

«Но теперь?» — Сколько бы ты ни служил в КБ, толку в смысле истинного узнавания не было никакого. Более того, здесь характерным является нечто противоположное: метод цепной реакции в составлении и закреплении ложного представления о человеке. В силу самой природы власти начальствующему свойственно замечать в подчиняющемся ему лишь негативное; положительное же крепко в голове не оседает, попросту не регистрируется, ибо оно-то и считается нормой поведения идеального служащего, исполнителя. Наблюдая лишь внешнюю сторону человеческой природы, запоминая промашки, замечая озлобление, уделяя каждому конкретному подчиненному лишь по нескольку минут в день, начальник никогда не проникнет в душу подчиненного, а лишь с течением времени укрепит неверное свое о нем мнение...» На самой горячительной фразе Анд-

рей подошел к проходным и вступил в иную климатическую зону; даже сейчас, прохладным ранним утром, в вестибюле повисла душная сырость, оставшаяся с вечера, сконцентрировавшаяся за ночь влага дыханий тысяч ртов. Бетонные стены сочились осязаемой мокротой. В коридорах мерзло застарелым запахом потных ног. Рабочий день начинался с неприятностей для обоняния.

Уже входя в отдел и слегка позвякивая тяжелой поклажей матерчатой сумки-нищенки, он вспомнил, что сегодня Галочка нашла для него второе противоядие против зловонного, жаркого июльского дня в конторе.

◆ Начальнику всегда кажется, что он знает и видит своего подчиненного насквозь. Михаил Иванович Дорофеев, начальник небольшого конструкторско-тематического отдела, находился на взлете невеликой личной карьеры, вполне гармонизировавшей по размаху с его средним, но ближе к пенсии возрастом, элементарными административными способностями и пониманием своего места под солнцем, то бишь в структуре КБ. Человек он был, объективно говоря, хороший, даже начальствование не смогло его испортить. О многом говорит тот нашумевший в КБ факт, что, будучи любителем покопаться на даче и страстно мечтавая приобрести автомобиль для удобства поездок за город, он, еще на прежней работе, отказался от трудового, заслуженного места в списке утверждаемых на Государственную премию в пользу лавролюбивого начальника его отделения Гриневицкого с тем, чтобы ему вне отделенческой очереди разрешили покупку «Запорожца». Именно таким людям свойственно, как ни странно, приписывать себе сверхпроницательность.

В обычном течении жизни учреждения, весьма спокойном, общечеловеческие качества начальников средней руки и рядовых инженеров стремятся к уми-

ротворяющему тождеству, никто никого не дергает, а начальник такой же, в общем, человек, как Курбаченко, Давыдова, Смышляев... или вот молодой же специалист Мирошников. Но статика взаимоотношений ведет к застою администрирования, почти к панибратству. Это прекрасно понимает высшее руководство, время от времени дергает Дорофеева и людей его сословия. Те в свою очередь вынуждены дергать Курбаченковых, Давыдовых, Смышляевых. Радости Дорофеевым от этого никакой, но помимо воли появляются азарт, озлобление. Вот, допустим, умный парень Смышляев, соответствует своей фамилии. Понимает, что он, Дорофеев, такая же пешка в руках начальника отделения Кладунова; и если этот умный парень имеет зуб на Дорофеева, то только по чисто физиологической, оборонительной причине — известно, человеку более неприятен дающий зуботычину исполнитель, палач, нежели истинный виновник, инициатор и приказчик — в смысле отдающий приказы о наказании. А вот великолепная Давыдова — грудастая, в теле, с этакой тяжелой, ошеломляющей матерых мужиков ладностью и красотой, но слишком разборчивая... или глуповатый спортсмен Мирошников — те-то, не удосуживаясь подумать, полагают именно Дорофеева изощренным истязателем, неутомимым в пытках даже в июльскую жару. Хотя, конечно, надо быть построже с ними со всеми. Без придирок, но — строго! Распустить коллектив раз плюнуть. Бдительность и внимание, но не понимание, где взять время? План, колхоз, отпуска, командировки — все это способно замотать и более дюжего человека. А сверху требуют, настаивают, порой грозят.

Тревожнее стало работать после передачи его отдела из ведома Гриневицкого в отделение Кладунова, известного в КБ полным отсутствием юмора, тощей высокостью роста, прямолинейной убежденно-

стью в твоей всегдашней правоте. По прошествии времени всей конторе помнилось его предложение, высказанное на партактиве КБ: для предотвращения утечки информации, упорядочения хранения технической и иной документации, а также в целях укрепления трудовой дисциплины ежевечерне, по окончании рабочего дня авторитетной комиссией проверять столы сотрудников. Именно после этого события по рукам долго ходила карикатура, явно вышедшая из сектора дизайна: стилизованный Кладунов, высокий, тощий, в раздутых старшинских голубых галифе, в сапогах и мундире неведомой армии, в франкистской пилотке с кисточкой, с засученными рукавами френча, идет мимо вывернутых наизнанку из столов подчиненных ящиков и ворошит плеткой-семихвосткой их содержимое: бумаги, объедки яблок, пустые флаконы из-под духов, принесенные на перепродажу интимные принадлежности дамского туалета, дефицитные импортные презервативы с «усами»...

Человек по своей конституции сухой, поджарый, он резко диссонировал с остальной массой служащих — начальников и подчиненных — безмерно страдавших от духоты и зноя. Более того, именно в июльские преисподние дни у Кладунова наблюдались спонтанные взрывы активности. Кроме выгодных физиологических особенностей, здесь немалую роль играло его коварство — в томящую погоду жаркого месяца, когда служащие теряли остатки бдительности, предполагая такой же порок в начальстве, легче было выявить, застать врасплох, подловить на нарушении, на неисполнении.

«Дурная голова ногам покоя не дает», — подумал нечто вроде этого, только (даже в мыслях!) облачив в более почтительную форму, Дорофеев, выходя из кабинета начальника после получения очередной инструкции. Была она малоприятной и касалась Смышляева. Кладунов, ведя индивидуальные мысленные

досье на всех более или менее приметных сотрудников своего отделения, в последнее время вплотную обратился к личности обладателя скромной должности инженера-конструктора и вот теперь сообщил его непосредственному начальнику некоторые свои наблюдения, а именно: раза три в течение нынешнего лета, гуляя по городу с женой или с сыном-восьмиклассником, он вроде бы видел подчиненного Дорофееву инженера в пивных очередях. На последнем — к майским торжествам — учрежденческом вечере Смышляев довольно изрядно выпил в буфете с Мишиным и Пирожниковым, а на торжественной части громко разговаривал и смеялся в задних рядах. На воследовавшей затем демонстрации он опять был навеселе, вычитал с несомого Мирошниковым и Курбаченко транспаранта с гербом, кажется, Казахской ССР пролетарский девиз и беспрестанно бубнил: «*Барлык елдирдин, пролетарлары биригиндер!*» И что переполнило чашу терпения — не далее как вчера он встретил Смышляева в коридоре вполубоимнику с молодой сотрудницей от Розалины Тимофеевны с очень красным, потным лицом, причем от него вроде бы исходил легкий запах спирта или водки.

— Я знаю, как выглядят сибиряки в жару! — досадливо перебил Кладунов Дорофеева, пытавшегося сказать о климатической аллергии своего подчиненного, — сам родился в Магадане, после жил в Алмалыке, где летом градусник ниже сорока в тени не показывает. — Дорофеев знал, что ныне покойный отец его начальника в конце тридцатых служил в охране Берлага, а после войны с повышением был переведен начальником в лагерь под Ташкентом. — И вообще, ходят слухи, что за кульманом Смышляева, он ведь отгораживает глухой угол комнаты, за его столом часто собираются в обеденный перерыв записные, общеизвестные выпивохи: художник Пирожников из оформительского сектора и инженер

Мишин из двенадцатого отдела. Звенят стаканами, как видно, пьют принесенный из лабораторий спирт, закусьвают. Откуда данные? Вам, Михаил Иванович, лучше знать, народ не совсем слепой и глухой рядом со Смышляевым сидит, видит и слышит. Пора положить этому конец. Самого парня до добра не доведет и тень на отделение бросит. Поэтому следует поймать за руку и примерно — другим наука! — наказать.

Такова в общих чертах была инструкция, полученная Дорофеевым от начальника. Он раньше сам отмечал, что Смышляев хотя и неназойливо, но дает повод думать о нем, как о «нелюбителе» выпить. И верно, встречали его в пивных очередях, на учрежденческих вечерах не избегал буфета, в предпраздничные дни ходил по этажам под легким хмелем, но все более или менее в общепринятых рамках. Водил компанию с Пирожниковым и Мишиным, имевшими несколько подмоченные репутации. Из угла, где, отгороженный большим немецким кульманом, сидел Смышляев, часто доносились в обед тройственные — хозяин низким, Пирожников высоким голосом, а Мишин, участник самодеятельности, темперированным баритоном — разговоры, смешки, после которых от выходящей курить тройцы чуткий нос вроде как улавливал то спиртовую резкость, а то и хлебный запах ординарного портвейна. Известно было, что Пирожников, как человек общепользительный, художник, пользуется расположением во всех подразделениях КБ, особенно в лабораториях, где ему под заказы на торжественные адреса свободно отпускают спирт.

Вроде бы все за год наблюдаемое говорило к очернительству Смышляева. Молодой, неопытный начальник давно бы затретировал, призвал к ответственности и... кроме неприятностей для себя со стороны высшего начальства, полной потери авторитета

у подчиненных, ничего бы не имел. Но Дорофеев-то был руководителем со стажем, четко анализировал и сопоставлял доводы, из которых следовало: против Смышляева ничего не предпринимать. Доводов насчитывалось три. Как специалист, Смышляев в отделе труднозаменяем. Невысокая его должность, сравнительно малый стаж работы не соответствовали полезным в нем качествами, но вот его ершистость? Парень обидчивый, что-либо предпринять против него — беседы «по душам», запугивания — нерентабельно. Никаких льгот тот от конторы не имел, не ожидал, так что угрожать было нечем. Во-вторых, собственно, все домыслы о нарушении дисциплины за малое время работы в КБ никакого официального, документального подтверждения не имели; никто его не водил с работы на экспертизу, не делалось устных или письменных выговоров за пьянство на работе. Даже со стаканом в руках и подготовленной к тому закуской никто из начальников не заставлял, хотя часто видели суетящихся Мишина с Пирожниковым, пробирающихся из своих отделов с оттопыренными карманами, закусочными свертками, слышали легкий перезвон посуды в углу. Наконец, все трое часто уходило на обед в город, задерживаясь на час-другой, но опять, как-то сглаженно все это было, с правдоподобными поводами, не вызывающе... И наконец, по наблюдениям Дорофеева, сам Смышляев, работая в молодом КБ, уже славящемся на весь город скандальностью, открыл превентивный способ борьбы за спокойное существование, а именно, систему мер-противоядий. В данной ситуации противоядие состояло в умелом использовании аннигиляционных разговоров. Аннигиляция есть термин астрофизический, означает уничтожение вещества при столкновении с антивеществом. В человеческом обществе аннигиляция была известна задолго до физического обоснования существования античастиц, осо-

бенно — аннигиляция слухов или встречно-предупреждающая пропаганда. Еще Макиавелли и Гвиччардини («*Ricordi*») отмечали это чудодейственное средство сокрытия истины, но принято виртуозом аннигиляции считать рейхсминистра пропаганды доктора Геббельса, хотя в последние десятилетия эта наука столь развилась, стала такой массовой, общепотребительной, что и доктор выглядит на таком фоне любителем.

Смышляев, как только почувствовал завитавшие слухи, приступил к испусканию мощных аннигилирующих струй: за краткое время вызывающе создал себе — на словах — репутацию не просыхающего пьяницы. Поскольку это сильно гипертрофировало реальное скромное увлечение, несостыковывалось с его трудолюбием, аккуратностью в работе, свежим внешним видом, то он достиг желаемого: народ воспринял это как сорт юмора, на фоне которого всякие слухи потеряли доверительную ценность. Созданием аннигиляционной зоны Смышляев полностью обезопасил себя от посягательств, что вполне удовлетворило Дорофеева, но вот некстати вышла инструкция от Кладунова... Опять думать, выискивать, наказывать. Дорофеев осторожно вздохнул и принялся за дело.

◆ Дорофеев, равно как и переключивший одним своим появлением на противоположной стороне чудной улицы течение мыслей Смышляева начальник 203-го сектора Чурбаков, был шахматным любителем. Надо отметить, что в наших учреждениях утром, в обед и после звонка в шахматы играют в основном начальники. Это не значит, что рядовые инженеры сплошь дубиноголовые, просто индусская забава нужна начальникам профессионально. Они в этой хитроумной игре оттачивают, как кошка коготки перед мышинной ловлей, свое административное ремесло: двигать людьми по ведомым только им, вер-

шителям, законам выдвиганий, перемещений, боковых ходов. Видимость деятельности у фигур на доске имеется, но к цели идет через их моральную отставку и гибель только он, начальник.

Отгремела получасовая утренняя битва. Со звонком шахматисты-пятиминутники разошлись. Дорофеев, неприятно взволнованный «высадкой» в первой же партии блица (зевнул обоих слонов!), как хранитель всей шахматной снасти, сгреб фигуры в ящик стола; доска, нарисованная цветной тушью на ватмане Пирожниковым за стакан спирта, собранного любителями, была стационарно прижата столешным листом оргстекла. Затем он переложил шахматные часы на шкаф, сел за стол, залистал папку с перепиской со смежниками по изделию. Со звонком в отдел подтягивался последний народ, было его мало по летнему времени. В комнате начинался новый рабочий день. Служащие, как воробушки, а правильнее сказать, как коты на заборе, поудобнее угнездывались за своими столами. Наступал час первой стражи: тихий, сонный час вхождения в ритм дня. Пролетит в дреме этот час, и тихие воробушки загалдят грачиной стаей, загомонят. Только обед слегка их успокоит. Михаил Иванович по-отцовски добро смотрел на подчиненных, любясь их умиротворением и покоем. Вот они, страдальцы жарчайшего конторского июля, одни за всех отсиживающие в бетонных тропиках, рассаживаются по местам. В ладном, красиво бюстированном теле, спортивно-похотливая, на первый взгляд, строго уселась за столом Давыдова. Засидится она в девках до старости! Ей бы надо на все лето в колхоз правдами и неправдами вырываться, а она и этого не хочет делать. Хотя стоило только полслова сказать — Кладунов к ней благоволит. А как, сидя в отдельской комнате, жениха найти? Своего — но если по восемь часов в день видеть перед глазами молодого Жана Марэ времен

съемок «Графа Монте-Кристо», так и тот хуже столовских котлет опротивеет! Ну, сиди, сиди, от тебя хоть ни пользы, но и вреда никакого нет. Так просто, украшение интерьера. Мирошников, глуповатый физкультурник, как и другие, только из института, уткнулся вроде бы в альбом чертежей по 1506-й ведомости, а знаю! — «Футбол-хоккей» читает, вот и скальпелем воровато двигает, разрезает только для этой газетки характерные, слепленные поверху полос листы. Мирошникова, как человека без права голоса, он выдерживает для осеннего, принудительного, с грязью до колен и позднеоктябрьской стужей колхоза. Принимай боевое крещение, малец!

Солидный Курбаченко, помоложе его, отставной подполковник по артиллерийскому интендантству, но с техническим образованием, врос за столом, как дуб, смотрит на свой же чертеж. Хорошо ему, оклад с пенсией в сумме на полсотни превышает зарплату Дорофеева, а ни черта не делает и не тронь его! Хотя мужик хороший, разговор с ним одно удовольствие вести неспешный. Опять же машина — не отказывает иногда подвезти, когда своя на мелком ремонте либо «лысая» стоит в гараже. Через три минуты (Дорофеев взглянул на часы, выверяя точное время) уйдет в курилку, там с такими же отставниками до самого обеда о военных пенсиях станут спорить... сорокапятилетние пенсионеры!

Надо сказать, что Дорофеев несколько своеобразно воспринимал юмор, ибо в детстве сильно ударился головой в гололед, а врач, знакомый по даче психиатр, определил эту специфику как очаговое нарушение эмоциональной деятельности в результате поражения правого полушария мозга. Физических страданий это не приносило, только порой моральные. По этой причине, даже хорошо и давно зная аннигиляционную сущность заявлений Смышляева, он на какую-то, пусть небольшую долю, но вполне

серьезно воспринял вчерашнее, всеми ушами услышанное заявление: «Завтра ожидается плюс тридцать семь в тени, воды на этаже опять не будет, придется банку пива принести...» Воды, конечно, порой неделями не бывает на всех этажах учреждения — обычная хроническая недоработка строителей, а скорее, проектировщиков здания, но ведь не повод же это был Смышляеву войти, спустя минуту после утреннего звонка, в отдел с раздутой матерчатой сумкой с четко вырисовывающимися боками двух литровых банок, глухо-наполненно стучающихся друг о друга? Дорофеева прошиб сложный пот и вдохновения, и недоверия, и удивленного восхищения, который выступает у всякого наблюдающего, как осмелевший от вина гражданин сам вступает в пререкание с милицией: а вдруг заберут?

Меж тем события развивались своим чередом, но предварительно поясним, что нынешний отдел Дорофеева еще совсем недавно имел очень сложную структуру: был он комплексной лабораторией со своими конструкторами, тематиками, технологами. Даже химии были, а сам Дорофеев руководил в лаборатории конструкторским сектором. С ростом числа сотрудников лаборатория превратилась в очень громоздкое сооружение, поэтому была вскорости разукрупнена на два отдела. Так Дорофеев вступил на следующую административную ступеньку. Но поскольку прежние владения лаборатории сохранились в виде сложной сети проходных комнат и глухих чуланчиков, то при дележе Дорофеев получил одну большую комнату и чуланчик, соединенный с комнатой коридором. В чулане сидела его заместительница Розалина Тимофеевна Веснянская со своим маленьким сектором расчетчиц из трех девиц. Коридор же между комнатой и чуланом принадлежал второй, химико-технологической, половине бывшей лаборатории; вдоль его стен расположились шкафы с доку-

ментацией, химпосудой и холодильник «ЗИЛ», в котором надлежало хранить реактивы, но на самом деле сотрудники обоих отделов клали туда до обеда приносимые из дома тормозки, а после обеда — купленную в буфете колбасу и сосиски. Так вот, Смышляев поздоровался устно с народом и отдельно, за руку с начальником, прошел за свой кульман (видно было под доской — сбросил с ног уличные сандалии и обул казенные тапочки), после чего загремел переставляемыми банками, нагло-весело прошествовал мимо Дорофеева с цветным полиэтиленовым пакетом, в котором стояли банки с пенистой коричневой жидкостью, и всей комнате видно было через незатворенную дверь в коридор, как он устанавливал пакет в холодильник.

— Чего ставишь? — спросил, протискиваясь между свободной стенкой коридора и спиной присевшего перед распахнутым холодильником Смышляева, молодой угрюмый лаборант Васюков.— Правду говорят, что пива принес?

Если бы... так, пожрать.

«Халявщиков опасается,— ухмыльнулся Дорофеев.— Давай, давай! Васюкова ты мне не трожь, его да Мирошникова — кого еще на осень в колхоз, а зимой и вообще по разрядке парткома на курсы механизаторов отправлять?» Очень его обрадовало, что Васюков не сумел напроситься на пиво, проще стало ситуацию обыграть, не вмешивая полезного, обидчивого парня. А план в голове создал он тотчас, как увидел входящего в отдел, гремящего банками Смышляева. А тот, не чуя надвигающейся бури, окончательно уверовав в спасительность аннигиляции, захлопнул холодильник и отправился, на ходу вынимая из кармана халата сигареты, для зарядки трудового дня в курилку, куда и ходил до самого обеда каждые полчаса, не выдерживая за своим кульманом в нарастающей духоте более получаса.

Меж тем солнце разогревало приютившееся посреди приземистых цехов и старых корпусов завода бетонное здание КБ. Внутри его, как в чайнике, закипело задолго до полудня. Не помогали зашторенные с солнечной стороны окна, распахнутые фрамуги. Жара вместе с городской пылью заливала помещения. За столами кисли распаренные служащие в легчайшей, но, увы, от того не менее пропотевшей, скользколипкой одежде. К одиннадцати все женщины побывали в туалете, откуда вернулись в халатах, под которыми уже не угадывалось признаков платьев, юбок, блузок. Девицы и молодые замужние женщины до тридцати, но с крепкими бюстами, снимали даже лифчики. Мужчины, в свою очередь, волновали нестарых замужних женщин волосатостью рук и торсов под полузастегнутыми халатами. Мирошников пришел на работу в сандалиях на босу ногу. Сам Дорофеев томился в облегченной форме начальника: рубашка-апаш, легкие брюки, летние туфли с дырочками — изделие дружественных индийских кустарей. Только высшие начальники, редко-редко стремительно проходившие коридорами из кабинета в кабинет, были одеты в полные пиджачные пары с галстуками, в стукотящие полуботинки на каблуках. Но у них это все натренировано, это люди другой породы, которым процесс терморегуляции тела подчинен...

Полдень. Мученье, казалось, достигло вершины, выше которой не может и быть. В эти томительнейшие минуты даже самых идеологически выдержанных сотрудников, даже малых и средних начальников нередко посещает дьявол-искуситель: мелькает недозволенная мысль о преимуществах службы в закордонных офисах, где кондиционер обычное, плевое дело, не как здесь, где примитивной услуги прохладительный прибор стоит только на подоконнике в кабинете самого Трибелна, да и тот раз в месяц выходит из строя, ибо бакинской фабрикация...

Дорофеев усилием волн отогнал антипатриотическое видение, взглянул на часы: до обеда двадцать минут. Разумеется, он не сидел до того сиднем, не ждал, пока пиво зарвавшегося Смышляева охладится до +5 °С. Все было подготовлено, оповещен Кладунов, подключены к акции Розалина Тимофеевна, начальники Мишина и Пирожникова (их решил заодно приструнить Кладунов, хотя последние не были его людьми), партгрупорг отделения. Лишь профсоюзный руководитель, недавно назначенный молодой специалист Афремов, встал в позу, отказался. По деловым, конечно, соображениям, поскольку Пирожников, намеченный в пострадавшие, только что дал принципиальное согласие на изготовление Афремову плакатов для его диссертация. Ничего, у Кладунова отличная память. Отказался бы и начальник Мишина, но был он в отпуске. Согласился замещающий.

Несколько раз у Дорофеева возникало острое желание стопроцентно удостовериться; даже, проходя по делам коридорчиком к Веснянской, взялся было за ручку холодильника, но, испуганно оглянувшись на случайный шум, устыдился, оставил намерение. Розалина Тимофеевна, непосредственная, как всякая женщина, предлагала послать девочек, но Дорофеев отклонил. Смышляев импонировал двум из ее девиц, а с Галочкой и вовсе жил, собираясь официально жениться. Она все же послала третью — подхалимажную Людочку, но было поздно; Юрка Васюков застучал молотком, завизжал напильником в своей слесарке, что располагалась в нише все того же коридорчика, и как только Людочка якобы по своему обеденному делу открыла холодильник и заприметила, что хитрый Смышляев задвинул пакет в самый зад нижней полки, к тому же заваленной горой чужих тормозков, как хмурый Васюков шуганул ее:

— Чего шарить?!

Но зато Розалина Тимофеевна доставила куда

более ценные сведения: она заприметила Смышляева, шепчущегося с Галочкой, видной из себя девицей, имеющей, как расчетчица, отношение к техпроцессам с использованием спирта (все знали о ее давней любовной связи с Андреем).

«Та-а-эк, значит, решили полный банкет учредить!» — восхитился Дорофеев. А тут совсем маслом по сердцу: забежал на минуту в отдел к приятелю Пирожников с большой красной папкой, стрельнул якобы у того закурить, мимоходом кивнул на папку, дескать, вот халтура — адрес Петрищеву (начальник одной из лабораторий КБ), сороковник на той неделе стукнет... Дорофеев хорошо знал, чем Пирожников берет плату. Из коридора донесся обеденный звонок. Все вскочили с мест, сорвались, схватили кошельки, устремились к холодильнику. Дурман как рукой сбросило.

◆ Служивший в отделе народ четко делился на две неравные группы по обеденным признакам: большая часть обедала в столовой, меньшая — прямо на месте, принося с собой из дома тормозки. Понятно, что в столовой люди обедают по необходимости, но хворые гастритом, гурманы, ленивые и просто не переваривающие картонных шницелей, обсыпанных сухарями каких-то подошв, мутных крупяных супчиков и прочих прелестей ведомственного общепита, предпочитают приносить из дома бутерброды с колбасой, ветчиной, сыром, куски вареных кур, яйца всмятку, заваривая на десерт чай или кофе — по средствам.

В социальной психологии есть понятие «группы по интересам». По этой теории выходит, что каким бы случайным и внешне непрезентабельным был объединяющий людей в группу признак, но тем не менее из анализа его можно сделать серьезные оргвыводы, порой ошеломляющие, бьющие в набат, тревожащие, заставляющие задуматься, принять меры и пр. Дорофеев, собаку съевший на руководстве

малыми коллективами, духом не ведал модных психоаналитических теорий, но хитроватым нутром крестьянского потомка чуял верность таких утверждений. Взять хотя бы такой ничтожный объединяющий признак, как отказ посещать учрежденческую столовку и обедать на месте? Любой, самый дотошный профессор еще недавно столь подозрительных социопсихологических наук, любой начальник высокого ранга, руководящий тысячными массами трудящихся, переучившийся на многочисленных курсах повышения квалификации руководящих работников, где один из главнейших предметов все та же социальная психология, микроклимат коллектива, до тонкостей разобранные взаимоотношения администрации и подчиненных, — все они только рассмеялись бы, услышав, что существует такой фактор групповой характеристики, как «обедающие на рабочем месте». Но это понятно даже зеленому выпускнику вуза. Те люди большого полета, с народом общаются через злющих секретарш, через начальников, через статистические таблицы, а Дорوفеев никогда отдельных кабинетов не занимал и на курсах был только единожды, еще в начсекторах ходя, да и курсы оказались чисто техническими. Посылали после повышения еще раз на административно-руководящие, но он отказался, ссылаясь на смежников, затянувших с выдачей документации, что грозило срывом плана всего отделения. На самом же деле стоял май, дача требовала неусыпного внимания.

Казалось, совершенно разные по характеру, возрасту, полу и склонностям люди оставались на обед в отделе, но если проанализировать? Нет, то была группа, да еще с какими потенциальными возможностями социального обособления! Во-первых, налицо учрежденческий антипатриотизм — пренебрегая столовой, они выражают вызывающее недоверие собственнo к руководству предприятия, якобы не знаю-

щему и, что совсем нехорошо, не умеющему организовать нормальную работу столовой без получасовых очередей, без картонных котлет. Налицо недоверие к качеству пищи, то есть недоверие к коллективу работников столовой. А ведь те стараются, ссылаясь на единые общесоюзные нормы раскладки, государственное ценообразование, всеобщие дефициты, трудности с высококалорийными и сезонными продуктами, то есть... Дорофеев чуть побледнел, когда додумался до глобальных выводов: речь шла уже об организованном недоверии к государственной системе общественного питания и далее — о нежелании понимать постоянно-временные трудности в стране и т.п.!

Но это лишь одна сторона, хотя, если вдуматься, то самая серьезная в качестве объединяющей данную группу и характеризующая ее отнюдь не с самой положительной стороны. Существенным объединяющим моментом является лень. Да, именно лень! Всем им неохота поднимать сплюснутые зады от сидений стульев, переобуваться, спускаться вниз, хотя бы на один этаж, выстаивать длинную очередь, шататься с подносами в поисках свободных столов, относить подносы, наконец, возвращаться назад... Куда проще добрести до холодильника, вынуть свой сверток, залить кипятком из чайника стакан, не торопясь пожевать, а огрызки, газетные обрывки смять в комок и, даже не оборачиваясь, бросить в мусорную корзинку позади своего стула. Именно в личное, обеденное время проявляется успешно маскируемая во время работы лень. А ленивый работник, даже если он сверхуспешно справляется с заданиями, потенциально всегда может подвести. Лень — порок хорошо скрываемый, но неизлечимый. К тому же лень имеет чуть поменьше миллиона градаций, среди них две наиболее часто встречающиеся и диаметрально противоположные: кипучий лентяй и лентяй флегматичный. Первый суть человек настроения; может целы-

ми днями, в исключительных случаях даже месяцами, сидеть, явно лениться, но потом, когда лениться надоедает, либо обстоятельства прижимают, он единым штурмом проделывает всю провороненную работу и даже сверх ее — про запас на период следующего приступа лени. Флегматичный лентяй — обратное явление. На вид он упорно, безостановочно работает, но когда надоест, то расслабляется и потихоньку ленится. Среди последних наибольший процент обедающих на месте. Большая ошибка спутать флегматика с человеком просто отдыхающим, ибо внешне их действия во всем совпадают, но различие методологическое: неленивый человек отдыхает как бы нехотя, в силу физиологической необходимости, а лентяй — с наслаждением.

Нет большего вреда работе нашего учреждения, чем текучесть кадров. А кто чаще в процентном, относительном выражении увольняется? — Обедающие на местах. Да, это так. Дорофеев с карандашом в руке проанализировал данные еще по прежнему месту работы в НИИ за несколько лет и доказал правоту такого вывода. Совсем не трудно было обосновать его, хотя причины здесь тоже не однозначные. Во-первых, оторванность, хотя бы на неполный час — продолжительность обеденного перерыва в учреждениях с «черными субботами» — от коллектива, способствующая обретению пагубной самостийности мышления. Без должной дружеской поддержки, без спайки и оптимизма общности дела они замыкаются в себе, мучительно, бесцельно предаются бесполезному самоанализу, из которого якобы спасительный выход им грезится в перемене места службы. Известно, что лучше всего там, где нас нет. Затем этому способствует несколько лучшее качество домашней пищи по сравнению со столовской, что автоматически, по природе человеческой, обостряет симптомы аристократизма, ведет к некото-

рому пренебрежению окружающими, следовательно, создает стену непонимания, откуда прямой путь к уходу из коллектива. Наконец, обедая на месте, служащие почти на час остаются предоставленными самим себе, без начальника, без коллектива опять же, лишь в своем узком кругу. А поскольку служащие, начиная с должности ведущего инженера, инстинктивно полагают для себя неудобным обедать на месте, то круг этот не только узок числом, но и ограничен своими невысокими должностными рамками. Совсем несложно представить, какие разговоры, вокруг чего ведутся за неторопливым пережевыванием и чаевничаньем: жалобы на низкую зарплату, на интриги Розалины Тимофеевны, на тупой принципализм Кладунова, на его, Дорофеева, личные качества. Именно здесь зарождаются и закрепляются слухи о «хороших» конторах, где мед сам в уста течет, начальники на одной ноге с подчиненными, платят много, а делать ни черта не надо. Понятно, в какую сторону такие разговоры дезориентируют и развращают человека.

◆ Дорофеев — гуманист, что, впрочем, не отрицает общенаучного гуманизма же. Начальник по сути своего положения должен быть чутким, внимательным, но в то же время не давать послаблений. Отсюда и рабочее понятие административного гуманизма; этот оттенок общепольного качества в чем-то сродни принципу разумного эгоизма Базарова, если вспомнить классика школьной программы. Формулировка административного человеколюбия, если попытаться переложить, ее в официальных терминах, очень пространна, велеречива, содержит массу хороших слов, синтаксически построена на периодах, каждый второй из которых начинается с союза «но». А общий смысл таков, что начальнику показана гуманность в отношениях с подчиненными и тем более показана, чем дисциплинированное последнее,

чем большую пользу приносит обществу в составе конкретной производящей ячейки. В свете такого подхода понятно и требуемое от начальника отношение к недовыполняющим, тем более — злостно не выполняющим свои обязанности подчиненным. Но как быть с обиженными от природы, кто в силу физических или иных недугов, недоработок не может быть вперед идущим знаменосцем дисциплины и самоотдачи? Принцип административной гуманности гласит, что таковые обязаны работать по способностям. А способности у недужных уменьшенные, значит, в силу основного принципа социалистического воспроизводства их доходы также пропорционально уменьшаются. Здесь-то умный начальник даже превышает уставный уровень гуманизма и держит подчиненных с уменьшенными возможностями на усредненном окладе. Как это ни жестикулярно великодушно, как ни гуманно, но все же начальник желает иметь сотрудников с олимпийским здоровьем, примерных семьянинов с легкой толикой душевной, общественно-политической, культурно-образовательной тупости, очень трудолюбивых. Такой под удар начальника не подставит, много не требует, благонамерен, на стройку легко соглашается, от колхоза не отвертится да и не захворает в горячее время окончания квартала. Масса достоинств!

Так вот... к чему речь? Все к тем же обедающим на местах. «Если человека не устраивает, прямо скажем, — думал Дорофеев, — малокалорийная, столь же малокачественная столовская пища, значит, желудок его требует лучшего, значит, он не натренирован, вот-вот готов впасть в болезнь, в гастрит, язву... А желудок, как врачи утверждают, штурман человеческого организма, в любой момент обладатель такого желудка может сдать, стать таким болезненным балластом коллектива».

...Много, около двух десятков, пунктов такого

рода домыслил Дорофеев, двадцать с лишком лет наблюдая за людьми, но самый последний довод особенно его беспокоил: все обедающие на местах отмечены печатью нестандартности мышления; короче, у всех них наблюдались сильные отклонения в сторону увлечений, побочных работ и нормальному быту. Конечно, сам факт наличия увлечения ни о чем дурном не говорит. Напротив, система интересов поощряется общественным мнением и прислушивающимся к нему мнением официальным, но в случае, если увлечение не слишком захватывает человека, а лучше всего помогает ему в основной работе. Будь Дорофеев — он и не знал кем, чтобы декретировать в очень широких масштабах, ну... например, этаким верховным муфтием всего мира в части откупа контроля над увлечениями — этим-то муфтием, — он привел бы в строгую систему соответствие хобби и основных профессий, сделав первые стимулирующими дополнения последних. Например, различные библиотекари, архивариусы занялись бы книголюбительским спортом, строительные инженеры и архитекторы — усовершенствованием своих дач, частных домов. Врачи интересовались бы ветеринарией домашних животных, обрезкой ушей пятнистым догам, хвостов — доберманам. Начальники... тут он задумался и ловко выскочил из затруднения — начальникам следует коллекционировать почтовые марки! Почему? Он так и не смог себе объяснить. Просто такое хобби имелось у его бывшего начальника Гриневецкого, у нынешнего руководителя КБ Трибелина, у его второго зама, а также у заместителя главного инженера Дунайцева. «Они лучше знают, почему так!» — отмахнулся от строгой логики Дорофеев. А вот эти самые на-месте-обедающие? Все поголовно с увлечениями, но с какими-то дикими, извращенными, не укладывающимися в разработанную им систему. Инженер-конструктор без категории Сер-

гунчиков, новоиспеченный молодой специалист, способный, усидчивый парень с хорошо развитым пространственным воображением, ловко чертит самые сложные сборочные чертежи. Дважды за неполный год работы в КБ получал по десятке прибавки, кандидат на повышение должности. Тихий, спокойный, щупловатый, невысокого роста, домовит, живет в пригороде в собственном доме с женой и родителями. Занимался бы огородом, а зимой радиолюбительством, паял бы приемники рядом с тепло натопленной печкой и до старости лет собирал мечту жизни — цветной телевизор. Для работы польза какая! Ведь Сергунчиков как раз занимается в отделе проектированием блоков радиоаппаратуры. Так нет ведь, йогой увлекся! Что это за поветрие такое? Как ненормальный, сидит, сидит, вдруг на часы зыркнет, из стакана, рядом всегда стоящего, воды хлобыстнет пару глотков, да не просто, а как курица — в рот зальет, голову запрокинет и заглатывает... После чего минуты две руки по швам, нос вверх, сидит как палку проглотил. Каждые полчаса. А три раза в день ка-ак уставится на цветной кружок с пятак размером, приклеенный к доске кульмана, лицом этак соскучится, замычит: «Ом-мм, ом-мм, о-о-ом!» Не по себе делается. Работе особого вреда нет, он тут же наверстывает, хорошо парень работает, но соседей отвлекает. Те рады похихикать, позлословить, а время-то рабочее золотое идет... Молчит полдня, только свое «ом-мм» пробурчит, но вдруг разойдется, народ, лишь бы ничего не делать, кругом обсядет его, слушает, а тот лекцию читает, только слышно: медитация, пратнаяма, хатха, карма, кундалини... В обед же развернет свой тормозок вегетарианский с какой-то дрянью, хотя родители в год двух кабанов забивают по семь пудов, перед собой отскренившую книжку Вивекананды или Рамчараки раскроет и замрет, только редиска с луком на зубах хруст-

хруст! Надо поинтересоваться, кстати, кто ему размножает, надо себе переснять брошюру — есть у кума — по варке варенья, жена просила.

А чем увлекается Курбаченко? Ему по возрасту и воинскому прошлому в шахматы или в преферанс играть с однополчанами, он же знай в обед наворачивает копченую грудинку с целиковым батоном по двадцать пять копеек — в левой руке, а правой строчит. Писателем в отставке заделался. Так хотя бы свои военно-интендантские мемуары писал, нет, который год сочиняет биографический роман о любимом военном теоретике Карле фон Клаузевице! Во сне такое не привидится.

Давыдовой больше к лицу подошло бы рассмотрение журнала мод или чтение какого романчика под свой диетический творог, можно гривенники в шампанскую бутылку складывать. Никто дурного слова не скажет, так она туда же: задумала уже по первому году работы диссертацию писать, полагает, что это, во-первых, мыслимо, не согласовав ни с кем из руководства да при всей ветви восходящих начальников без ученых степеней, и неужели думает, что именно таким способом следует мужа искать?

О Смышляеве говорить нечего. У него одно увлечение другое сменяет и все дичайшие: то принесет на работу грудку палок, угольников, нож сапожный, ворох бумажного хлама и, наскоро закусив бутербродами с вареной колбасой, начнет переплетать книги, клеим на весь отдел развоняет. А то ремонтирует на заказ электроподогреватель для жидкого детского питания или Библию вслух читает, но чаще всего прячется с Мишиным и Пирожниковым за кульманом, о чем-то тихо шепчутся, звенят посудой, всхохатывают, видать, анекдоты про руководителей партии и правительства рассказывают, после же уходят в курилку. Ясно. Спирт технический пьют. Тот почти что гражданская жена Смышляева, краса-

вица Галочка порой бочком-бочком, глазки неравнодушному к ней Курбаченке строя, пробирается за смышляевский кульман, похихикивает со всей компанией... Один раз, не выдержав смешков из угла, как бы по делу (уходил Дорофеев на обед, как принято у начальников, на полчаса позже, а эти «сторожевые» полчаса играл в шахматы) зашел за линию кульмана, но троица сидела в рядок за столом, жевала булочки с запеченными сосисками, пила чай и рассматривала какой-то малопрстойный журнал на отличной мелованной бумаге, выписываемый на валюту техбиблиотекой для сектора дизайна. Близкая подруга Смышляева Галочка, облокотись своим знаменитым на все КБ — даже Давыдова, ее врагиня, в счет не шла — бюстом на столешницу, также с интересом сравнительного характера смотрела в журнальчик. Все четверо нагло устали на Дорофеева, предложили чайку. Тот как-то вывернулся, ретировался почти что смущенный. Смutilа его внеслужебная поза Галочки.

Но ведь пьют, пьют, собаки! И запашок спиртовой трудно с духами Галочки спутать, и Смышляев с графином за свежей водой летает, Пирожников свертки слишком объемные для простого тормозка приносит да держит всегда их аккуратно при ходьбе, вертикально, а по лицу благообразного Мишина видно: вожделеет!

Пора, пора кончать. Тем более есть инструкция от Кладунова.

◆ Из коридора донесся залихватый обеденный звонок. Все повскакали с мест, сорвались, схватили кошельки, устремились к холодильнику. Дурман как рукой сбросило! Как и предвидел Дорофеев, все у них шло по тщательно разработанному плану; бедняги подумать не могли, что их тайна раскрыта с точностью до жестов, рассчитана до секунды. Смышляев подошел к холодильнику, попутно — боковым

зрением засек Дорофеев, взял на заметку — похозяйски полюбив спешащую сегодня в столовую раздумывающуюся Галочку, терпеливо, что не соответствовало его характеру, дождался, пока Сергунчиков, Курбаченко, Давыдова, еще кто-то из дружественного технологического отдела разберут свои свертки, солидно и нагло вытащил нагруженную банками, множеством небольших свертков сумку и проследовал за кульман, опять-таки от избытка предвкушающей радости попутно огладив Давыдову по крутому плечу. Тотчас же прибыл Пирожников. В руках (в обеих!) он держал сверток, как всегда вертикально. Последним явился Мишин со своим вкладом в газетной бумажке. За кульманом загремела посуда, что-то со стуком стругал ножик, послышался громкий отвлекающий разговор о футболе.

Наступил момент действия. Дорофеев поднялся, для порядка собрал бумаги в кучу и чуть громче обычного, обращаясь к зажевавшему с урчанием грудинку Курбаченке, объявил:

— Пойду я, Петрович, пообедаю.

— А шахматишки что ж?

— С утра не позавтракал, прямо с дачи, не в форме...

И вышел, очень ловко на ходу прикрутив замок с наборным шифром. Следом вышла из коридорчика Розалина Тимофеевна, для гласности громко удивилась: дескать, Михал Иваныч ушел, что ли? А шахматы? Тоже мне игрок! И ушла, не забыв оставить дверь приоткрытой. Штатным игрокам за столом Дорофеева еще до обеда была дана Кладуновым неясная команда оставаться на своих местах. Через минуту состоялся полный сбор. В небольшом отдалении по коридору, вроде бы у отделенческой доски объявлений, маячили: Дорофеев с заместительницей, партгрупорг, начальник Пирожникова, и. о. начальника Мишина. Последним подошел очень серьезный

Кладунов. Вся компания молча, организованно двинулась, но у двери в отдел притормозила, а Дорофеев неслышно — впрочем, очень громко хрустел репкой йог Сергунчиков и маскировал дверной скрип — вошел в комнату. Из-за углового кульмана яростно звенела посуда, лилась жидкость, неслись радостно-возбужденные голоса. Дорофеев дождался принятого у троицы гагаринского «поехали!» и тотчас широко распахнул дверь изнутри. Толпа набежала на кульман Смышляева.

— Ба, Михал Иванович! Решили в столовую не ходить? — приветствовал хозяин. — Милости про... — и осекся, разглядев высившуюся над кульманом голову Кладунова, а под кульманом насчитав, вместе с кладуновскими, пять пар ног, — милости просим к нам на окрошку!

Дорофеева слегка шатнуло. Трое служащих с ложками в руках сидели вокруг большой суповой миски с окрошкой. Холодный пар валил от нее, возбуждая язвенный аппетит. Кусочки колбасы играли в догонялки с розовыми ломтиками ветчины, на глубоководных мелях затонувших картошек и огурцов, маскируясь в зеленой тине лука, подвсплыли округлые мины-маслины. Айсбергами плавала заснеженная сметана. В левых руках (левша Пирожников в правой) соучастники атаки держали по ломтю хлеба с горчицей. В стаканах пузырилась минералка с дольками лимона. За миской, прислоненный к подоконнику, лежал удобно обращенный к лицам обедающих свежий номер политехнического-полупорнографического дизайнерского журнала. На развороте его воспроизводилась реклама американского автомобиля для семейных путешествий: загорелая красотка стягивала левой рукой с выдающихся бедер мини-бикини, а в правой держала стилизованный под легионерский римский значок плакат, на котором по-английски было написано, а карандашом по-русски

приписано: «Я отдаюсь только в автомобилях марки «Ленд-Ровер!» К углу тем временем подтягивался местный народ. Раскрыли рты Курбаченко, Давыдова. Последняя презрительно смотрела на красотку с плакатом, Сергунчиков поперхнулся репкой.

...Позавчера вечером морганатическая жена Смышляева Галочка, наскучившись жалобами Андрея на жарницу в конторе, подсказала рецепт противоядия: сделать в обед себе окрошку, а сегодня рано поутру сама сходила за квасом.

Владимир Белтов. Дети. Из цикла «...1980-е»

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
Колхозы и овощебазы тебя не забудут, даже
если приобретаешь вторую «вышку» в Литин-
ституте*

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ: ЭТОТ МАЙ-БАЛОВЕНЬ И ЧАЙНЫЙ ГРИБ

◆ Вот так с шутками-прибаутками, с холодной окрошкой пережил Смышляев жаркие месяцы, а потом и вовсе укатил с Галочкой на юга — в свадебное путешествие и отдых. Даже начал забывать весенние неприятности. Начиная с середины марта Смышляев ходил по утрам на работу веселый, даже афоризмы о начальниках приобрели либерально-философский оттенок. А на работе все спорилось, горело в руках. Куда девалась неуютность прошедших зимних месяцев, когда Галочка каждый вечер мягко попрекала, что-де пора и повисить свою должность. Да и Дорофеев, совсем заважавший трудолюбивого подчиненного, всей душой был бы рад прибавить работяге Смышляеву, но...

— Понимаешь, Андрей, в КБ вообще сейчас туго с прибавками,— доверительно пояснял он заугрюмившемуся Смышляеву,— сам понимаешь, предприятие молодое, только организовалось — фондов нет!

Но на переломе марта месяца засияло освободившееся от зимних пут солнце, а с ним повеселевший Дорофеев подозвал поутру Смышляева, усадил рядом, попросил завтра принести номер диплома, предложил ознакомиться с черновиком характеристики на него. Тот внутренне возгорелся от радости: прибавка к Маю! И внеочередная должность конструктора третьей категории! Вот почему ходил он на работу довольный, афоризмы сочинял необходимые, работа стократ спорилась. Через какой-то месяц с небольшим двадцатка прибавки и первая инженерная должность. Слава Богу, все обошлось, не нужно будет униженно просить более удачливых однокашников, устроившихся в теплые места, посодействовать... нудно, противно, со скандалом, с уговорами уволь-

няться, обживаться вновь, «рекомендовать» себя, оставаясь после работы. Галочка отойдет. Смышляева то и дело поздравляли Курбаченко с Давыдовой, йог Сергунчиков рекомендовал проверенные самим Рамчаракой асаны — позы для подавления излишних радостных эмоций, а Галочка, милая душа, подарила ему для хранения деловых бумаг при новой должности роскошную папку «под кожу» с тиснением. Дорофеев, встречаясь глазами с ним, понимающе и ободряюще подмигивал, Розалина-обозлина обиженно поджимала губы, когда в отдел приносили на подпись Дорофееву отпечатанную характеристику, заготовки протокола.

Чем ближе к Майскому празднику, тем ярче, теплее светило солнце, согревая душу Смышляева. Но чем радужнее мечта, тем свирепее бьет по макушке разочарование, а оно чаще всего опережает свершение желаемого. Так случилось с невезучим в служебном усердии Смышляевым. За четыре дня до заседания аттестационной комиссии требовательно и гневно задрожал, зазвонил красный телефон внутренней прямой связи без диска-номераабирателя. Дорофеев поспешно, но почтительно снял трубку, выслушал, на лице его проступило странное выражение: то ли радоваться, а скорее всего, ожидать взбучки.

— Андрей! Смышляев! Пошли к Начальнику, зачем-то меня с тобой вызывает.

Молча дошли до кабинета Трибелина, причем Дорофеев бросал короткие, испытующие взгляды на заолодевшего подчиненного. Робко вступили, повинаясь немому жесту Веры Григорьевны, через тамбур в просторный кабинет Трибеллика — и оба ужаснулись вмиг виду разгневанного лица Владислава Сергеевича, первым его словам:

— Выбирайте сами, кого из вас увольнять: Смышляева или Дорофеева?

У менее закаленного Смышляева все оборвалось

внутри. Некстати вспомнилось, что Галочка вчера намекнула на преждевременные осложнения в своем стройном организме. Что творилось в душе более ответственного за поступки подчиненных Дорофеева, об этом можно только догадываться. Во всяком случае, после короткой беседы-монолога Начальника он пробыл две недели на больничном — жена Дорофеева работала врачом в поликлинике, а земля на даче подсохла к концу очень теплого апреля и требовала ухода.

Правда, никого не уволили.

◆ Начальник и главный конструктор КБ при заводе точного агрегатостроения Владислав Сергеевич Трибелин недавно отметил сорокалетие, жизнь его радовала. Действительно, почему не радоваться, если он самый молодой глава почти что автономного предприятия не то что в главке, но во всем министерстве. К началу пятого десятка, практически молодым еще человеком, он имел равную директорской должность, степень кандидата наук (одна только диссертация, сделанная и принятая к защите в городе Х., стоила КБ полмиллиона рублей хоздоговорных денег), массу ответственных знакомых в министерстве. Среди сотрудников КБ ходил уверенный слушок, что Начальник вхож и куда выше! Да еще орден за успехи в руководстве, двое детей-отличников, четырехкомнатная квартира в центре, здоровье бывшего спортсмена-любителя, одна из лучших в городе коллекций почтовых марок, неиссякаемая воля к продвижению вперед, а также отменный жизненный оптимизм. Кто из читателей служил или посейчас работает в учреждениях подобного рода — а кто из инженерной братии там не работал? — тот задумается: чего-то не хватает? Но не хватает настолько обыденного, соответствующего должности Трибелина в 70-х годах, что мы даже пропустили это в перечислении: Государственная премия, звание «Заслу-

женный изобретатель РСФСР» (соавтор свыше 400 изобретений), член редколлегии отраслевого научно-технического журнала и прочая, прочая.

И в это утро он неспешно прошелся, словно какой-нибудь Смышляев, от дома до учреждения, благо идти три квартала, поднялся пешком на третий этаж, сурово и презрительно окинув взглядом серо-стальных глаз большую очередь служащих к лифту, в кабинете просмотрел кой-какие срочные бумаги, телеграммы с вечера, а ровно в девять, приказав Вере Григорьевне отложить планерку на четверть часа, уже на лифте поднялся на восьмой этаж и, распугивая своим появлением курильщиков, направившихся было в курилку при мужском туалете, проследовал в кабинет Кладунова. Все его радовало, вот только как всегда туалет-курилка огорчила; сколько он не боролся во всю силу данной ему власти с курильщиками — никакого результата. Слышно из-за двери: хохочут, опять с самого утра толкуются, окурки куда попало бросают. «Посади свинью за стол...» — в который бесчисленный раз подумалось ему. «И чего они без конца курят? Работой, что ли, не загружены?» Сам Начальник тоже курил, но он же не стоит целыми днями в предбаннике сортира, не мусорит, а курит свою «Яву» в кабинете, аккуратно пользуясь подаренной еще к 40-летию лично Дунайцевым хрустальной пепельницей. А окурки, когда их после совещаний много набирается, выносит Вера Григорьевна или ее помощница Марина, молодая супруга личного шофера Трибелина. «Как это отвратительно — курить в зловонном отхожем месте!» — с недоумением размышлял Начальник. Кстати припомнился недавний разговор с заместителем начальника главка по материально-техническому снабжению Цфасманом. Милейший Аркадий Исаакович увлекался историческими параллелями, а в тот раз, оставшись наедине с Трибелиным в своем кабинете — засиделись

допоздна, согласовывая номенклатуру поставок в КБ на новый финансовый год — между делом рассказал Владиславу Сергеевичу о происхождении некоторых обычных норм поведения на промышленных предприятиях страны, равно и в других общественных местах. Оказывается, до начала 30-х годов курить в туалете считалось столь же непристойным, как, например, там же, усевшись на унитаза, кушать борщ или сборную солянку. Кстати, до тех же времен никто не садился на этот унитаз, если в кабине не было двери, либо дверь была наполовину отпилена сверху или снизу, как то принято у нас в общественных местах и на производстве. Переворот в курительно-унитазном деле совершил не кто иной, как Адольф Алоисович Гитлер, который, заботясь о своем здоровье и не вынося запаха табачного дыма, нещадно гнал курящих райхсминистров и фельдмаршалов из служебных помещений райхсканцелярии, которым только и остались для курения туалетные помещения. Надо полагать, у Гитлера имелся персональный сортир, как, например, у наших нынешних руководителей предприятий, у Трибелина тож. Понятно, что обиженные райхсминистры тотчас уравнили с собой в правах все девяностомиллионное население Германии. Геббельс сочинил обоснование: борьба за здоровье нации требует удаления курильщиков из всех служебных и иных помещений. Кстати, роль личности в истории не ограничивается войнами, примирениями, разорениями народов. Можно продолжить пример с курением. Наш вот вождь Сталин всю жизнь курил, потому антеникотиновой пропаганды при нем не припомнят старшие поколения. При некурящем (кажется?) Никите Сергеевиче медики беспокоились было о вреде табачного дыма, но было не до них. Пока Леонид Ильич курил свою «Новость» по 18 копеек пачка, пропаганда никотинового вреда глухо и невнятно бормотала, но

когда Брежнев, заботясь об угасающем здоровье, бросил «Новость», появились в городах плакаты с позеленевшими легкими и ограничения в продаже сигарет подросткам. Пример можно распространить на алкоголь, продолжить во времени...

Вышибание же или обрезка дверей в кабинках туалетов была предпринята в Германии чуть попозже для предотвращения укрывания там отлынивающих от работы рядовых арийцев. Дальше все просто. Немецкая выдумка насчет курения и сортиров понравилась если не курящему Сталину, то уж кому-то из его окружения; здравый опыт пересадили на отечественную почву. А они у нас взяли на вооружение подвиг Павлика Морозова. И поныне забытая тень покойного фюрера витает в наших совмещенных туалетах-курилках, кстати, вредно воздействуя сверхконцентрированным дымом на справляющих естественные нужды некурящих.

«...Неряхи и бездельники», — сделал окончательный вывод Трибелин, входя в кабинет начальника 2-го отделения. За пару секунд до того он все же хотел зайти в туалет, распечь распоясавшихся курильщиков с восьмого этажа, но вспомнил, что сегодня приезжает главный инженер главка с рядом ведущих специалистов предприятий-смежников, и мысль о расправе тотчас была вытеснена соображениями о привычной расстановке сил перед ответственной визитацией: кого из начальников отделений и отделов позвать на совещание, какие материалы по изделиям выставить напоказ, а какие спрятать подальше, где заказать ужин и прочее. О курильщиках он забыл напрочь, тем более, что, прослышав о появлении на этаже Самого от попавшегося ему навстречу Юрки Васюкова, все побросали только что раскуренные сигареты и папиросы, Лохматых затушил трубку, привезенную им из последней поездки в колхоз, самолично выструганную, притворно беспокоясь насчет

производства, разбежались, как вспугнутые включенным светом клопы. Через пару минут весь этаж знал: сегодня у Кладунова день рождения, и Владислав Сергеевич лично отправился на этаж поздравить его. Все были потрясены демократизмом, чуткостью Начальника, а экзальтированная Людочка Целиковская, тайно и трусливо влюбленная в Трибелина, восторженно заявила:

— С таким начальником хоть на край света! Необыкновенный человек.

Ответственная встреча произошла пополудни и свершилась как нельзя лучше. Гости остались довольными неутомимой деятельностью начальника КБ, последний же еще на ступеньку поднялся в завоевании личной приязни очень ответственного министерского руководителя, пусть на маленькую, но ступеньку, а в его сложной, стремительной карьере всякая крупинка пополняла мешок конечной цели, название которой он не доверял даже собственной пыжиковой шапке. Шляпе летом тож. Но несмотря на общее хорошее итоговое впечатление, все же вышла мелкая неприятность, заставившая Начальника внутренне покраснеть, а на следующее утро очиститься в безудержном гневе: опять курильщики подвели!

К месту расположения курилки гости подошли к концу осмотра подразделений, выполняющих наиболее ответственные заказы. Заодно поздравили Кладунова. Так как процедура осмотра дело долгое, то, естественно, к концу его некоторые из состава делегации, в том числе главный инженер главка, начали проявлять некоторое, правда, заметное только наблюдательному взгляду Начальника, беспокойство. Мигом сообразив, Трибелин миновал последнюю, малозаметную в масштабах КБ лабораторию и повел гостей освежиться. Как и пристало пикантности момента, гости и Начальник перешли от деловой сосредоточенности к шутливой интонации. Встав в ряд

перед шеренгой писсуаров, они затеяли такой вот разговор, не теряя, как деловые люди, ни одной, даже интимно-санитарной минутки:

Начальник: Прошу прощения за задымленность. Это у нас и туалет, и курилка. Маловато площадей под сангигиену.

Главный инженер: Да-а? А я подумал, что это все продолжение того отдела, в котором столько коридоров и глухих комнаток.

Н.: Ха-ха! Маловато, Василий Афанасьевич, маловато у нас площади, пора нам, хе-хе, расширяться!

Г. и.: О-о?! У вас, я смотрю, не только туалет с курительной комнатой совмещен, но и писсуары с мусорницами?..

Н. (поблуднев и только сейчас заметив сигаретный охнарик в писсуаре Главного): ...Да-а, гм-мм (смешавшись, но лишь на секунду), а Путкарадзе, говорите вы, вторую неделю, как в Свердловске? Надо сегодня же позвонить по вертушке, поздравить. Не у каждого сын в тридцать два года папаху получает!

Затем Начальник скоро и умело перевел разговор на неслужебное, но, в общем-то, околослужебное. Внешне он оставался спокойным, благодушным, хлебосольным хозяином, но, пропустив вперед себя гостей, выходя последним, он с таким гневом посмотрел на двух топтавшихся, чувствовавших себя не в своей тарелке от присутствия при интимном туалете начальников высочайших рангов курильщиков, застигнутых врасплох, что у тех сердца рухнули оземь.

Из-за проклятого окурка на самом высшем витке развития сорвалась и провалилась всесторонне и тщательно разрабатываемая Трибелиным операция по расширению территории КБ за счет отторжения от материнского завода площадки, занятой старыми складскими помещениями. Что-то будет? В отделе Дорофеева вспомнили, как в начале этого года

предшественник Юрки Васюкова по лаборантской должности, полный балбес Завьялов, повадился бросать двушки и даже гривенники в писсуары (за двадцать лет предвосхитил идею нынешних кооперативных сортиров, подлец!), что заприметил Владислав Сергеевич и срезал на двадцать пять процентов премию за квартал всему отделению Кладунову, дескать, зажировались, деньги вам некуда девать...

◆ Начальник не был бы таковым, когда б не смог задержать выход гнева до окончания расследования; только в этом случае наказание достигнет наивысшего воспитательного эффекта. На другое утро Трибелин поодиночке вызвал а кабинет некоторых подчиненных Кладунова из числа руководителей низовых звеньев, людей понятливых, исполнительных, тупо-преданных, и выдал им ряд определенных инструкций. Список для вызова подготовила Вера Григорьевна, консультируясь по телефону с Кладуновым. Вызванных объединял один общий признак — все они были курящими.

Весь день и первую половину следующего наблюдательный человек мог отметить необычную активность отдельных курильщиков из числа мелких начальников, ранее избегавших задерживаться в курилке-туалете, по понятной причине, рядом с простым народом более двух-трех минут. Они прямо-таки не могли усидеть на рабочих местах, а высасывали сигареты до самого фильтра, тут же от них прикуривали следующие, охотно вступали в спортивные, охотничьи, рыболовные, военно-пенсионные разговоры, хохотали над непристойными анекдотами армейца Курбаченки, не забывая при этом бдительно просматривать все углы, закоулки курительной и писсуарной частей комнаты.

Наступало утро второго дня следствия. На рассвете между пятой и шестой стражами Начальнику снился сон. В том сне правдоподобно воссоздавались

события позавчерашнего дня: утреннее возбуждение, встреча гостей, экспедиция по учреждению — все совпадало вплоть до момента, когда, стоя в писсуарной шеренге, главный инженер главка весело и иронично протянул, грассируя по-столичному:

— О-о?! У вас, я смотрю, не только туалет с курительной комнатой совмещен, но и писсуары с мусорницами?..

Далее все замелькало кинематографически: чуть смазанные историей с окурком проводы гостей, мимоходом команда одному из доверенных подчиненных извлечь и сохранить окурочек. Окурочек извлечен, помещен в специальный герметичный сосуд из химлаборатории, в котором отправлен на экспертизу в областную криминалистику. Оттуда спешным курьером в чине сержанта приносят бумагу с гербовой печатью, на которой записаны химическими формулами компоненты слюны и мочи (пардон!). По спецзапросу из Министерства присылают анализ продукта выделения главного инженера главка, составляется ведомость рассогласования показаний двух анализов, на основе которой формируется анализ-робот слюны злоумышленника. Из той же криминалистической лаборатории под залог красотки из отдела Дорофеева (Начальник имел в виду, конечно, Давыдову, но, может, и Галочку?) привозят оборудование для съема отпечатков зубов, анализа мочи и слюны всех курильщиков КБ. Несколько дней кипит работа; администрация и отдел кадров расспрашивают, анализируют, думают за полночь. В итоге создается список курильщиков, стабильно потребляющих тот же сорт сигарет, что и нарушитель. В список зачисляются под индексом «Б» профессиональные «стрелки» чужого табака, а также курильщики со сходными признаками из заводских, но по работе часто бывающие в отделении Кладунова. Итого до полусотни человек. У всех у них снимают оттиски зубов, берут

анализы, сверяют, ищут, данные заносят на перфокарты, вводят в самую производительную ЭВМ ЕС-1060 учрежденческого вычислительного центра. Машина потеет, урчит и выдает через сутки результат, который под охраной стрелка ВОХР доставляют Начальнику. Все ясно, окуроч бросил профессиональный «стрелок» старший инженер Фомичев из отделения Гриневицкого. Начальник багровеет, наливаясь кровью мщения, требует на правож Фомичева, но ему докладывают, что-де злоумышленник в панике успел уволиться без «отстоя», сославшись на переезд в другой город. Начальник скрежещет зубами от обиды, просыпается, зло проводит домашнее утро, кричит на ласковую свою супругу, сына обзывает обалдую, а заспанную с вечеринки дочь потаскухой, вызывает машину и через три квартала едет в КБ. После обеда в приемную тихой лисой проскальзывает Н., что-то шепчет на ушко расстроенной Вере Григорьевне, та незамедлительно пропускает его в кабинет, и Владислав Сергеевич слышит, что только что в курилке инженер Смышляев бросил в тот же самый писсуар окуроч того же сорта. Начальник кричит в селектор Вере Григорьевне:

— Дорофеева со Смышляевым ко мне!

Смышляев остался без вожденной прибавки и повышения, а чуть позже, к Октябрьским праздникам малоизвестный, года еще не работающий в КБ ведущий инженер Н. из 203-го сектора, на удивление всем получил медаль за трудовые достижения. Но народ особо личностью Н. не интересовался, поскольку другое, случившееся в конце лета событие, связанное с поездкой Владислава Сергеевича за границу, волновало и занимало умы. Однако об этом чуть позже...

◆ После заграничной командировки в Бельгию Владислав Сергеевич, как крупный и самый молодой в отрасли руководитель, талантливый ученый, был за-

числен во вновь открывшуюся Промышленно-техническую академию при Совмине. На время его учебы ВРИО руководителя КБ (тогда еще никто не знал, что после окончания академии Трибелин пойдет на повышение) назначили не главного инженера Волчанова, как то следовало бы по логике вещей, а его заместителя Дунайцева. Первое время служащие, особенно женский персонал, частенько вспоминали добрым словом своего Начальника. Даже некогда обиженный им Смышляев сравнивал достоинства прежнего и нового шефов не в пользу второго. Как-то в хмурый осенний день, когда Дорофеев, сославшись на недомогание, уехал с утра на дачу подправить к зиме забор, окопать яблони, весь отдел дружно плюнул на докуку-работу и устроил «час воспоминаний». Сначала поговорили о Давыдовой, нашедшей свой счастье в летней поездке в колхоз, затем перешли на Владислава Сергеевича. При упоминании его имени Курбаченко и Сергунчиков весело переглянулись, а Смышляев с Мирошниковым приглушенно рассмеялись, стрельнув глазами на угрюмо читавшего «Науку и жизнь» Вадима Афиногеновича Лохматых, самого пожилого из сотрудников отдела, предпенсионного ведущего инженера. Тот не обиделся, сам включился в воспоминания о казусе, случившемся с ним в недавнее время.

В девять утра, всего лишь через полчаса от начала рабочего дня, с интервалом в десять — пятнадцать секунд волна телефонных звонков в порядке строгой очередности прокатилась по кабинетам начальников отделений, затем отделов, в последнюю очередь захватила наиболее важные полуавтономные сектора. Задействовал сигнал спешного сбора, поэтому Вера Григорьевна не стала передавать команды по субординационной цепи, то есть позвонить только начальникам отделений и передать распоряжение Владислава Сергеевича о срочном вызове все-

го командного состава. Прямой вызов, конечно, гарантировал максимальную скорость собирания, но, как всякое послабление в сторону демократии, приводил к неизбежной утечке информации. Действительно, уже через пять минут, сгрудясь в курилках и уголках оставшихся без начальственного досмотра отделов, лабораторий и секторов, народ в полном недоумении подыскивал возможные причины и вероятные последствия: что же такое случилось? День качества? Но сегодня не вторник. Заседание НТС*? Так это по понедельникам нечетных недель последнего месяца квартала. И так далее. Все оргдни оставались либо пройденными (среда — партийный день), либо еще не наступившими: пятница, например, когда Начальник с 14.30 дает вздрючку всему учреждению по итогам трудовой недели. Четверг — рыбный день в столовой, но так как лососину туда не завозят, а верхнее руководство обедает отдельно — сам Начальник, проживая рядом, обедает дома — то как действенная причина в догадках, не фигурировал. Тем не менее настенные часы в приемной показывали четверть десятого четверга четной недели — все на «че», тамбурная дверь кабинета затворилась за последним, виноватым в опоздании, а потому прошмыгнувшим серой мышкой, чтобы не быть покусанным серо-стальным взглядом Владислава Сергеевича, Пируэтовым — начальником отдела техдокументации.

Как же быть смятенным служащим? Строились самые экзотические догадки вроде попадания в вытрезвитель зама главного инженера Дунайцева, песенника, в своей компании гитариста и бывшего казэнщика, либо вообще слияния их КБ с соседним заводом, от которого они уже автономно отделились благодаря энергии и активному обиванию порогов в

---

* Научно-технический совет.

Москве Владислава Сергеевича. Кое-кто из женщин с солидными мужьями лисичками втирались в приемную якобы презентовать Вере Григорьевна «Мишку на полюсе», вложить в папку «На подпись» письмо, но та сама ничегошеньки не ведала; просто позвонили Владислав Сергеичу из Москвы по вертушке, а он тотчас велел ей собрать руководителей всех подразделений. Тамбурные же двери все глушили, на то они и тамбурные, так что женщины слышали только тон на уровне ноты «ре» третьей октавы — свидетельство голоса Начальника. Слов не разобрали, вернулись ни с чем. А в 9.53 тамбур распахнулся и с гулом высыпал руководителей всех трех звеньев: начальников отделений, отделов и полуавтономных секторов. Народ попрятался по своим комнатам, в любопытстве замер.

Начальники же всех трех рангов бодро разошлись по своим местам и объявили всенародно: едет большой начальник из главка, сам Цфасман, будет задавать смотр учреждению, поэтому следует все привести в порядок, всем надеть белые халаты, дежурить при рабочих местах. Визиты маститых «генералов» в молодое, набирающее силу учреждение дело обычное, а все работы по подготовке встречи давно обыграны и распланированы. Еще год тому назад Владислав Сергеевич провел несколько однодневных учебных тренировок с последующими разборами, поощрениями, нагоняями. Служащие тщательно вытерли розданными завхозом тряпками столы, стулья; конструкторы — свои чертильные приборы, а в лабораториях установили в радующий душу порядок приборы, выключили чадящие паяльники, выветрили кадильный дух канифоли.

Гость, известный уже в КБ Аркадий Исаакович, прибыл только после обеденного перерыва, посоветовался с полчаса в кабинете Начальника, затем начался обход учреждения. Все шло гладко по выве-

ренной программе, ничто не предвещало непредвиденного, однако же казус случился в отделе Дорофеева; что-то не везло ему в последнее время! Именно здесь следившая за своим замечательным бюстом Давыдова по наущению йога Сергунчикова отращивала чайный гриб. Гриб разросся и забухтил половину трехлитровой банки. Вторую же, верхнюю половину раз в три дня Давыдова заливала подслащенным чаем. Вообще в этой комнате любили живую природу. В противоположном от закутка Смышляева углу стоял купленный вскладчину аквариум с китайской рыбной мелочью, который опекал Курбаченко, он даже приучил рыбок кормиться мелко наструганной мороженой копченой грудинкой.

Обычно при высоких визитах непривлекательную банку с грибом прятали за аквариум, но в этот день Давыдова пришла на работу с опозданием и забыла упрятать гриб, стоявший на подоконнике. Хорошо хоть Мирошников в самый последний момент успел задернуть банку шторкой. Так вот, когда делегация вошла в отдел Дорофеева, всегда веселый, вечно молодежавший замначальника главка наметанным глазом заприметил полузашторенный гриб, удивился при близком рассмотрении его громадности, погрузнев, вспомнил вслух, что такой же растила его любимая бабушка Эсфирь Соломоновна... Понятно, что после этих слов сам Владислав Сергеевич бросился к банке, несколько заметался с тяжелой посудиною в руках, но тут очутившийся рядом Кладунов схватил со стола ведущего инженера Лохматых его личный граненый стакан, проверил на чистоту и подставил к уже наклоненной Начальником банке. Дунайцев с парторгом КБ одновременно переняли наполненный по этикету на $3/4$ стакан, поднесли гостю. Аркадий Исаакович в три приема выпил настойку, похвалил и продолжил прерванные грибом рассуждения о сохранности казенной мебели и совершенствовании ме-

тодов ее инвентаризации. При этом гость не глядя протянул вбок руку с порожним стаканом, никто не подоспел его подхватить — все были восхищены демократическим интересом высокого начальства к грибу, — и стакан, выпущенный начальствующей рукой, упал на пол. Случилось чудо: стакан, угодив не на линолеум пола, а на железную опору кульмана, разлетелся на мелкие, со спичечную головку, морозные осколки. Так обычно разбивается каленое автостекло, но никак не восьмикопеечные граненые стаканы. Начальник с Дунайцевым заизвинялись перед гостем, однако тот, подлинный демократ, не обиделся совсем, даже поинтересовался: что это, мол, у вас специальные стаканы такие, будто из автомобильного стекла? Все от души рассмеялись удачной шутке и прошли за гостем в следующий отдел. Выходивший последним Кладунов окинул Лохматых тяжелым свинцовым взглядом, а женщины, включая обрадованную интересом к ее грибу Давыдову, зашипели на Вадима Афиногеновича, что-де даже стакан у него ненормальный, а тот грустил о потере нежно любимого им стакана, что стоял на его столе еще задолго до образования КБ при заводе. Под гнетущим впечатлением взгляда Кладунова и напора женских обвинений он почувствовал свою вину, ушел курить, мечтая о скорой пенсии.

Слова же высокого гостя о необычном поведении рядового с виду стакана глубоко встревожили, взволновали Начальника: ну, черт Лохматых, я тебя ошпи-паю! Будешь министерским руководителем стаканы с фокусами подсовывать!

◆ На следующий день Дорофеев вернулся с утреннего разгона у шефа задумчивым, хотя положение дел в отделе было на редкость завидным: никто за неделю не опоздал на работу, плановые задания закрыли в срок, даже с опережением, замначальника главка пил в отделе чайный гриб и остался доволен...

Тем не менее Михаил Иванович, усевшись за стол, бесцельно задвигал перекидным календарем с гербом города Ижевска, повертел грошовой шариковой ручкой, затем встал, заходил между рядами столов и кульманов, снова сел, задвигал беззвучно губами, завертел вдругорядь ручкой, сломал ее нечаянно. Все заинтересовались. Дорофеев во второй раз поднялся со стула, сделал восьмерку по комнате. После трех таких маневров даже новенькая чертежница, несовершеннолетняя Эльвира (глядя на нее, Смышляев как-то поддел расшалившегося Пирожникова: «Кончай Эльку лапять! Знаешь, что это пятнадцать лет строго!») догадалась, что Дорофеева как магнитом тянет к столу Лохматых, а тот, почуяв недоброе, трусливо склонился над раскрытым наугад справочником по приборным муфтам, тотчас отложил его, с невзаврадашним усердием приступил к разлиновыванию нового журнала регистрации отступлений от технологических норм для нужд отдела; целый месяц все сотрудники отфутболивали эту нудную работенку.

Наконец, выбрав момент, когда женщины гурьбой вышли в коридор и далее в комнатку Розалины Тимофеевны смотреть принесенные для продажи Людочкой сапожки, Дорофеев подозвал Лохматых, усадил рядком с собой.

— Э-э, Вадим Афиногенович, как у вас с планом, успеете к концу квартала закончить кинематику?

Но Лохматых, старый служащий, определив по голосу, что не в этом официальном вопросе суть, совсем сник, только кивнул головой, сглотив горестный сухой комок в горле. Оглянувшись по сторонам, Дорофеев тихонечко поинтересовался: зачем это он такой интересный стакан из автомобильного стекла держал на рабочем месте? Афиногеныч стал поспешно уверять, что это, во-первых, самый обычный стакан, но тут же испугался: а вдруг вчера с утра какой шутник или злоумышленник подменил?! И

забормотал, что-де стакан, может, вовсе не его, перепутали, переставили...

Дорофеев, сообразив, что истины не добьешься, и, видимо, имея инструкцию особо Лохматых не озадачивать, свел разговор к холодной канцелярской шутке, поспрашивал для проформы по работе и отпустил перепуганного старика. Тот даже задержался на всякий случай на полчаса после работы, а перед этим за день исчертил недельную норму чертежей. Однако больше его не тревожили. Но, сидя за своим кульманом, механически двигая карандашом и циркулем, он по интонации начальника отдела, дважды заходившего Кладунова, потом зачем-то и завхоза КБ нутром чуял: веревочка-то вьется и скоро-скоро захлестнет его шею. Стало тревожно, тоскливо. В тот же вечер Лохматых зашел в рюмочную, а потом вовсе напился вдрызг со встретившимися ему Мишиным и Пирожниковым. Вспоминая о шумевшем в КБ случае со стаканом, все хохотали, Лохматых называл коллег сынками, лез целоваться, однако даже спьяну о своих подозрениях не говорил, боялся сглазить.

Тем временем в высоком кабинете металась охваченная крепкой черепной коробкой Трибелина неудержимая мысль: отчего так странно разбился стакан? Неужели эта старая калоша Лохматых стал таким дерзким, нарочно подстроил шутку? Нашел, мерзавец, с кем шутить! Да как подумать-то посмел?! Он позвонил в отдел кадров, затребовал личное дело Лохматых. Через несколько минут листал тоненькую папочку: серая анкета, первобытная жизнь вечного инженера-исполнителя без полета мысли отразилась на нескольких листочках дела. Настолько все серо, гладко, что глаз так и не смог ни за что зацепиться, ни одного крючка. Бумага десятилетней давности о попадании в вытрезвитель и на пять лет пораньше — штраф за квартирный скандал с тещей также

не давали пищи для оргвыводов в данной ситуации. Отослав с помощницей секретарши Мариной дело назад, он поочередно и наедине беседовал с Дорофеевым, Кладуновым, партгрупоргом второго отделения. Расспрашивал тонко, наводяще, посреди служебных дел, с улыбкой вспоминал о вчерашней истории со стаканом, так взволновавшей учреждение. Но и наиболее проницательные люди из руководителей не могли подсказать, за что зацепиться. Кстати выяснилось, что Кладунов и партгрупорг никогда не разговаривали с Лохматых, даже не знали, как того зовут.

◆ Понятно, что и Дорофеев, тем более Кладунов, с ними и партгрупорг стреляные воробьи — раскусили, что их вызывали не по планам отдела и отделения в целом, не по работе с молодыми специалистами-комсомольцами, хотя Трибелин очень искусно, вроде бы в шутливой форме касался истории с граненым стаканом. Ясно было, что ничтожное происшествие почему-то встревожило Владислава Сергеевича. И каждый из троицы сам по себе продолжил, развил одну и ту же мысль — а может, не такой уж это ничтожный случай? Может, за него кой-кому поответственнее Лохматых головы не сносить? Ишь, тихоня седой, что натворил: стакан, да еще с фокусом, подсунул самому Цфасману!..

Итак, Дорофеев побеседовал с виновником, но к истине даже близко не подобрался. Партгрупоргу было сложнее вступить в контакт с Лохматых, не выискивалось общей, темы, но он не растерялся. Вскоре случился общегородской субботник по очистке тротуаров ото льда. Получив накануне по телефону из парткома КБ задание подготовить из числа сотрудников отделения человек двадцать крепких мужчин, партгрупорг раскрыл блокнот, взял ручку и первым делом отправился в отдел Дорофеева. Для конспирации сначала записал Мирошникова, Сергун-

чикова, Курбаченко, только потом остановился перед кульманом Лохматых, имя-отчество которого заучил заранее:

— Как, Вадим Афиногенович, выйдем мы с тобой на субботник? — Тот по въевшейся привычке полной безответственности, близкой пенсии и окончательной стабилизации оклада хотел отмахнуться, сославшись на радикулит, но, вспомнив про стакан, а к тому же у партгруппорга глаза ласково маслянились, что настораживало, — согласился, даже не поинтересовавшись, за отгул ли субботник? Очень встревожился Лохматых и в субботу, хотя работал аккуратно, старался со своим ломом поспеть на участки потруднее, потел, выдыхался, но не отставал от самых физкультурных людей отделения. Партгруппорг, отмерявший участки сколки льда и указывавший, какой толщины слоем песка посыпать не поддающиеся очистке участки, внимательно присматривался к Лохматых, отметил, что тот нарочито старается. Это настораживало, значит, чувствует за собой вину, но как выяснить суть ее? Он крутился около провинившегося, заводил отдаленные разговоры, но только сам встал в тупик и бедолагу запутал окончательно.

Дело грозило обернуться тайной, то есть серьезным, а потому тщательно скрываемым проступком. В последовавшую за субботником неделю, во вторник, Лохматых повели на допрос к Самому. Вадим Афиногенович, узнав о вызове, побледнел и ушел на казнь, в последний раз окинув мутным, слезящимся взором родной отдел, мысленно распрощавшись с сослуживцами. Надо ли говорить, что он впервые в жизни шел в кабинет такого ранга да еще по персональному вызову. И хотя Владислав Сергеевич разговаривал мягко, лишь с веселыми намеками на шутку со стаканом, все более интересуясь китайскими обычаями (Лохматых в 50-е годы несколько лет пробыл в Китае в служебной командировке, участвуя

в наладке поставляемого заводом оборудования агрегатостроения, где он работал до КБ), но тем не менее Лохматых глубоко разволновался, пот прошиб его, озноб, он вдарился в панику, лепетал вздор, оправдывался, клялся, «что больше не повторится»... Начальник с брезгливой жалостью отпустил его во свояси, подумав: «Интересно, хоть и потемки чужая душа, но вправду он испугался чуть не до мочеиспускания или такой притворщик искусный?» А дело стояло, требовало незамедлительной разгадки, которой не было. Круг дознаний замкнулся, прямое и косвенное следствие результатов не принесло, пришлось прибегнуть к экспертизе.

Трибелин вызвал своего референта — ученого секретаря НТС, отдал распоряжение составить письмо в Институт стекломатериалов, с которым КБ было завязано по небольшой второстепенной теме. В письме руководитель КБ просил в порядке технической помощи проконсультировать своего представителя по вопросу, изложение сути которого поручается посылному. Затем он разъяснил референту техническую сторону дела, велел незамедлительно, взяв из гаража «Волгу» главного инженера, мчаться в Москву в стеклоинститут и дотошно расспросить главных специалистов.

Действительно, на другой день к вечеру референт возвратился и привез письменный официальный ответ, а также устные пояснения, но все оказалось чушью: следовало, что обычные стекла бытового назначения приобретают свойства, похожие в части дробления на морозные шарики на закаленное автомобильное стекло, чуть ли не исключительно при взрыве водородной бомбы или пролетания шаровой молнии на расстоянии 0,5 миллиметра. Круг замкнулся и на экспертизе.

Прошло полгода, случай со стаканом забылся, тем более что, по слухам, Начальник добивался че-

рез Цфасмана и Путкарадзе заграничной командировки, не до лохматовских стаканов. Сам же Вадим Афиногенович успокоился, и не удивительно: волновался-то он при полностью чистой совести, не его вина, что ширпотреб стекольный такой странный стакан изготовил. Но тем страшнее в своей полной неожиданности была расплата за содеянное. Жарким летним днем Лохматых вновь вызвали к Начальнику. Перепуганный до икоты нарушитель примчался в кабинет, был допущен строгой, с обиженно и гневно поджатой губой Верой Григорьевной в тамбурную дверь. За длинным совещательным столом с равномерно расставленными тяжелыми стеклянными «под хрусталь» пепельницами сидели председатель профкома, парторг, Кладунов с побледневшим Дорофеевым. За отдельным столом суровел Начальник. Поодаль на диванчике скучал пришедший по производственному делу Дунайцев, досадуя на задержку по пустякам. Он смотрел в окно, покачивая ногой на ноге, теребил тисненую папку. Лохматых не посадили, Трибелин с места в карьер громом вдарил:

— Товарищ Лохматьев, почему вы злостно нарушаете внутренний распорядок и дисциплину? Почему вы регулярно пьете на рабочем месте казенный спирт?

Удар получился ниже пояса, у Лохматых подогнулись колени, он едва удержался от падения плашмя на мягкий палас. Действительно, редкий проходил день, чтобы старый инженер не метнул в горло дозу разведенного технического спирта. Была у него такая слабость. «Но откуда? Как? Почему?» — смятенно хватался за обрывки мыслей престарелый служащий. Ведь пил он в начале обеда, не афишировал. У него была тщательно разработанная технология потребления незаконного напитка. Ежедневно в 10 часов он неприметно клал в карман халата вынутый из верхнего ящика стола маленький продолговатый сверток

в газете и, захватив журнал отступлений от технорм, шел в заводское опытное производство; дело обыденное, порученное ему еще в старозаветные времена. Проходя к цели инструментальным цехом, Лохматых заходил на минуту-другую в каморку родного брата, работавшего старшим мастером, запирали дверь на замок, разворачивали сверток и передавали брательнику плоскую самодельную фляжечку из тонкой нержавеющей стали. Брат же, сызмальства уважая старшинство, отпирали сейф, привычно, без мерки наливал в посуду 50 граммов. Перекурив наскоро, Вадим Афиногенович шел дальше в сборочный цех. Фляжку же заворачивал в прежнюю газетку. В самом начале обеденного перерыва, когда в отделе развивалась суета, Лохматых на одну треть выдвигал нижний высокий ящик конструкторского стола и виртуозно, на ощупь выливал спирт в заранее установленный там граненый стакан с 50—60 миллилитрами воды (фляжечка также помещалась в стол заранее). К этому времени заканчивали шмыгать к холодильнику и обратно Смышляев с компанией, Сергунчиков отворачивался от кульмана, а заодно от Лохматых, садился за свой стол, закрыв глаза, начинал творить предобеденную молитву: «Ом-мм! Ом-мм!..» Остальных обедающих на месте и шахматистов закрывал от Лохматых его большой кульман «Райсс-Ординат». Тогда Вадим Афиногенович изогнутым движением руки извлекал стакан, неприметным жестом выливал его содержимое в рот, а порожнюю посуду заливал тотчас из заварного личного чайничка заранее приготовленным дегтярного цвета крепчайшим чаем. Закусив бутербродами с иваси и вареной колбасой, он выпивал два стакана своего чая, для надежности тщательно разжевывал мускатные орешки, запасенные еще с лучших времен в большом количестве, после чего шел курить. Никто никогда запаха за ним не наблюдал.

Все было продумано, держалось им и братаном в строжайшей тайне, и вот...

«Не сдаваться, отрицать все», — решил Лохматых, отчаянно труся, но...

— ...И пьете его уже десять лет — еще до перехода в наше КБ. Это вопиющее нарушение!!

Такого Лохматых, и без того слабый духом, не вынес, точность исчисления времени добила его волю, Вадим Афиногенович потерянно и сбивчиво молил о прощении, полностью признав де-факто все свои прегрешения. Выдал и брательника, благо тот Трибелину не подчинился.

◆ После «раскола» Лохматых строгим голосом было велено идти на рабочее место, ждать решения, которое в этот день так и не последовало. Ночью ему снилось...

То ли слишком жирным иваси Вадим Афиногенович закусывал в этот горестный вечер тепловатое, вчерашней заливки пиво в «Трех сестрах» (пивная площадка в парке с тремя ларьками, в которых настоятельницами служили две родные и одна двоюродная сестры) или очень переволновался, но странные ассоциации вплелись в сон: снова всплыл злосчастный стакан и в сонной голове представилась совершенно нелепая картина.

Видел он себя ранним морозным утром пришедшим на службу. От прекрасной погоды за окном весело сиделось, спорилась нудная работа над извещениями об изменениях типоразмеров винтов и гаек. А ровно в 10.00, тоже как всегда, отправился к брату, захватив заветный продолговатый сверточек. Младшой открыл сейф и, к удивлению Лохматых, вместо плоской жестяной канистры вынул большую овальной формы консервную банку, в каких иногда продают каспийскую кильку пряного посола. Он с интересом наблюдал, как брат консервным ножом вскрывает посудину, думал: «Не иначе теперь Ни-

колка к спирту станет и закуску выдавать!» Но в отворенной банке тяжело, плотно гатилась красно-кирпичного цвета вязкая паста. Брат же объяснил, что на этот месяц для промывки деталей выдали не обычный ректификат, а концентрированный спирт, смешанный с томатной пастой. С этими словами чайной ложечкой он наложил в подвернувшуюся майонезную банку сто грамм пасты. Изумленный Лохматых, закончив дела в сборочном, вернулся к себе, а перед самым обедом выяснилось, что воды во всем КБ нет, промерз и лопнул магистральный подводящий водопровод. Как же пасту развести? И время шло, уходили драгоценные обеденные минуты. Однако на помощь пришла увертливая мыслишка. Лохматых развернул сверток с тормозком, намазал кусок любимого рижского спиртово-томатной пастой и скушал сложный бутерброд. Приятное тепло растеклось по желудку. «Тот же эффект!» — подумал удовлетворенный Вадим Афиногенович, намазал на следующий кусок рижского остатка пасты, аккуратно съел. Но здесь в желудке защемило, продернуло резью, страшная жажда раскаленным песком ожгла рот, губы, небо, язык. По инерции распорядка дня он побрел, скрючившись, в курилку. Не успел Лохматых сделать пару мучительных затяжек, как из раскрученных кранов захлестала вода. Вадим Афиногенович подхватил с полу трехлитровую банку, в которой уборщица держала соду для мытья раковин, высыпал в мусорницу слипшиеся серые комки, едва сполоснул и в единый вздох выпил три литра поды, отдающей хлоркой. Не останавливаясь, наполнил банку вдругорядь, вновь выпил. Жажда не утихала, Лохматых проснулся, пошел на кухню и заглотил две кружки холодной воды.

◆ — Каков тихоня?! — официально возмутился самый младший по чину из оставшихся в кабинете Дорофеев и с трепетом выслушал устно-конфиден-

циальный выговор Начальника за слабую работу с подчиненными. С тем Михаил Иванович был отпущен, а когда в кабинете остались только заинтересовавшийся Дунайцев и Кладунов, лица доверенные, Владислав Сергеевич убрал с лица служебную строгость, заменив ее довольством удачно исполнившего опыт естествоиспытателя, а затем рассказал как он сам дошел до истины. Двое высокоподчиненных с восхищением и душевным восторгом внимали.

Как-то субботним днем, спустя полгода от той злополучной истории со стаканом, Владислав Сергеевич (Владейчиком в быту звала его добрая супруга) отдыхал, лежа на канапе в верхней комнатке-светелке своей ладно срубленной заводскими плотниками дачи в Никифоровских выселках. День перекатился через зенит, голова приятно покруживалась от сытного обеда с гостем и дачным соседом — директором станколитейного завода, легко дышалось в лесном воздухе, внизу супруга с дочерью перебирали клубнику на всякое варенье. «Приятный джем получается из клубники», — утверждал свою мысль расслабленный отдыхом и неслужебной обстановкой Владислав Сергеевич. Минутами он впадал в дрему, покоился в полусне-полуяви, думал ни о чем. Часам к шести сон совсем его покинул вместе с выветрившимися парами инвалютного армянского брэнди из столичной «Березки». Владислав Сергеевич раззевался, взглянул на часы: до ужина полчаса, внизу только затарили клубнику, теперь гремели кастрюлями; понесся ввысь, пронизая светелку, острый запах поджариваемой приправы, приятно зашипели грибы, гибнущие в кипящей сметане, глухо зашмякали разбиваемые яйца. Яишенку Владислав Сергеевич уважал с вытопленным соленым салом, как по большим праздникам готовила мать в далеком деревенском детстве на Орловщине. Как все спорилось в руках у его мамы, двужильной крестьянки, хотя и дьячковой

дочери. Она всегда вытопленные шкварки оставляла для младшего из шестерых, для Славика, еще раскаленными ссыпав на ломоть ржаного хлеба. В либеральные 60-е годы Владислав Сергеевич любил по молодости в застолье, в своем кругу вспоминать своих пращуров: из разночинцев мы, колокольное племя! Но в автобиографии всегда писал: из крестьян.

Владислав Сергеевич мысленно представил бутылочку польской зубровки, что обливалась слезами в холодильнике внизу, осторожную первую рюмку и закуску — теперь уже наученной им женой приготовленный кусок ржаного со шкварками... тело сладко заныло от предвкушения. Будучи истовым семьянином, он отогнал мысль о том, что в половине девятого просигналит у ворот его служебная «волга», на которой уедут в город жена с дочерью с тем, чтобы утром еще прикупить на базаре клубники — на даче ее растить некому и недосуг, — а через часок в незатворенную калитку скользнет из темноты привезенная обратным рейсом той же «волги»... Но надо было чем-то занять оставшиеся до ужина полчаса. Под руку попал старый номер «Юного техника», что когда-то читал сын. Потом за ненужностью собравшуюся кучу аккуратная жена отправила на дачу. От нечего делать Владислав Сергеевич закурил, залистал со снисходительной полуулыбкой прожухлый, пыльный журнальчик и вдруг дернулся, ужаленный, поднялся с канапе резко, пересел на табурет у стола.

«КАК ОБЕЗОПАСИТЬ САМОДЕЛЬНЫЕ МОТОЦИКЛЕТНЫЕ ОЧКИ»

Далее под заголовком описывалось, что обычно самодельные мотоциклетные очки, преимущественно в сельской местности, изготавливают из простого оконного стекла, что создает значительную опасность для глаз водителя при авариях. Однако если их за-

калить, то стекло в таких очках приобретает все качества автомобильного, то есть при разбиении рассыпается на мелкие, с тупыми гранями осколки. Закалить же стекло можно в домашних условиях, раз двадцать-тридцать последовательно окуная его в концентрированную азотную кислоту и в водный раствор соды. Возникающие локальные перегревы закалят стекла очков...

Здесь послышалось: «Владе-ейчи-и-к! Спускайся кушать!». Он отложил радостную мысль до понедельника, положил удобного формата журнальчик во внутренний карман пиджака и спустился к шипящим томным грибам, застывшей глазунье, плачущей от холода импортной зубровке. Был он весел и счастлив; в этот день сразу две женщины очень хвалили его аппетит. Хвалили ночью и на следующий день.

Дальнейшие действия Начальника привели к полному, неопровержимому разоблачению Лохматых. В понедельник референт срочно убыл в «волге» с хмурым от недосыпания шофером Самого в тот же НИИ стекломатериалов, где заключил от имени КБ договор на проведение исследований вспомогательного, но экстренного характера. Через месяц Начальник получил и тщательно изучил отчет в фирменной тисненой папке. Вывод на последней сто тридцать восьмой странице был лично отчеркнут красным карандашом:

...Итак, на основании вышеизложенного можно утверждать, что обычное стекло с неравномерной, усредненной до 2,49 мм толщиной и с равномерной кривизной радиуса 36 мм приобретает свойства умеренно закаленного стекла (типа автомобильного) при эксплуатации последнего в условиях 3000 ± 25 циклов локальных перегревов, имеющих место под влиянием экзотермической реакции разведения спирта этилового промышлен-

ного (ректификата) водой хлорированной в соотношении: 55 % C_2H_5OH — 45 % H_2O .

*Зав. сектором термической
обработки стекла, д.т.н.,
лауреат Государственной премии В. К. Петров
Ст. научный сотрудник,
к.х.н., лауреат премии
им. Менделеева, доцент А. С. Вайсбурд*

Список использованной литературы при составлении отчета открывала магистерская диссертация Менделеева «О разведении спирта водой». За спешность выполнения договорной работы КБ перечислило на счет НИИ 120 000 рублей, понятно, что тема работы имела гриф секретности.

После изучения отчета Начальник позвонил в бухгалтерию, поинтересовался среднегодовым числом рабочих дней. Еще раньше он поручил Кладунову — кровь из носа, но узнать, с какого времени Лохматых пользовался тем самым стаканом. Задание взялась выполнить Розалия Тимофеевна. Она подучила свою подчиненную Людочку, которая очень нравилась непритязательному спортсмену Мирошникову. Короче говоря, Мирошников, опаленный страстью, заманил деда Афиногеныча в пивную и узнал требуемое: стакан этот Лохматых обнаружил в кармане своего пальто наутро после бурного посещения сосисочной «Жемчужина» ровно десять лет тому назад, считая до разбиения посуды, еще работая на заводе. Итак, исполнительная Людочка в порыве рвения по службе изменила своему жениху-курсанту, отбывшему на маневры, Мирошников побывал на седьмом небе счастья, но Начальник теперь смог расставить все точки над «i».

Полученные агентурным и аналитическим путем цифры сопоставили и нашли, что они прекрасно сов-

падают. При среднегодовом числе рабочих дней в 304,7 число циклов разведения спирта водой хлорированной составило 2 839, что почти идеально соответствовало юбилею стакана. Полагая, что в один прием разводилось по 50 миллилитров спирта, референт на осьмушке бумаги подсчитал: Лохматых украл у государства около 190 литров технического спирта.

Все последовавшее за этим открытием вы знаете. Лохматых объявили строгача, депремировали за квартал, поставили его стол и кульман рядом с Дорофеевым, лишив уютного местечка, а потом вовсе услали до белых мух в подшефный колхоз.

Дорофееву же официально порекомендовали играть в шахматы до или после работы, а в обед следить за подчиненными. Теперь он с крайним интересом присматривается — по рекомендации Кладунова — к йогу Сергунчикову.

Да-а-а... Были же веселые времена!

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
Вчера они получили дипломы лауреатов премии Комсомола за «изделие», а сегодня посланы на бетономешалку*

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ: ДОСЬЕ ЧЕТЫРЕСТА ВОСЕМЬ

◆ В конце июля 197... года в Бельгии, в Льеже, проводилась LXXVII традиционная международная выставка-ярмарка охотничьих ружей и промысловых снастей. Как всегда, льежское шоу-сафари собрало многочисленных пестрых посетителей. В шумной, разномастной толпе досужих американских и кувейтских туристов легко выделялись коммерческие лица в выдержанного тона, модного в сезоне делового покроя одежде: кирпичный с серыми прожилками пиджак, светло-синие брюки, желтая рубашка. Гиды — студентки из Англии и Испании на языковой практике раздавали проспекты, в многочисленных тирах демонстрировались стрельбы. За два дня до официального закрытия в специальном выпуске бюллетеня выставки был опубликован список экспонатов-призеров, отдельно на охотничьи ружья и на промысловые снасти. Экспонаты из СССР были отмечены в обоих списках — малая золотая медаль традиционно тульскому семизарядному охотничьему карабину с оптическим прицелом «Изюбр-2» и поощрительный приз за оригинальность традиционных решений промысловому капкану «Улыбка акулы». На табличке, прикрепленной к секции стенда с капканами, значились имена конструкторов: «Владислав С. Трибелии и Николай А. Серебренников. Дизайнер Артур Н. Пирожников. В/О «Машприборэкспорт».

За неделю до открытия выставки Саймон Костах, старший технический эксперт 31-го отдела разведуправления при комитете начальников штабов, раскрыл только что принесенное от оперативников досье под номером 408 «бис». Индекс «бис» означал, что исходные данные находятся в стадии сбора и подготовки, но сейчас по срокам, но полноте представленных документов пришло время присвоить до-

сье индекс «прим», то есть составить справку-заключение по материалам и передать в агентурный отдел. В держателе досье и в его кармашках находились: проспект с открывающейся через неделю ежегодной Льежской выставки-ярмарки с отмеченным окантовкой красным маркером описанием капкана «Улыбка акулы», несколько проспектов с более ранних выставок охотничьего снаряжения без отметок, справка о марках и предприятиях-изготовителях капканов в СССР, фотокопии, подколотые к ним переводы из иностранных, преимущественно советских газет, в том числе местных, кой-какие протоколы, заполненные вопросники на засекреченных бланках, ксерокопия описания к секретному же советскому изобретению, микрофиши и комплект отпечатанных с них фотографий Владислава С. Трибелина в различных ситуациях и позах: в Москве, в своем городе, даже переснятая с местной газеты «К сияющим вершинам» из рубрики «Избранники народа» — к выборам в областной Совет народных депутатов.

Костах внимательно и поочередно изучил документы, некоторые перечитал дважды, делая выписки, занося отдельные сведения и цифровой материал в память компьютера; терминал с пультом ввода-вывода данных и дисплеем помещался справа от рабочего стола. Несколько раз он звонил в оперативный, агентурный отделы за справками и уточнениями. Через три часа работы Костах взял из ящика стола бланк заключения, вставил в пишущую машинку, подключенную к терминалу, заполнил графы, поминутно заглядывая в разложенные на столе документы, блокнот ведения дела, выводя на экран дисплея нужные цифры, имена, отдельные фразы. К часу дня он закончил работу, уложил документы и отпечатанное заключение в футляр досье, вытащил из наружного кармашка обложки флажок с надписью «бис», вставил новый — «прим», закрыл крышку, щелкнув

боковым замком, и отдал вызванному курьеру для передачи в агентурный отдел.

На следующий день в агентурном отделе обсуждался материал по досье 408 «прим». Докладывал заместитель руководителя «русского сектора» подполковник Дэвид Мэтолак:

— ...Итак, полагаю, нам предоставляется самой судьбой ниспосланный уникальный случай вступить в непосредственный контакт с человеком, досье на которого покрылось пылью долгого ожидания; этот мистер Трибелин уже снится мне по ночам, еще немного — миссис Мэтолак начнет меня ревновать к нему. Этот крупный специалист из России попал в поле нашего зрения еще год тому назад, когда по агентурным каналам поступило сообщение, что на базе одного из структурных подразделений крупного ...ого завода готовится к созданию мощная научно-исследовательская организация. Действительно, вскоре было создано Конструкторское бюро, руководителем которого был назначен Владислав С. Трибелин, тогда лауреат Государственной премии, кандидат технических наук. Проведенная нашими коллегами из оперативного отдела экспертиза по русским источникам научной и патентной информации выявила к настоящему времени огромное число теоретических работ — прикладные результаты русские не публикуют в доступной нам печати, — около двухсот (?!) только открыто опубликованных изобретений, и все это в различных отраслях техники, но первым автором везде стоит Трибелин! Я не оговорился, Трибелиным опубликованы работы и созданы изобретения именно в совершенно различных отраслях техники, включая электронику, компьютерные информационные сети, технологию обработки металлов и пластмасс, баллистику летательных аппаратов и т.п., но это только кажется абсурдным; наши коллеги обработали весь массив данных на последнем суперком-

пьютере фирмы «Ай-би-эм» по специализированной программе, подготовленной в Массачусетсом технологическом институте на кафедре знаменитого Майка Флоренса, и получили потрясающий результат: комплекс известных нам (а еще большее число нам неизвестно!) работ, выполненных Трибелиным с коллегами, направлен на создание автономной автоматизированной системы с элементами искусственного интеллекта, возможности использования которой в военных объектах колоссальны. Судя по агентурным данным последнего времени, фирма Трибелина уже создала опытный образец этой системы, в то время как аналогичные работы, проводимые «Роквелл корпорейшн» по программе военного ведомства, находятся лишь в стадии технического проекта. Налицо стратегически важное отставание!

— Мистер Мэтолак! — перебил капитан Веласкез. — Прошу назвать источник информации о создании опытного образца и степень ее достоверности.

— Хорошо, Роберт, я отвечу на твой вопрос. Абсолютно достаточно верной информации у нас попросту нет, ибо нет второго Пеньковского в военном министерстве русских. В КБ Трибелина, как вы понимаете, у нас тоже гостевого пропуска не имеется. Именно потому я считаю выезд Трибелина в заграничную командировку единственным шансом для стирания пыли с его досье, что наши возможности получения какой-либо конкретной технической информации о его детище из России равны нулю. Город, в котором расположена фирма Трибелина, для иностранцев закрыт или почти закрыт, так что рисковать дипломатом или хорошо внедренным агентом неразумно. В Москве же он проводит все время в министерстве, приезжает из своего города и убывает назад в персональной машине. А ведь только он один способен четко представить принцип работы и устройство системы, а каждый из сотрудников знает

только «свой шесток», как говорят русские. Теперь об источнике информации. Вот вам список награждений, званий, отличий, полученных Трибелиным за последние два-три года, — Мэтолак зачитал треть страницы. — Роберт, вы, надеюсь, удовлетворены без пояснений?

Благодарю вас, сэр. Я удовлетворен полностью вашим ответом.

— Да-а? Уже удовлетворены? Но я ведь еще не открыл главный козырь: в досье имеется копия описания к закрытому изобретению Трибелина с коллегами, которая обошлась нашим налогоплательщикам в кругленькую сумму 15000 долларов, но которая, право, того стоит. Это изобретение, где соавторами патрона выступают, как обычно, его ближайшие технические исполнители Волчанов, Дунайцев, Гриневецкий, Кладунов и некто Сергунчиков — надо полагать, случайный в их группе доктор или кандидат наук, выполнявший вспомогательные исследования, — прямо указывает на профиль работы фирмы Трибелина, ибо речь здесь идет о реализации искусственного интеллекта с условным названием «Идеальный йог». Право, русские в последние годы стали чуть раскованнее, приобрели чувство юмора, хотя бы в кодовых наименованиях! Вот так, Роберт! Кстати, именно названные выше четверо — постоянные соавторы изобретению Трибелина. Иногда, но достаточно часто фигурируют фамилии Цфасмана и Путкардзе, но обратите особое внимание: последние фамилии почти или вовсе не повторяются: Сергунчиков, Алдошин, Смьшляев, мисс Давыдова, Дубовой, Мишин, Афремов, Ассатурьян, Петрищев, Серебренников — соавтор капкана. Дорофеев, правда, встречается раз десять. И так далее; картотека таких «замыкающих» насчитывает около ста фамилий на 211 известных нам изобретений. Отсюда следует, что в лице мистера Трибелина мы имеем уникам энцикло-

педической научной и технической мысли; впрочем, в более скромных масштабах эта ситуация в современной технике не так уж редка, когда один выдающийся изобретатель, большой аналитический ум, непрерывно выдвигает гипотезы, ищет, обосновывает принципы, группа же талантливых сотрудников — в данном случае их четверо, но можно предположить таковыми Цфасмана с Путкарадзе — переводит научную мысль на язык техники, разрабатывает программы исследований, а все остальное окружение, эти самые Сергунчиковы, Смышляевы... выполняют черновую вспомогательную работу, например, разработку узлов по заданным параметрам. Но весь принцип комплекса, системы формируется и держится в этом самом «большоголовом» центре исследовательской фирмы. Роберт? Я уже догадываюсь, видя ваше нетерпение, о следующем каверзном вопросе: чего это автор глобальной идеи к охотничьим капканам любовью воспытал, да?

— Ну-у, мистер Мэтолак, я поражен...

— Роберт, вы не совсем верно представляете структуру больших современных предприятий либо неправильно поняли Маркса в университете. На классическом примере булавочного производства тот обосновал принцип разделения труда и сущность специализации, но для современной промышленности характерна встречная тенденция — интеграция. Одна и та же фирма производит аэрокосмические самолеты и детские велосипеды. Второе — побочный продукт, ибо сейчас чисто велосипедная фирма разорится без поддержки и заказов Пентагона. Проанализируйте на досуге состав продукции наших гигантов «Дуглас аэропейс», «Крайслер», «Вестингхаус»? Точно так же капкан — побочная продукция мозгового треста Трибелина, а точнее — удачный вариант модификации узла, по всей видимости, первоначально предназначавшегося для использования в

специальной технике. А так капкан идет по линии товаров народного потребления, как принято говорить у русских.

Итак, согласно досье, Владислав С. Трибелин занимает должность главного конструктора КБ — исследовательской фирмы, но что любопытно, он одновременно является и незаурядным администратором, руководителем этого исследовательского центра. Вот полное наименование его должности, — и Мэтолак зачитал сначала в транскрипции: «*Natshalnyk y Glawnyi Constrooktor*», а затем в переводе с русского. — Роберт? Ваш вопрос?

— Видите ли, я всегда недоверчиво относился к совмещению двух и без того хлопотных по отдельности ответственных постов; ведь никто из вас не знает бригадного генерала, являющегося одновременно командиром и начальником штаба? А у штатских? Гм-мм...

— Но ведь у Эдиссона за спиной не сидел отдельно взятый «Начальник Эдиссона»? Вы на это намекаете, Роберт?

— Эдиссон, к счастью, работал в одиночку, во всяком случае в молодую, самую творческую свою пору. Современная же исследовательская фирма — это тысячи специалистов, сотни параллельных разработок. Я, конечно, понимаю, что колоссальные умы науки могут назначаться административными руководителями в порядке *honoris causa*...*

— Роберт! Все же пора вам переходить от университетских представлений к логике реалий. Это только в Детройте автомобильный король, спасший от налогового ведомства для детишек и внуков свой капитал основанием очередного фонда, может в благодарность получить от местного университета мантию почетного доктора, а в России-то заслуги при-

---

* Почетного отличия (лат.).

нято отмечать орденами, их у них много, но не должностями!

И Мэтолак в пять минут закончил свое выступление. Скоро завершилось и обсуждение. Суть выводов состояла в том, что русские совершенно неожиданно вырвались вперед в той отрасли техники, которая по преимуществу обслуживает военные заказы и где они до сих пор занимали более чем скромные позиции: где-то на уровне Испании и Бразилии. Именно поэтому следует принять самые решительные меры для выравнивания сложившегося дисбаланса. Учитывая практическую невозможность сбора конкретной технической информации на территории СССР и редкий случай выезда академика Трибелина в Западную Европу, невозможно упустить вариант активной агентурной разведки.

— Пребывание советской делегации в Бельгии ограничено тремя днями,— сообщил Мэтолак,— это время следует использовать для продуктивной работы. От руководства разведуправлением и от нашего куратора из Пентагона получены широкие полномочия. В крайнем случае разрешена ситуация инцидента. С Госдепартаментом согласовано, кроме того, мы можем рассчитывать на самую активную помощь коллег из Лэнгли.

— Надо полагать, в Госдепартаменте много любителей охоты с капканами, иначе откуда такая опека мистера Трибелина, как будто он спроектировал тысячемегатонный боеприпас в пачке сигарет,— шепнул-таки Веласкез соседу майору Вильфриду Уиннери.

На следующий день диспозиция, разработанная накануне в оперативном отделе, была утверждена шефом разведуправления, окончательно согласована с заинтересованными ведомствами. Вечеру того же дня резидент парижского отделения получил подробные инструкции. Наутро он сам с двумя помощниками отбыл в Льеж, где их встретили подполковник

Мэтолак и скептик Роберт Веласкез, вылетевшие из Нью-Йорка накануне вечером.

◆ Официальное открытие выставки-ярмарки состоялось в десять утра в конференц-зале построенного еще в середине прошлого века дворца — административного здания фирмы-устроительницы традиционной выставки. О ружьях этой фирмы почти полторы сотни лет мечтают все охотники мира, а автоматами, карабинами и пистолетами которой так любят вооружаться армии стран «третьего мира». После вступительных слов президента фирмы, зачитавшего приветствие короля бельгийцев, речей виднейших из гостей, включая принца Уэльского и императора островов Тонга — известных охотников, делегации и корреспонденты проследовали в соседний двухсветный зал, на стенах и стендах которого представлялась полуторавековая история ружейного концерна. Мэтолак, Веласкез и парижский резидент, представлявшие не очень известные в Европе газеты западных штатов, с восхищением обменивались впечатлением, продвигаясь вдоль стендов. В какой-то момент они поравнялись с делегацией из четырех человек, вполголоса разговаривавших по-русски. Мэтолак сверил запечатленные в тренированной памяти фотографии из 408-го досье с лицами делегатов, их именами на подколотых к лацканам пиджаков карточками. Все подтверждалось: Владислав С. Трибелин — руководитель делегации; Николай А. Серебренников в проспекте выставки значился соавтором мэтра в создании конструкции любопытного капкана «Улыбка акулы». Третьим был бодрый лысоватый толстяк, по наведенным справкам — представитель В/О «Машприборэкспорт», а о профессии и жизненном кредо последнего члена делегации, атлетического сложения, по виду преуспевающего в мировых рекордах яхтсмена, было задумываться неприлично даже зараженному университетской рефлексией, плохо знаю-

щему реальную жизнь Веласкесу. То был их коллега-журналист, но только с другой стороны. Сделав последнее открытие, Мэтолак, Веласкес и резидент с уважением оглядели невысокую, спортивно-художественную фигуру с пронизательными серо-стальными глазами, с чуть заметной ученой проседью волнистых волос. Такой человек стоил личной охраны!

К концу третьего дня пребывания в Льеже Мэтолак имел вид досадливой лисицы, так и не сорвавшей лозу; его усиленной группе никак не удалось войти в контакт с членами русской делегации. Более того, им даже приблизиться к ним не пришлось: Трибелин и Серебренников держались друг друга, а яхтсмен не выпускал их ни на миг из поля зрения. Толстый весельчак собственной ценности не представлял, он с Трибелиным познакомился по пути из Москвы. Последний представился экспортеру доцентом-охотоведом. Ни одно из апробированных средств не пробивало зону отчуждения. Мэтолак сумел взять у главы делегации интервью для представляемой им газеты «Медфорд кроникл» (шт. Орегон), но вытянул лишь несколько общедружелюбных фраз, а на итоговой пресс-конференции, состоявшейся в заключение второго дня работы выставки, от делегации присутствовал толстяк экспортный представитель, так что подготовленному парижскому агенту Мэтолак дал отбой на грубо-провокационный вопрос. Большие надежды возлагались на вечерний прием третьего дня, — банкет, традиционно даваемый фирмой-устроительницей. Команда Мэтолака минуты спокойной не провела за эти три часа. Начать с того, что яхтсмен устроил во время приема бдительность, уже ни на шаг не отходил от своих подопечных, только вольный стрелок экспортер — на всякий случай — был уловлен Веласкесом и слегка им подпоен. Толстяк расчувствовался, раскрыл душу, доверительно сообщил простому американско-

му парню, репортеру провинциальной газетки из Форт-Брагга (шт. Калифорния), что лучше бы выставка обосновалась в более веселом городке — Париже или Вене.

Поскольку прием значился в программе выставки как «вечер с дамами», то специально выписанную из амстердамской резидентуры разведуправления красавицу агентессу представили отбившемуся на пару минут угрюмому, неловко себя чувствующему доктору Серебренникову. Ошарашенный, приятно взволнованный вниманием ослепительно-роскошной женщины, простак Серебренников безропотно, полагая, что так надо, принял приглашение новой своей знакомой, прелестной молодой вдовы, носящей по мужу титул графини Бельгии, пройтись к бару выпить по коктейлю, тем более что не знающему европейских (а равно и азиатских, африканских...) языков мистери Серебренникову будет легче общаться с ее помощью; графиня говорила на прекрасном русском языке, будучи, как она сообщила «милому рассеянному доктору», внучкой русского аристократа, уехавшего из России еще до «вашей грандиозной революции». Но здесь интересную парочку атаковали подоспевшие яхтсмен, служивший делегации, кроме всего прочего, переводчиком, и шеф делегации. Парижский резидент, собственно и познакомивший Серебренникова с очаровательной графиней, оказался тут как тут, предложил продолжить путь к бару большой компанией.

Сдружившаяся пятерка потягивала коктейли, обменивалась кисло-сладкими взглядами, графиня щебетала об охотничьих угодьях своего поместья на полпути между Ипром и Брюгге. Трибелин, замаскировав свой серо-стальной взгляд волевым наклоном головы, мысленно, со страстью раздевал богинеподобную... яхтсмен и парижский резидент поддерживали общую беседу. Серебренников, избегая взглядов па-

трона, грустил о прошедшей молодости. Кстати, из беседы выяснилось, что графиня-охотница и русская делегация соседствуют в отеле «Гентский путник». После такого приятного открытия в порядке долга вежливости прелестной даме было сделано распаленным академиком Трибелиным предложение собраться вечером, по возвращении с банкета, в баре отельского ресторана и продолжить начатое.

— По нижегородскому обычаю, как говорят у вас в России, — улыбнулся парижский резидент, отлично знавший все обычаи в мире. Графиня благодарилась наклоном головы.

◆ За полчаса до полуночи по средневропейскому времени в баре отеля команда Мэтолака предприняла последний дипломатический бой. Места заняли по диспозиции. За столиком бара, расположенного в имитирующей пещеру — по отношению к залу ресторана — кубической формы помещении, откуда хорошо просматривалась сцена варьете, расположились графиня, Трибелин с Серебренниковым, Мэтолак. По отношению к разноязычным русским и американскому журналисту (последний скрывал до поры знание языка собеседников) графиня любезно взяла на себя обязанность переводчицы. В полутора метрах, так, чтобы можно расслышать и порой вставлять фразы в разговор, на фортепьянных вертящихся табуретах у стойки бара уселись яхтсмен и парижский резидент. Побратавшиеся Веласкез и толстяк из В/О «Машприборэкспорт» с двумя девушками-гидами, студентками-старшекурсницами из Глазго, сидели за столиком поодаль. Наконец, в дальнем, темном конце стойки бара и за столиком у входа — по диагонали комнаты — виднелись безликие помощники резидента. Веселье началось с легких коктейлей, только экспортер налег на виски, а испанский Веласкез чинно тянул херес. На эстраде варьете восемь танцовщиц исполняли полный чувст-

венного трепета «Торжество Камы»^{*}; их эластично выгибающиеся животы блестели завлекательно и страшно в своей бесстыдной зовущей обнаженности. Экспортер вытер слюну в правом уголке губ.

За главным столиком непринужденно лился общий разговор, умело поддерживаемый двуязычной графиней. За другим экспортер и Веласкез накачивались виски с хересом, рассказывали девушкам скабрезные международные анекдоты. Веласкез осторожно интересовался насчет женолюбия технических боссов русской делегации. Коллеги за стойкой и входным столиком пили легкие взбадривающие коктейли, опекающими взглядами окидывая главный столик, весь искусственный грот бара. На эстраде индийская мелодия сменилась африканским тембром. Не привыкшие к ночной жизни Трибелин с Серебrenниковым подавляли подступавшую вялость замороженным мартини и любованием формами бельгийской помещицы. Так тянулось до двух ночи, после чего графиня изобразила усталость: жаль, дескать, но ей придется скоро покинуть столь приятное общество до утра, так как она не привыкла в здоровой сельской жизни засиживаться допоздна. Проводить она попросила «мэтра Владислава Сергеевича», как «самого мужественного из собеседников, в присутствии которого безопасность слабой женщины гарантирована, как и железная хватка конструируемых им капканов». Польщенный Трибелин, уже с час как ощущавший несколько пугавшую его безудержную страсть, на миг загорелся, потом несколько сник, побледнел, растерянно взглянул на яхтсмена, но графиня решительно и утомленно повисла на его руке, направляя неверные шаги спутника к боковому входу в холл отеля. Не успела закрыться портьера за ними, как остальная компания мигом распалась; рези-

---

^{*} Бог любви в индуистской мифологии.

дент и яхтсмен слетели со стульев, как птахи, тотчас же куда-то нырнули. Веласкез и экспортер разобрали студенток, разошлись по своим номерам, причем первый, понятно, занимал апартаменты рядом с графиней, а девушку он тотчас отправил баиньки. Помощники резидента заняли позиции на этажах. Осиротевшие Мэтолак с Серебренниковым вслед за остальными ушли в отель. Подполковник почти что уговорил слабо понимавшего английскую речь спутника подняться к нему в номер и выпить на посошок настоящего шотландского, но вынырнувший яхтсмен, извинившись, увлек соотечественника для телефонной беседы с ТАССом; отзывы о выставке завтра должны пойти в печать и в вечерний телевыпуск новостей. Мэтолак, слабо скорбя о потере собутыльника, вошел в соседний (с другой стороны по отношению к Веласкезу) с графиней номер, расстегнул спортивную сумку, вытащил аппаратуру, установил на стенку направленные микрофоны, в заранее подготовленное отверстие вставил глазок видеокамеры, надел наушники, включил встроенные магнитофоны: простой и видео.

Хотя длительная специфическая служба Мэтолака в разведке отучила его чему-либо удивляться, смущаться, краснеть, волноваться, словом, освободила от всяких эмоциональных перегрузок, тем не менее то, что вытворяла в соседней комнате графиня с мэтром, осатаневшим от лошадиной дозы подсыпанного в баре возбуждителя, видения раскрепощенной жизни Запада (в номере накануне по телевизору) и непревзойденного по чувственности роскошного тела, совершеннейшего секс-искусства, заставило подполковника не раз прикладываться к стакану с сильно разведенной содовой виски, закуривать. Во всяком случае его не тянуло в сон, он не зевал. Порой — о чуждая природа человека! — ему становилось по-мужски жаль ответственного чиновника и техниче-

ского гения Трибелина, которого он заставил химико-сексуальными методами грубо нарушить все те инструкции, за что по возвращении за Железный занавес его ждало полное разжалование, а может, пожизненная сибирская каторга.

Однако скоро чувство жалости сгнуло; чем глубже дело шло в ночь, а потом в рассвет, тем досадливее становилось выражение лица подполковника; отбросив побочные всхрапы изощренной животной любви, он с чуткостью матерого кота вслушивался в звуки осмысленной речи. Но, увы, как ни крутила хитро поставленными вопросами графиня, ничего конкретного ни она, ни технически более грамотный Мэтолак не слышали, хотя создалось впечатление, что Трибелин, несмотря на ограниченную, но все же ощутимую порцию наркотика, говорит вполне искренне — с отключением активного сознания, но с полностью освобожденным подсознанием. Под влиянием этого наркотика, созданного для лечения глубоких психопатий двумя нобелевскими лауреатами в области медицины, любой, самый закомплексованный, молчаливый человек откровенничает по-ребячьи. Само собой понятно, что в искренность взрослого человека подполковник разучился верить еще до поступления в начальную школу, ибо его родитель также был потомственным разведчиком. Мэтолаку на инструктаже в Лэнгли сообщили, что на испытаниях препарата в секретной лаборатории ЦРУ только один специально тренированный супермен не поддался его действию. Еще с четверть часа прислушавшись к словам Трибелина о его русских любовницах, исторических воззрениях Цфасмана, непосильных планах по колхозам и стройкам хозспособом, Мэтолак почувствовал одновременно восторженный озноб и огромное уважение к противнику. Он всего ожидал от человека с такими волевыми, умными серо-стальными глазами, но чтобы судьба

послала ему в работу русского Муция Сцеволу, овеществленного Джеймса Бонда?

Под утро, сняв и отбросив в раздражении наушники, выключив бесполезную в таком деле аппаратуру, Мэтолак окончательно понял, что полковником ему до пенсии не стать: при его-то стаже работы принять шефа делегации за средней хитроумности человека? Острое чувство зависти, сложно заплетенное со все возрастающим уважением к мэтру, в очередной раз пронизало его. Так истинный профессионал уважает знающих дело противников, но завидует виртуозам и монстрам. Однако, пора подвести черту, словесно-дипломатические и секс-наркотические атаки захлебнулись (Последний раз острое чувство зависти посетило Мэтолака месяц спустя, когда он случайно узнал, что амстердамская агентесса, к величайшему своему изумлению, в первый и последний раз в жизни... забеременела!). К тому же Серебренникова сторожил поседевший за ночь яхтсмен. Экспортер, напившись в стельку, спал с восхищенной такой оригинальностью девушкой, но он информацией не обладал. Ничего не оставалось, кроме использования крайних мер инцидента. Мэтолак собрал в номере по телефону всю свою команду.

Помятый лицом Мэтолак вкратце разъяснил ситуацию, объявил содержание секретной инструкции, наметил диспозицию. Соскучившиеся по делу конфиденты разбежались по постам, весело разыграли детективное действо. Пока Веласкез провокационно торчал в номере Серебренникова, дурачась пьяным и отвлекая яхтсмена, все порывавшегося идти за Трибелиным звонить в ТАСС, графиня выслушала по телефону команду, сбрызнула лицо впавшего в забытьи на креслах мэтра аэрозольным снотворным. Перед дремой усталого партнера практичная дама порекомендовала ему одеться, имея в виду строгий нрав отельных горничных. Вызвав коллег, она скоренько

переделась, побросала в дорожный сак порнушные принадлежности ночного туалета и, пока резидент с помощниками упаковывали Трибелина в ящик-чемодан с выставочной ружейной эмблемой, застегнула молнии своего сафари. С помощью двух вызванных носильщиков из отельной прислуги сундук с коллекционными ружьями снесли вниз и погрузили в микроавтобус, где шоферил один из помощников резидента. В стоящий рядом «шевроле» сели Мэтолак, Веласкез, хмурая от сопереживания общей неудачи амстердамская агентесса.

◆ ...Трибелин проснулся неведомо где; ему с трудом удалось втолковать, что находится он за сотню с лишком километров от Льежа. В это самое время почерневший лицом от сознания того, с какой детской простотой его провели, яхтсмен вышел на связь с Центром и имел неприятнейший, однако частично (странно, почему?) подбодривший его разговор. Он ожидал намного худшего. Первым делом спросили с тревогой, не разобрав поначалу, не похищен ли Серебренников? А узнав, что украден один лишь глава делегации, заметно повеселели, спокойным голосом дали необходимые указания. Через посольство в Амстердаме тотчас сделали официальные запросы. Бельгийские власти провели тщательные розыски в Льеже и его окрестностях, не нашли, в местной печати появились обычные сенсационные предположения, что-де виднейший русский ученый-ядерщик, глава промышленного концерна профессор Владислав С. Трибелин решил просить политического убежища, а пока что с помощью очаровательной американки-миллионерши скрылся в укромном уголке Испании, чтобы замести следы и не быть похищенным агентами КГБ. В правой прессе задавался риторический вопрос: не слишком ли действенна и всемогуща сеть советской разведки в странах НАТО, в частности, в незащищенных странах Бенилюкса? Пра-

вые газеты писали это, восприняв предположение местных газет за свершившийся факт похищения от-казника академика мсье Трибелина. Два дня первые полосы венчались аршинными шапками; кто печатал о похищении израильской разведкой, а кто о самоубийстве русского академика, вдохнувшего перед смертью воздуха свободы. В посольстве получили из Москвы текст официальной ноты. Наутро третьего дня, когда Серебренников, радуясь как дитя, что его успели вывезти из этой проклятой заграницы, давал последние уточняющие показания, а посол в Бельгийском королевстве получил указание в 12-00 дня по средневропейскому времени вручить ноту по назначению, раздался звонок, секретарь посольства взял трубку. Голос на очень правильном, видно, тщательно изученном русском языке сообщил, что мсье Трибелин находится в полицейском участке города Арлон, что на люксембургской границе в ста пятидесяти километрах по дороге через Намюр. Тотчас секретарь связался с полицией Арлона, где подтвердили: час тому назад на окраине города дежурный полицейский обнаружил человека в состоянии, очень сильно напоминающем последствие серьезного опьянения, и доставил его в комиссариат. Человек этот ни на одном европейском языке не говорит, однако перед самым звонком г-на секретаря комиссар Пашер сумел разобрать несколько слов, похожих на немецкие, из которых следовало, что перед ними русский подданный.

Через два с четвертью часа Трибелин был доставлен в посольство. Посол сдал в архив неиспользованный текст ноты, а еще через пару часов руководитель делегации улетел через Франкфурт-на-Майне в Москву.

События, следовавшие вослед: во всех бельгийских, в большинстве крупнейших западных газет напечатали сенсационное сообщение о том, как круп-

нейший русский ученый, близкий к военно-промышленному комплексу, Владислав С. Трибелин, увлекшись французской актрисой, забыл предупредить своих коллег и посольство, очевидно, совсем потеряв голову, провел с очаровательной соблазнительницей пару дней в отеле маленького городка Арлон на люксембургской границе, после чего, расставшись с ней и не успев протрезветь, был доставлен в полицейский комиссариат, откуда убыл в советское посольство на высланной за ним машине. Через неделю «Литературная газета» дала опровержение, рассказав о грубой провокации, предпринятой американской разведкой, но «товарищ Т. не поддался ни на какие уговоры и угрозы, решительно отверг все гнусные предположения о якобы компрометирующей его связи с так называемой бельгийской графиней, сумел настоять на своем освобождении от вопиюще противозаконной узурпации». В заключение по просьбе трудящихся высказывалось предположение: не слишком ли вольготно чувствуют себя американские спецслужбы на вольнолюбивой земле Тия Уленшпигеля и Ламмэ Гудзака? Сам же Трибелин был вскоре направлен на двухгодичную учебу в только что организованную Высшую промышленно-техническую академию, после окончания которой получил назначение начальником главка в родственное прежнему своему министерство. Серебренников — начальник 23-го отдела, давший подписку о неразглашении, ни слова никому в КБ не сказал, отсылая любознательных к «Литературке», всю жизнь потом проклинал свое давнее увлечение охотой (родом был из Коми АССР) и то, что, поддавшись уговорам Кладунова, отделению которого навязали пункт соцобязательств по товарам ширпотреба, разработал документацию на капкан и даже защитил его авторским свидетельством. Трибелин же давно мечтал побывать за границей — присмотреться к тамошним

методам руководства, поэтому через Цфасмана и Путкарадзе добился включения капкана, кстати, действительно оригинального, в состав экспозиции на выставку-ярмарку в Бельгии.

◆ **Выписка** из стенограммы, представленной подполковником Мэтолаком в оперативный отдел:

Мэтолак: Мистер Трибелин, я полагаю, здесь не место рассуждениям о степени нашей ответственности за ваше похищение, мерах законности и пр. Это все делается сейчас на высоких государственных уровнях. Мы же люди подчиненные, поставлены перед свершившимся фактом. Итак, вы являетесь руководителем и главным техническим организатором разработки системы, пригодной для использования в военных целях. Я уже доказал, по всей видимости, степень нашей осведомленности. Вы все отрицаете; вот основной и неоспоримый аргумент: фотокопия описания к вашему изобретению «Идеальный йог», прямо подтверждающему тематику проводимых вами работ.

Трибелин: Это фальшивка!

М.: Неделовой разговор, мистер Трибелин. Поверьте, мы слишком тщательно собирали досье на вас, чтобы решиться на вынужденный шаг похищения, грозящий внешнеполитическими осложнениями. Итак, я сейчас назову несколько десятков разработок, проводимых в вашем Центре, где вы являетесь Главным конструктором...

Через полтора часа:

Т.: Вы глубоко заблуждаетесь, полагая, что подпись под заявкой на изобретение может принадлежать исключительно членам творческого коллектива. Подписи зачастую ставят руководящие работники.

М.: За что же им... подписи?

Т.: За обеспечение условий, содействие во внедрении, например.

М.: Я понимаю, мистер Трибелин, вы начали

очередной маневр. В изобретательности вам, конечно, не откажешь. Решили выдавать себя за чистого администратора и убедить нас, что вы заставляли своих подчиненных незаконно вписывать ваше имя под изобретениями, статьями, монографиями и техническими разработками?

Т. (Невольно забыв об обстановке, возмутившись): Почему незаконно!!

М.: Но ведь у вас в России такие вещи строго караются законом! Слушайте, я зачитаю вам соответствующий текст, содержащийся в ваших бланках справок-заявлений на изобретение: «...При этом нам известно, что соавторами изобретения могут быть только лица, внесшие творческий вклад в создание изобретения, и что включение в соавторы лиц, не принимавших участия в творческой работе по созданию изобретения, влечет за собой ответственность в порядке, определяемом законодательством союзных республик». Бланк формы № 1, вторая страница, отпечатано в ППП «Патент», город Ужгород. Вам, конечно, это хорошо знакомо?..

Через десять следующих часов непрерывного допроса, после исследования на детекторе лжи обессиленный графией и суточным допросом Трибелин лежал в небольшой комнатке на жесткой кушетке. В соседнем помещении — аппаратной детектора лжи — Мэтолак и два оператора, прослушав и проанализировав выданные машиной результаты, окончательно пришли к выводу: либо детектор лжи есть порождение лженауки, либо Трибелин, впридачу к талантам выдающегося изобретателя и администратора высшей квалификации, по совместительству служит в разведке и работает искуснее всех ранее встреченных Мэтолаком супершпионов.

В последовавшую затем ночь была проведена терапия допроса во сне-анабиозе, вызванном специальным впрыскиванием и подачей чистого кислорода

для стимуляции процесса выхода информации из самых тайников подсознания спящего в активную зону мозга. Увы, выскочившие ассоциации содержали мнения о бюсте некоей мисс Давыдофф, другой молодой женщины, живущей в отдельной квартире, мечты о Золотой звезде и звании академика — все это густо подперчивалось общеполитической тематикой, терминологией администрирования.

...Вторые сутки чередовались изощренные методы научного допроса. Результат на 99,98 процента гарантировал: Трибелин абсолютно некомпетентен в научно-технических вопросах, из математики хорошо помнит четыре действия арифметики и таблицу умножения, слабо представляет основные направления работы руководимой им фирмы, конструкторским пространственным воображением не обладает, очень интересуется сельским хозяйством. После звонка в Нью-Йорк Трибелина для маскировки насытили пошопферски — через анальное отверстие — алкоголем, отвезли сонного в маленький городок на люксембургской границе, усадили на парковую скамейку и умчались... получать выговор по службе.

◆ Минули семидесятые — с песнями, плясками, долгими и нескончаемыми аплодисментами, переходящими в бурные овации, прерываемыми здравицами в честь и лично! В недоумении, смутном ожидании прошла первая половина восьмидесятых годов. Запомнились они подернутым туманом безвременьем, а в ассоциативной, столь уважаемой начальниками, памяти остались эти годы единой, долгой, с морозящими бесконечными дождями осенью, перемежаемой оттепельными зимами с неделями звучащими траурными мелодиями, вслед за которыми радио сообщало об очередной серии переименований городов, улиц, пароходов. Дождались шестидесятники времен переустroенных. Как раз на третий-четвертый год от знаменитого майского постановления 85-го года

большинству из них стукнуло по сорок. Юбилей с его хлопотами, поздравлениями, а тут километровые очереди за едой и питьем. Все же выкрутились юбилеры кто как мог, отпраздновали как следует. Изменения в служебном быте шестидесятников произошли. Посмелее они в курилках, при малом и даже среднем начальстве критические разговоры вели. Ксероксы из университетских городов и столиц читать перестали, а набросились на толстые отечественные журналы, «Огонек» и «Аргументы и факты», там намного более интересные статьи и романы тискать начали. Много, но все более теоретически рассуждали со знанием дела об оптимальных процессах самогоноварения. А так все осталось по-прежнему в стенах КБ: тот же колхоз, овощная база № 7, кирпичный завод, где по разрядке трудились ИТР совместно с сидельцами ЛТП, стройки разные. На основной работе — та же бумажная волокита, то же вычерчивание гаек, болтов. Впрочем, здесь изменения наметились: на КБ выделили два персональных импортных компьютера. Теперь девочки-программистки машинные языки Бейсик и Автокад на них изучают, а в обеденный перерыв молодой кандидат наук Афремов с машиной в шахматы играет. Все чаще машины эти начинают использоваться по прямому назначению: с помощью приданных им печатающих устройств-принтеров набираются и размножаются в семи цветах служебные записки, бланки на оформление отгулов, правила пользования лифтом, сообразительности на отдельские стенды информации и объявлений.

Смышляев придумал по дороге на работу 467-й афоризм о начальниках, теперь носится с идеей издать их отдельной книгой. Разговаривал он со мной на эту тему. Будучи профаном, истинным шестидесятиником, беспомощным во всех внеслужебных делах, я порекомендовал Андрею созвониться с Валер-

кой Овцовским. Валерка в начале 70-х годов по распределению работал в нашем КБ, тогда еще в составе завода. Служил он в секторе дизайна с Пирожниковым, хотя закончил институт по гидравлике, потом женился на москвичке, сделался сценаристом, теперь стал почти известным драматургом, ездит в соцстраны опытом обмениваться. Смышляев созвонился с хорошо ему знакомым Овцовским, взял отгулы, съездил в столицу. Однако возвратился пасмурный. Оказывается, сейчас другая конъюнктура в литературе и искусстве, рекомендуется писать о мафии, возрождается после недолгого забвения милицёрская героическая тематика, антиалкогольная тоже в большом фаворе, да вот никто серьезно писать об этом не хочет. Хотя несвоевременно, рановато пока, но можно попробовать сочинять о героях грядущего: совкупцах, независимых брокерах, дилерах и прочих шулерах-гешефтмахерах. В сталинизм молодым и близко не следует бумагу переводить, здесь еще на пятилетку хватит рукописей, что не успели напечатать в предыдущее потепление, а на подхвате железобетонно стоят более зрелые поколения пятидесятников. О брежневской эпохе — желательно косвенно, не обидно для ныне здравствующих. Не напечатывают о художествах недавно снятых всем кагалом, точнее — куренем, первых и вторых секретарей обкомов, о евреях, крупных партийных работниках «по состоянию здоровья». Следует выражать оптимизм в международных делах, милицию задевать играючи, по мелочам, необходимо. Поскольку в ходе переустройства исчезновения начальников не предвидится, то язвительные афоризмы о их природе, функциях, происхождении и психологии специфического мышления не нужны широким массам. Очень Смышляев огорчился. Теперь он выдумывает максимы и эссе о любви, ее природе, женщинах вообще. Я читал. Все похабное у Андрюхи выходит из-под пера. Да-а,

порнография, крайний натурализм, смакование, эротика, по словам Овцовского, тоже в ближайшее время печататься не будут. О проститутках можно, но не всем и только в плане социально-моральном, воспитательном. О самих проститутках желательно отзываться с уважением, что гарантирует успех у молодежной и женской читательской массы. Вспомнив о рекомендациях Овцовского в части сексо-полового вопроса, Смышляев разозлился и прервал второй том своих эссе. Как Николай Васильевич Гоголь. Теперь он, неумная натура со слепым расходом энергии, жертва инфантильной эпохи, заканчивает диссертацию на степень к.т.н. под названием «Влияние слабых доз направленных излучений из коротковолновой части СВЧ-диапазона на ускорение яйценоскости пчеломаток; подвид пчелы «*Apis mellifica*». Он воспользовался текущей конъюнктурой — на КБ «свалили» в плане ширпотреба побочную тематику по разработке аппаратуры для медико-биологических исследований.

Милые мои шестидесятники! При всех грядущих переустройствах останетесь вы малыми детьми, честными, в основе своей скромными, работающими, увлекающимися, немного скептиками и напускными циниками, не умеющими жить «не по средствам». Такое вот потерянное для лозунгов и целенаправленной деятельности поколение народилось. Ведь если кто из вас (единицы из единиц!) и ушел сейчас в новомодные кооперативы из КБ, НИИ, то не в торговорабительские, не спекулятивно-перекупщицкие, а в самые что ни на есть дуболомные, коловоротные: дома и дачи строить нуворишам от шашлыков, на горбу своем круглое таскать, плоское катать.

Мир вам!

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

*Тоже инженеры, только начала XX века.
Фото помещицкой семьи, найденное в книге
дореволюционного издания...*

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ: НАЧАЛЬНИКИ И ИХ ПОДЧИНЕННЫЕ

◆ Вспоминая свою инженерную юность, Николай Андреевич вовсе не нарочно выделял в памяти наиболее курьезные события тех лет. Самое существенное, что при всей своей начальственной «надутости»* те же Трибелин, Кладунов, Гриневицкий, Волчанов и Дунайцев, тем более — вполне человеческий Михаил Иванович Дорофеев, были каждый на своем месте. Это только со стороны мнится: полные идиоты, хамы, бездельные кабинетные крысы и волки... Увы, серьезный коллектив, занимающийся архисложными и жизненно необходимыми для страны делами, это все же не клуб по интересам, хотя его элементы и присутствовали зримо в «золотые» 70—80-е годы, но строго организованная иерархия соподчинения. И чем выше стоит человек — винтик этого большого организма по служебной лестнице, тем большую ответственность он несет за порученное ему дело. Дело же творят его подчиненные. А что такое совокупность подчиненных, тех же Смышляева, отставника Курбаченко, Давыдовой с ее замечательным бюстом, спортсмена Мирошникова и йога Сергунчикова, но чудесным образом лишенных всякого начальствования? — Чистой воды сброд, стая дворняжек без жоака.

...Здесь даже самые свободолюбивые возопиют: начальника нам, начальника! А дашь им Начальника и всю восходящую вверх лестницу других начальников, вплоть до столичных небожителей Цфасмана и Путкарадзе, снова возопиют: начальник — дурак, самодур, полный невежа и пр. и пр. Словом, куда

---

* Другому нашему запоминающемуся герою — профессору Игорю Васильевичу Скородумову принадлежит целый свод афоризмов — характеристик начальников; см.: Алексей Яшин. Административный восторг, или картинки с выставки.— М.: «Московский Парнас», 2014.— С. 230—326.

ни кинь — всюду клин... Извечный антагонизм начальствующего и подчиняющегося. Но в итоге-то ракеты делали! И хорошие ракеты. До сих пор ими самостийно-незалежные хохлы малазийские «боинги» сбивают, тех же америкосов с европоидами на МКС доставляют... и даже взад на Землю возвращают. Да и 9-го Мая по Красной площади движутся в основном советские разработки... А поиздеваться над начальником — святое дело; это как у студюзуса проввести за нос профессора и иного препода — фишка номер один.

Николай Андреянович добро рассмеялся сам-один, озадачив задремавшего кота, и отлистал в воспоминаниях ближе к началу своей инженерной деятельности, справедливо решив: начальники — неизбежное зло.

◆ С Андрюхой Смышляевым они были шапочно знакомы еще в Тулуповском политехе, хотя учились на разных факультетах: Андрей на радиотехническом, а Николай Андреянович на ракетостроительном; первый располагался в главном корпусе, второй — двумя кварталами ниже по проспекту в здании, именовавшемся всем инженерным людом города «пентагоном», поскольку в нем располагалась военная кафедра с ракетным ангаром во дворе и военнотехнические факультеты. Познакомились же, попав в зимние каникулы в одну группу лыжных путешественников по Карпатам — от Ясиной до Рахова с остановкой в знаменитом тогда «Эдельвейсе» — за счет профкома политеха. А после возвращения из недельной поездки и до окончания института встречались порой в обычных местах студенческого общения: в ближних пивных, распивочной-стекляшке «Хантыманси» (официальное название «Чебуреки-манты»), а в день получения стипендии — в ресторане «Дружба», что располагался через проспект почти напротив «пентагона» и в студенческо-преподавательской сре-

де был известен как седьмой корпус политеха; остальные шесть — учебные.

Николай был старше на курс, но поскольку на военно-технических специальностях учились шесть лет — и, предмет зависти всех остальных, им к стипендии Минобороны приплачивал червонец, — то выпустились они одновременно. Молодые специалисты в военно-промышленном Тулуповске были нарасхват, на защиты дипломов набегали вербовщики из многочисленных КБ и НИИ, с заводов. Те присматривались-прислушивались, а, поздравив понравившегося им выпускника, отводили в сторону, обещали если не манку небесную, но устойчивый карьерный рост, напирая особо, что все заказы от оборонпрома в их организации санкционированы особыми решениями партии и правительства, потому особо отличившихся ждут премии денежные и Государственные, ордена и медали и прочее. Главное — очереди на квартиры у них движутся по-спринтерски, не более трех лет надо дожидаться... Семейные молодые специалисты особо к последнему прислушивались.

И хотя Николай только что совместил защиту диплома на «отлично» с женитьбой, а Смышляев проживал на дальней окраине города со множеством родственников и вообще едва не получил «красный диплом», а значит оба имели тягу к личной жилплощади и — по успехам в учебе — право на какой-никакой выбор с местом распределения, но... не сговариваясь, выбрали малопrestижное, только-только организованное энергичным Трибелиным полуавтономное конструкторское бюро в составе завода точного агрегатостроения. Понятно, какого — того, которым руководят из Москвы с площади Маяковского обочью ресторана «Пекин», то есть Миноборонпрома. Как и всеми организациями и заводами Тулуповска.

Почему пошли в столь малохлебное место? А кто

знает, сами не могли себе объяснить. Наверное, оба еще застряли в безоблачном детстве, каковым и была советская жизнь того времени, не думали о карьере, плыли по воле волн, все оттягивая и оттягивая момент взросления с его скучными серыми буднями, опасливой оглядкой на начальников и сослуживцев — лишнего не скажешь и не выпьешь. Опять же семья, дети... все это, конечно, приятно и восхитительно, но всякие квартирные дела, на дачку-шестисотку с мая по октябрь запрягут, словом — все будет, все впереди, но хочется еще продлить студенческую вольность.

Тем более и, вероятно, по тем же самым соображениям, почти вся сотня «новобранцев» вновь созданного КБ оказалась с тех же двух факультетов, знакомые друг с другом: как будто на следующий, дополнительный курс политеха всех перевели...

◆ Начальников же привел с собою Трибелин с прежнего места работы — радиолокационного научно-исследовательского института, что в замостовской части города и некогда принесшего Тулуловску всесоюзную славу создателя первых в стране, послевоенных по времени, радиолокационных систем управления огнем зенитных батарей. Понятно, что все они там являлись рядовыми инженерами, от силы проработавшие после института с пяток, а то и менее, лет. Потому из них на новом месте амбиция поначалу так и выпирала, лишь со временем они попривыкли к своим малоначальственным должностям, обозначили свои естественные качества под чутким вниманием более старших годами и опытом руководства — тех же Кладунова, Дунайцева, Волчанова, Дорофеева и Веснянской. Очеловечились, так сказать. Но все же в итоге симбиоз сотни молодых специалистов, сдружившихся еще в институте, и полутора десятков только осваивавших нелегкую начальственную стезю руководителей групп, секторов и отделов и определяя ритм и специфику внутрислужебной жизни молодой

организации, в которую влились по первому году все те оригиналы, о которых уже «в лицах» вспомнил Николай Андреевич, перелистывая пожелтевшие страницы книги памяти...

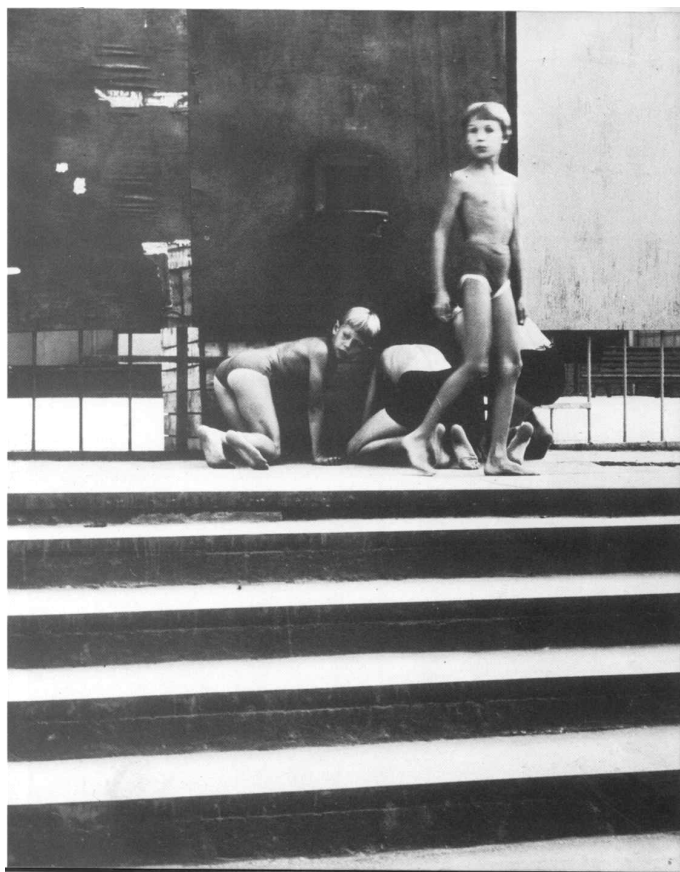
А оригиналы попались в большом числе. Даже в старшей возрастной группе, те же отставной полковник Курбаченко и разоблаченный самим Трибелиным потребитель казенного спирта Вадим Афиногенович Лохматых. Что уж тут говорить о зеленой молодежи!

Действительно, что бы делала на солидном, устоявшемся предприятии гордящаяся своим замечательным бюстом Давыдова? Со скукой проводила восьмичасовой трудодень с сорокапятиминутным обеденным перерывом, скучно ловила трусоватые взгляды — на свою грудь — взрослых, затюканных хозяйственными женами отдельных мужиков... может завела интрижку с молодцеватым начальником средней руки, сделала пару аборт, обиделась на всех и вся, а в конце обязательного трехлетнего срока молодого специалиста уволилась, перешла в другую «контору» (не путать с КГБ!). Здесь бы за нее взялась по-серьезному умная мать и сосватала за сына своей подруги — подающего надежды замначальника цеха ракетно-пулеметного завода. В итоге к тридцати годам образцово-стандартная семья с квартирой, двумя детишками, дачкой, долгие беседы с мамой, ибо муж не вылезает из командировок на полигоны в астраханские и казахские степи со своими «изделиями» из опытных серий. И как напоминание о скоротечной вольной молодости — только помягчавшие груди фасона «аэродром», все еще обращающие на себя внимание серьезных мужиков. Но супругу она изменять не будет.

Примерно такая участь ждала бы в устоявшемся коллективе орденосного конструкторского бюро или завода всех остальных героев предшествующих

воспоминаний Николая Андреевича. Включая его самого и Смышляева, а также Мирошникова, Мишина, Пирожникова, Сергунчикова, Васюкова, Овцовского, Афремова... Кто-то в младшие и средние начальники вышел, а может за удачное и принятое на вооружение Советской армии «изделие» украсил лацканы пиджака парадно-выходного костюма лауреатской медалью, орденом и парой юбилейных медалей. Что же, дело обычное для конструкторов военно-промышленного комплекса... Кто по партийно-профсоюзной линии пошел бы, кто до пенсии скучал, дисциплинированно спиваясь. Тоже не в диковинку.

Короткая и грустноватая новелла в памяти Николая Андреевича получилась. Если бы да кабы, но ведь попали они со Смышляевым и всей остальной сотней молодцов на совсем необжитое место, где и не пахло устоявшейся затхлостью старинных орденосных коллективов, чуть не от Петра Великого считающих свою трудовую династию! А где молодозелено, то там же весело и ракеты строить... в служебные промежутки между наслаждениями молодой жизни.

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
Зима на Заречной улице — хозяйственные хлопоты*

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ: ВИДЫ НА УРОЖАЙ. ОСЕНЬ

◆ За малым исключением вся «золотая сотня» молодых спецов, получив в конце июня дипломы и отгуляв положенный месяц отдыха от забот праведных, вышли на работу в начале августа. Скороспелые начальники скоренько разобрали их по секторам и группам, ориентируясь не столько на их специальности, впрочем, родственные, сколько по признакам ♂ и ♀, как изустно-графически выразился остряк Смышляев, — в пользу преобладания первых. Но и в их среде начальники уважали крепких видом — для поездок к колхоз — и ловких на язык, с легкой нахальдой. Судя по себе, они верно угадывали работающих парней — уже в части основных занятий конструкторского бюро.

Впрочем, и в части вторых сказывались личные пристрастия молодых, а значит не равнодушных к женскому полу, руководителей: чтобы и в прелестных головках не совсем пусто было, но и подставки* стройно-длинные, попки в норме и так далее.

---

* Время с момента описываемых событий много прошло, сам наш язык изменился в пользу американизмов, поэтому напомним читателю молодежный сленг той поры: подставки — женские ноги; буфера, реже — амортизаторы и передники — их же груди; станок — постель для двоих; факать и кадрить — все из той же оперы, а также давалка, самец, динаму крутить... Из слов за пределами полового общения: лабухи и лабухать — ресторанные оркестранты; парнас и дать на парнас — заказать за трояк музыкальный номер для своей широкой души; кусок — прапорщик наземных войск; макаронник — старшина до введения в 1966 году звания прапорщика; сундук — мичман; башлять — денежные операции; рупии, тугрики — деньги в советской валюте; рыжий — рублевая бумажка; полтинник и ильич — 50-копеечная и рублевая монеты, соответственно; брод (бродвей) — проспект; хлять — прогуливаться без определенных целей; пласт — грампластинка, а также и сейчас понятные: джины, куртед, маг. Слова-то какие все мирные!

Нелишним будет заметить, что образовалась сразу же прослойка между скороспелыми начальниками и молодыми специалистами: первые привели с собой из того же радиолокационного НИИ уже просто специалистов в своем деле; это мужики среднего возраста, которых заманили на высшие нена начальственные должности инженеров-конструкторов первой категории и ведущих инженеров. Они-то в основном и вразумляли молодое поколение в части азов исследовательской и конструкторской работы.

Как бы там ни было, но до ранней осени коллектив сложился, все три клана притерлись друг к другу. Николай и Смышляев уже уверенно входили в русло своей будущей деятельности, надеясь до окончания года даже слегка поразить своих руководителей исполнительностью и непритязательной инициативностью. Тем более, что Трибелин, решивший сразу взять быка за рога, не вылезал из Москвы, из главка, набрал кучу заказов — в основном на подхвате у ведущих в отрасли предприятий, дескать, возьми убоже, что нам не гоже... Что ж, любая новая организация с этого начинается. Даже молодые спецы-несмышлениши скоро поняли: на первые пять лет их «конторе» уготована сомнительная участь организации по конструкторской проверке-проработке заведомо проигрышных направлений. На официальном языке это именовалось принятой в военпроме еще со сталинских времен практикой параллельно-соревновательных разработок. Другое дело, что эти заведомо проигрышные всучались в главке еще не оперившимся конструкторским заведениям навроде их КБ, созданного исключительно стальной волей Трибелина в качестве первой ступени запланированной им на всю последующую жизнь карьерной лестницы... Так сказать, лозунг «прежде думай о родине, а потом о себе» бывает полезен родине и при обратном его прочтении.

Вдохновленные Николай и Смышляев уже расчертили для себя помесичные графики работ, но тут, нарушив их планы, грянул *осенний колхоз*.

◆ В советские времена школьники на уроках немецкого языка с упоением заучивали стихи из учебника, понятные без перевода:

*Mein Bruder ist ein Traktorist
In unseren Kolchose...*

Далее на столь же понятном русско-немецком описывалось, как *Bruder*-брательник готовил виды на урожай в нашем колхозе, вспахивая бесконечные казахские поля, куда поволжских немцев, спасая их перед нелегким выбором: за фрицев воевать, или подыхать в их же концлагерях в случае отказа, переселили в самом начале войны. В том, что немцы будут рваться на Волгу, чтобы перекрыть путь бакинской и североиранской нефти, у сталинских генштабистов сомнений не было.

...А немецкий язык мы учили по учебникам, в свою очередь составленным по газете «*Neues Leben*» казахских уже немцев, говоривших — со времен переселения их из фатерлянда Екатериной Второй — на средневерхненемецком языке эпохи Фридриха Великого и Гёте. Это как бы мы вдруг во второй половине XX века разговлялись на церковнославянском — старорусском...

Но — это все к слову. Уже в конце августа на картошку уехали первые конторские новобранцы, а слово «колхоз» до середины ноября месяца стало главенствующим в конторе, оттеснив на задние лингвистические ряды такие доселе крылатые словосочетания, как «кровь из носа, но план давай», «показатели партполитучебы», «комсомольский энтузиазм» («энтузаизм» — по-смышляевски) и «опять в заводской спецстоловой для начальства шашлык готовят!» Даже в курилке анекдоты про Чапаева, чукчей и руководителей партии и правительства, а также

обсуждение бюста Давыдовой, сменились сельхоз-тематикой.

Отставник Курбаченко, только что приступивший в своих военно-исторических исследованиях к критике основного труда Клаузевица «Кампания 1799 года», не поленился сходить в заводскую медсанчасть — запастись освобождающей от осеннего колхоза справкой об (отсутствующем) радикулите. «Под лежащего военного портвейн не течет!» — по-армейски ответил он на едкое замечание начальника отдела, с сомнением прочитавшего текст справки. Давыдова, опасавшаяся простуды своего бюста в ветреное межсезонье, тоже принесла справку... от тетки — зубного врача-терапевта. Словом, начавшаяся битва за урожай четко, как лакмусовая или фенолфталеиновая бумажка, поделила сотрудников на отлынивающих от перемены образа жизни и стойко выдерживающих линию партии и правительства на подъём сельского хозяйства.

...Теперь, уже прожив четверть века в другой стране, из них десять с лишком в новом веке и тысячелетии, Николай Андреянович с умилением вспоминал колхозную эпопею, что бы о ней злобно-паскудно не верещали современные средства массовой информации. Конечно, размышлял он на вечернем досуге, чисто практической пользы от посылки городских жителей на село не так уж и много было. И сами колхозники справились бы. Более того, самолично слышал он в очередной «посыл» от разгневанного преда: «И куда, спрашивается, я вас, инженеро́в, дену? К какому делу приставлю? Сожрете вы у меня за месяц всем кагалом пару коров, не считая другого приварка, а толку-то! Сами картоху и свеклу собрали бы, а вас все шлют и шлют нам на голову...»

Здесь вступился делающий профсоюзно-комсомольскую карьеру Афремов, попавший в колхоз по

недоразумению: «Значит, товарищ председатель, вы против линии партии и правительства?» Поскольку тихо-зловещую интонацию голоса он унаследовал от отца, два десятка лет прослужившего «кумом» в оперчасти лагеря на Колыме, то все его коллеги дружно расхохотались, а пред махнул рукой и ушел в правление пить водку с колхозным парторгом с устатку: вчера с ним же отмечали Троицу — храмовый праздник их села.

Но зато Николай Андреевич всегда мысленно и изустно подчеркивал воспитательную, коллективизирующую роль поездок в колхоз, с ностальгией вспоминая свое боевое крещение: сентябрь месяц первого курса учебы в институте. Это было нормой, великолепно продуманной: первый месяц своей вузовской жизни все студенты 1/6 части земной суши — от Мурманска до Кушки (по параллелям) и от Калининграда до Владивостока (по меридианам) — проводить не в стенах университетов, институтов и техникумов, что потом надоедят, но в расслабляющей тиши сельской местности, кучно и вполне автономно в рамках своей группы. А в окрестных деревнях — такие же группы их факультета, а в соседних районах — расселились по деревням и селам другие факультеты их института... Как стаи грачей, запаасающихся нутряным жирком и птичьим оптимизмом и коллективизмом перед долгой и скучной зимовкой.

А сколько будущих семейных пар складывается в этот внеучебный сентябрь после жарких вечерних, а потом и ночных — в стогу — объятий? И это самые крепкие союзы! За месяц группа привыкает подчиняться загодя назначенному деканатом старосте. За портвешком со скромной деревенской закуской вроде бы шутя избирают комсорга и профорга. — И не раскаиваются, до конца учебы не переизбирают эту правящую тройку.

Старшая их группы от университета, незамужняя

почему-то, хотя все в ее фигуре и добром характере отвечало требованиям даже разборчивых мужчин, их своей опекой не тревожила: ласковое раннее бабье лето и ее склонило к лирике — завела роман с видным, слегка цыганистым колхозным завгаром, тоже неженатым, сам-один проживавшем в крепком домике. Так что и жила-была она отдельно от двух постоянных изб: для ребят и девиц. Далее на первом курсе она вела у них практику по химии.

К ночи, после картофельных полевых баталий, образовавшиеся парочки расходились по укромным местам, а в обеих избах вечерали в беседах, лежа на набитых сеной-соломой полосатых тюфяках.

Ребята в основном обсуждали успехи мировой науки, особенно — фундаментальной физики. Тон задавали двое, что перед политехом пробовали поступать на физфак МГУ. По их словам выходило, что в науке этой почти все уже сделано, осталось только кварки и новомодный бозон Хиггса* экспериментально открыть...

Девицы в своей избе говорили, конечно, о своем, девичьем, влекущем и немного пугающем.

Но то студенчество, а сейчас маячил иной, «взрослый» колхоз.

◆ В осенний посыл Николай не попал. Их сектору еще в августе дали срочную тему категории «кровь из носу». Сам Трибелин в присутствии всего коллектива, нарочито громким голосом предупредил начсектора: «...И никаких вам колхозов! Сформируем бригаду из менее загруженных подразделений. Оно, конечно, колхоз — дело архиважное, но сам Путкарадзе оказал нам высокую честь, и мы должны не подвести головное предприятие из Москвы!

---

* Что и было сделано в 2014 году на адронном суперколлайдере в швейцарском Церне.

Так что трудитесь, а насчет колхоза я уже согласовал с заводскими парткомом и профкомом».

А в курилке более опытные инженеры — варяги из радиолокационного НИИ, хорошо знавшие натуру Трибелина по прежней работе, пояснили: Владислав куда хочешь без мыла влезет, вот и хапает по всей Москве всякую всячину. Мы начертим с полным серьезом, а в столице под сукно положат, а то и вовсе в предпраздничную уборку сожгут во дворе в «первоотдельском» костре... «Что же поделаешь, — подхватил другой варяг, — у косоного Егорки глаз очень зоркий; одна беда — глядит не туда!» Здесь в туалетную курилку вошел партактивист конструкторского отдела, и все перешли на обсуждение производственных дел.

Но Андрюху Смышляева тотчас зарекрутировали, хотя и ему его начсектора с неизменным «кровь из носу» только что выдал, как электронщику, задание: смакетировать и довести до ума узел селекции сигнала блока управляемого по лазерному лучу гаубичного снаряда. «Все, Андрей, бросай до первых белых мух свою мутатень, — хмуро сказал он, — давай дуй завтра с бригадой в колхоз. Уборочная свеклы началась». На резонный же вопрос подчиненного о «крови из носу» тот только обреченно махнул рукой. Был он сыном лесника, то есть лишнего разговоров не терпел. Да и вообще любых словоизлияний. Официально отпущенный с обеденного перерыва, Андрюха отправился домой собирать котомку с одеждой и суточным пайком. Более опытные предупредили: затарься бутылкой водовки или самогонки. Телогрейку тоже не забудь, не смотри, что на дворе бабье лето.

На другое утро в ожидании автобусов разношерстная толпа заводских и кабешников, разбившись на группки по интересам, в основном по части анекдотов, собралась у заводской проходной. Чуть поодаль

стояли провожающие: опять же из заводского начальства и свои: Трибелин, Гриневицкий, Кладунов и Волчанов. Впрочем, они оживленно беседовали о большом событии в их главке — назначении Цфасмана на должность зама по тылу, то есть по материально-техническому снабжению. А, учитывая, что Аркадий Исаакович был выходцем из Тулуповска, оценивали, как это кумовство скажется на их заводе. Перспективы обещались быть радужными. Тем более, что племянник Цфасмана пока еще задержался в Тулуповске и служил начальником патентного отдела в НПО «Меткость» у *самого* Гусакова.

В ожидании запаздывающих автобусов народ повеселился по части двух легких конфузов. Во-первых, зоркий Кладунов приметил, что спортсмен Мирошников красуется с пришипленным к телогрейке институтским «ромбом», явно насмехаясь над самой посылкой инженеров на свеклу. С другой стороны, уже всем было известно полное отсутствие юмора у того. Чтобы понять суть происходящего, Кладунов поманил к себе своего отделенческого комсорга, что-то тихо сказал ему, взглядом указывая на провинившегося.

Все заинтересовались, слегка расступились, окружив Мирошникова с комсоргом, причем первый разволновался, замахал руками в сторону коллег, без конца повторяя: «...Все говорили. Все!» Затем он отвинтил знак и положил в карман телогрейки, а комсорг, вернувшись к Кладунову, объяснил, что простачка вчера разыграли, дескать, вышло устное распоряжение заводского парторга: всем ехать в колхоз с институтскими «ромбами» — для снискания уважения сельских жителей... Кладунов сказал что-то едкое комсоргу и отпустил восвояси.

Оконфузился, впрочем, не придав тому значения, и Смышляев. Досадуя, что докурил последнюю сигарету, а взятый с собою блок «аэрофлота» туго упа-

кован в заплечном вещмешке, вознамерился «стрельнуть». Как нарочно, рядом оказались некурящие коллеги, но зато в начальственной группке смолил беломорину ближний к нему мужичок совсем не вальяжного вида. «Небось, чей-то шофер», — подумал Андрей, сделал к нему пару шагов и простецки попросил закурить. Тот заулыбался, достал замахренную пачку «беломора», протянул коллеге-курильщику, сам чиркнул спичкой. Смышляев поблагодарил и сделал шаг к своим, но мужик жестом попридержал: «На, парень, возьми, у меня еще запасная пачка имеется. Как же ты в колхоз без курева-то поедешь?» — И протянул непечатую пачку «беломора». Андрей смутился, поблагодарил, что-то про сигареты в вещмешке сказал, но тот отеческим взмахом руки отпустил его, благо мужика тотчас окружили заводские и кабешные начальники.

— Ты, Сергеич, откуда Федорова знаешь? — с удивлением и невольной почтительностью спросил Смышляева давешний комсорг.

— Какого-такого Федорова? Не знаю таких.

Из дальнейших пояснений комсорга понял: пачку «беломора» ему презентовал Михаил Тимофеевич Федоров, директор их завода, известный не только в Тулуповске, но и в главке человек, руководитель последнего сталинского призыва... Трибелин смотрел на Андрея с каким-то нерешительным недоумением.

Но здесь подали автобусы. Две ходовые единицы.

◆ Опекаемый заводом колхоз оказался почти на краю области, добирались два с лишком часа по хорошей межрайонной асфальтовке, но после райцентра еще с полчаса тряслись и качались по грунтовке. Уже в самом селе, но без церкви, разрушенной в войну, автобусы, ко всему привычные верткие «пазики», с натужным ревом взобрались на холмистую возвышенность, где стояли только две постройки: школа и клуб. То и другое достаточно новой, помес-

тительной постройки, кирпичные, еще не лысевшие отпавшей штукатуркой. Колхоз — крепкий миллионер. И дома в достаточно большом селе смотрелись аккуратными в крашенных железных кровлях. Яркую красную, не тускнеющую краску по железу в Тулоповске и по всей области издавна именуют «комбайновой» — по месту ее выноса через дыры в заборе Комбайнового завода...

Разместили новоприбывших в клубе: большую мужскую половину — в зале с вынесенными стульями, а женскую — на приличного размера сцене, отгороженной задвинутым драповым занавесом. Спальные места — все те же соломенные тюфяки с приданными подушками, простынями и одеялами — из колхозной кладовой, обслуживающей интернат при школе, впрочем, два года как упраздненный.

Андрею и баянисту Славке Соловьеву досталось престижное место для сна — угловой приступок непонятого назначения в «задних рядах» зала. Как на невысоких полатях! Может здесь во время концертов и фильмов ложа для преда и парторга подразумевалась? Немного смутило, что опытные в колхозных буднях сорокалетние варяги не посягнули на этот приступок... впрочем, скоро и это разъяснилось. К огорчению Смышляева и Соловьева.

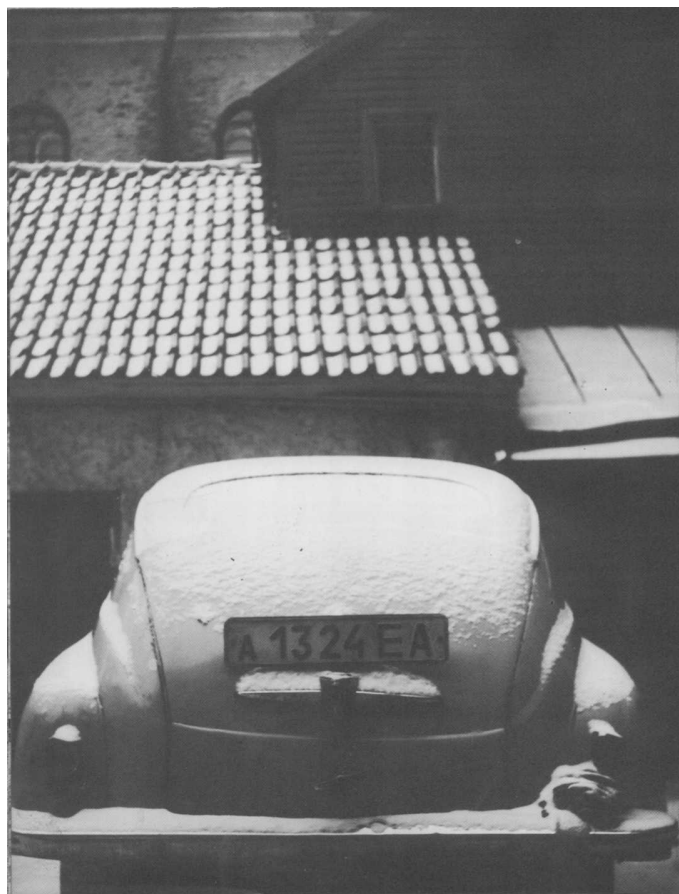
Председатель перед заселением рекомендовал установить кровати — все от того же интерната, но никому не захотелось волочить их из-под горки, собирать и прочее. Ограничились двумя диванами из холла — предбанника клуба для женской половины. Широкие диваны, до трех молодых девиц принимают на себя... или двух более матерых. Остальные, как и мужики, ограничились тюфяками: за колхозный месяц бока не отлежишь.

Старшим бригады Кладунов загодя назначил начальника отдела техдокументации, который значился пока только на бумаге, Валентина Пирuéтова — де-

лать ему в КБ до завоза множительной техники и набора чертежных девиц было нечего. Но Смышляеву много чего знавший Валерка Овцовский намекнул: Пируэтов провинился по женской части, вроде как от него залетела одна смазливая заводская техник-лаборантка, а законная супруга начистила благоверному лицо с модными, по-актерски подбритыми усиками и написала жалобу во все партийно-профсоюзные заводские инстанции. Те, в свою очередь, передали жалобы Трибелину... «Значит, нашего Вальку на исправление сослали,— резюмировал случившийся рядом баянист Соловьев,— испытательный, так сказать, срок дали!» — «И правильно,— подмигнув собеседникам, резюмировал Андрей,— надо помнить испытанную временем присказку, что-де не факай, где живешь, и не живи, где факаешь...»

Самое печальное, что прибыли они в колхоз на исходе теплого бабьего лета, а уже со следующего дня резко и без предупреждения, как начальник входит в свой отдел, наступила настоящая ранняя осень: слякотная, ветристая, промозглая, а через полторы недели уже и с ночными заморозками.

...В те благодатные времена, вспоминая зачин «Двух гусаров» Льва Николаевича, все было иное, нежели сейчас — устоявшееся, патриархальное. Не было и намеков на пресловутое глобальное потепление, аномально жаркое лето, затяжную не то лето, не то осень, на январское бесснежье. Все шло тогда четко и по расписанию: пришел октябрь (не Октябрь, что с красными флагами...) — милости просим, дождливая мачеха-осень с иссиня-черными тучами на небе и... горами взрытой свеклы на просторных колхозных полях, что прямо-таки алкало по новоприбывшим *анжинерам*.

Владимир Белтов. Из цикла «1980-е»

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
На Ноябрьской демонстрации — народ и пар-
тия едины!*

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ: БИТВА ЗА УРОЖАЙ. ОСЕНЬ

◆ Кстати об упомянутом выше, впрочем, ни к селу, ни к городу, так — по ассоциации настроения, Льве Николаевиче. Как уже говорилось, основной наплыв молодых спецов, согласно установлениям, имел место быть в начале августа. Вроде как все собрались, но Вера Григорьевна, аккуратная в делопроизводстве, какой только и может быть супруга подполковника из Кленового переулка, не уставала докладывать Трибелину, что несколько распределенных к ним молодых специалистов не торопятся на трудовую вахту. «Придут, куда они от нас денутся», — отвечал тот и рекомендовал своей секретарше означенные фамилии взять на заметку, а по мере появления прогульщиков напоминать ему. Как в коллективе понимали, почти все задерживающиеся есть ребята деловые, со своими взглядами на грядущую трудовую жизнь. Существенно, что все эти фигуры умолчания — выходцы из «пентагона», где из поколения в поколение водились личности неординарные.

Под «службу» Трибелина была отведена половина второго этажа длинного административного корпуса завода, а прямо под ней, на первом этаже, располагалась большая заводская столовая. Где-то ближе к концу сентября, сидя за столиком и наворачивая знаменитое мясо с овощами «от шеф-повара», бывшего кока торгового флота, Николай и Андрей между делом рассматривали — с комментариями — стоявших в очереди на раздаче молодых заводских лаборанток и техников из цеховой obsługi; свои уже успели приесться еще в институте. Обедавший за тем же столом хохмач себе на уме Овцовский, проследив их взгляды, сыронизировал, не заботясь особенно о рифме:

*Когда гляжу на девушек сегодня,
В сравнении с сельчанками беден их свет.
Ведь не было прежде одежды столь модной
В горошек все платья, да в розовый цвет...*

— Это ты, Валер, намекаешь на нашу скорую посылку куда Макар телят не гонял?

— Все там, Андреяныч, будем — и очень скоро, свекла созрела. Нет, ты смотри? Сам Лука пожаловал-таки! А я грешным делом полагал, что он до новгода полностью своей фарце отдастся!

И в просторном столовом зале, где по расписанию в этот час обедали преимущественно кабешники, пронесся некий восторженный, но и насмешливый шелест. Явственно, как заклинание, неслось приглушенное: «Лука, Лу-у-ка, Лу...» И Николай заулыбался вслед Овцовскому, а непонимающему радиотехнику Смышляеву в два голоса пояснили, что за выдающаяся личность пришла встать на трудовой пост: Лева это Тепляев, Лев Николаевич — тезка яснополянского труженику мысли и пера, но охотно откликается на кликуху Лука, ибо славился на весь «пентагон» громогласным исполнением непристойной поэмы Баркова, балагура и матершинника*, столь

---

* Очень сложен вопрос с авторством самой знаменитой в русской литературе похабно-эротической поэмы. Принято относить его к Ивану Семеновичу Баркову, но он скончался в 1768 году, а антураж действия поэмы явно относится к началу XIX века, даже упоминаются «радужные денежки», то есть ассигнации, введенные Екатериной уже после смерти Баркова... Указывают также на авторство развеселого дяди Пушкина — Василия Львовича, или склоняются к коллективному творчеству, столь распространенному тогда; пример — «Козьма Прутков». Со временем поэма имела массу подражаний и вариантов. Скорее всего, как считают литературоведы, за основу были взяты некоторые стихи-наброски Баркова. Кстати, в круг коллективного сочинения включают даже... графа Дмитрия Ивановича Хвостова, видного сановника, любимого племянника генералиссимуса Суворова (!?). Любопытно, что из 600 с небольшим известных писем последнего (см.: А. В. Суворов. Письма.—

любимой в компании пушкинского поэтического кружка. «Вот в колхоз вместе попадем, так и услышишь», — посмеялся Овцовский.

Еще Лева-Лука был знаменит родственниками: отец — известный в Тулуповске писатель, сочинитель романов и повестей о коммунистическом воспитании юношества и по совместительству — завуч средней школы по ведомству МПС*, а родной дядька по матери — главный милиционер Тулуповской области. Должность последнего и двоюродный брат, работающий в гамбургском торгпредстве, сделали Луку самым крутым фарцовщиком, в основном, по пластикам, то есть по грампластинкам с записями импортных рок- и прочих групп.

Меж тем Лева, огромный, под метр-девятью, с молодым «пивным» пузцом, патлато-рыжекудрый, с размахренной рыжей же бородой, с добродушно-наглыми водянистыми глазами навывкате, одетый, несмотря на жаркую еще погоду бабьего лета, в черную тройку, но без галстука, осмотрел на входе зал, приветствуя всех сразу поднятыми руками, и заторопился на раздачу, бормоча сиплым басом, что-де жратва — дело святое. Зашел, конечно, со стороны кассы навстречу очереди, отщучиваясь от упреков заводских женщин, а знакомых по институту кабешных девиц оглаживая по всем выпуклостям — те похохатывали.

Здесь, перекрывая гомон обедающего зала, раздался возмущенный голос-скороговорка Левы: «Ты чего это мне в тарелку как котенку положила?! Ну, давай двойную порцию, можешь и тройную! И еще

М.: «Наука», 1986.— 808 с. (Серия «Литературные памятники»)) 250 адресованы Дмитрию Ивановичу, в которых Суворов доверял племяннику самые свои сокровенные и тайные мнения о всех коронованных особах и военачальниках Европы, включая отечественных...

* Министерство путей сообщения СССР, ныне ОАО «РЖД».

две вот тех котлет клади... ничего, кассирша разберется. И щей в большую тарелку — до краев!.. Не бойсь, не растолстею. Организм свой надо с молодости не обижать!»

...И с кассиршей он малость беззлобно повздорил, когда она попыталась дать сдачу со сторублевки рыжими и трешками: «Вон у тебя в правой ячейке полтинники с углами* лежат!» Ты бы мне еще ильичами сдала...»

Вспотевший от упруго бьющей от плит и котлов, не отгороженных от зала, пряной духоты Лева, сделав примирительный комплимент пышногрудой кассирше, — «на гвардейца ты, дорогая, делана!» — на миг остановился, выискивая куда причалиться. Овцовский привстал и махнул ему рукой, указывая другой на четвертый, свободный стул у их стола. Лева понимающе кивнул и, грузно лавируя между обедающими, таким топтыгиным подошел и, безотносительно брюзжа в рыжие, нависающие над верхней губой усы, поставил поднос на край стола, поручкался со всеми, попутно представившись доселе незнакомому ему Смышляеву, начал снимать с подноса тарелки и два стакана: с компотом и со сметаной:

— Вот, черт, пришлось-таки сюда сунуться раньше времени...

— Чего так, Лева?

— Да эта секретутка-старуха Трибелина, делать ей нечего, гэбешной стукачке, отцу приноровилась звонить, а потом и вовсе дядьке: дескать, заждались Льва Николаевича, рабочее место, ему приготовленное, пустует...

— Ха-ха-ха! Не запустеет.

---

* Также бытовавшее в инженерной среде наименование 25-рублевой купюры; скорее всего, термин этот из гоголевских «Мертвых душ»; так Собакевич выражался, назначая цену за «душу».

— Вот и полагал так: до декабря свои дела доделаю, а по белым мухам и заявлюсь. Ну-у, отцу-то с его увещеваниями о гражданской совести и трудовом подвиге Павки Корчагина я рекомендовал поместить их в очередной роман, но дядька...

— Чего дядька? Менты вроде как сугубые реалисты в жизни?

— Вот потому что реалисты. Ему сейчас даже чихнуть в сторону Кленового переулка нельзя, не то что мягко послать куда следует трибелинскую секретку с ее гёбешным мужем. Опять стычка какая-то вышла между мильтонами и голубыми мундирами: кто-то кого-то заложил, а дядькин зам по политработе крайним оказался. Словом, он и посоветовал мне не золупаться и выйти на работу. Хм-м, добавил еще: «Все одно, раз пользы от тебя там не будет, то, значит, и вреда тоже!» Молодец, всегда для любимого племянника доброе слово подыщет...

Ладно, давайте шамать, а то я прямо с московской электрички, со вчера ничего не жрал, только пару пива в дорогу друзьяки всучили. Неделю там провел, товар Вадька из-за бугра приволок, хорошие пласты. Пока фарцевал там, почти все растолкал, а потом три дня пьянствовали на загородной базе «Спартака». Все меня пробовали женить на массажисточке... нет, конечно, мужской свой долг отдал ей сполна, а потом — наше дело не рожать, проспался — и домой тотчас! Хорошая здесь шамовка, особенно вот это мясо с овощами; лучше чем на спортбазе готовят.

— Ты в своем отделе-то был?

— Угу, начальник вроде нормальный мужик. Я ему плоский бутылек вискаря вчинил, а он мне алаверды: готовься, мол, Лев Николаевич, в колхоз. Для трудового исправления, так сказать. Насчет тебя особое распоряжение сверху имеется.

— Все там, Лева, будем, всем кагалом вскорости

и поедем,— вступил доселе молчавший Николай, благо разговорчивый Овцовский занялся, наконец, блюдом от шеф-повара, гурмански вертя головкой-тыковкой интеллигента во втором поколении.

— Дюк еще не появлялся? — с набитым ртом спросил Лева,— я его в начале августа видел, тоже собирался тянуть до последнего... Он сейчас лабухает где-то в сочинском кабаке.

◆ Вечер приезда, он же последний день бабьего лета, завершился общим ужином из домашних сухпайков. Кухня в досчатом домике с навесом над обеденными столами впритык, поставленная специально для приезжих шефов и располагавшаяся между клубом и школой, должна заработать со следующего утра. Двух поварих из техотдела Пируэтов уlestил, обещая манну небесную, то есть по десять дней отгулов по возвращению домой. А пред обещался завтра до шести утра доставить съестные припасы на первую неделю житья-бытья. Сорокалитровый бидон с молоком подогнали с колхозной фермы еще до наступления темноты — с вечерней дойки — и поставили под навес кухни. «Не прокиснет, ночи прохладные,— заметил привезший на телеге бидон возница,— только до утра с кружками немывтыми туда не лезьте, все скиснет».

Завершив суету с размещением и устройством своих лежбищ, народ, словно предчувствуя последний погожий денек, высыпал на улицу, сгрудившись у кухонного домика, внутри которого улещенные Пируэтовым поварихи Тоня и Тамара тихо и беззлобно переговаривались и гремели чем-то металлическим: видно готовили свое новообретенное хозяйство к завтрашней заутренней готовке.

С клубно-школьного холма открывался в лучах спускающегося с горизонту неяркого солнца замечательный вид на разбросанные дома села с красными «комбайновыми» крышами. За селом — малая изги-

бистая речка, а за ней поднималось к дальнему лесу огромное свекольное поле, на котором виднелись бурты уже вырытой свеклы, ждавшие поутру трудолюбивых инженеров — для отрубки хвостов листьев и погрузки на бортовые машины, что отвозили груз на районный сахарный завод. Предвечерний ветерок гнал порывами по полю пыль высохшей за бездождливый сентябрь земли.

От моста через речку вверх же по краю поля поднималась наезженная грунтовая дорога, исчезая в темнеющем лесу — курс зюйд-ост на сахарозавод... Андрею вроде как показалось: на совершенно пустом поле, уже который день замершем в ожидании их трудолюбивых рук, у ближнего к лесу и грунтовке бурта копошатся кто-то вроде одинаково одетых детей или подростков. Не успел он подивиться и сообщить об этом стоявшему рядом Соловьеву, как со стороны леса на дорогу выскочил местный лихач-мотоциклист со снятыми для громового форса глушителями.

— В сельмаг парень торопится за водярой или червивкой*, — громогласно хохотнул подошедший сзади Лева. От него устойчиво пахло уже принятой на грудь — еще до общего ужина — поллитровки «зубровки». Очень уважал ее, выделяя особо из всех отечественных напитков: «Для здоровья полезно, а то, что якобы само это растение снижает потенцию — так не верьте! Сам сравнивал последствие в факанье после обычной водки, коньяка, виски и зубровки: после литровки последней в контрольном, так сказать, опыте за половину суток на одной и той же чувихе — она считала — четырнадцать раз! Правда, и деваха умелая оказалась...» — Этот Левин опыт был известен всему «пентагону».

---

* То же слово из давнего разговорного языка: бутылка емкостью 0,71 литра с ординарным дешевым крепленным вином типа портвешка. Правда, продукт натуральный не в пример нынешней якобы импортной ебурлыге...

Но здесь поле пришло в движение: «мальцы» от давешнего бурта в один миг сорвались с места, обратились в огромный ком поднятой пыли, что со страшной скоростью и дробящимся грохотом пересек наискосок поле и скрылся в лесу. Все остолбенели, а привезший молоко возница сплюнул досадливо и все разъяснил:

— Не дал кабанам вволю покормиться, самокатчик хренов!

— Ни черта себе, — выпучил и без того навыкате глаза Лева, — а если бы мы на их пути оказались?

Но возница, с уважением уловив целебный запах от здорового рыжебородого парнищи, успокоил: при людях они из леса не высовываются:

— Звери они сурьезные и умственные, работающим людям не мешают, как иные... — здесь возница явно вспомнил какую-то личную обиду, — иные партейные и из начальства, которым скучно в своих кабинетах водовку хлестать, так они норовят среди людей потолкаться, власть свою показать...

Неприятный озноб у приехавших от сцены мчащегося кабаньего стада сгладил деловитый Пируэтов:

— Молодые и не очень люди империи российской! Давайте на дружеский ужин. Девушки наши уже все сгношили!

◆ Полсотни клубных постояльцев как-то легко и даже живописно расположились на женской половине — сцене с раздернутыми портьерами. К двум поместительным диванам и нескольким лавкам, принесенным из клубной подсобки, добавили общий стол-доставхан, составленный из двух связок стульев, покрытых старыми кумачовыми щитами-лозунгами с цитатами из трудов Леонида Ильича о пользе подъема сельского хозяйства. Глаза проголодавшихся радовало изобилие выпотрошенных рюкзаков и сумок. Из той же подсобки, некогда исполнявшей роль кос-

тлюмерной для сельской самодеятельности, Пируэтов позаимствовал артистический фрак из черной саржи, а Лева — бухарский полосатый халат. «Ну-у, Лука, ты прямо Ноздрев гоголевский!». — «А ты, Валентин Батонович, не менее прямо Чичиков в своем фраке!» — Обменялись любезностями ряженые, причем Пируэтов даже не поморщился на такое амикошонство рядового инженера, ибо Лева себе цену знал. Батонович так Батонович, хотя и не грузин...

Расселись по интересам и симпатиям. Памятуя, что жратва — наиважнейшая из жизненных потребностей, Лева уселся меж поварих Тони и Тамары; после третьего тоста «за наши земледельческие корни предков» Лева, полуобняв незамужнюю, красиво-полноватую Тому, начал с ней активно шептаться, а после пятого — «война и колхоз все спишут», — скинув бухарский халат на плечи Овцовского, удалился с прелестницей в подсобку, где имелись старая тахта из реквизита, а на двери — щеколда.

Тоня, хотя и замужняя, поджала губки, тем более, что зоркий Пируэтов подлил масла в огонь: «Ты хоть, Антонина Сергеевна, завтра не проспй, не оставь нас без каши!» Тоня вспыхнула, что, дескать, она сама не набивалась... Назревавший на корабле бунт погасил Соловьев, взявший с собой из дома баян и начавший проверять аккорды. Вскоре распелись, а там и до плясок дело дошло. Здесь марку держали сорокалетние «варяги» во главе с Пируэтовым в развевавшемся фраке. «Вырвались мужики на волю от жен и детей», — резюмировал Овцовский, трусовато огладив круглую коленку повеселевшей Тони. Она не возражала, в душе скорбя, что Валерка жидковат и слишком осторожен в сравнении с рыжебородым охальником... Впрочем, пару дней спустя тот же остроглазый Пируэтов отметил в дальней своей памяти: несмотря на непогоду, Валерка перед отбоем выходит тихо из зала и до общего

засыпания не возвращается. Сопоставив это уходы на ночь со странным желанием вновь нежно сдружившихся поварих поочередно ночевать не на сцене, а на изначально имевшейся на кухне панцирной кровати в закутке за печкой — якобы не тревожить коллег затемно, уходя ставить на огонь котлы с водой и молоком,— начальник бригады даже слегка зауважал хиловатого Овцовского: «Экая лиса! Не только у вороны кусок сыра перехватил. А ты, Валерка, у меня теперь на крючке: если что от тебя потребуется, мало ли что в жизни случается! — Так Тоньке намекну, что все-таки замужняя...»

И всех заинтересовало: отчего это Овцовский, ранее умеренный любитель пропустить вечером с коллегами по паре стаканов червивки, вдруг стал баптистом-трезвенником? А Лука как-то с хохотком поясним Смышляеву: «Тонька — бабенка серьезная и прогонистая, а Валерку с кирюхана* на высокую поэзию тянет и пенис мягис зачастую... Вот она и берет его на спалку только трезвого, зато, отпуская под утро, наливает ему за труды праведные стакан из своих припасов, ха-ха!»

И действительно, наутро после кухонного дежурства Антонины все завтракали с неохотой, сидели под навесом хмурые и несколько помятые, зато Овцовский с раскрасневшимся лицом так и сыпал интеллигентскими (при дамах ведь!) анекдотами про руководителей партии и правительства, что он, как человек осторожный, позволял себе только в приподнятом состоянии тела и души.

...Но сейчас к окончанию дружеского ужина с раскрасневшимися лицами появились Лева с Тamarой. Лева все порывался исполнить «Луку» под аккомпа-

---

* Из сленга тех лет: кирять, кирка, кирюхан и пр.— пить (не воду!); пенис мягис (*no comment!*) — фривольно от имени популярного эстрадного певца-прыгуна (выступал всегда в кроссовках) из Эстонии. Чисто по созвучию...

немент соловьевского баяна, но Пируэтов вспомнил про свое членство в партии и не разрешил аморальщины при женщинах. Разбирали достархан и расходились по своим ложам за полночь.

◆ Андрей проснулся затемно, еще до общей побудки. Мучила жажда со вчерашнего обильного принятия «на грудь».

В сиротски освещаемом ночью контрольной лампочкой над входом клубном зале, спросонья — спали все не раздеваясь — и тихо чертыхаясь, спустился с приступка своего с Соловьевым блатного ложа, натянул на ноги кеды и, стараясь не задевать за ноги ближнего спящего ряда, пошел на выход. Однако примеченный со вчерашнего дня бачок с питьевой водой и стандартной алюминиевой кружкой на уникальной цепочке оказался пуст и сух как арык в раскаленной пустыне. Вдругорядь чертыхнулся — мог же Пируэтов загодя назначить дневального в день приезда и распорядиться наполнить бачок: водопровод-то в клубе имелся, но где сейчас в полутьме искать кран?

Вышел на улицу — около кухонного домика летняя умывальня: несколько кранов над наклонным сточным жестяным желобом. Вышел — и вмиг после надышенной за ночь спиртовой теплоты зала охватило ознобом и мелко морозящим раннеутренним дождиком. Тянул зябкий ветерок. Вмиг остатки лета сдали свои позиции промозглой осени. Однако, подойдя к кухне, заметил давешний молочный бидон, прислоненный к досчатой стене, а у крайнего умывальника стояла на доске кем-то забытая, явно аккуратистом, чистившим по изнеженной городской привычке на ночь зубы, полулитровая эмалированная кружка. Брезгливо, ибо и без того со вчерашнего достархана подташнивало до кишечных спазмов, помыл посудину под краном, подошел к бидону, открыв защелку, откинул прорезиненную по ободу крышку.

Ни к селу, ни к городу, а просто в голове с похмелья все прошлое и настоящее в памяти перепуталось, ясно представил себе лекционный зал на занятиях по патентно-изобретательскому делу. Преподаватель, пожилой и много чего знавший и повидавший в жизни, любивший разнообразить свои лекции всякими курьезами по части наших растяп-изобретателей и империалистических акул этого дела, как раз рассказывал об этих самых молочных бидонах с удачно придуманным запирающим крышек. Дескать, решил наш бидонный завод выйти на международный рынок, но никому в голову не пришло запатентовать эту свою тару... И вот в страну молочных рек — Датское королевство — прибыла груженная в липайском порту несколькими тысячами бидонов в экспортном исполнении, с полировкой алюминия, баржа. Прибывший для приема товара представитель датской фирмы восхитился простотой и качеством исполнения продукции, потом задумался и попросил нашего кэпа постоять у причала пару-тройку дней: нужно, мол, согласно порядкам нашего королевства, оформить кой-какие бумаги. А вы с командой отдохните, устроим вам экскурсию в замок Эльсинор с его тенью принца Гамлета.

Гамлета — не нашего рядового армянина, а ихнего, датского — наши мореманы так и не увидели, зато на третий день простоя явились на баржу тамошние таможенные полицейские и арестовали всю партию бидонов: дескать, вот вам... и справка вот, то есть выправленный по-стахановски всего за пару суток королевский патент на бидон со столь замечательной крышкой-заслонкой...

Отгнав прочь всплывшее в одурманенной голове воспоминание, на ощупь опустил кружку в бидон, даже не успев поразиться необычной тугости погружения посуды во вроде бы жидкое молоко. Однако во рту сухость превзошла все пределы, желудок

заходил в спазмах, Андрей жадно заглотнул сразу половину содержимого кружки... И только тут дошло до него: за ночь молоко на всю глубину конического верха бидона перевоплотилось в свежайшую холодную сметану! Допив, вновь наполнил кружку, затворил бидон, опасливо оглядываясь, тщательно помыл под краном чужую посуду, поставил на прежнее место, отошел от места прегрешения и сел у входа в клуб на скамью под навесом.

Здесь случилось чудо: вместо противненьких спазмов брюхо благодарно заурчало и вовсе перестало о себе напоминать, видно, занявшись перевариванием почти литра сметаны высшего качества. А голова тотчас перестала пульсировать своими сосудами, память вмиг возвратилась к четкости мышления, но, к ужасу освеженного Андрея надо всем начало довлеть одно: мучительно захотелось сжать в объятиях красотку Галочку, с которой он многозначительно переглядывался весь предыдущий месяц и очень обрадовался, увидев ее в толпе ожидающих автобусов у заводской проходной. Все последующее — конкретное, бесстыдное и усладительное — живо нарисовало воображение...

Опасаясь столкнуться лоб-в-лоб с поварами, торопящимися затемно кухарить — а те все сразу поймут... по сметанной части, конечно,— Андрей заторопился на свое ложе, мигом заснул и к моменту общей пробудки чувствовал себя космонавтом, но не во время полета, а именно в момент получения из рук Леонида Ильича геройской звезды. И опять все мысли о Галочке и ее прелестях, бесстыдно обнаженных. Не зря же Лева в заводской свой обед требовал на раздаче полный стакан сметаны!

◆ Надо еще пару слов сказать о пользе опохмеления в молодом возрасте деревенской сметаной.— Это обостряет дар предвидения. Так и случилось в отношениях Андрея и прелестницы Галочки. Если в

городе, на работе они лишь понимающе переглядывались, то на третий день пребывания в селе, когда на час-другой перестал моросить противный мелкий дождик, а, не зная этого, Пируэтов объявил по поводу непогоды послеобеденную работу на поле отмененной, Андрей, задумчиво слоняясь около ограды, увидел Галочку, выходящую из этой самой школы:

— Ты что, Галь, решила школьный курс физики повторить?

— Нет,— чуть потупившись, но и серьезно ответила она,— скорее биологии с основами физиологии человека.— И как-то особенно рассмеялась.

Да, подумал Андрей, видно раскрепощенные Тонька с Тамаркой до полового кипения всех девок на сцене довели своими впечатлениями...

— А серьезно?

— Серьезно то, что в этой вот школе и эту же самую биологию с физиологией в старших классах ведет моя давняя школьная подружка. Она наш пед закончила и второй год отработывает по распределению свою обязательку.

— Почему второй, ведь ты-то первый год трудишься?

— Сразу видно не нашего, не пентагонщика, что шесть лет учится.

— Да-да, запомятовал на природе. И как она? Страдает небось?

— Вовсе и нет. Тылы у нее обеспечены: жених в двухгодичники* угодил, как вернется — и у нее срок закончится, а в Тулуповске у жениха квартира образуется: обещанный родительский подарок к женильбе. Да и здесь проживает с мыслимыми на селе удобствами: по матери она как раз отсюда и живет у родной бабки сами-двое в большой избе. Бабка

---

* То есть по окончании института с военной кафедрой был призван два года служить в лейтенантском звании.

крепкая по-деревенски, еще шестидесяти нет — у них все рожали в восемнадцать лет,— работает в здешнем сельсовете зампредом и главбухом одновременно. Хи-хи, Ленка шепнула: бабка-то еще видная из себя, фигуры не потеряла, так главный агроном, тоже в умеренном возрасте, когда супруга на неделю-другую уезжает в райцентр внуков потетешкать, похаживает к ней в гости. Сначала, пока Ленка в школе, а потом и совсем просто. Бабка просила ее не распространяться своим родителям в Тулуповске. Сейчас вот только-только уехала по дармовой путевке на курорт помоло...

Галочка остановилась на полуслове и внимательно, чуть прикрыв длинными ресницами очаровательно-косоватые глаза с поволокой, откровенно посмотрела на недотепистого.

— Так может мы как-нибудь сходим к подружке в гости? — осекшимся голосом с почему-то появившейся хрипотцой предложил Андрей.— Дошло-таки до него.

— Отчего же как-нибудь? Посто́й, я еще раз к Ленке загляну.

Вернулась она через пяток минут, зажимая в ладони маленькую связку ключей:

— Ленка лишних вопросов не задает. Можно и при ней в гости ходить — в доме четыре комнаты отдельных. Она не ханжа. Сегодня тем более у них педсовет до вечера. Пошли... милый мой, и чуть-чуть недогадливый!

Спускаясь со школьно-клубной горки, когда исчезли из видимости их крыши, а первые порядки сельских изб загораживали одичавшие яблони с не совсем опавшими листьями — напоминание о давней помещичьей усадьбе,— они начали целоваться страстно и нетерпеливо.

...Возвращались на свою горку уже в сумерках, не опасаясь никого и ничего, обнявшись. При всей

этой идиллии, дисциплинированного по воспитанному характеру Андрея не покидали два вопроса. Женщину, тем более уже любящую и любимую, самый опытный мужик не проведет, что уж говорить о бесхитростном парне? Пару раз внимательно посмотрела она на чуть сосредоточенное лицо *своего* Андрея, приостановилась, всем телом обнявши, прижалась к нему, шепнула на ухо:

— Не думай о несущественном, малыш! Хотя и цену твою заботу.

— Ты что, Галочка, мои мысли уже научилась читать?

— Конечно. Ответ на первый твой молчаливый вопрос: сегодня и в обозримую неделю у меня безопасные дни. Женщины, даже очень любящие, строго выбирают время. А дальше все от искусства, так сказать, зависит. На второй: ключи эти — от входной калитки и от дома — Ленка предоставила в наше полное распоряжение. Они у нее запасные.

...В этот же дождливый вечер, попросив девушек-женщин на полчаса выйти в холл-предбанник клуба («там и поговорите всласть, не опасаясь наших нескромных ушей...»), Пируэтов дал отмашку Леве: давай своего «Луку»! Славка достал из футляра баян. Лева было заворчал, что на сухую глотку бас жидковат, но заботящийся о здоровье коллектива Валентин Иванович вздохнул, порылся в своем рюкзаке и протянул артисту четвертинку «московской». Лева заулыбался, сорвал с бутылки «бескозырку», в три глотка ввел содержимое в организм, зажевал услужливо кем-то протянутым куском краковской колбасы, теребя пальцами кадык, взял пару-тройку нот нижнего регистра, посмотрел на Соловьева. Тот повторил их на баяне. И действие началось.

Лева читал нарочито заниженным басом бессмертные строки поэмы. Слушатели, не хуже пушкинских «арзамасцев», застыли в разных позах, вос-

торженно глядя на исполнителя, а Славка уверенно новел на баяне подыгровку, акцентируя ударные строки навроде «...и вылил в глотку литр квасу» ревущими нижними нотами своего инструмента, дара русскому народу мастера Белобородова...

В тишине, воцарившейся в зале после Левиной концовки, прозвучал голос книгочея Овцовского: «А ведь граф Хвостов был отменным семьянином и кавалером российских орденов!»

— Потому и отводил душу на похабщине, — нравоучительно заметил Пируэтов, воспитывая коллектив, — что семьянин.

Слушая вокально-музыкальный дуэт, Андрей морщился: слишком резким оказался переход от только что случившегося трепетного откровения внезапно открывшейся любви, одновременно плотски страстного и упоительно нежного, к разухабистой гусарщине полуторавековой давности... А как же Пушкин слушал это? И вообще, как он сам сочинял свою «Гавриладиу», одновременно изливая в лирических стихах все ту же, что сейчас переполняло душу Андрея, любовную нежность и трепетность? Непостижим человек в своих чувствованиях... Он даже чуть застонал: настолько сильное, неотгонимое желание уговорить Галчонка тотчас повторить путь под горку, сжимая в онемевших пальцах ключи от заветного дома. Главное, понимал: она может согласиться. И действительно, когда Пируэтов растворил дверь и галантно пригласил женскую половину: «Милости просим, сударыни, сейчас ваш номер на сцене», — среди других вошедших с притворными хихиканьями, молчаливая Галочка посмотрела посерьезневшими глазами на *своего* Андрея и как-то неуверенно «да-нет-да...» кивнула ему, что значило: сам решай за нас обоих, *милый*.

Все же он унял нелепый в такое время и в такой ситуации порыв, тем более, что прямо под его с Со-

ловьевым блатным лежбищем забухало-загрело. Они подозвали Пируэтова:

— А-а, не зря я сегодня полдня не отставал от завхоза, мол, пора отопительный сезон в клубе открывать, мерзнем. Это, ребята, котельная для клуба и школы в угловом полуподвале, прямо под вами. На солярке работает, в ритм войдет, так вообще не слышно будет, главное, чтобы истопник не перепил на ночь самогонки — на воздух весь угол взлетит! Шучу, шучу, пока, как завхоз говорит, до этого дела не доходило.

...Все же Соловьев, самое свое ценное — дедовский баян, по семейному преданию самолично изготовленный Белобородовым*, перенес в другой угол зала, рядом с входной дверью, где стояла задвинутая тумбочка билетерши. Поставил на нее инструмент со словами: «Береженого бог бережет. Вот тебе и блатное место!»

◆ Наутро, улучив момент по пути в кухонный навес на завтрак, нагнал Галочку, шедшую обочью женской стаи, обменялся с ней мысленным поцелуем и шепнул на ухо:

— Какую мысль мою вчера после концерта Лёвы со Славкой прочитала?

— Прочитала, конечно, милый. Позвал бы — пошла. Но ведь основное-то удовольствие в ожидании?

— Умна ты не по годам и принадлежности к женскому полу.

Она на краткий миг прижалась к нему, полуразвернувшись, грудью и плечом, все также шепнула:

— К любви это не относится. Но — все впереди!

После рисовой каши, щедро сдобренной Тamarой (ее очередь ночью была спать на кухне...) маслом, и

---

* Тульский создатель хроматической гармонии и баяна.

пионерского кофейного напитка «Дружба» на молоке все вернулись в клуб, переобулись в резиновые сапоги, надели телогрейки, на голову — кто во что горазд, и тронулись разношерстной ордой по морозящему мелкому дождику, которого уже не замечали, к мосту через речку, к которому притулился закрытый еще сельмаг, и далее разбрелись по свекольным буртам. Из-за леса сверху поля показались и два грузовика. Начались трудовые будни.

Будни же состояли в хватании левой рукой пригнувшейся свеколины и обрубании зажатым в руке правой местного изготовления мачете пожухлой ботвы. Затем готовая свекла бросалась в нарастающую кучу чуть поодаль. Когда подъезжала машина с умеренно опохмеленным водилой, мачете откладывались и буртовая бригада зашвыривала свеклу в кузов. Вот и вся недолга. В первый день полевой страды пришедший агроном, воздыхатель Ленкиной бабки, поучал: «Рубите ботву, стараясь особо не обкорначивать, так сказать, жопку овоща. И ни в коем случае баловства ради не рубите хвостовики: в последней трети корневища самое большое содержание сахара — до двадцати процентов. Можете сами убедиться для пробы». Заинтересовавшиеся выбрали свеколки почище, отрубили эти самые хвостовики, соскоблили кожуру с грязью, зажевали. Действительно, не то чтобы сахар, но на сладость экономного столовского чая вполне тянет! Рассказав пару баек о свекле, матерый агроном пошел в сторону Пируэтова — на легком матерном языке согласовывать норму дневной выработки.

В тот день, к неудовольствию всех тружеников, работали до отупения, уже не чувствуя тяжести тесаков-мачете, изготовленных из рессорных полос, весь день: дождик так и не разошелся до серьезного дождя.

После обеда с жирными щами и настоящими ма-

каронами по-флотски (Ох, удовлетворил же ночью принявший четвертинку Лева свою Томку!) отправились на законные полчаса полежать на своих тюфяках. Кто успел заснуть — того грубо будил Пируэтов: «Это вам не ракеты и пукалки всякие рисовать! На случай войны под Иваново-Вознесенском в складах в полной смазке хранятся с первой и второй мировых войн десять миллионов мосинских винтовок. Это у нас в стране уже традиция: как воевать, так с трехлинейками! А вот без сахарку безо всякой войны взвоете. Вставайте, родина на поля зовет!»

По выходу — с легкими проклятиями и стенаниями — из клуба вновь тронулись к мосту через речку. Андрей вышел из последних: сон успел словить за эти полчаса сладостный, все о том же. Поэтому не удивился, что нарочито замедлившая свой обычный быстроногий шаг Галочка оказалась рядом и кивком головы попридержала его, чтобы оказаться в нескольких шагах от последних из впереди шедших.

— Спал и меня во сне ну-у, скажем, видел?

— От тебя и во сне не скроешься. А ты что так вот явно? Сама же говорила о маскировочном приличии, чтобы болтовни поменьше было...

— Уже не надо маскировки. Девки нас уже поженили.

— Откуда узнали? Вот чертовки глазастые!

— Деревня, даже если село. Еще не успеешь что придумать — всем известно. Ладно, как это Мопасан говорил?

— Насчет дела или тела? — поддержал Андрей Галкину игру в серьезность.

— Да-да, конечно, милый. Пока ты во сне мечтал о журавле в небе, я с Ленкой в школе о синице в руках договаривалась. Значит так поступим. Как начнет темнеть — пойдем к ней. Не в школу, конечно. У нее сегодня только два урока и сейчас она домой направилась. Будет ждать нас.

— Фонарик возьму, а то в темноте возвращаться...

— Дуралей. С ночевкой идем.

— А тревогу не поднимут наши?

— Я уже говорила: бабы все в курсе, а к вечеру и творим мужикам все обстоятельно расскажут. Для проформы скажи Пируэтову, что обнаружил в селе дальнего родственника и идешь к нему самогонку в меру пить. Он, конечно, не поверит, но будет спокоен. Славке же скажи как есть. Мы с ним в одной группе учились. И он тебя искать не будет.

В полном восторге обнял подругу, стараясь прижаться к ее роскошной груди.

— Тс-с, леди и джентльмены публично свои чувства не афишируют.

Здесь орда подошла к мосту. Сельмаг зиял гостеприимно растворенной дверью.

— Галченоч, надо для приличия что-нибудь взять с собой? Я на обратном пути вот сюда загляну.

— Не надо. Водка и червивка — это пошло. Шампанского здесь не держат, зато у меня НЗ приличный имеется. Ладно, я к женскому стаду побегу. Чао, мой милый!

Увлеченный столь занимательной беседой, Андрей едва не прозевал одноактную пьесу: на траверсе магазинной двери Лева отделился от коллектива и в три маршевых шага исчез в ее проеме, а через полминуты выскочил, на ходу засовывая в карман телогрейки четвертинку и пару твердокаменных баранок.

— Душа горит, начальник, — панибратски хлопнул он по плечу притормозившего Пируэтова, — еще один «Лука» за мной!

«А я вот не буду сегодня твоего «Луку» слушать», — с некоторым даже злорадством подумал Андрей.

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
Зимний отдых в Закарпатье - 1*

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ: «ПОД СЕНЬЮ ДЕВУШЕК В ЦВЕТУ»*

◆ После ужина все вернулись в клуб: и так за целый день мелкий дождик смертельно надоел. Галочка, проходя мимо остановившегося в холле-предбаннике посмотреть на бильярдную игру Андрея, шепнула: «Через час будь готов, да особо не маскируйся — встретимся у школьной ограды».

На большом клубном бильярде уже началась крупная игра, руководил мастер этого дела Лева, на обратном с поля пути вновь заскакивавший в сельмаг. Впрочем, на этот раз далеко не он один. Андрей к катанью шаров относился равнодушно, тем более, что уже очередь на полдесятка партий образовалась. Покурил, глядя на мелькание киев, но мысли текли совершенно в другую сторону. Маясь от нетерпения встречи с Галочкой, вошел в зал и направился к своему ложу, но его попридержал недалеко квартировавший Овцовский, среди прочего, его коллега-библиофил. С восторгом воскликнул, доставая из большой дорожной сумки толстенную, изящную старого формата книгу:

— Смотри, Андрюха, что я вчера в библиотеке отыскал!

...Клубная, она же сельская, библиотека располагалась справа от холла-предбанника и поразила приехавших своим нетронутым, то есть не очень-то востребованным местными, книжным изобилием. На второй день по прибытии они с Овцовским, усмехаясь, мол, здесь ничего кроме старых подшивков «Огонька» и «Сельской молодежи», да сказок Гайдара нет, дождались прихода библиотекаря, отомкнувшей дверь, и ахнули: в поместительном помещении размером в треть клубного зала на подпиравших

---

* Название второй книги Марселя Пруста из многотомного романа «В поисках утраченного времени».

потолок стеллажах стояли все мыслимые собрания сочинений, трех- и двухтомники и все остальное из художественной литературы, изданное за последние двадцать лет — со дня постройки клуба. Чего и в самом радужном сне не увидишь на полках городских библиотек: разобрано читателями, украдено библиоманами, «списано» расторопными библиотекарями и просто хранившееся в отдельной подсобной комнате — для добрых читающих приятелей и приятельниц, родственников и их детей.

Юная, равнодушно-задумчивая библиотекаря, дочь колхозного зоотехника, только что окончившая школу и собирающаяся на следующий год поступать в Тулуповское культпросветучилище, кулек по-местному, с ненавязчивым интересом рассмотрена на вошедших:

— Будете что брать? Тогда заполните анкеты и два рубля залога. Верну, когда будете уезжать и сдадите книги.

— А если нас срочно увезут и сдать не успеем? — сыронизировал Овцовский.

Библиотекаря пожалала еще девичьими, не раздавшимися плечиками:

— Мне-то что, спишу на залог, а рубли ваши в колхозную бухгалтерию передам. Вся-то недолга. На следующий год приедете — снова запишитесь и залог уплатите вдругорядь.

— Красиво говоришь, дорогая, — восхитился подхалимно Овцовский, — образно, чисто по-русски! Величать-то как?

Библиотекаря уже с живым интересом рассмотрела на невысокого, но хорошо сложенного, как-то по-спортивному, хотя этим делом он не баловался, худощавого, красиво подстриженного тулуповской знакомой парикмахершей Валерку:

— Верой меня величать, хи-хи, а говорю — так это я пьесы Островского сейчас читаю, готовлюсь в культпросвет поступать. Вас надолго сюда?

— До белых мух,— на всякий случай неопределенно ответил Овцовский,— так мы посмотрим книги?

...Вышли они из библиотеки в разной «весовой категории»: Андрей взял двухтомник Томаса Манна «Иосиф и его братья», который давно хотел прочитать, и «Слова» Сартра — редкость, которую он не видел даже у знатных тулуповских книжных спекулянтов, что роились у городской «Буккниги». Овцовский же забрал стопу, что нес, прижав к груди обеими руками, сладострастно бормоча, что в его домашней библиотеке далеко не все полки заставлены...

— Так ты, Андрюха, понял диспозицию? Верке на все наплевать, ей надо перебираться в город, поступать в кулек и замуж удачно выходить. Так что, не торопясь, подбирай себе в дорогу что приглянется. Я — то же самое. Верка же залогом отчитается.

— Грех это, Валер, осла ближнего пожелать...

— Ну-у, Верка и колхоз нам далеко не ближние, тем более первая — у нас с тобой свои ближние здесь уже образовались... нечто не вижу, как ты Галочку обхаживаешь? Ну и насчет осла: некогда местному населению Сартра, что ты улещил, и Кафку, что у меня, читать. Вечная битва за урожай, так сказать. Нам же с тобой самый смак, ведь не отдавать же перекупщикам по ползарплаты за такие книжки?

А потом, знаешь, это ведь не кража, а почти честная купля-продажа: два целковых тоже деньги ведь. Кстати, даже сама кража книг есть интеллигентское воровство. Этот самый книгочей может быть кристально честным, копейки чужой не возьмет, но книгу — да! Даже обливаясь при этом слезами раскаяния. Пример из жизни: приятель мой — ты его не знаешь — жаловался: позвал на годовщину свадьбы лучших друзей своих и подруг супруги, тосты всякие, мол, вечное «горько», все на брудершафт пили, а, проводив последнего гостя, случайно взглянул на

книжные полки, что заставили целую стену в прихожей и — пустой проем в ряду книг и на том самом месте, где роскошно переплетенный дореволюционный пятитомник Кнута Гамсуна стоял... Вот так-то, мой дорогой совестливец!

— ...Так смотри, Андрюха, что вчера, покуда ты вокруг своей Галочки увивался, я нашел в библиотеке в заднем углу, где свален всякий хлам на списание, — и Овцовский, сияя, как будто золотой клад отыскал, протянул коллеге старого издания книгу, источавшую кремовый затхлый запах, что аллергика укладывает вмиг на больничную койку, а истинному книголюбу еще на пару лет продлевает жизнь.

Андрей бережно, ловя при этом тревожный взгляд Овцовского — сродни материнскому, когда она на миг передает своего младенца на руки хотя бы даже и ближней родственнице, открыл книгу на титульном листе. Такого даже у столичных спекулянтов-перекупщиков на Новом Арбате не встретишь: первое и пока единственное на русском языке издание романа Марселя Пруста «Под сенью девушек в цвету», выпущенное в тридцатые годы ленинградским издательством «Художественная литература». Ни много ни мало! Андрей перелистывал на ощупь вроде как теплые страницы добротной веленовой* бумаги благородного цвета слоновой кости, что таковая приобретает со временем, любовался не поддающейся выцветанию высокой печати** буквами шрифта «Академический».

— Да-а, это вещь!

— Не вещь, но драгоценность, раритет. Кстати, недавно читал в «Книжном обозрении», что нынеш-

---

* Бумага высшего качества, изготовленная из тряпичного материала, что собирали старьевщики (*Second hand* по-нынешнему).

** То есть печать металлическими литерами — изобретение Иоганна Генсфляйша Гуттенберга, ювелира из Майнца...

няя «Художественная литература» готовится издать Пруста только в следующей пятилетке.

— Смотрю, даже штампа библиотечного нет. Как же она туда попала?

— Я Верочку спрашивал: все пожимает плечами. Сказал пару комплиментов про ее расцветающую красоту, даже стишок халявный тут же сочинил:

*Твой голос меня будит по утрам,
Как узник, я считаю дни и сутки,
Когда свиданье постучится к нам...*

Для деревни сойдет. А она мне алаверды и подарила неучтенную книгу. Как бы Тонька не узнала про всякие там стишки — прибьет, с нее станется!

◆ Спускаясь в полутьме с заветной горки, Андрей правой рукой обнимал спутницу, чувствуя ладонью ровное биение-вздрагивание ее тугой груди. Даже стянутая свитером плотной вязки, под теплой курткой, она соответствовала своему высокому номеру — при девичьем еще стане и модельной талии... В левой руке он держал сумку-пакет, врученную Галочкой.

Не был он особо мнительным, но, обнимая свою Галочку, некстати вспомнил некогда слышанное, что-де роскошная грудь у незамужней, очень молодой женщины — верный указатель на активную половую юность. Тотчас испугался, вспомнив о сверхпроницательности подруги, у которой, по ее словам, вроде как прабабка слыла деревенской колдуньей-знахаркой, попробовал отогнать паскудное... но поздно уже.

— Андрюша, отвечу строками нашего с той любимого поэта:

*Но для женщины прошлого нет,
Разлюбила — и стал ты чужой.**

Нам ведь с тобой, милый, не по шестнадцать

---

* Иван Бунин «Одиночество» (далее по тексту стихи Бунина).

лет, а я к тому же на год старше тебя. Что было, то было. Да и было-то... так, студенческая жизнь.

— Не обижайся, любимая,— Андрей остановился, крепко обнял ее, податливую, крепко и долго целовались,— но все же объясни мне, как «физику», а не лирику», как ты угадываешь мои глупые мысли. Вот теперешний конфуз, а?

— Точно так же, как все колдуньи, гадалки, цыганки и новомодные экстрасенсы. Ты вот подумал про мою грудь, которую обнимаешь, а я почувствовала какую-то неуверенность в пальцах твоей ладони. Все это просто, но при условии: род надо вести от колдуньи-ведуньи... Пошли, мой сомневающийся во всем!

Андрей почувствовал в теле жар — прилив нежности к *своей* вещунье, но тут же озаботился иной докукой: как вести себя с хозяйкой дома, готового приютить их? Ответное не замедлилось:

— Не напрягайся, Андрюшенька. Ленка — девка правильная, не ханжа. Себе цену знает, но и в других изюминку приветствует. И очень целеустремленная. Знаешь, как она сюда попала?

— Ты говорила: распределение, у бабки своей почти как на вилле живет, сам уже дом видел...

— Не совсем так. По распределению в деревню посылают негородских и устойчивых троечников. А она с красным дипломом, сразу в заочную (звали в очную) аспирантуру поступила в своем педде, квартира родительская в Тулуповске в «сталинском» доме в центре...

— Вот это да-а! Но я ведь, в отличие от тебя, мысли читать не умею. Поясни, пожалуйста.

— Поясняю. Жениха ее, двухгодичника, отправили служить в Заполярье на шахтные ракетные установки. И спиться нельзя, и всяких женских соблазнов в большом радиусе не имеется. Ленка, как истинная жена декабриста, решила уравнять до свадьбы их ста-

тус-кво: попросила распределить на село, к бабке; в институте удивились, но пошли навстречу. Даже версия по институту пошла: собирается делать диссертацию по биологии на сельхозматериале.

В общем, все правильно. И диссер свой сочинит на этом самом материале: что-то, могу ошибиться, о влиянии трансгенеза на биологические и сельхозполезные показатели свиных приплодов.

— Где же она исходный материал по столь специфической теме берет... не в школе же?

— Не в школе, там нет парнокопытных. В соседнем районе образцово-показательный свинокомплекс с опытной станцией от сельхозакадемии. Туда она через отца, заведующего сектором в аграрном отделе тулуповского обкома, прикрепилась. Блат не блат, но по воскресениям туда регулярно ездит, то есть действительно делом занимается. А литературой снабжает мать — доцент в том же педде.

— И зачем это ей?

— Я же начала рассказывать: в равных условиях с женихом пару лет провести, вдали от городских соблазнов, но и без излишних бытовых трудностей. Потом она думает по стопам матери идти — преподавать в институте, а для этого ученая степень нужна. И себя проверить, и другим показать, что не финтифлюшка обкомовская, а человек с работающей головой.

— Нд-да. Такие не дают возможности разочароваться в нынешней жизни.

— Да жизнь-то не стоит разочарований. Это все наносное, по нашей молодости. Наши потомки еще завидовать нам будут; вот увидишь, когда доживем. Да и *мы с тобой* не пальцем деланы, извини за эвфемизм, главное, не потерять себя и друг друга в суеде жизненной, жить в доступную меру красиво и свободно, не в обузу другим людям, но в пользу.

— Мудрено, милая, говоришь, прямо по Гегелю

Георгу Вильгельму Фридриху: свобода есть осознанная необходимость.

— А я, Андриюшенька, не только страстная, но и ученая девушка. В этом смысле ты за мною не пропадешь, не отчаешься... а я за тобой тоже. Заметил ведь еще с лета как я к тебе присматривалась?

— Заметил, но маловато ведь времени прошло, чтобы полностью оценить?

— Это все в считанные минуты, а то и секунды природа за нас делает. Выбрала тебя — и все! Сам понимаешь, что выбирают всегда и только женщины. Закон природы все той же. А мужикам они великодушно не запрещают в ихних мальчишниках-пьянках похвастаться: вот какую чувиху вчера снял — и тут же на станок уложил! Нет, дорогой мой супермен, это она тебя сняла и для проверки легла с тобой; на утро же вердикт: мой или не мой... Однако, Ленкин дом. Давай пообнимаемся-поцелуемся, с пару часов нужно вести себя комильфо — для знакомства с хозяйкой.

После долгого, обещающего пик страсти поцелуя Андрей прошептал ей на ушко вошедшие у них в обиход бунинские строчки:

Под вечер ненастного дня

Ты мне стала казаться женой.

◆ Андрей из рассказа Галочки заранее составил мысленный портрет ее подруги. Получалось — должна она выглядеть среднего «девичьего» роста, как и Галочка, но только в меру полноватая — с крепкой статью, шатенка (все училки ему мнились шатенками) с короткой стрижкой. Не очень впечатлительный бюст и среднестатистические ноги дополняют этот абрис, скорее характерный для недавно вышедшей замуж молодой учительницы. Увы, как всегда ошибся во всем, исключая роста.

Войдя в незапертую калитку и пройдя до входной в дом двери — под навесом и с лестницей в

несколько ступеней, — хотели нажать кнопку звонка, но выложенная дубовыми плашками дверь тут же приоткрылась, а яркий свет из прихожей вырвал фигуры гостей из уличной темноты.

— Входите, входите! Мой сторожевой кот вас загодя почувял и замыкал.

Андрей пропустил спутницу, вошел сам, все еще привыкая к свету. Солидного видом кота он хорошо разглядел в первый приход, но вот Лена... оказалась почти копией Галочки, только бюст самую чуть малость скромнее и коленки не такие очаровательно круглые... Кой-какой жизненный опыт у него имелся, знал, что много мнящие о себе девицы выбирают — на контрасте — в подруги менее видных, даже дурнушек, но умные и знающие себе цену — равней. Здесь имело место второе. Даже прически каштановых волос одного фасона. Девушки поцеловались.

Кратно представив ранее не знакомых, Галочка передала сумку хозяйке. Занялись разуванием — выбор домашних тапочек аккуратно, попарно занимал верхнюю обувную полку. Кивнув вослед уносящей сумку Лене, не то серьезно, а скорее в шутку шепнула:

— Смотри, дурашка, не влюбись в мое *alter ego**!

Отнеся сумку в соседнюю с прихожей кухню, Лена вернулась, встала рядом с Галочкой, обращая ее внимание на большое, старинное трюмо:

— Знаешь, Галина Николаевна, мы с тобой как-то не соответствуем церемониалу знакомства с интересным молодым человеком? Размеры у нас почти все совпадают, пошли-ка к гардеробчику. Андрей! Пройди, пожалуйста, в гостиную. Барсук составит тебе пока что компанию. — Это налево, если не совсем освоился с домом... — И подмигнула Галочке.

Еще в первый приход, хотя они с Галочкой «ос-

---

* Второе «Я» (лат.).

воили» только гостевую комнатку, да на кухню Андрей попить заходил, он понял из ее слов, что дом этот некогда являлся правлением, но затем построили новое, двухэтажное здание под него. Ленкин дед, ныне покойный, председатель колхоза, перестроил бывшее правление под поместительный жилой дом, оставив почти все из прежней мебели — старинной и добротной, в свое время перенесенной из помещичьей усадьбы. Саму же ее до основания разрушили в войну: в окрестностях села шли тяжелые танковые бои.

...А бильярд достался вновь построенному клубу, где в эти минуты Лева давал урок профессионального владения кием.

Выложенный паркетом пол гостиной и потолок с лепниной говорили о былой славе передового хозяйства района, да и в области входившего в пятерку лучших. Но в полный восторг приводила бывшая помещичья мебель: книжные шкафы, напольные часы с боем, овальный обеденный стол, многопудовый кожаный диван, два таких же кресла, явно не ширпотребовские высокие стулья. Не то что дед-председатель хапуга был, но на бывшую правленческую мебель спроса в селе не оказалось: старье, мол, вот если бы нынешние румынские стенки? На маленьком пристенном столе, тоже дореволюционной фабрикации, под абажуром угадывались диссертационные книги и тетради хозяйки.

Но все же давили своим великолепием книжные шкафы под потолок. Овцовский, попади сюда, точно сошел бы с ума; такое Андрей видел только в большом читальном зале областной библиотека: полки плотно уставлены не столько хорошо подобранными современными изданиями, сколько помещичьим «конфискатом»: большие золоченые, в кожаных переплетах многотомные энциклопедии на французском, немецком и русском языках, в том числе полный Брок-

гауз и Ефрон, занимавший несколько полок! Конечно, французская «Лярусс» и «Британика»... собрания сочинений на языке оригиналов Вольтера, Гёте... Но здесь в гостиную вошли подруги. Андрей оглянулся, словно застигнутый на месте преступления, и ненароком в восхищении только и мог что развести руками.

Вмиг подросшие каблуками туфель на десять сантиметров, Галочка в зеленом, Лена — в кремовом платьях одного фасона, со взбитыми и полаченными прическами, в умеренно-ярком макияже, подружки смотрелись бы в тон старинной мебели собирающимися на бал к предводителю, если бы не неприкрытые коленки...

— Извиняемся, подпоручик (Андрей, как обучавшийся на военной кафедре, имел лейтенантское звание), в моем гардеробчике бальных кринолинов не сыскалось, — засмеялась хозяйка.

А он оторопел: неужели и она из потомственных колдуний-вещуний? Сам же смущенно посмотрел на свои мятые алжирские джинсы* и клетчатую рубашку, сдавленно извинился за сельскую простоту.

— ...И хватит нам извиняться. Мы — на кухню кухарить, а ты, Андрей — надеюсь мы уже на «ты»? — займись музыкой, магнитофон и проигрыватель на угловом столике, где и телевизор.

Ушли, на первом шаге сделав синхронное вальсовое «па» с поворотом. Да, с холодком восторга подумал он, вот и оказался под сенью девушек в цвету...

◆ Обеденный стол на массивных гнутых дубовых ножках, рассчитанный на помещичью семью с приживалками и непременно гостями из соседних

---

* В те годы Алжир, недавно освободившийся после кровопролитной войны от Франции, за советское оружие расплачивался бартером наливными танкерами довольно мерзкого сухого вина и джинсами кирпичного цвета стоимостью семь рублей сорок пять копеек. Настоящие «Levi's» и пр. могли позволить себе только люди типа Лёвы.

усадеб, то есть на полтора десятка персон, был накрыт с одной лишь стороны овала скатертью на троих. После сытной, но однообразной стряпни Тони и Тамары накрытый стол вызвал аппетит Андрея: яичница на сале, домашний паштет, порезанные тонкими ломтиками холодная телятина и сыр, огурцы из колхозной теплицы, шпроты, а к ним коньяк и только что освоенный Тулуповским ликероводочным заводом отменный ликер «Шартрез» (еще там делали «Бенедиктин» и даже виски) — что-то из этого и нес Андрей в сумке.

Лена восхитилась ликером — первый раз «Шартрез» пробовала:

— Ну и мастера-самоделкины на нашем ТЛВЗ! Помните, как на студенческих посиделках под гитару пели:

*Тээлвэээ — как мне понять
Твою аббревиатуру?
Тээлвэээ, тээлвэээ —
Несешь ты в массы
Горькую культуру!*

Девушки начали вспоминать, как у них принято в таких случаях «под ликер», сразу обо всем: от судьбы общих школьных подружек до особенностей сельского жителя-бытия. Андрей оценил их так: дают ему возможность, не отвлекаясь на дежурные комплименты, поест от души.

Верхний свет в гостинной выключили сразу после сервировки стола. Ужинали в боковом освещении от торшера возле рабочего стола хозяйки. Прямо на книжках и тетрадках под абажуром разлегся кот Барсук, действительно, чем-то отдаленно схожий с этим зверем.

Заметив интерес гостя к коту, Лена пару раз провела язычком по тыльной стороне накрашенных в тон платью губ, что явно означала обдумывание некоей мысли:

— Можно с места в карьер? Я послезавтра должна на неделю уехать на опытную станцию в соседний район, я к ней по диссеру прикреплена. Приезжает с лекциями для сотрудников и «разбора полетов» профессор Эрнст, вернее уже член-корреспондент, из сельхозакадемии, главный там по генетике и селекции свиней. Он же мой официальный руководитель, которого я еще ни разу в глаза не видела. В школе уже решила все с переносом уроков, бабусе еще двадцать дней быть-стать в своем санатории-курорте. А вот Барсук? Соседей не хочется обременять, а вот вы...

— Согласны.

По опережающему ответу Галочки Андрей мигом сообразил, что они уже все обговорили.

— Ну и замечательно, отдохнете от своей клубной конюшни. А как обращаться с АГВ, от которого отопление в доме и душ, я пока...

Здесь уже Андрей опередил:

— Я знаю. В Тулуповске живу в частном доме с таким же АГВ и отоплением. Только без душа.

— Вот и замечательно. Давайте еще выпьем и — танцы! Не зря же мы с Галкой туфли надели, вовсе не гармонирующие с деревенской осенью, но очень подходящие под этот римейк барского дома и ужина почти что при свечах... Кстати, соседей справа и слева — то есть все село будет в курсе — я предупрежу, чтобы у них лишнего любопытства не возникло: вы молодая супружеская пара, что, как я понимаю, не слишком далеко от истины, да? А своему бригадному начальнику и коллегам что-нибудь соврете. — Все одно не поверят, только что позавидуют. Андрей — тост!

Оговорившись — не кавказец я и не комсомольский функционер, Андрей взял рюмку с коньяком, встал и довольно складно — предыдущие две рюмки язык развязали — протостировал в том смысле, что

невыразимо приятно оказаться под сенью девушек в цвету, забыть на миг о дождливой осени за стенами этого великолепного дома...

— ...Пью за вас, юных и очаровательных!

Выпили. Немного расшалившаяся Лена шепнула Галочке: «Пей, Андрюша, да дело разумеи!» На что та ответила также на ушко с сережками: «Не сомневайся, Ленок, очень даже разумеет...» Несколько загадочно для Андрея подружки посмеялись чему-то своему, явно девичьему.

— Все, девочки-мальчики, танцы и только танцы,— обратилась хозяйка к Андрею,— давайте музыку, маэстро!

◆ — А под утро ненастного дня я кажусь тебе женой?

Андрею, под утро впавшему в бестелесный короткий сон, вопрос этот показался продолжением содержания сладостного сновидения, в котором явь переплетается с бесконечным повторением прошедшего и ожиданием еще более откровенного и волнующего. Но и сон минутный улетел, когда теплый, обволакивающий язычок Галочки пощекотал его ухо. Сразу сообразив, что вопрос вовсе не из сновидения, Андрей открыл глаза, в едва-едва забрезжившем за окном рассвете разглядел очертания наклонившейся над ним головы подруги, уже щекочущей его лоб, щеки и губы волосами рассыпавшейся за ночь прически, приподнялся, развернулся на локте и впился в припухшие губы Галочки, тотчас скользнувшей сухим разгоряченным, шелковистым телом под него. На секунду оторвался от губ:

— Уже не кажешься любимая, а стала ей...

Еще чуть посветлело за окном, когда через полчаса они разжали объятия и легли на спины, сбросив на пол излишнее в жарко натопленной комнате одеяло, а Галочка на ощупь включила низкое настенное бра. Слабый оконный свет тотчас обратился в темноту.

— Я согласна, любимый, и уже почувствовала себя твоей женой, а потому — слышу уже Ленкины шаги — надо и нам собираться, все вместе на горку нашу пойдём, как говорится, к первому уроку. Вечером — сюда же: завтра в это время проводим ее на рейсовый автобус и — вступим на неделю в права хозяев этого роскошного дома — пока своего нет.

...Не только неделю сам-двое, но и весь остаток колхозной эпопеи они провели у Лены, в зависимости от степени дождливости погоды отработывая свою свекольную барщину. Народ вежливо помалкивал, ибо новость перешла в обыденность, обсуждались другие казусы: повариха Тоня побила Овцовского за легкую, деловую интрижку с клубной библиотекарей Верой, но Валерка вымолил прощение. И был прощен по причине женской доброты и любвеобильности. И другие мелкие коллизии слегка развеивали наступившее осеннее уныние. Всем захотелось домой.

Первым звонком стал отъезд Левы: он поистратил на сельмаг все карманные деньги, да и вот-вот должна была прийти в Тулуповск очередная партия пластов от гамбургского (через Москву, конечно) Вадьки. Лева сходил в колхозное правление, заявил секретарше, что нужно срочно позвонить в Тулуповск родственнику-генералу и, попросив ошарашенную женщину оставить его одного, о чем-то долго говорил с дядькой.

На другой день под вечер на горку с трудом взобрался по раскисшей дороге милицейский уазик, из которого вышел старлей, подмигнул оказавшемуся рядом Леве, потребовал Пируэтова, откозырял и сообщил, что прибыл за гражданином Тепляевым — доставить того в город для прохождения двухнедельных курсов активистов добровольных народных дружин. Вручил оторопевшему Валентину Ивановичу повестку по форме: «Передадите по приезду в Тулуповск своему начальству!» К Леве в попутчики

набился Овцовский с двумя сумками, затаренными библиотечными раритетами. Он еще вчера, услышав от Левы об отъезде на историческую родину, сходил в колхозный медпункт, симулировал перед тамошней фельдшерницей осенний приступ плечевого миозита и получил медицинскую справку-направление в лечебницу по месту постоянного жительства, где, кстати говоря, трудился его сосед по подъезду, тоже страстный книжный коллекционер. Овцовский для него приготовил роман Уильяма Фолкнера «Деревушка» — из клубной библиотеки, разумеется.

Дезертирство Левы и Овцовского больно отозвалось на всех. Оставшись соломенными вдовами, поварихи Тоня и Тамара тотчас утратили все свои кулинарные изыски и раздраженно наливали и накладывали в подставляемые алюминиевые миски осточертевшую молочную лапшу и макароны с ошметками сала вместо прежнего мяса. Правда, имелось оправдание от Пируэтова: учитывая низкую выработку из-за непрерывных дождей, завхоз на мясной приварок стал выдавать одну лишь свиную брюшину...

А тут коллектив и вовсе обезглавили: срочно вызвали в КБ Пируэтова — принимать и руководить запуском в работу множительной техники. За себя Валентин Иванович оставил «варяга» Алдошина, слабо соображавшего в организационных делах.

Последнюю неделю пребывания народ, исключая проводящих медовый месяц Смышляева и Галочку, просто мучился: не столько физически, сколько нравственно. Футляр баяна Соловьева покрылся от неиспользования пылью. Ассатурьян, Петрищев и вечно хмурый лаборант Васюков, доселе не замеченные в злоупотреблении, по вечерам глушили сельмаговскую червивку.

День икс пришелся даже не на дождь, а подобие кары небесной, развершейся над селом и миром всеми хлябями и ветрами. Грунтовые дороги вздыбились.

Понятно, на поле никто не выходил: ни приезжие, ни свои, сельские. В три часа пополудни прибыл вестовой из правления: «Собирайтесь мигом, у автобусной остановки на трассе две машины за вами прибыли. Водилы отказываются с асфальта съезжать! Да, молодых ваших, что квартируют у сельсоветовской зампредши, у внучки ее, уже по пути сюда предупредил. Не мешкайте, а то и стемнеет совсем...»

Андрей с Галочкой и вышедшей их проводить Леной стояли под крылечным навесом и наблюдали апокалипсическую картину. В сплошном прямом, секущем дожде, исторгаемом иссиня-черными тучами, захватившими все догоризонтное пространство неба, по развязшейся земле, в начавшейся темноте, среди замерших, обозначаемых только оконными светлячками домов, шла растянувшаяся колонна нынешних павок корчагиных. Мат и все прочие разговоры заглушались стрекотом дождя и чавканьем сапог, перемешивающих разбухший суглинок того, что принято называть сельской улицей. Лена, как бы оправдываясь за свое село, сказала, что бабуся уже третий год все пробует заложить в бюджет асфальтирование хотя бы пары внутрисельских дорог.

Галя, обняв подругу и Андрея, что-то умиротворенно мурлыкала, как пригревшийся котенок, а сам Андрей все ломал голову: что за сюрприз обещан ему тотчас по приезду в город? — Прелестны девушки с загадками, но не дают расслабиться, так сказать, держат на коротком поводке...

Меж тем чавкающая дорожной грязью колонна, чем-то напоминающая кадры военной кинохроники — сдавшаяся в плен армия фон Паулюса, — поравнялась с домом. «Присоединяйтесь, молодые!» — махнул рукой возглавлявший шествие Алдошин. Остальные брели угрюмо и молча. Не до забав любовных, мол.

— Прямо Моисеево исшествие из египетского плена, — восхитилась Лена.

И действительно, Соловьев сгибался под двойной ношей: вещмешок и короб с баяном. Очень хозяйственный Логвинов, учившийся на одной специальности с Галочкой, только в другой группе, нес на голове, придерживая обеими руками, прикрытую от дождя куском полиэтиленовой пленки от мешка с суперфосфатом непечатую коробку макарон — не бросать же на опустевшей до следующей страды кухне! Страстный охотник Погорельский, тоже выпускник «пентагона», бережно нес на согнутых в локтях руках щенка гончей породы. Прикрытый все от того же дождя брезентовой попонкой, щенок с любопытством смотрел по сторонам. Первое в жизни путешествие ему явно нравилось. Щенка Погорельский сторговал за пять рублей и бутылку «Экстры» у местного тож охотника. Сама же эта порода, чудесным образом не смешиваясь с деревенскими дворнягами, сохранилась с помещичьих времен.

— Да, ни революции, ни коллективизация с раскулачиванием, ни война не извели эту густопсовую братию, — восхитился Андрей и со значением процитировал любимого поэта:

Что же, камин затоплю, буду пить.

Хорошо бы собаку купить.

— Не перепутай меня с Леной, — шепнула Галочка.

◆ — Однако, пора и прощаться, — Андрей вскинул на плечи свою котомку и взял в руки сумку подруги. Лена обнялась с Галочкой, у обеих скользнули по щекам слезы, что-то прошептали друг другу на ушко. Хозяйка полюбняла Андрея за плечи и дружески чмокнула.

— Идите, ребята, и... до встречи в Тулуповске или здесь же следующим летом! Еще надеюсь, Галченок, погулять с тобой вволю в центральном парке — с колясками, конечно!

Погрустневшая от разлуки с Леной парочка догнала колонну.

Но обещанный Галочкой сюрприз опередил другой: по причине погоды и занесенных сельхозтехникой грязью районных шоссеек вместо автобусов завод прислал пару кунгов*: без окон и с лавками вдоль трех стен кузова. Ехать в кунге что в танке или в космическом корабле. — Кому какое сравнение больше нравится... Опытные инженеры предпочитают сокращать долго тянувшееся время поездки и оторванность от окружающего пространства — свет и звук в кузов не проникают — слабо неумеренным употреблением водки с червивкой и россыпью анекдотов про руководителей партии и правительства.

Мигом сообразив насчет диспозиции посадки, Андрей повел подругу к чуть дальше стоявшей машине, еще без тихо матерящейся и женски ойкающей очереди. Поднявшись по жестко закрепленным рифленым ступенькам, заняли место в самом углу у торцевой стенки с входной дверью. Хотя здесь и сильнее всего дорожная качка, зато почти уединение. К тому же рядом сел Соловьев, деликатно отгородившись от парочки поставленным на скамью футляром с баяном.

Когда суета посадки улеглась, в дверь заглянул старшой Алдошин, пересчитал путешественников указательным пальцем, в уме сложил с ранее посчитанными в другой машине: «Все, поехали, я в шоферской кабине!» — и захлопнул тяжеленную, окованную стальными угольниками дверь. Наступила темнота, самую малость подсвечиваемая контрольной

---

* Военно-транспортная машина на базе ГАЗа или КАМАЗа с КУНГ'ом — кузов унифицированный герметичный, то есть короб со скошенным по углам потолком из многослойной толстой фанеры со специальной пропиткой — пуля не пробьет! — и с окантовкой по наружным углам металлом. Окрашен в защитный темно-зеленый цвет.

лампочкой в синем плафоне, забранном в решетчатую накидку — под потолком кузова на торцевой стенке за кабиной водителя. Впрочем, даже самый слабый отсвет от нее затухал на футляре баяна Соловьева.

Раскачиваясь, машина тронулась, поворачиваясь резко вправо-влево, выехала на шоссе и пошла ровно, а монотонное, как в кресле-качалке, «кивание» задника кузова сразу потянуло в полутьме в теплый сон. Андрей и Галочка, расстегнув свои куртки, крепко обнялись и замерли в долгом, непрекращающемся поцелуе. Она ровно, медленно дышала, казалось, уже спала, если бы не облизывающее движение ее язычка. Но ведь и это может быть в нечутком, расслабленном полусне? Но Андрея сон не брал — с новой силой вспыхнуло утоленное было под утро возбуждение, да еще после трех ночей не совсем полной, естественной близости: завершился женский месяц.

— Терпи, казак, атаманом скоро будешь, — шепнула она, на миг прервав нескончаемый поцелуй, тотчас вернувшись к нему. «Медовый месяц в швейцарской деревушке, — бессознательно подумал он, — а дальше что?» Она вновь оторвалась и поправила: «Не что, а где, мой друг и любимый. Подожди до конца путешествия в отсеке обитаемой космической станции». Не то чтобы не удивляясь, но даже не задумался о ее чтении мыслей. Привык за почти полный месяц. «Кругом шиповник алый цвет...»* — вспомнилось ему — и сон сковал их, навек обнявшихся, до конца поездки.

Машина остановилась с медленным разворотом так, что стало понятно: это не шлагбаум железнодорожного переезда, но именно окончание пути. Дверь со стальным грохотом распахнулась, послышался по-

---

* И. А. Бунин «Темные аллеи».

веселевший голос Алдошина, радующегося окончанию его начальственной ответственности: «Все, господа колхозники, на выход! Напоминаю: два банных дня, а насчет отгулов — со своими руководителями решайте».

Разгрузившись, машины тронулись в сторону заводских транспортных ворот, а толпа прибывших на глазах начала таять: кто к ближней трамвайной остановке, другие по переулку к оживленной даже в сякоть большой улице с ее автобусами и троллейбусами, живущие неподалеку — в пешем порядке. Андрей вопросительно посмотрел на еще не отошедшее ото сна, но почему-то улыбающееся лицо Галочки: долгий трамвай на его городскую окраину следовал по рельсам вдоль заводского фасада, а Галю нужно провожать до троллейбуса. Она взяла Андрея под руку и действительно повела по переулку в сторону остановки. Но как-то уверенно вела, вроде не он ее провожает, а она ведет, явно не собираясь расставаться. Молчала, но глубоко дышала, как человек, делающий очень решительный шаг.

Нужный ей троллейбус подкатил тотчас.

— Поехали,— они поднялись, Андрей отыскала глазами свободное сиденье, но Галочка остановила его на задней площадке,— нам всего три остановки.

Как-то все не сходилось, помнил из ее разговоров с Леной, что живут они вверху проспекта, а до него отсюда далеко не три остановки. К тому же этот троллейбус идет в противоположную сторону... Но она все молчала и молчала загадочно. Сошли на третьей остановке, вновь повела груженого вещмешком и сумкой Андрея, уверенно охватив его руку, в глубь квартала разношерстных домов старой постройки и нынешних «хрущевок», вскоре остановилась перед четырехэтажным домом с двух подъездах. Видно было, что верхний этаж когда-то был надстроен. Поднялись же на второй. Галочка оста-

новила спутника перед обитой дерматином «под кожу» дверь, слишком широкой и высокой для современных строителей, щелкнула замком своей сумочки, достала ключ и открыла.

— Заходи, милый, теперь уже в *наш* дом! Да не столбеней ты, это загодя намеченный сюрприз. Он сюрпризом и для меня-то оказался за пару недель до нашего отъезда в колхоз. Давай, разоблачайся и осматривайся, а я на пару-тройку минут к соседям, позвонить домой, что прибыла с полей... и не одна.

— Представляю реакцию...

— Наконец-то отошел! Реакция будет нормальной, я у папы-мамы правильная дочь. И так уже из-за нашей с тобой одиннадцатилетки и моей шестикурсовки в «пентагоне» хотя и в шутку, но перестарком именуют. Раздевайся, вот *твои* тапочки, приду — поесть приготовлю, все спокойно за ужином расскажу.

— Так из чего ужин-то готовить, давай я в магазин схо...

— Обратил внимание на тяжесть сумки, что нес? Ленка еще более хозяйственная, чем я, припасов на пару-тройку дней всучила, а у моей бабули, теперь номинальной ответственной здесь квартиросъемщицы, всегда что-то припасено — и на маленькую свадебку достанет! Впереди два банных дня, так что успеем с твоими и моими родичами взаимно перезнакомиться. Поставим, как любит говорить Трибелин, перед свершившимся фактом... Я пошла, а ты осваивайся.

Все еще ошеломленный скорее от быстроты смены кадров событий, Андрей, впервые в жизни попавший в старинный дом с полнометражной высоты потолком, осмотрелся: большая комната после широкой, основательной прихожей с двумя дверями — ванная отдельная, за ней, явно отгороженные от той же комнаты, маленькая спальня и напротив ее кладовая. Еще одна дверь из большой комнаты — на

кухню, тоже поместительную. Мебель, конечно, не чета Елениной, но с уклоном в почтенные годы. Много книг.

Все же задумался: если это старой, скорее всего дореволюционной, постройки дом, то разве тогда условные однокомнатные квартиры имели место быть? Вошла Галочка, сразу ответила на его молчаливое недоумение:

— Это бывшая, дореволюционная то ли финансовая, а может какая-нибудь налоговая губернская управа. Дважды перепланировывалась и переустраивалась: в конце двадцатых годов и в пятидесятых. В основном, дробилась на квартиры и квартирки, достраивалась четвертым этажом. Спаленку отгородили от доставшейся при переустройке большой комнаты еще когда меня в проекте не было, а только что поженившиеся мои родители здесь же проживали.

Иди, прими ванну, я сейчас колонку на кухне включу, стряпней пока займусь. И дождись меня там же... свою любимую искусительницу!

...За ужином под бабушкины кагор и графинчик настоенной на апельсиновой корке водки, причем Андрей барствовал в кожаном кресле, запахнувшись, не хуже Левы в колхозном клубе, в наследственный бухарский халат, выслушал Галочкину диспозицию.

Сама она доселе жила с родителями и семьей брата в трехкомнатной квартире, а бабуся, очень известная в городе учительница, здесь, одна после кончины дедушки. Теперь, когда золовка вышла на работу, бабуся по своей воле переселилась туда тетешкать и воспитывать внучку, а Галочку определили на постой сюда, учитывая будущее... теперь уже свершившееся обретение второй половины.

— ...Чокнемся за наш бурно начатый роман! Кстати, это уже из только что состоявшегося телефонного разговора,— как раз учитывая скоротечность романа, моими строгими, но справедливыми

родителями, а особенно педагогической бабусей, ведено нам год прожить, так сказать, в морганатическом браке, без официальной регистрации, а они будут держать руки на пульсе: разбежимся или нет? Я за второе, а ты? Шучу-шучу, конечно. Нас уже на небесах повенчали, хотя и стоим на учете в комсомоле... Ничего, что я так бесцеремонно все наперед по полочкам раскладываю? Я, как сумел за месяц заметить, вообще-то особо романтичная, хотя и сугубая однолюбка, поэтому лучше сейчас один раз обговорить все, так сказать, о быте и буднях, чем все время это обмусоливать. Через год официально поженемся, пропишем тебя в родительскую квартирку и, с учетом справки о моей тогдашней начальной беременности, по квадратометрам нас поставят на жилищную очередь... ладно, не задумывайся, пойдет баиньки на новом, надеюсь, долгом месте.

В ту первую ночь в *своем* доме они установили личный рекорд. Истинно говорится: на новом месте сон не идет.

...Так по росписи Галочки все и произошло за одним исключением: новость о своей беременности она сообщила Андрею, не дотянув несколько месяцев до года: в середине жаркого лета вскоре после знаменитой истории с окрошкой. Тотчас уехали в отпуск в Крым, а вернувшись, официально поженились.

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
Забыв на время о ракетах, учимся жизни в
Литинституте*

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ: БДИТЕЛЬНОСТЬ — НАША СИЛА

◆ Став доцентом университета, Николай Андреевич довольно быстро привык к нравам нового места работы. Соответственно и интересы его постепенно, вроде как сами по себе, приспособивались к бытующим среди вузовских преподавателей — преподавов, как их за глаза звали нынешние студенты. А университет — универом. Это он скоро усвоил.

Приноровился матерый инженер-конструктор и к Интернету, ранее недоступному в режимном НПО «Меткость». Много чего интересного там можно узнать, не перелистывая пыльные тома энциклопедий, справочников и монографий, а только-то и ткнув пальцем в клавишу.

Одно плохо — Интернет вещь платная, а ассигнования кафедре на его пользование постоянно срезают, мотивируя тем, что подготовка специалистов по военной технике сейчас не актуальна, а все средства надо бросать на экономический и юридический факультеты, возвращивание психологов и прочих гуманитариев тож. Учитывая все это, завкафедрой ограничил выход во всемирную паутину одним компьютером, установленным в преподавательской. Во-первых, вход студентам-халявщикам сюда закрыт; во-вторых, постоянно под наблюдением нескольких пар глаз. А каждый препод, обосновавший в форме служебной записки необходимость пользования чумой нашего времени, включался в график бдений перед новомодным плазменным экраном.

Но преподаватели тоже дети, хотя и взрослые, своего времени, то есть с заметной долей нахальства, поэтому норовят внепланово пошарить по нужным сайтам, когда в преподавательской пусто, а формально ответственный за порядок семидесятипятилетний старший лаборант Прокофьич — из отставников не-

высокого чина, как то принято на военно-технических кафедрах — уходит на полдня по своим ветеранским делам. Николай Андреевич быстро эту уловку усвоил.

Так и в этот день. Где-то перед самым «адмиральским часом» (кафедра отчасти имела военноморской уклон), то есть перед полуднем, лаборантка Света обежала все комнаты для занятий и лаборатории, донося указание шефа: всем сотрудникам факультета, прихватив зазевавшихся студентов, собраться в самой большой аудитории на встречу с кандидатом в депутаты Госдумы от правящей партии. Неофициально, но явно от лица шефа, просила проявить 100 %-ную активность, поскольку кандидат — известный в городе бизнесмен от торговли, сам окончивший некогда их факультет в чине комсорга, оказывает *alma mater* посильную спонсорскую помощь. И обещает ее удвоить в случае попадания в ряды народных избранников.

Все мигом вспомнили: в декабре этого года, совсем скоро, выборы в Госдуму. Погнали пытавшихся улизнуть студентов, а профессорам и доцентам постарше было любопытно взглянуть на заматеревшего Леньку-комсорга, твердого троечника и женского угодника.

И Николай Андреевич, скептик крайний в части народного волеизъявления, двинулся было к лестнице на второй этаж, мысленно заготавливая самые каверзные вопросы туповатому кандидату-торгашу: почему за две недели этой осени цены на продукты питания взлетели на 30—50 %? Почему ныне на международных авиационных выставках от России все больше макеты самолетов демонстрируют, а не летающие аэропланы? Почему...

Вопросов набиралось на страницу убористого компьютерного текста шрифтом 10 через один интервал, но перед самой лестницей его попридержал

завкафедрой, хорошо знавший характер подчиненного:

— Андреяныч! Дело политическое, сам ректор будет присутствовать, так что атмосферу хорошо отрежиссированного спектакля не нарушай. Прошу тебя, дорогой мой. Мне с этого Леньки-торгаша — кровь из носу — надо содрать на оборудование новой лаборатории по оптоэлектронике.

Шеф проследовал вниз по лестнице а Николай Андреянович остановился, щелкнул пальцами, тихо присвистнул и с облегчением пошел в сторону опустевшей преподавательской, попутно отметив: Проккофьич тоже семенял на встречу с кандидатом, надев парадный, хорошо отглаженный супругой синий лаборантский халат, ради табельных дней обычно висевший в шкафчике.

◆ Как минимум, часа полтора неучтенный Интернет был в его распоряжении: Ленька-бизнесмен, судя по его частым выступлениям на местном телевидении, а также учитывая прежнюю профессию комсорга, отличался патологической словоохотливостью и вообще любил общаться с простым народом.

Понятно, что Николай Андреянович не наобум, как младший школьник, гулял по Интернету, но просматривал нужные сайты целенаправленно: либо сам себе тему задавал по интересу, или же прислушивался к чьему-либо компетентному совету. Темы и названия сайтов загодя заносил в пухлую свою записную книжку, вычеркивая уже просмотренное. Как в хорошей канцелярии, но так его воспитала работа в военно-промышленном комплексе с ее ранжированным порядком и строгой методичностью.

На сегодняшний дармовой просмотр приходилась тайна Декларации независимости США. Сразу двое коллег рекомендовали: обхохочешься, дескать, Андреяныч, — какие только чудеса в истории не случаются!

Действительно, Николай Андреевич с увлечением прочитал почти детективную историю со знаменитой Декларацией 1776-го года, положившей начало государству США. Он бы воспринял все читаемое как досужую фантазию, если бы не многочисленные иллюстрации подлинников, вставленные в Интернет-текст. Впрочем, скептик Николай Андреевич понимал: при современном уровне развития компьютерной техники можно что угодно подделать...

Итак, судя по словам автора материала, пару лет тому назад он исследовал документы — на предмет своей исторической профессии — в отделе листовых материалов в Киеве, в архиве зарубежной истории Украины. Есть там такой, оказывается. И наткнулся на папку в линкрустовом переплете с небрежной надписью библиотечарскими белилами: «Северная Америка. Война 1775—83 гг.». А раскрыв папку, ахнул: в числе прочих тленных бумаг лежал очень ветхий, сложенный в несколько раз лист Декларации независимости США. Документ даже не на вес золота, но алмазов, поскольку таких листов в мире известно всего 24 экземпляра.

Автор сообщения как-то туманно и запутанно, с недомолвками пишет о киевском экземпляре Декларации. Николай Андреевич понял так, что в Киеве неведомыми путями оказалась факсимильная копия важнейшего документа в истории Америки! Но даже если это была копия, то все равно это предмет государственной важности. Для США, конечно. А для государства-держателя — это непреходящая политическая валюта.

Но самое интересное было дальше. На экране монитора высветилась фотокопия заголовка Декларации:

...United States of **Ж**merica.

Как принято у американцев и по сей час, заголовок был написан готическими буквами, поэтому, не при-

глядявшись, витиевато написанную букву «Ж» можно было принять за готическую «А», а слитно написанные «ip» — за просто готическое «i». Но вот если присмотреться, то как раз читалось вместо Америки название исконно польско-украинского городка, написанного в стиле современной российской рекламы или названий тинейджерских рок-групп: половина слов по-русски, вторая половина латиницей...

Уже совершенно заинтересованный, Николай Андреевич застучал по клавиатуре, листая страницы исторического детектива.

◆ Из текста следовало, что в июле 1776-го года Конгресс распорядился: переписать документ под заголовком «*Единогласная декларация тринадцати Соединенных Штатов Америки*» на лучшем пергаменте каллиграфическим почерком крупными буквами. Дело поручили курировать секретарю Конгресса Чарльзу Томсону, а тот в качестве каллиграфа взял своего помощника Тимоти Мэтлэка. К началу августа рукописная Декларация на листе пергамента размером 61,5×75,5 сантиметров была готова и тотчас подписана делегатами Конгресса — от всех тринадцати штатов.

Дальше, как пишет автор в интернете, почему-то сведения об этом исходном листе с Декларацией во всех официальных источниках США даются как-то отрывочно и запутанно. Удалось выяснить, что после подписания Декларацию свернули в трубку и убрали в архив; в итоге, попутешествовав по архивам ряда городов и учреждений, оригинал в 1814 году «остановился» в Вашингтоне. Причем оригинал никому не показывали, а в обиходе государства использовали типографски отпечатанные листовки с текстом и правильным заголовком.

В 1823 году по поручению Конгресса копировальщик Вильям Дж. Стоун, потратив почти три года, сделал ручную копию оригинала, один из двадца-

ти с небольшим известных в мире оттисков с нее и оказался неведомыми путями в самостийном Киеве.

Перед Стоуном стояла сложная и щекотливая задача: максимально точно скопировать и в то же время решить вопрос с «Жмеринкой». Поэтому он максимально приблизил «Ж» к готической «А», а «in» — к «i»-готической. Сам Стоун убедил членов комиссии Конгресса, что для американца и европейца «все сойдет». Более во всей истории США оригинал никому не показывали и поныне о судьбе его ничего не известно.

А «причесанная» копия и сейчас лежит под толстым стеклом в зале хартий свободы в здании национальных архивов в Вашингтоне. Но при всех кино съемках (фотосъемки в архиве запрещены) заголовок не показывают крупным планом и в коллаже как-то прикрывают «Ж».

Автор интернетовской заметки, будучи крупным специалистом-историком, дотошно выяснил, что настоящее имя Тимоти Мэтлака, каллиграфически исполнившего оригинал Декларации, — Томислав Матлаковский, поляк, родом из Жмеринки, которая тогда входила в Брацлавское воеводство Польши. В самом начале 1770-х годов он перебрался в Америку с тогдашней волной эмиграции из Европы в Новый Свет. Работал пивоваром, проповедником-квакером, потом занялся политикой.

Имея каллиграфический — с детства — почерк, он иногда выполнял поручения по написанию ответственных указов. Например, ему принадлежит подлинник рескрипта о назначении Джорджа Вашингтона главнокомандующим в войне с англичанами.

...Итак, Матлаковский, часто вспоминавший в малоудачные годы англо-американской войны тихий родной городок, и запечатлел его название в главном документе нового государства. Сумасшедшим он не являлся, просто в те времена народ в Америке чув-

ствовал себя душевно свободным; простоватые были люди у основания нынешней сверхдержавы, единственной сейчас в мире...

Члены же Конгресса, что подписывали документ, тоже по всей видимости люди простые, да еще и вдохновленные началом обретения независимости Соединенными Штатами, вчитываться не стали и лихо черкнули свои росписи. И пошли пить виски с содовой и со льдом.

Только на следующий день Чарльз Томсон обнаружил промашку, велел оригинал подальше упрятать, а своего ностальгирующего по родной Жмеринке помощника понизил в должности сразу на две ступени.

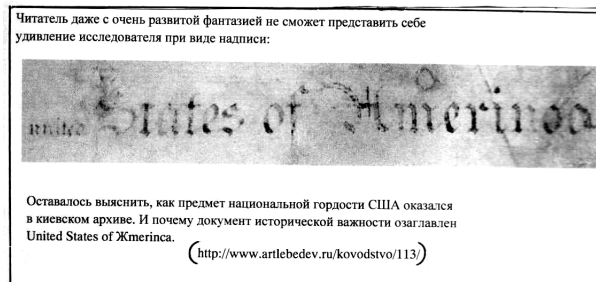
В заключении своего розыскания исторической правды автор рассказал и о современной судьбе киевской копии: сразу три президента стран, имевших и сейчас имеющих отношение к городу Жмеринке — родине Матлаковского, — начали предъявлять свои права на торжественное преподнесение Дж. Дж. Бушу подарка государственной важности. Победил Ющенко, пообещавший привезти документ во время визита в США. Обрадованный Буш на очередной пресс-конференции в Белом доме (который настоящий, оригинал, в городе Вашингтоне, округ Колумбия, США) сравнил незалежного президента с самим Джорджем Вашингтоном. Что он имел в виду? — На это автор интернет-сообщения ответа не дал.

◆ От души посмеялся Николай Андреянович, имея, как человек логически мыслящий категориями реальной жизни, в виду оба варианта: замечательно искусная литературно-историческая подделка или простота нравов американцев в XVIII веке, а именно: полное отсутствие бдительности даже в делах государственной важности.

«Нет, мистеры янки, — благодушно размышлял наш новоиспеченный доцент вечером после ужина,

расположившись на своем диванчике с раскрытой на закладке новой книгой Александра Проханова из цикла «Последний солдат империи», — у нас бы такое не прошло ни при царях, ни при генсеках, тем более — при президентах, когда класс чиновников вырос до гомерических размеров: есть кому в десять пар глаз не то что буквицы, так и оттенки их цвета на бумаге просмотреть. Бдительность — наша национальная черта; и гордость, и беда одновременно».

Сразу пришел на память с десяток случаев и ситуаций, в которые он сам по молодости лет попадал из-за отсутствия чрезмерной бдительности. Но самая замечательная «Жмеринка» имелась у друга Смышляева, за которую того наказали как некогда впавшего в ностальгию поляка Матлаковского... К огорчению пока еще морганатической супруги Галочки.

Случилось это по первому году работы Андрея в качестве молодого специалиста после окончания института в только что созданном в городе КБ точного агрегатостроения — единственно усилиями и натиском талантливого руководителя Владислава Сергеевича Трибелина — пока еще при одноименном заводе.

Сразу после осенней колхозной эпопеи, где он повстречал спутницу жизни, молодой и самомнительный тогда Смышляев как-то от скуки инженерной службы затеял с другом-приятелем Николаем в обеденный перерыв игру сам-двое в подкидного. Прямо

за рабочим столом Смышляева. А поодаль резались в шахматы-пятиминутки мелкие начальники во главе с азартным игроком, начальником их отдела Михаилом Ивановичем Дорофеевым.

Каждая из групп была увлечена своим делом, потому никто поначалу не прореагировал на появление в комнате самого Трибелина: ему срочно понадобился Дорофеев, и, проходя по своим высоким делам по коридору, он демократично сам зашел к подчиненному.

Сам любитель шахматной игры (только не пешками-слонами, а людьми...), Владислав Сергеевич одобрительно посмотрел на азартных «пятиминутников», то со стуком двигавших пешки, то с размаху бивших по кнопкам часов. Но вдруг его замечательные, столь волнующие женщин серо-стальные глаза сузились, а лицо запылало гневом: это он увидел Андрея с веером карт в руках. Николая же от глаз начальника закрывал кульман, поэтому весь разгоняй достался первому:

— Эт-то что за казино?! На режимном предприятии! Вы еще бы пьянку тут устроили с девицами развратными!

Шахматисты мигом ретировались; Дорофеев, побледнев, стоял по стойке «смирно». Андрею бы промолчать, порвать карты и покаяться всем святым, что более к этой заразе он не прикоснется... Но возбужденный тройным проигрышем Николаю (играли на пиво после работы), он неожиданно даже для самого себя язвительно брякнул:

— А что, Владислав Сергеевич, у вас на режимном предприятии развратные девицы работают?

...Гневу Трибелина, как-то в отношении себя принявшему намек насчет девиц, предела не было. Дорофеев, ранее никогда не страдавший сердечными болями, просил у своей помощницы, завсектором Розалины Тимофеевны, таблетку валидола. В итоге Андрея

сослали работать в технологический отдел, самое не-престижное место — рисовать скучные штампы и прочую оснастку, что обычно делают выпускники машиностроительных техникумов. Срок ссылки не оговаривался. Начальник КБ даже не принял во внимание невольное заступничество Дорофеева, что де опальный молодой специалист один ведет важную тему, а теперь кому-то придется все заново начинать, полгода-год можно потерять... Самое же неприятное — огорченная Галочка, обидевшись, впервые в совместной жизни, в ночь после случившегося отказала было в ласке... Впрочем, через час разбудила заснувшего огорченного морганитического супруга и, сменив гнев на милость, по-женски непоследовательно заявив: «Как-то не пойму, я с мужем рядом лежу или с манекеном?» И долго не позволяла заспать. Утешала.

◆ Не более двух месяцев, однако, Андрей проторчал в техотделе. Правда, с определенной пользой: освоил быстро, по-стахановски новую для него специальность инженера по нестандартному оборудованию в машиностроении. А чтобы умственно не отупеть, на дому, когда Галочка не возражала, и в обеденные перерывы на работе по учебникам освоил полный курс физики твердого тела. Галочке почему-то импонировали последние два слова этого названия...

С тем бóльшим удивлением он воззрился на Дорофеева, вошедшего в комнату техотдела, где он никогда не бывал ранее, и направившегося к своему бывшему подчиненному. Более того, Михаил Иванович отечески похлопал опального технолога-машиностроителя по плечу:

— Хватит тебе, Андрей, чепухой заниматься. Сейчас новое направление в КБ начнем развивать, думаю, оно же и главным в перспективе на две-три пятилетки будет; словом, пришло время все наши изделия на микроэлектронику переводить. Дело для КБ абсолютно новое, а только ты в институте, как мне

сказали, специализацию по ней проходил. И Владислав Сергеевич, зла не помня, согласился тебя вернуть в наш отдел. Даже велел мне на тебя представление к повышению в должности писать: на инженера-конструктора III категории. Это, так сказать, аванс.

И не давая ошеломленному Андрею перевести дух, сразу перешел к делу:

— Через неделю Владислав Сергеевич едет в министерство, в наш главк. Будет докладывать содержание технического предложения по перспективным разработкам нашего КБ на ближайшие годы и дальнейшую перспективу. Тебе — ответственное задание: изобразить на большом листе 44-го формата в цветах подробную схему по существующим в промышленности микроэлектронным технологиям с акцентом, так сказать, на специфику наших изделий. Но очень подробную схему и визуально броскую, и понятную для специалистов главка различных профилей. Берешься?

— Приказы не обсуждают, Михаил Иванович, — с восторгом ответил Андрей, — сущность вопроса ясна, микроэлектронику с института еще не забыл.

— Вот и хорошо. Твой *бывший* начальник уже в курсе дел; он сейчас у Владислава Сергеевича, там и узнает. А ты возвращайся на свое прежнее место. Я распорядился тебе новый гэдээровский кульман поставить — пока единственному в отделе. Цени и оправдывай доверие! Поскользнуться легко в жизни, но вывернуться и не упасть сложнее...

◆ На славу постарался воодушевленный Андрей, оправдывая высокое поручение. Даже доверяя недурственной памяти, перелистал кучу книг и научно-технических журналов. Каждый день задерживался после официального окончания рабочего дня на два-три часа. А ведь раньше уже за четверть часа до отходного звонка бросал все дела и сидел на стуле в позе призового бегуна на стартовой полосе, ожи-

дающего хлопка судейского пистолета-пугача. Галочка, подчиненная Розалины Тимофеевны, уходя после звонка домой, смотрела на суверена грустными глазами... Но все понимала.

Для начала во всю полутораметровую почти высоту листа, склеенного из двух двадцатьчетвертых форматов наилучшего ватмана, нарисовал цепочку квадратов, овалов, прямоугольников с надписями, явно и убедительно показывающую соподчиненность процессов изготовления микроэлектронных приборов и систем. «Крыльями» и «подкрылками» тех же геометрических фигур обозначил специфику перспективных изделий их КБ. Все это связал разноцветными линиями и стрелками обратных и прямых связей...

Когда наш инженер-первооткрыватель наносил на лист завершающую разноформатную штриховку нужных участков схемы, подошедший уже в который раз за день (за каждый дань творения) Дорофеев не смог скрыть восторга:

— Ну и мастак ты, Андрей, голову высокому начальству дурить! Нет, нет, я шучу, конечно, но в главках и министерствах вот такие схемы именно уважают: в цвете, броско и, главное, все по делу. Молодец!

Через пару часов, бережно свернув ватманский лист со схемой, Дорофеев отнес его в кабинет Трибелину. А вернувшись через небольшое время, сообщил: Владислав Сергеевич очень доволен, в понедельник с утра едет с листом и докладом в главк.

— ...И тебе от шефа привет: иди в отдел кадров к Надежде Борисовне и распишись в приказе. Поздравляю тебя, как говорили в старину, инженером-конструктором III категории! — Первым в вашем выпуске молодых специалистов!

Была пятница. Обмывать новую должность Андрей пошел в компании Николая и еще двух ближайших приятелей. Восторженная Галочка не возражала.

Получение должности «ИК-III» с двадцатью полновесными советскими рублями* прибавки и соответствующим увеличением месячных, квартальных и годовых премий, 13-ой и 14-ой зарплат явно тянули и на пролонгацию «отмечания» в выходные дни. Да еще, пользуясь доброжелательностью Дорофеева, Андрей подписал у него отгулы на понедельник и вторник, оставшиеся в загашнике с осенней поездки в колхоз на сельхозработы. Галочка опять согласилась, но потребовала появляться домой до семи вечера, «отбрав» понедельник и вторник в свою пользу. Также оформила свои отгулы. Кесарю кесарево...

Славно отдохнул Андрей, расслабился, а потому, явившись в среду на работу, не смог сразу сообразить: почему Дорофеев с ним не поздоровался даже кивком головы, а все сотрудники отдела, отделения, да и всего КБ смотрят на новоиспеченного инженера-конструктора III категории как-то пристально, а женщины постарше и вовсе с легким испугом. И Галочка недоумевала.

Встретившиеся ему в коридоре начальники отделений Кладунов и Гриневицкий даже обошли его по полукружности, а почтенная секретарша Трибелина Вера Григорьевна, тож шедшая ему навстречу, укоризненно покачала головой.

В голове застучали молотки и молоточки, Андрей перестал чувствовать охолодевшие ноги, еле удерживал себя на стуле перед пустым кульманом. Пытка длилась до обеденного перерыва, в который почему-то шахматисты не играли. Открылась дверь крохотного кабинетика Дорофеева:

— Зайди ко мне.— Это были первые слова начальника, что он услышал сегодня за полдня.

---

* Напомним, что по официальному курсу 1 USD стоил тогда 60 копеек, но де-факто покупательная способность рубля была намного выше.

На столе Дорофеева лежал развернутый лист с его великолепной схемой. Но что это? — По внешнему контуру цепей и цепочек квадратиков, овалов и прямоугольников с надписями чьей-то решительной рукой толстой красной линией маркера, что только входили тогда в моду, был вырисован... православный, нет даже скорее староверческой осьмиконечный *крест*: стойка, перекладина для рук Спасителя, верхняя маленькая перекладина для надписи «INCI» (Иисус Назарянин — царь иудейский по латыни), нижняя косая перекладина для ног казненного.

— ...Что, уважаемый инженер-конструктор без категории, могильного холмика не хватает?

— Почему без категории? — явно невпопад ответил ошеломленный увиденным Андрей, — ведь приказ уже есть?

— Потому и без категории, что приказ в пятницу и с утра в понедельник не успела кадровичка занумеровать, а в понедельник Владислав Сергеевич из Москвы позвонил пополудни и приказал дезавуировать. Нет, ты скажи мне начистоту: тебе мало было истории с картами? Понравилось штампы рисовать? А не желаешь ли оставшиеся года своего срока молодого специалиста технологом в заводском заготовительном цеху проработать? И как тебе только такая пакость в голову пришла — ты что, сектант какой? Да тебя мало...

Минут двадцать добрейший по характеру Михаил Иванович обвинял бывшего инженера-конструктора III категории во всех смертных грехах, грозил самыми большими неприятностями.

А потом с четверть часа пришедший в себя Николай убеждал, апеллируя к содержанию схемы, начальника, что он ни в каких задне-передних мыслях не имел ничего подобного. Чистое совпадение!

◆ Понизив в недолгой должности инженера третьей категории, Андрея все же оставили в отделе

Дорофеева — работать кому-то надо, ибо план развития микроэлектроники в КБ утвердили-таки в главке. Даже к Первомаю вернули утраченную было должность и руководителем небольшой группы назначили.

И из уст скоро отошедшего Дорофеева Андрей и узнал, что в самом конце совещания в главке, на ура приняв доклад Трибелина, проголосовали «за». Уже все поднялись со своих мест, как парторг главка, сидевший истуканом все три часа заседания, подошел к припиленной к демонстрационной доске схеме, вынул из нагрудного кармана новомодный маркер и вырисовал на ватмане высшего качества старорежимный церковный крест. Отомстил Трибелину, с которым у него имелись какие-то давние размолвки.

...Счастливая Галочка даже воодушевилась, ввиду явного карьерного роста Андрея, забеременеть, не дожидаясь окончания оговоренного года, но, подумав, все же отнесли это святое дело к середине лета. Летнего зачатия дети меньше болеют, как говорила заслуженная ее по учительскому делу бабка.

*Владимир Белтов. Из серии «Точмашевцы»
(цикл «...1980-е»)*

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
Зимний отдых в Закапратье — 2: турбаза
«Эдельвейс»*

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ: СТАРИННЫЕ РАССКАЗЧИКИ. РУССИШЕ ШПИРТ ИСТ ЗЕР ГУТ!

◆ После наделавшей шума в КБ истории с осьмиконечным крестом, просиявшем на схеме с перспективами развития микроэлектроники в отрасли агрегатостроения, начальник и главный конструктор организации Трибелин стал при редких и случайных встречах по работе звать молодого специалиста полным титулом: Андреем Сергеевичем. А это значило, что никаких поблажек тому от руководства не ждать до самой победы коммунизма в отдельно взятой стране. Вынужденные же скупые прибавки к жалованью и премиям объяснялись безвыходностью (для Владислава Сергеевича) ситуации: на текущий момент и в ближайшей перспективе строптивый инженер являлся в молодой, только образовавшейся «конторе» единственным специалистом по микроэлектронике. Андрей же не переставал удивляться своей прозорливости, а именно: на последних двух курсах института согласился вместе с двумя другими одногруппниками обучаться по индивидуальной программе специализации. Эксперимент такой Минвуз ставил. Хотя и хлопотно, но он почему-то согласился; видно, предчувствовал, что это ему в жизни поможет...

...А жизнь в начале семидесятых годов была прекрасна и удивительна. Это признают сейчас, стиснув гниловатые зубы, испорченные «сникерсами» и химической колбасой, даже отъявленные демократы. Они же эти славные времена обозвали периодом застоя, а знающие грамоте по-импортному: *стагнацией*. Почему застоя? Только сейчас, став уже Николаем Андреевичем и пережив все стадии «катастрофы» (термин философа А. А. Зиновьева), он додумался до истины: под застоем 70—80-х годов демократы первого призыва понимали отнюдь не бурно

развивающуюся экономику, внешнюю политику, культуру и благосостояние людей СССР этих годов, а определенную безысходность уже подспудно морально созревшего класса будущих барыг-спекулянтов, прихватизаторов, авторитетов бандитизма, чиновников-взяточников и прочих честных бизнесменеров.

Но для молодого Николая и его друга Смышляева эти вольнолюбивые времена маячили еще в дальнем далеке. Судьба отпустила им и их сверстникам первых послевоенных поколений счастье вволю пожить в душевном спокойствии и неприхотливом достатке, словно компенсируя трудности страны первой половины века и предчувствуя времена, «подлее которых еще не было», как скажет в начале 90-х годов один известный патриот.

Главное, в те годы нужно было только придерживаться некоторых формальных табу: не смеяться публично при словах «*Экономика должна быть экономной*», а также аккуратно платить комсомольские и партийные взносы.

◆ Зима наступившего первого для них трудового нового года выдалась, как и все это время, замечательной: в меру морозной, обильно-снежной, с незлыми утренними и вечерними метелями, а уже с третьей декады января днем великолепно сверкало хотя и низкое, но согревающее душу доброе Солнце-Ярило. Как любил повторять Смышляев: «В такую погоду так и хочется посидеть на застекленной веранде кабачка за стопкой-другой перцовки!». Кому какое сравнение нравится, а вот их начальник отдела Михаил Иванович Дорофеев убеждал молодых инженеров, что-де в такую прекрасную погоду и домой грех уходить, не «прихватив» после звонка часок-другой. Сам он как раз задерживался на такое время: играл в шахматы-пятиминутки.

Вот в такое, слегка метельное — после ночного снегопада — утро Николай выскочил на нужной

остановке из трамвая знаменитого в городе девятого маршрута («Шел трамвай девятый номер...») и зашагал мимо корпусов завода точного агрегатостроения к своим проходным; их КБ пока не обзавелось собственным зданием по причине молодости, а потому квартировало в самом дальнем от трамвайной остановки здании завода. — Со своей уже проходной. Раньше и друг Смышляев издалека тоже добирался трамваями, зато теперь приноровился об руку с очаровательной Галочкой гуляючи, пешком ходить на работу...

Утренние трамваи сразу пяти маршрутов все подвозили и подвозили со всего города к остановке «трех заводов» — это как «три вокзала» в столице — тысячные толпы трудящегося народа. Нетрудящихся тогда не наблюдалось. Поэтому Николай сначала шел, оберегаясь от толчков соседей, в общей колонне с шеренгами во всю ширину трехметрового тротуара. Затем бóльшая часть ударников, новаторов и рационализаторов отворачивалась в сторону Механического завода, где трудилась четверть населения областного центра. Шеренги поредели, но держались до центральных проходных завода точного агрегатостроения, куда почти все и устремились. Дальше топтали только коллеги Николая по начерно проторенной узкой тропе: дворник прошелся со своей снеговой лопатой, чтобы до генеральной расчистки не притоптали ночной снег.

Здесь Николай заметил, что на правой ноге расшнуровался ботинок; явно кто-то в трамвайной толпе наступил и прижал к полу кончик. А он и не заметил, додумывая ответ на очередную загадку, которые он сам себе загадывал по ассоциации со слышанным или виденным. А вчера вечером смотрел по второй программе фильм о Емельяне Пугачеве.

Вот что интересно? — Если о Стеньке Разине, всего лишь разбойнике, создано столько народных и

авторских песен, что и по сию пору ни одна свадьба (это про княжну утопленную...) и вообще застолье не обходится без них, то про Пугачева, поднявшего настоящую крестьянскую войну, которую только будущий генералиссимус Суворов и смог остановить, ни слова, ни нотки, как говорится. Что за историческая несправедливость в памяти народной? И короткой ее не назовешь, ибо Разин бунтовал за сто лет до Емельяна.

Разгадка где-то вертела хвостиком в подсознании, но только завязывая шнурок, от которого умудрились-таки в трамвае оторвать металлическую оконцовку, Николай пришел к разгадке. Все дело в национальном русском характере. Именно в русском; вот ведь башкиры установили у себя здоровенный памятник Салавату Юлаеву, сподвижнику Пугачева, сочинили о герое прорву песен, кантат и сказаний. А русаки о «Петре Федоровиче» молчок. В литературе же доброе слово о бунтовщике, как ни странно, сказал только дворянин Александр Сергеевич в известной повести. Не зря же эфиопы его считают соотечественником... Это наше-то, русское солнце поэзии!

Однако — к Стеньке и Емельке, преданных православной церковью анафеме*. Разин являл собою тип классического казака XVI—XVII веков. Как тот же Ермак Тимофеевич, Хабаров и многие другие. То есть завоевывали они чужеземные, плохо лежащие земли, в меру грабили инородцев, но в общем-то приносили пользу государству.

Но вот у Стеньки интерес как-то сместился к вольной гульбе, грабежу на Волге и в Дербенте. Словом, красиво мужик зажил, но в пролитии кровушки, особенно своих сородичей, меру знал. А вот Емельян

---

* Не путать со Львом Толстым; его анафеме никто не предавал (Это Куприн придумал), просто объявили «отпавшим от церкви».

Пугачев объявил себя законным царем, создал армию с палочной дисциплиной, без счета повесил, порубил и пострелял своего народу, причем не только дворян и попов.

Русскому же человеку по душе кураж и вольница, особенно когда их следствия его прямо не касаются — по прошедшему времени или географической отдаленности. Потому ему и люб Стенька; даже княжон топят инородческих! А вот вешатель Пугачев с его дисциплиной в войске, даже при всей марксистско-диалектической справедливости затеянного дела, как-то чужд, словно родственник Батя или Мамаю. Тохтамыш и Ахмет-хана тож. Поэтому не пройдут по его местам пионеры, не споют они песню герою...

...Мысль выкристаллизовалась, попорченный шнурок завязан, надо вставать в хлипкую колонну «по-одному» сослуживцев и идти развивать отечественное агрегатостроение, но в утренней зимней чистоте воздуха уши Николая уловили нечто инородное. Эффект был таков, как будто потопленная Стенькой Разиным княжна персидская явилась на снегу в легкой метели у центральной проходной завода точного агрегатостроения.

◆ Действительно, Николай меньше бы удивился, войдя в проходные КБ и обнаружив, что за вертушками и будкой с охранницей в черной шинели с петлицами ВОХР'ы, с револьверной кобурой на ремне в просторном холле с наглядной агитацией профкома на стенах пляшут его коллеги по отделу: Сергунчиков с Алдошиным делают коленца с выходом; Дубовой, Мишин и Афремов вытанцовывают перед кокетливо машущей платочком Давыдовой с ее замечательным бюстом; Ассатурьян козликочком мечется в лезгинке; Петрицев, Серебренников, пожилой и слегка пьяный Лохматых с примкнувшим Курбаченкой и Мирошниковым изображают вокальную труппу Тамбовского академического народного хора. Отдельной

группкой скачут в польке-кокетке начальники: Дорофеев, Розалина Тимофеевна с Верой Григорьевной, Гриневицкий в лапсердаке и сухощавый верста Кладунов в полном мундире штурмбанфюрера «СС» с железным крестом в петлице и медалью «За зимнюю кампанию в России» под нагрудным карманом.

...Именно Кладунов в гитлеровском мундире с медалью «За зимнюю кампанию...» наиболее ясно представился изумленному Николаю. И было отчего: в двух шагах от него у только что навороченного ими сугроба передышали, дымя моршанской, судя по ядруному запаху, «примой», два заводских дворника: в замызганных казенных тулупчиках, валенках с галошами, надетых на синие вохровские полугалифе, в матерчатых шапчонках на ватине. Словом, чем богаты могучий ВПК* страны.

Неспешный разговор отдыхающих дворников велся... на немецком языке. Сначала Николай подумал: это легкая утренняя метель искажает слова; знал он с северного своего детства и юности такой эффект пурги. Но нет, как лучший ученик немецкого в школе, ошибиться он не мог. И вчера «на грудь» ни капли не принимал; вообще третью неделю трезвенником ходил. А доносилось от говорящих совсем уж не гармонирующее с мирным утром в СССР середины семидесятых годов: «...*Ja, ja, Heinrich, sehr halt heute... Als unter Stalingrad im Dezember von zwei-und-vierzig...— Otto! Ferflüchtische Wetter heute, darum in Mittagessen zweihundert gram uns...*»**.

Налетевший порыв ветра не донес до ушей изумленного инженера и без того понятное слово. До изумления дело бы не дошло, говори дворники на

---

* Военно-промышленный комплекс (старорежимн.).

** «Да-да, Генрих, сегодня холодновато... Как под Сталинградом в декабре сорок второго...— Отто! Погода сегодня противная, поэтому в обед нам по двести грамм...» (нем., диалект.).

языке, характерном для немцев Поволжья. Таких в городе, а еще больше в некоторых районах области имелось много: в сорок втором — сорок третьем годах, когда гитлеровцев отогнали на запад от области, на восстановление и работу в многочисленных шахтах Моссбаса, кормивших топливным бурым углем всю европейскую часть страны, направили несколько десятков тысяч поволжских немцев, в начале войны переселенных в Казахстан и Южную Сибирь.

...Не зря Николай в школе считался лучшим учеником немецкого, даже вместе с аттестатом после одиннадцатого класса получил и соответствующую грамоту. Дело в том, что уроки немецкого вела Алла Григорьевна, кандидат филологических наук из Ленинграда, последовавшая за своим мужем, переведенным с Балтфлота на Северный же флот командиром атомной подводной лодки с соответствующим повышением в чине. Такова участь жен морских офицеров.

Явно скучая однообразием школьных уроков, молодая и энергичная Алла Григорьевна организовала кружок по углубленному изучению немецкого языка. От нее-то юный и любознательный Николка-школьник научился не то что свободно говорить на чужеземном языке, но и различать его диалекты. Так что отличал берлинский говор от средневерхненемецкого. Что уж тут говорить о немцах Поволжья, которые, будучи оторванными от фатерлянда уже двести лет, говорили на языке времен Гёте. Этот язык современные западные немцы с трудом понимают.

...Так вот, дворники говорили на каком-то (каком? До этого познания Николая не доходили) диалекте коренного, средневерхненемецкого говора. Причем даже те два-три слова, что Генрих произнес на чистейшем русском языке, сопровождалось типичной для немца «охлюпкой», говорением слегка в нос, как будто больной синуситом.

◆ Едва дождавшись, пока Вера Григорьевна по

телефону вызвала отдельское начальство на разгонную «пятиминутку» к Кладунову — начальнику их отделения, Николай помчался в курилку своего этажа. Кивнул уже рассевшимся по лавкам Дубовому, Мишину и Ассатурьяну, за руку поздоровался со старшими — Лохматых (слегка под хмельком) и Зеленским, раскурил недавно заведенную трубку, за что уже имел введливое замечание от Дорофеева: «Что бы ни делать, лишь бы ничего не делать! Другие вот выкурят за пару минут свою сигарету или папиросу «беломор», как Лохматых,— хотя от курения один вред,— и идут на свои рабочие места. А ты пока кисет свой достанешь, табак набьешь, раскочегаришь, куришь долго, с чувством, а потом чистишь... Я вот как-то засек: под четверть часа у тебя уходит!». Хотя, Дорофеев ему не начальник...

Сделав две первые, самые вкусные затяжки ароматного «золотого руна», Николай рассказал про странных дворников.

— А-а, это Генка с Потапом,— почему-то рассмеялся доселе молчавший Зеленский,— вернее, по паспорту они Генрих Федорович и Отто Иванович, а еще точнее — по родителям: Францевич и Иоганнович. Действительно, они из коренных фольксдойчей, в сорок третьем в плен к нашим попали. После войны по три года отработали, прижились и на родину не поехали: Потап вовсе сирота, а у Генки родители и сестра под американскую бомбу угодили в сорок пятом. Вот и остались, семьями обзавелись, работали на Механическом слесарями, недавно вышли на пенсион и подрабатывают дворниками. Извиняюсь, ребята, меня сейчас начальник с собаками, наверное, разыскивает, а как-нибудь расскажу про них подробнее. Бросив окуроч в урну, Василий Артемович выскочил из курилки.

Здесь уместно несколько слов сказать о Зеленском, как понимал его Николай.

Еще не пенсионного возраста, невысокого роста, но предельно энергичный, ловкий в движениях, с аккуратно зачесанными на затылок темными волосами без единой седины, Василий Артемович, в отличие от белохалатных инженеров, был неизменно одет в производственный синий халат, что носят в цехах мастера и работяги. Но под халатом надета свежесвыглаженная супругой рубашка неяркой расцветки и в тон ей одноцветный галстук. Это выдавало в нем рабочую аристократию. Еще знал о нем Николай с чьих-то слов, что Зеленский окончил войну в невысоком офицерском чине от авиации.

В каждой конструкторской организации ВПК обязательно наличествует два-три таких Василия Артемовича: в синем халате, но при галстуке, незвонкой должности типа заместителя начальника вспомогательного технического отдела или лаборатории и так далее. Но что удивительно: не только руководители КБ или НИИ, даже такой неприступный, как Трибелин, а иные инспекторы-генералы и маршалы на полигонах при испытании «изделий» обращаются к ним по имени-отчеству, а к мнению их очень даже прислушиваются.

Словом — это мастера-самоделкины, в институтах штаны не просиживавшие, но с природной сметкой и огромным жизненным опытом в части как бытовой, так и особенно технической.

Таким был и Василий Артемович Зеленский, числившийся по отделу техдокументации у Пируэтова, а конкретно ответственный за многосложную множительную технику, доставшуюся — по принципу: на тебе, убоже, что нам негоже — от материнского завода, от которого Трибелин, используя свое административное обаяние и министерские связи, стремился «оторвать» свое КБ.

Держались в рабочем состоянии все эти громоздкие, чуть ли не довоенного производства «Эры» и

«Рэмы»^{*} исключительно заботами и мастерством Зеленского. Любимой его присказкой была: «Легче было в войну завод Круппа разбомбить, чем эту рухлядь запустить».

Как-то удалось Василию Артемовичу отладить всю свою технику, стал заглядывать в курилку уже не на пару скорых затяжек, а расслабиться на четверть часа. Так Николай и узнал историю дворников заводоуправления с средневерхненемецким акцентом, оказавшуюся в сопричастности с житейскими делами самого старинного рассказчика.

◆ Лейтенанта Зеленского демобилизовали в ноябре сорок пятого. Другой бы на его месте негодовал: как так? Всю войну провоевал, даром что не кадровый^{**}, а призвали через неделю после нападения Германии! Некадровый, мол, а при переформировании их полка дальней бомбардировочной авиации и переучивании на новые самолеты с меньшими экипажами оказался избыток бортмехаников. Что-то в годы войны всегда их нехватка случалась...

Но нет, Василий проку для себя в дальнейшей службе не видел. Во-первых, переформируемый полк новым местом базирования имел Дальний Восток — у черта на куличках. Во-вторых, с его скоротечным, хлипким военным образованием — какие-то курсы авиамехаников в сорок втором году — без училища он так и застрянет до сорока лет лейтенантом, даже не старшим. А главное — в родном Тулуповске его ждала жена с малолетним сыном, квартировавшая по-родственному у старшей сестры, тоже с мужем-инвалидом и двумя деться. Дело в том, что еще в ноябре первого года войны при обороне Тулуповска

---

* Сокращенные названия аппаратов множительной техники — это еще до появления ксероксов.

** После окончания войны кадровыми считали тех военнослужащих, кто уже служил в армии до 22 июня 1941 года; они пользовались существенной тогда льготой: остаться на службе.

родительский домик Василия, что стоял возле кирпичного завода, в самом горячем месте боев оказался, и был раскатан ополченцами на окопные нужды.

Потому-то лейтенант Зеленский не отирался при штабе, как некоторые другие «некадровые», кого страшила мирная жизнь в разрушенных городах и весях (кстати, Тулуповск под немцем не побывал, почти целым остался), а демобилизовался спокойно и в первый срок.

Когда вернулся домой, то вопрос о жилье стал остро: у родственников далеко не хоромы; опять же, в войну объединенные семьи пользовались офицерским аттестатом Василия, а в последний год и вовсе большими деньгами — это когда лейтенант Зеленский летал на бомбардировщике-«челноке» до Британии; за это родная финчасть полка и англичане хорошо платили. Теперь все резко поменялось: зарплата устроившегося на мехзавод мастером Василия на базарные цены явно не тянула...

Как человек дела, Зеленский договорился со свояченицей (муж ее пил и в дела не вникал): живут у них еще пару-тройку месяцев, а за это время он все решит. В компенсацию отдал почти половину загашных — с войны и демобилизации — денег.

Сам же отправился прямо к директору завода, объяснил ситуацию. Тот согласился: он должен обеспечить своего работника жильем, да и Зеленский, как боевой офицер-летчик, имеет льготы по линии военкомата. Короче говоря, уже через неделю ему отвели под застройку участок в шесть соток на улице-новостройке в дальнем Поречье. Отдел кадров по звонку директора оформил служебный отпуск на месяц, а военкомат выделил на этот же срок четырех военнопленных немцев со строительными специальностями. Все материалы — от бревен до шифера — с лесоторговой базы по отношению военкомата.

Соседние дома строили тоже эрзац-воины быв-

шего вермахта, поэтому всю толпу в потрепанных мышинных шинелях или в русских ватниках приводил из лагерного барака седоусый конвоир из нестроевой комендантской команды, а вечером уводил их.

В четверке Зеленского оказались Генрих, Клаус, Отто и «гефрайтер Ругисвальде», как он именовал себя, — старший. Генрих и Отто имели честь служить в армии Паулюса, то есть в плену трудились почти три года. Клаус и гефрайтер Ругисвальде попали в плен уже в Польше. Как «старослужащие», Генрих и Отто хорошо говорили по-русски, а главное — отошли от суровой немецкой дисциплины и переняли некоторые повадки русских. Как принято в человеческой психологии, не из числа лучших.

В этом Зеленский убедился через неделю, которую он посвятил хлопотам на лесоторговой базе («не подмажешь, не поедешь»), волоките с транспортом по перевозке материалов; крепеж с завода тоже просто так не заберешь. А приглядевшись к недельным трудам работников, выругался — к восторгу Генриха и Отто — семиэтажным. И было отчего. Фундаментная канавка была вперемешку с бутовым камнем засыпана какой-то дрянью и не нужного уровня: нижние венцы тотчас провиснут. Сами венцы и уложенные на них два ряда бревен сразу напомнили скороспелые блиндажи, сварганенные наспех под обстрелом...

Василий прошелся по соседям: все постройщики тоже жаловались. «Пристрелю собак!» — горячился однорукий сосед-старлей. А когда на следующее утро он учуял от Отто перегар невесть где добытой ханки, то мигом сообразил, помчался на завод, объяснил все начальнику цеха — отдаленному родственнику и вернулся в дом свояченицы на грузовике, с которого деловито, с помощью услужливого по такому делу хозяина скатил поместительный бочонок спирта.

Хозяину он отлил поллитру, сказав, что больше пусть не рассчитывает, спирт для дела — и сдал бочонок под неусыпное бдение супруги. А на другой день объявил ферфлюхтерам, что за аккуратную работу в конце трудодня будет выдавать каждому по сто граммов спирта, куску хлеба с салом и пачке махорки — но только уже на неделю.

Гефрайтер Ругисвальде, плохо понимавший порусски, выслушал перевод пришедшего в полный восторг Отто, тоже по-ефрейторски скупно улыбнулся и дал команду. Строители вмиг раскатали уже уложенные бревна, вычистили фундаментную траншею и принялись строить как для себя — на века.

◆ Через неполный месяц аккуратный домик, чем-то напоминавший Василию уменьшенные усадьбы бауэров, виденные в Восточной Пруссии, был готов к заселению.

На прощанье домовладелец хорошо накрыл искусно сделанный бывшим столяром Клаусом поместительный стол. Не пожалел для заслуженных строителей нескольких бутылок ядерной перцовки, в которую супруга, готовясь к скорому новоселью, с согласия мужа перевела добрые остатки бочонка.

— Руссише шпирт ист зер гут!» — перешел в тосте на родной язык Отто, измученный в гитлеровском Фатерлянде эрзац-шнапсом.

В ответном слове Василий Артемович пожелал военнопленным искупить былые грехи своего отечества «честным трудом на восстановлении разрушенных вами же городов и сел советской страны, а потом продолжить это полезное дело уже на родине — в демократической и миролюбивой Германии».

...Как Николай уже знал из предыдущего, Отто и Генрих решили ограничиться восстановлением СССР.

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

Инженеры 70-х... Любительское фото.

Еще одна разновидность шефской помощи: ремонт лингафонного кабинета в опекаемой КБ средней школе

НОВЕЛЛА ОДИННАДЦАТАЯ: СТАРИННЫЕ РАССКАЗЧИКИ. ЧЕЛНОКИ НАД РЕЙХОМ

◆ Среди многих новорусских слов некоторые вызывали у Николая Андреяновича неоднозначное восприятие. Например, пресловутые челноки, которые по мнению его внесли очень даже существенный вклад в разрушение великой страны. Именно это челночество в Турцию и в Китай (для жителей Дальнего Востока и Сибири) до предела обострила у женского пола, и без того от природы жадного, инстинкт накопительства. Ну, это объяснять не надо. И так всем понятно. Николай же Андреянович отвечал на прямые вопросы об этом факте ироническим напевом: «Кто паровозы оставлял и шел...» Далее следовало малоцензурное, что, вообще говоря, было нехарактерно для потомка староверов. Иногда, в обществе дам, он давал и цензурный вариант песенного римейка: «...и уходил на шопинг-туры».

Сам же Николай Андреянович называл челноков мешочниками, как их и звали в годы послереволюционной разрухи. И морщился при упоминании новорусского слова. Все дело в том, что полагал он это кощунством, ибо истинные челноки у него были связаны исключительно с героическими годами Великой Отечественной войны. А коль скоро здесь задействованы и союзники, то и Второй мировой войны. Но об этом чуть позже. Все это шло еще с молодых лет, когда Николай Андреянович звался просто Николаем или Андреянычем и работал молодым специалистом в КБ агрегатостроения.

◆ Николая восхитила история с постройкой дома Зеленскому пленными фрицами за неполный бочонок спирта. И как мастера-самоделкина он уважал Василия Артемовича. Но в то же самое время у Николая сложилось мнение о заместителе начальника отдела

техдокументации, как о ловком, в меру пронырливом человеке, для которого — типичного мещанина, столь характерного для города Тулуповска — главным является урвать для себя и семьи, правда, все в рамках законности и даже принятых норм морали. Впрочем, это характеристика мещанина при любом режиме: от царей до генсеков.

«Небось и воевал «от звонка до звонка» в интендантстве, в крайнем случае в какой-нибудь дивизионной ближнетыловой мастерской, — думал Николай, — впрочем, Зеленский упоминал в разговорах в курилке об авиации; значит, авиамехаником аэродромной службы, то есть тоже в тылу, хотя бы даже и ближнем».

К такому безапелляционному мнению его склоняли обычные рассказы Зеленского. Запомнился один из них. Как-то Василий Артемович, отсутствовавший в КБ почти весь август месяц, зашел в курилку в самом начале первого рабочего дня и с восторгом, подробно и со вкусом рассказал о поездке в Полтавскую область, где жили в небольшом районном городке многочисленные родственники по линии отца. Кстати и сам Зеленский там родился, но еще в глубоком детстве семья его переехала в Тулуповск, откуда была мать, попавшая на Украину в бескормицу Гражданской войны. Во всяком случае, Василий Артемович сам так пояснял.

...Сейчас демпресса, ихние же радио и телевидение, касаясь золотой советской эпохи 60—80-х годов, непременно вспомнят чуть ли не о голоде вне Москвы. Это сущая чушь, хорошо поясняемая бытовавшей тогда присказкой: в магазинах ничего нет, а холодильники у всех под завязку набиты. Ну, что поделаешь: приелись гражданам куры, масло, яйца, рыба и все остальное съедобное, натуральное, сделанное по ГОСТ'у, захотелось буженины, сырокопченой колбасы и прочих разносолов. Причем жела-

тельно в килограммах, а еще лучше — в пудах. Благо цены позволяли покупать и пудами рядовому инженеру. Работаге тем более. Отсюда и ситуация — см. прическазку выше.

...Это как недавно в Ливийской Арабской Социалистической Джамахирии (полное название страны при Каддафи): надоело народу жить при настоящем социализме, хотя и с исламским акцентом, охотно пошли на удочку ЦРУ и содеяли революцию. Теперь все друг с другом воюют, голодают и на резиновых надувных лодках в Европу, где их не ждут, бегут...

◆ По словам возбужденного поездкой на историческую родину Василия Артемовича выходило, что в полтавской глубинке проживают полные идиоты*: при прилавках раймага, маленьких магазинчиков и окрестных сельмагов, заваленных парной говядиной, первосортной бараниной, ноздреватым выдержанным сыром пяти сортов, сыро- и полукопченой колбасой, не говоря уже о курах и гусях, сгущенке с зефиром и пастилой, горилке з'перцем и избылии сала всевозможного колера, засолки, копчения и обсыпки... (Зеленский от восторга перечисления сглотнул слюну, откашлялся и продолжал)... При всем этом избылии, до которого лучшие столичные продмаги явно не дотягивают, местный народ не хватает сумки, мешки, на худой конец наволочки и пододеяльники,

---

* Сейчас, когда де-юре цензура в форме облитов отсутствует, все одно следует литераторам очень даже тонко подходить к национальным вопросам. Здесь ориентир — высказывания СМИ, видно получающих инструкции. Так, например, не рекомендуется миролюбивых кавказцев и тружеников-цыган именовать «по-народному». Зато полная индульгенция в отношении украинцев и белорусов: первых — за стремление полностью отойти от России, вторых — наоборот. А недавно купил в магазине буханку черного хлеба... с салом; на притороченной к буханке бандероли-этикетке значилось: «Хлеб ржаной с салом «Радость хохла».

не мчится в сторону магазинов, не сметает все съестное вместе с прилавками и дородными продавщицами и, отяжеленные многопудовыми ношами, не уходят домой затаривать зилевские холодильники и поместительные погреба своих частных домов, которыми на 99 % застроен районный городок.

— ...Очередь в пять-десять человек выстраивается только когда в магазин привозят замечательный, горячий еще белый хлеб местного завода. А так придирчиво принимают к свежайшей постной свинине, хулят баранину: «Тощевата она у тебя, Феодосиевна, чтой-то сегодня». На сырокопченку вовсе как на пустое место глядят, иногда только возьмут полпалки «полтавской» или кружок «краковской» — все обморочно ароматное. Да еще вроде как оправдываются: «Мужик мой со сватом выпить собрались, ждать не желают, пока я мяса нажарю с картохой». Понятно, по-украински говорят все друг с другом, но я маракую в мове — от родителей.

Сделав пару затяжек, Василий Артемович поприветствовал на равных вошедшего по естественной нужде в туалет Дорофеева, продолжал:

— Я как в первый по приезду день зашел со своей супружницей в ближайший магазинчик, так сразу затариться в обратную дорогу захотел, но тетка Прасковья, что с нами пошла городок показать, оговорила: «Чай, через полмесяца аль того поболее уезжаете, куда торопитесь? Вот перед отъездом и закупитесь».

Так и поступили. Когда за день до отъезда заполняли сумки всякой всячиной, одной сырокопченки десять палок взяли, то народ, что случился в магазине, перешептывался: дескать, на свадьбу берут, широко гулять собираются... В три захода сумки затарили: свои, тетка Прасковья одну дала, да еще одну в «промтоварах» прикупили. Зато теперь у меня погребок, что твой столичный гастроном. Колба-

ска-то подсушится,— и к Ноябрьским и Новому году как хорошо-то!

— Намаялись, наверное, со своими сумками-то,— с ядовитой иронией встрял молодой специалист Овцовский, слегка косящий под диссидента,— ведь конец августа, все южные поезда переполнены, что в сторону Москвы идут?

— Да нет же. От райцентра до Полтавы рейсовый автобус полупустой, рядом с теткинским домом остановка. А в Полтаве без хлопот в купейный вагон — по броне обкома, там дальний родственник тетки Прасковьи инструктором служит. Что называется, везде свои люди!

— Вот-вот, всюду блат,— нарочито погрузнел и посерьезнел Валерка,— а где же сознательность строителя коммунизма?

И настолько лжедиссидент вошел в роль (он потом второй институт окончил — ВГИК*), что даже такой знаток жизни, как Зеленский, на миг смешался и что-то пробормотал: дескать, все так делают...

◆ А Николай, вернувшись на рабочее место, все усмехался: почему-то супруга Зеленского, которую он никогда не видел, представилась ему этакой властной бой-бабой, на голову выше низкорослого щупловатого мужа и непременно вдвое ширше благоверного. Что же, весьма распространенная и симптоматичная пара. По принципу: минус тяготеет к плюсу и наоборот; это в смысле массы тела. И на роль мелкого телом супруга при властной и телесно обширной жене милейший Василий Артемович по мнению Николая подходил. В смысле образа типичного тулуповского обывателя с несколько сероватым прошлым и настоящим, что уже почти оформился у мыслящего резкими категориями, как и всякий молодой человек, Николая.

А Зеленский как будто читал мысли его и вроде

---

* Всесоюзный государственный институт кинематографии.

нарочито утверждал начинающего инженера в его мнении.

Например, середина прекрасной, долгой зимы с изобилием снега, умеренными морозами, почти без ветра и метелей, а уже с середины января солнышко слепит глаза веселым прохожим, отражаясь от окрестной белизны — даже в центре промышленного города.

...Вот сейчас Николай Андреевич повторил про себя эту оптимистичную фразу — и как будто язвительный голос бывшего диссидента, а теперь ярого демократа-рыночника, видного клерка в коммерческом банке, прислышался ему: «Ты, Андреевич, еще скажи: настоящая *советская* зима!»

Ну и что? Пусть будет советская. Разве вина Николая Андреевича в том, что при генсеках зима была со снегом, лето теплым, но не жарким за тридцать Цельсия, а Овцовский маскировался под диссидента. Но только в рамках, дозволенных работнику режимного КБ...

Вот именно такая зима стояла по первому году работы Николая после института. Понедельник. Значит с утра в курилке не протолкнуться, даже несмотря на свирепые взгляды Кладунова и Дорофеева, заходящих по своим физиологическим нуждам. И Гриневицкий косится, хотя он не их отделения начальник. Просто за два выходных дня народ соскучился по общению, варясь в кругу семьи. Ведь юморная нынче фраза «на работу как на праздник» имела тогда самый прямой смысл. Люди совмещали труд с клубным времяпрепровождением, все и вся подчинялось известной формуле: надо жить так, чтобы утром с охотой идти на работу, а вечером с удовольствием возвращаться домой.

Как всегда к концу первого перекура заходит Зеленский: уже с утра ликвидировал какую-то мелкую поломку множительной машины. Но еще не

отошел полностью от субботне-воскресной расслабленности, голос нетороплив и домашний:

— В субботу в баню с тестем ходили, по пивку с рыбкой вяленой, что еще летом на полтавщине запас. А в воскресенье проснулся поздно, пошел двор от снега чистить, заодно и с крыши наметенный за неделю сбил. Вроде все сделал, закурил, опершись на лопату, а солнышко заходящее такое краснобагровое, но еще теплое. Красота!

Тут супружница с сенцев дверь приоткрыла, зовет обедать. Иди, мол, скорее. Борщ запарился, а к борщу пампушки только-только из духовки выгатила, чесноком тертым, как у вас, хохлов, принято, посыпала. На второе — курица с картошкой тушеная.

А я хитрю: нет, мол, не нагулял еще аппетита, не хочется. Погожу. «Иди, иди, хитрован, — смеется супружница, — налью тебе сто грамм!»

Во! — Это другое дело, лопату к сараю приставил — и к борщу с пампушками.

Все курильщики добродушно рассмеялись, исключая молодых специалистов, что жили в общежитии; они грустно вспоминали свои родительские дома, свои борщи с пампушками, утомленные казенными столовскими обедами. А Овцовский, тощий и прожорливый, стал расспрашивать Василия Артемовича о рецептуре настоящего украинского борща и тонкостях выпечки пампушек с чесноком.

...Наконец-то полный и окончательный образ Зеленского сложился в голове Николая. Его и умилял этот добродушный, хитроватый в меру мастер на все руки и знаток практической жизни, и как-то жалко его было; наверное, Василию Артемовичу по большому счету и вспомнить-то нечего кроме постройки дома пленными немцами, поездки под Полтаву, да еще воскресных ста граммов? Вот и хорохорится где-то слышанной фразой-присказкой: «Легче завод Круппа разбомбить, чем эту рухлядь починить».

◆ В половине шестого переключенные на дежурное освещение коридоры КБ опустели, только кое-где из раскрытых дверей отделов и лабораторий вырвался яркий неоновый свет: это где начальники поменьше рангом и инженеры постарше возрастом сражались в экспресс-шахматы. А в лабораториях продолжали дымить разогретыми с самого утра паяльниками наиболее одержимые, которым категорически не хватало трудодня для исполнения своего идефикс: чтобы схема заработала, а по экрану осциллографа замелькали нужного вида кривые и импульсы.

Это про таких Михаил Иванович Дорофеев говорил, ставя в пример молодым специалистам: «Вот Петров из седьмой лаборатории? — Всего полгода как пришел к нам в КБ работать, а уже трудовую медаль к прошедшим Октябрьским праздникам схлопотал. А почему? — Потому что не заканчивает работать, как вы, за полчаса до звонка, а наоборот прихватывает час-другой после половины шестого. А еще через пару лет и серьезный орден за трудовые успехи ему вручат. Например, как у Кладунова — «Трудового Красного Знамени». Правда, он его еще на прежней работе получил.

...Но к семи часам, когда на улице всю раскинула свой полог зимняя темень, свет выливался только из приоткрытых дверей кабинета Кладунова и комнаты с множительными машинками отдела техдокументации. Кладунов по третьему заходу (с утра) распекал инженера Лохматых, накануне попавшего в вытрезвитель, а Василий Артемович «добил»-таки внезапно вышедший из строя диазокалечный аппарат, то есть вернул в рабочее состояние. После чего, вымыв промазанные валиками-шестеренками руки соляркой, а затем из-под крана водой с хозяйственным мылом, оделся, закрыл и опечатал комнату, спустился на первый этаж, на проходной поздоровался-попрощался с только что заступившими на ночную

смену вахтерами и с двумя пересадками к восьми часам добрался до своего домика в самом конце вытянувшегося от центра города до аэропорта Поречья.

После неторопливого ужина просмотрел обе выписываемые газеты — местную и «Труд», — сказал супруге:

— Что-то меня сегодня разморило. Вот тебе и первый день недели!

— А вторую серию вчерашнего фильма не будешь смотреть, — несколько озабоченно спросила Антонина Павловна, — тебе ведь понравился: про ваших, про летчиков в войну?

— Да нет, Павловна, постели мне, а смотри сама; завтра расскажешь.

— Ну, как хочешь. Это ты вчера наломался, снег с крыши сбрасывая, да и давление, как в новостях сказали, очень скакнуло, к морозу видать. А я правда кино посмотрю, все одно до полуночи не лягу: холодец как раз к двенадцати доварится, разложить еще по посудинам надо...

◆ Неуютно чувствовал себя Василий Артемович на обычно столь уютной пуховой перине: все никак не мог, поворочавшись, найти покойную позу для сна. Поначалу думал, что всему виной вчерашнее усердие с лопатой, сегодняшняя с диазокалечной машиной. Засыпал на десять-пятнадцать минут, но неглубоко, вновь просыпался. Из-за неплотно прилегающей к косякам двери спальни портьеры проникал мигающий свет от телеэкрана; затем появились уже запахи раскладываемого супругой холодца. Явно Павловна затянула это хозяйственное дело до часу ночи. Холодец — дело серьезное и суеты не терпит.

Дверей в доме в прямом их понимании не имелось. Когда немцы поставили сруб, подвели крышу и занялись внутренними разгородками комнат, хозяин сразу предупредил старшего, ефрейтора Ругисвальде: никаких внутри дверей! Только проемы с косяками.

А на немой вопрос строителей ответил в том смысле, что ему эти закрытые отсеки осточертели на бомбардировщиках. На всю жизнь осточертели. И сосед его через два дома, бывший подводник Мясоедов, тоже не имел внутренних дверей. Наверное, размышлял Василий Артемович, и у космонавтов так же. Но звездных героев космоса на их улице и вообще в городе не водилось.

Но зря он досадовал на завозившуюся на кухне супругу, не свет и запахи через портьеру были причиной беспокойного полусна-полуяви, не скакнувшее вверх давление, которое дикторы по-новомодному называли не в миллиметрах ртутного столба, а в гектопаскалях, не вчерашняя чистка снега. Уже супруга, мигом заснувшая, смотрела третьи сны — явно по хозяйству, — а он все засыпал на малое время и вновь просыпался. Скорее всего один из двух осколков, застрявших в пояснице, разворочался. И то пора — почти пять лет как не давали о себе знать. Еще в госпитале опытный врач-полковник сказал: «С ними положенное тебе от природы проживешь, хотя порой и муторно будет. А оперировать — сам Бурденко не возьмется инвалида делать! И угрозило же тебя, лейтенант, три года провоевать без царапины единой, а под самый конец...»

Зеленский промолчал про две контузии, следствия прыжков из горящих бомбардировщиков, боясь, что комиссуют на День Победы. А полковник сдержал слово и через полтора месяца выписал в строй, правда, с оговоркой в госпитальной справке: годен к аэродромной службе авиатехником.

И еще сдружившийся с ним врач на выписке ободрял: «И то — хватит тебе летать; без того в неполные двадцать четыре года от души повоевал, всю Европу с воздуха повидал, заработал полный иконостас орденов: и наше командование не обидело, а союзники вовсе не поскупились. Ха-ха! У меня вот

два солдатских «Егория» с империалистической, а у тебя тоже два английских «Георга», но зато офицерские. Тебя молодая жена в Тулуповске ждет не дожидется, да и мне пора к своей старушке в Куйбышев возвращаться. Будь здоров, парень, и помни: как бы потом, особенно к старости, не прихватывало, не думай, что спасенье в скальпеле хирурга, а перемогай, барсучьим жиром растирайся. Да к тому времени наука медицинская много чего снимающего боль придумает».

◆ Всю долгую зимнюю ночь проворочался Василий Артемович, только под самый звон будильника мягота пуховика и теплота, струящаяся от покойно спящей супруги, успокоили осколок немецкого зенитного снаряда. А ровно в семь проснулся по привычке за минуту до звона удивительно бодрым. Только осталось слабое воспоминание о бесконечной, болезненно прерывистой ночи.

И только Павловна поутру успокоилась, повеселела, глядя на перемогшегося мужа, подала ему тарелку с выстудившимся за ночь в сенцах холодцом.

— Эх, грех такой холодец есть помимо ста грамм! — пошутил Василий Артемович, сроду не являвшийся на работу даже под вчерашним хмелем.

За завтраком с интересом дочитал вчерашний «Труд» — статью про современную инженерную молодежь, ее перспективы и широкое поле для приложения ума и таланта, коль скоро бог (в статье это слово не использовалось) ими не обидел.

Василий Артемович был солидарен с автором, профессором известного московского института. Действительно, хорошее поколение молодых инженеров сейчас приходит на заводы, в НИИ и КБ. Взять хотя бы наших? — Конечно, опытный в жизненных ситуациях, он про себя усмехался выходкам Овцовского: блефует по молодости лет с напускной сознательностью! И Николая, которого смешно звали Ан-

дреяннычем в двадцать с небольшим лет, он насквозь видел; считает его, Зеленского, этаким мелким стяжателем, подкаблучником домовитой супруги. Ничего, лет через пяток и они начнут в людях разбираться. А парни хорошие. Дай, бог, чтобы не было в их жизни войн и революций. Пусть хоть одно поколение в стране от рождения до старости минует горе, беда и неустроенность.

В хорошие времена и человек хорош собой, а случись что? Взять тех же Овцовского и Николая. Первый — слишком переимчив, в любую веру может перейти. А вот Николаю будет сложнее. Этот характера не изменит, отсюда и всякие неприятности могут произойти.

Холодец доеден, второй стакан чая выпит, пора и на работу. Вчера Кладунов уже язвительно намекнул: «Знаешь, Артемьч, мне уже надоело разбираться в чертежах на твоих полуслепых синьках!» Василий Артемович прекрасно знал, что у Кладунова за его озабоченностью дисциплиной сотрудников времени на рассматривание чертежей вовсе не останется. Это он так, для красного словца. Однако же синьки действительно выходили не совсем качественными. И мало тому же Кладунову с Гриневицким, не говоря уже о Трибелине, что всю эту множительную рухлядь давно пора пионерам на металлолом отдать. Пока же получается — его вина во всем. Не привыкать-стать!

◆ Еще дважды за эту неделю осколки по ночам давали о себе знать, но повторная боль — уже привычная. Главное — знал, что скоро осколки крупновского «изделия» успокоятся и на несколько лет перестанут его тревожить. И засыпал он в эти ночи уже не на считанные минуты, а на час-полтора. По ассоциации с причиной болезненного беспокойства и полусон-полуявь неизменно возвращали Василия Артемовича к военным годам, особенно к последнему полету.

...В десять утра на базовый аэродром под Оршей с тяжким гулом сели две эскадрильи англо-американских «челноков». С потерями; две «летающие крепости» гансы накрыли около Кёльна. Поэтому дружеский общий завтрак отменялся; союзники молча прошли в свое общежитие, а два комэска, также молча козыряя встречным офицерам, проследовали в объединенный штаб.

«Плохая примета», — присвистнул бортмеханик, младший лейтенант Зеленский, — а сегодня нам в обрат с вечера лететь».* День соответствовал общему настроению: хмурый, какой-то маревый. Впрочем, всем четверем членам экипажа их дальнего бомбардировщика *ДБ-3Ф*, он же в разговорной речи *Ил-4*, не до погоды: к сумеркам самолет должен быть готов стопроцентно. Из посторонних только оружейники заправляли пушку и три пулемета, навешивали три тонны разномастных бомб.

К восьми вечера командиры вернулись с диспозициями из штаба, а через полчаса, в темноте, две обратные эскадрильи *ДБ-3Ф*, *ТБ-7* и единственного в полку пятимоторного монстра *Пе-8* с экипажем в 11 человек взлетели курсом на аэродром в двадцати милях южнее Лондона.

У «челноков» давно сложилась традиция в ночном полете: думать только о приятном. Летим в ночи, а в нужной точке издыхающего рейха штурман означает место, и командир «спустит» на завод Круппа все три тонны бомб. Полегчавший самолет вскочит на самый верхний, десятикилометровый потолок высоты и — вперед в Британию.

А там номера на двоих в гостинице: душ, ванна,

---

* Достоинно удивления, что при всех властях и режимах во всех учебниках истории — от школьных до вузовских — пишут только об англо-американских «челноках», напрочь забывая упоминать о таких же наших полетах над Германией.

завтрак, переходящий в обед, а вечером, приодевшись и прихватив из шкафа лежащие там горкой фунты стерлингов — сколько нужно — отправятся в Лондон в известный всем летчикам ресторан. Для шкива каждый сам-один катит на такси! Спасибо начальнику финчасти полка: все что можно присчитает к жалованью. Одна статья «за удаленность от родины» во сколько обходится британскому правительству? А что, чужие деньги счета не требуют...

В этот приятный момент, через четверть часа после взлета, самолет трянуло, а Василий почувствовал резкую боль в пояснице и повыше. В глазах замутилось, и он потерял сознание.

Очнулся, когда его вытаскивали из бомбардировщика на родном аэродроме: после разрыва у самого борта сразу двух зенитных снарядов, командир тотчас сбросил бомбы, развернулся и с одним горящим двигателем дотянул до базы.

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
Золотые советские годы: жизнь как праздник!*

НОВЕЛЛА ДВЕНАДЦАТАЯ: ВИДЫ НА УРОЖАЙ. ВЕСНА И ЛЕТО НА НОСУ

◆ Так сложилось, что все важные дела имели своим отсчетом облетевшую не только КБ, но и весь завод историю с окрошкой, посрамившее все руководство трибелинской «конторы»: официальная женитьба Смышляева и Галочки, первый в его трудовой биографии посыл Николай в колхоз — тотчас после знаменитого обеда, в масштабе, конечно, сравнимого разве что с «бостонским чаепитием»... Но все же Николай попал в число рекрутов, хотя еще с прошлой осени «сидел» на прорывной для КБ теме, а главное — не участвовал в обеде с окрошкой. Хотя за глаза высшие начальники как-то путали Николая со Смышляевым по общей, присущей обоим черте характера: их внутреннее неприятие всего, что исходит от руководства. Вообще-то это именуется запоздалым юношеским нонконформизмом, но в ВПК по неписанному уставу употребление иностранных слов не поощрялось.

«Хорошо Андрюхе, — огорченно размышлял Николай, — укатил со своей свежебеременной красоткой на юга, а дальше к свадьбе будут готовиться!.. хотя бы и после почти года совместной жизни... То же мне два чудика...»

Поскольку эта поездка в колхоз, все в тот же, навеки закрепленный за трибелинским КБ, для Николая значилась первой за почти год работы, он несколько нервничал: побывавшие там коллеги в общем-то одобряли эти дополнительные трудовые отпуска, ничего предосудительного в этом не видели, но... по привычке уже к ровному течению жизни, да молодая супруга... Именно она по раннесупружеской ревности слегка подпортила в общем оптимистичный настрой.

Понятно, что за долгую зиму и затяжную весну

они со Смышляевым хорошо сдружились семьями, не раз гостевали друг у друга, даже Новый год — с оливье, курантами и молодцеватым еще «вторым Ильичем» — праздновали вместе. Конечно, с чисто женским, врожденным даже у лучших представительниц своего пола, лицемерием, супруга Николая восхитилась романтичностью знакомства и стремительностью сближения Андрея с Галочкой, но теперь у нее возник стойкий стереотип в связке слова «колхоз» и «молодой мужчина». Здесь уж ничего не поделаешь и женскую природу не переиначишь.

Поэтому, услышав от мужа о колхозе, она вроде как со смешком, но с посерьезневшими глазами, заметила:

— Смотри, Галочка-то уже пристроена, а там еще ее подружка, Леночка вроде, наверное, устала своего «двухгодичника» ждать?

— Да нет, я вчера ее мельком из трамвайного окна видел: шла на перекрестке проспекта и Советской видимо с матерью. Сейчас ведь каникулы, чего ей в деревне делать?

— Ну да, зоркий ты очень. Поезжай и... без фокусов, пожалуйста. Да в сельмаг тамошний, знаменитый, не части! Знаю я вас, мужиков в отвязке.

— Это когда ты их, во множественном числе, сумела так хорошо узнать? — Николай рассмеялся.

— Ладно, давай собирать тебя в дорогу. Я на кухню — пирожки с капустой и с картошкой с мясом, как ты любишь, печь. А ты подбери что понадобится по погоде из одежды-обуви. Увы, не зря зоркая по-женски супруга опасалась... Женщины не ошибаются в чутье...

Николай собирал заплечную котомку, с которой еще на первом курсе ездил в колхоз. Хотел было положить в мешок пару небольших книжек — спастись от сельской скукоты, но вспомнив прекрасные референции Андрея о тамошней клубной библиотеке,

которую Овцовский пока что не совсем разграбил, вновь поставил их на полку.

Вот уж кто женится только по расчету, рассеянно думал Николай, так это Валерка. Он и сейчас, пробалтываясь о знакомых девицах, обязательно добавлял, что у такой-то, очень красивой и стройной, дома всего один книжный шкаф, да и в нем лишь разношерстная макулатура совдеповская, ее и родительские институтские учебники. А зато у другой, не очень видной собой и метр-с-шапкой ростом, целая комната-библиотека, начатая складываться еще дедом. «Представляете, — восхищался Овцовский, — дед врачом был земским, так от него остались книги самого Павлова и Бехтерева с автографами авторов!» На вопрос: зачем ему, технарю, труды по медицине, даже с автографами, — Валерка, сострадательно к обиженным интеллектом, замечал: так ведь с автографами! Это вам не «Статьи и речи» Леонида Ильича... Представляете — на сколько они потянут у серьезных московских коллекционеров? Выходило, по его прикидкам, что даже Левины пласты из Гамбурга — сущая безделица по сравнению с ними.

Самое интересное, что страстный коллекционер Валерка все вновь приобретаемые книги, в смысле художественные и публицистические, если не полностью читал, но тщательно просматривал. За глаза кто-то из иронизирующих коллег прокомментировал: «Просматривает, скорее всего, в надежде найти записку прежнего владельца в рублях или инвалюте...» Но лучшего собеседника, чем Овцовский, Николай не знал.

◆ Как узнал сегодня Николай, Овцовский добровольно вызвался ехать. Вот на что подвигает любовь к знанию! То есть к раритетным книгам. Хотя, уже отработавший одиннадцать месяцев, имел полное право на летний отпуск. Правда, как и большинство других молсепцов, согласившихся поехать, рассудил

здорово: месяц в колхозе на непыльной работе — и в отпуск в августе, в бархатный сезон как начальник!

Николай уже освоил, массовые посылы в колхоз строго соотносились с циклом вызревания свеклы: первая прополка в самом начале лета, вторая — в его середине, уборочная страда — осенью. Кроме того, ограниченные группки слались на посевную и на романтическое снегозадержание в февральские метели. Особая каста добровольно-улестительно уговоренных — трактористы. Это была именно каста: ранней весной они отправлялись на село учиться тракторному делу, а потом годами появлялись в КБ мельком и ненадолго, чередуя пахоту с месячными и более отгулами. Руководство щедро оценивало их нелегкий труд: должностной рост, максимальные премии и прочее. Выдержавшие три года могли рассчитывать к 7 Ноября или к 1 Мая на трудовую медаль — по основному профилю работы КБ, разумеется; тракторы же принятая форма умолчания.

Как любитель-теоретик, то есть во всем старающийся увидеть систему и естественную классификацию, даже еще ни разу почти за год работы в КБ не понюхавший суперфосфатный и нитрофосный аромат полевых работ, Николай уже вчерне знал содержание посевной, прополок и уборки свеклы. Но вот особенности снегозадержания в феврале и трудовые будни инженеров-трактористов как-то не давались в его системе сельхозработ. Особенно диковато звучащее задержание снега на полях. И народ на эти работы, малый числом, как-то вычислялся начальством, далеким от сельской страды, но многоопытным в знании психологии масс — почти по запретному Зигмунду Фрейду, создателю лженауки психоанализа... Постепенно, слушая в курилке неспешные рассказы матерых «колхозников», Николай стал вникать в существо дела.

Выходило так, что из обкома партии — нашей

партии, обычно акцентировал Кладунов, — приходила, растекаясь ручейками по заводам, КБ и НИИ, разнарядка на «отправку народа на снегозадержание». Пояснялось для сугубых горожан: снег в февральские метели, сдувающие его с просторных полей под будущий урожай, следует всячески задерживать. Отбиралось пять-шесть крепких мужиков, в сугубой тайне в высоких кабинетах оговаривались условия: допремии, отгулы, отпуска только летом и прочее. И на пару-тройку недель они исчезали из КБ.

Из скупых рассказов в курилке вернувшихся следовало: селили их почти что с удобствами в избе одинокой, но доброй и хорошо готовящей наваристые щи и тушеную с бараниной картошку бабки. Продукт ей щедро отпускал колхозный завхоз. Утром они тянулись на хоздвор, где забрасывали в прицепной кузов подогнанного трактора деревянные плети, схожие с обычными звеньями забора из штакетника. Грузили про дневной запас еще пару таких кузовов, стоящих отдельно, без тракторов.

Покончив с погрузкой, шли в избу обедать и далее своим ходом на ближнее поле по примятой тем же трактором колее. Разгружали доставленные кузова и по указанию бригадира, знающего местную розу ветров, растаскивали и расставляли с помощью досчатых подпорок плети-щиты по участку поля. Тем временем трудяга-трактор приволакивал следующий кузов на другой участок поля. Пошабашив, пока еще не засмеркалось, шли домой, в тепло натопленную хозяйкой избу, не забыв зайти в знаменитый сельмаг у моста через замерзшую речку...

Благодарное колхозное начальство порой передавало к ужину через бригадира то двухкилограммовый шмат отменного сала в четыре пальца толщиной, то запеченный в сельсоветовской столовой-чайной свиной окорок — дескать, после трудов праведных надо мужикам закусить отменно! — Под сельмаговскую

червивку, а главное — под бабкин самогон. Мужики вполне трезво полагали, что исходный продукт для него тоже от завхоза.

Когда метели стихали, отдохнувшие за неделю-полторы посланцы города в обратном порядке разбирали щиты на поле, грузили в кузов, а на базе разгружали их — до следующего февраля. В КБ при их появлении — оформить неделю-две-три отгулов — мужики с легкой завистью, а женщины с восторженным интересом рассматривали округлившиеся от хорошей еды и работы на свежайшем воздухе, бронзовые от метелей и злого зимнего солнца волевые лица. Начальники с некоторым смущением, не глядя в глаза, благодарили за службу, охотно подписывая заявление на отгулы, всячески рекомендуя зайти в бухгалтерию и получить накопившиеся зарплатные и премиальные суммы...

А вот эпопея с инженерами-трактористами разворачивалась, как нововведение, на его глазах в первый год работы. В середине марта Соловьев, записанный по мягкости его характера в члены профкома, взяв чистый лист бумаги и шариковую ручку, как-то целый трудовой день ходил по секторам, лабораториям и отделам КБ, подходил, избегая женского пола, к молодым специалистам и мужикам постарше, беседовал с ними. Как вскоре все уже знали: искал кандидатов на обучение тракторному делу, обещая от имени руководства все мыслимые и даже сверх того блага. В число последних входило параллельное и облегченное получение автомобильных прав и... удостоверений на право управления маломерными судами с мощностью двигателя до тридцати лошадиных сил. Опять же скоро выяснилось, что «судовладельческие» удостоверения он добавил от себя, будучи еще со студенческих лет членом областного клуба любителей речного судоходства. Впрочем, начальство одобрило эту инициативу.

Действительно, даже не записавшимся в трактористы он вскоре выдал, по уплате очень скромных вступительных и годового взносов, эти удостоверения в обложке цвета морской волны. Даже Николай со Смышляевым на всякий случай выправили себе такие документы. Вообще говоря, Соловьев очень демократично исполнял свои обязанности профактивиста. Например, однажды с неизменным чистым листом бумаги и тридцатикопеечной шариковой ручкой он подошел к Николаю, затем к Андрею, а потом далее к своим друзьям и однокашниками. Всем им задавал тихим голосом несколько сакраментальный вопрос: хочешь ли стать счастливым обладателем звания ударника текущего года нынешней пятилетки?

Кто-то, занятый делом, не вслушиваясь, полагая, что профдеятель Соловьев собирает по тридцать копеек на помощь голодающим детям Эфиопии, отрицательно махал головой, другие предлагали лучше после работы пройтись по пивку... Николай и Андрей, а с подачи последнего и солидарная с ним во всем Галочка, еще несколько человек, уважая нелегкие обязанности друга-баяниста, не вдумываясь во все, кивнули головой согласно. Все тут же напрочь забыли о миссии Соловьева.

Каково же было изумление всей конторы, когда на торжественном первомайском собрании в заводском клубе председательствующий на официальной части сам Трибелин, несколько изумляясь при чтении составленного парткомом и профкомом наградного протокола, одного за другим вызывал в президиум Николая, Смышляева, Галочку в умопомрачительном наряде, одобрительно осмотренную Владиславом Сергеевичем Давыдову, Мишина с Пирожниковым, спортсмена Мирошникова, йога Сергунчикова... и торжественно вручал им красивые медали, чем-то издали напоминающие орден Трудового Красного знамени, при них — наградные книжки с

подписью министра и печатью Министерства оборонной промышленности СССР.

Награжденных после Трибелина напутствовали, пожимая руки (ручки Галочки и Давыдовой пожимали дольше и крепче...) парторг с профоргом, поясняя, что-де у награжденной ведомственным знаком отличия молодежи еще вся трудовая деятельность впереди, но именно эта награда дает им право на получение звания «Ветеран труда» с соответствующей госнаградой — медалью и многими жилищными и пенсионными льготами*...

...Полгода потом Соловьев отбивался в парткоме и профкоме от доносов обиженных, не получивших столь высокую награду. Упрекали Славку и в потворстве своим дружкам, и в неясности разъяснений, в полном отстранении от дела награждения своих непосредственных начальников. В курилке же многие оправдывались тем, что четыре таких знака в ряд, явно подражая Леониду Ильичу, всю зиму носит поверх ватинного пальто «гроб с каракулем» всем известный городской дурачок Юра Стрекопытов, вжившийся в роль артиста Большого театра в отставке. Знаки же ударников он собрал у своей дальновидной родни...

◆ Однако — трактористы. Соловьев передал список условно согласных, но сомневающихся, в профком, далее они перешли в руки Требалина, а тот передал для исполнения Кладунову. Ради такого архиважного дела тот отложил на пару дней составление срочно затребованной главком записки по тематике его отделения и вызывал по-одному кандидатов «учиться трактору». Каждому посвящал по часу-

---

* Это не выдумка автора. Даже в современном российском трудовом законодательстве закреплено. Предъявишь такое удостоверение — и тебе удостоверение ветерана труда (оплата 1/2 квартплаты и электричества). Только без упраздненной в РФ госнаграды — медали.

полтора, даже забывая сходить в столовую пообедать и попросив Веру Григорьевну в случае телефонных звонков соединять его только с Москвой и личной супругой; был Кладунов отменным семьянином, правда, уже значительно позднее описываемого времени бес все-таки и его попутал: связался с профактивисткой Валентиной, матерой блондинкой, недавно разведшейся с мужем, которая от Кладунова забеременела и, угрожая судом и сломом всей его карьеры, заставила того добровольно узаконить алименты, что тот и платил до самого пенсионного возраста...

В итоге убедительно-воспитательных бесед была создана бригада из шести человек (партком завода требовал четыре-пять!), которая и отправилась в марте месяце в ставшее уже родным КБ село Пятницкое. Уже перед самым отъездом представитель заводского парткома уточнил диспозицию: все же не тракторному вождению они едут обучаться, а становиться специалистами по ремонту сельхозтехники. — С оплатой от колхоза за фактически отработанное время, включая аккорд. Впрочем, отъезжающим что в лоб, что по лбу: надо так надо, лишь бы в конторе по весне не торчать, червивочки с водовкой всласть под деревенское сало на чистом воздухе попить да двойную зарплату — от КБ и колхоза — получать и на лето запастись отгулами. «Наше дело не рожать...» — хохотнул Лева, каким-то образом попавший в тракторную бригаду.

Впрочем, Лева долго не задержался на ремонте техники: дела по фарцовке скоро призвали его в город. Через полторы недели после отправки бригады Николай встретился с ним... на десятидневных курсах по гражданской обороне, что проводились с отрывом от производства в здании облвоенкомата.

— Что, Лев Николаевич, опять милицейский «козел» за тобой в деревню приезжал?

— Нет, Никол, единообразие приедается, — с

обычным хохотком ответил тот, — у меня оптовый перекупщик по пластам — племянник заместителя военкома, он через дядьку и организовал мне срочный вызов.

Два дня Лева с неохотой слушал лектора, отставного полкаша, про поражающие факторы ядерного оружия, затем наглухо исчез по своим делам. Появился только в последний день курсов: получить удостоверение подготовленного внештатного инструктора по гражданской обороне. Сам же Николай с хозяйственным Логвиновым попали на курсы (занятия до обеда — дальше гуляй от рубля и выше...) случайно, исключительно по доброте души и человеческому состраданию.

В самом начале апреля, в выходной субботний день они с Логвиновым случайно столкнулись около входа на центральный городской рынок: Николая молодая супруга послала за десятком утиных яиц, на которых опытные хозяйки творят отменное тесто для сдобных пирожков, а домовитый Володька Логвинов в скобяном ряду в дальнем конце рынка присматривал, но не сошелся в цене, гэдэеровскую ручную дрель — мечту всякого мастера-самоделкина.

Не долго думая, Логвинов пригласил прокатиться на троллейбусе в Замостовье, в его личный дом с садовым участком, на котором даже сохранился подвал от дореволюционной кузнечной мастерской: осмотреть хозяйство и пообедать с яблочным кальвадосом собственного изготовления.

Только троллейбус с коллегами переехал по мосту, как Логвинов тронул Николая за рукав и указал на крохотный скверик у пивной с подачей портвейна: на освободившейся от снега и подсохшей блеклой прошлогодней травке лежал, пробуя встать на ноги, Пал Игнатъич — завхоз КБ, он же ответственный за гражданскую оборону, отставник на седьмом десятке лет, окончивший войну в звании капитана и

давно уже живший бобылем. Кроме самого старшего в КБ возраста и воинского звания, был знаменит Пал Игнатъич тем, что устойчиво называл любимый свой ординарный портвейн «парвенчем» и имел столько боевых наград высокого достоинства, что даже на День Победы не надевал их, резонно поясняя в курилке: «Если я надену свои ордена и медали, то начальникам нашим, что полагают меня этакой шестеркой на побегушках, стыдно станет!»

— Пошли, Никол, выйдем на этой остановке, сопроводим Пал Игнатъича, пока мильтоны в трезвяк не забрали!

И по пути к пивной все пояснял:

— Он человек добро очень даже помнящий и спирт для технических нужд в КБ в его распоряжении, теперь не откажет.

Сам Логвинов, как человек рассудительный, почти не пил, но спирт ему был нужен для крепления кальвадоса после выгонки из бражки на яблочном пюре.

— А где он проживает? Я даже понятия не имею, Замостовье почти не знаю...

— Я знаю, недалеко от меня живет в новом микрорайоне, и дом знаю, а квартиру дворовые бабки подскажут.

Пал Игнатъич крепко принял в тот день парвенчу на грудь, поначалу даже не узнал своих инженеров, но охотно отдался в их заботливые руки аки ангелам небесным. Но в троллейбусе глубоко заснул, так что до двора его дома пришлось почти нести, закинув руки старика на свои плечи, стараясь не опустить его на подгибающихся ногах. Бабки во дворе встретили их восторженно:

— А-а, жениха нашего доставили! Ну, слава богу, что подмогли ему, ребята. Во второй подъезд, на лифте на верхний этаж, квартира слева крайняя.

В однокомнатной — явно от военкомата — квартире, центр комнаты которой занимал большой стол

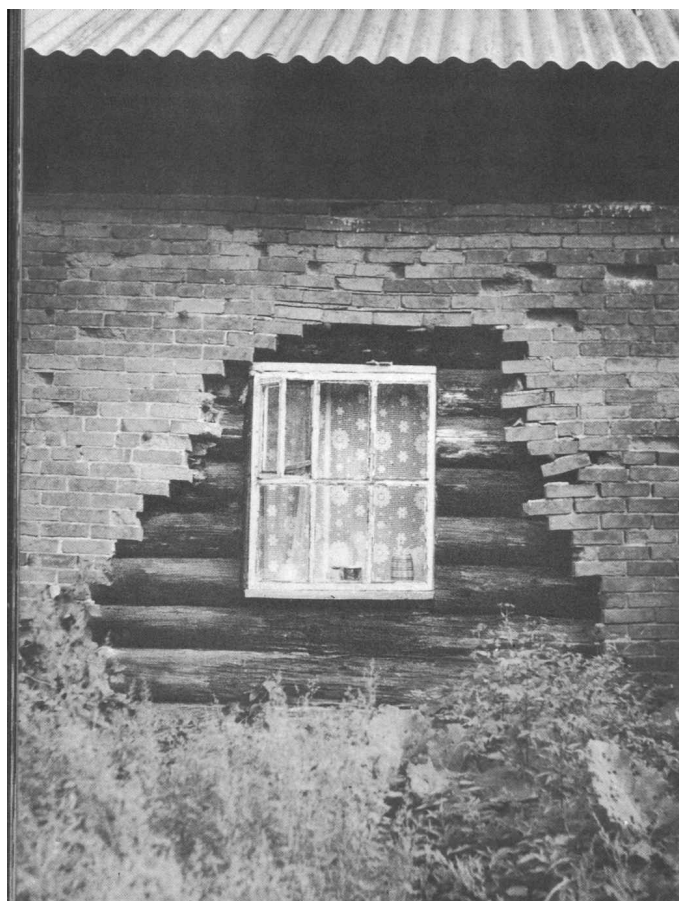

с расставленными вокруг стульями, на спинках которых висели тщательно отглаженные парадные, выходные и обыденные — по погоде — костюмы хозяина, Пал Игнатъич на короткий миг проснулся, осмысленно оглядел провожатых, явно узнавая — назвал по именам, сказал, что за ним не пропадает, и окончательно погрузился в долгий сон на диване. Прикрыв уставшего завхоза пледом, что, аккуратно сложенный, лежал на сиденье одного из стульев, предварительно расшнуровав и сняв ботинки и положив на стол ключи, ранее обнаруженные в кармане брюк, Николай с Логвиновым вышли из квартиры, захлопнув дверь с замком-защелкой.

...В понедельник с утра Логвинов зашел в отдел Николая, поманил его и повел в завхозовскую каптерку, мол, Пал Игнатъич встретил меня в коридоре и просил прийти к нему вдвоем. Ветеран повоенному поблагодарил спасителей, попутно сославшись на крепость субботнего парвенча, не спрашивая, вручил каждому по двухсотграммовой лабораторной бутылочке высоко ценимого на режимном предприятии с вооруженными револьверами образца 1943-го года тетками-вахтерами спирта-ректификата.

— Вот что, ребята, вы — я вижу, люди серьезные и ответственные. А у меня как раз разрядка из областного штаба гражданской обороны — направить с послезавтрашнего дня от КБ двух человек на курсы повышения... чего надо. Я еще в пятницу приставал с этой докукой к Кладунову и Гриневицкому — дать людей. Они отмахнулись: не до тебя, Пал Игнатъич, сам бери кого хочешь. Вот сегодня с утра и подал на вас двоих служебку Вере Григорьевне. Та подмахнула у Трибелина. Ваши руководители уже извещены. А вернетесь с курсов — заходите, если в чем могу помочь...

...Эх, были же времена, когда вся страна словно дом родной!

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
Незатейливый отдых на природе: маринование
свежепойманной щуки*

НОВЕЛЛА ТРИНАДЦАТАЯ: ВИДЫ НА УРОЖАЙ. НОВЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАМПАНИИ

◆ К концу рабочего дня Николай уже знал из перекрестных разговоров в курилке, в столовой и просто при встрече в коридоре состав участников летней кампании, как ее назвал отставной подполковник и летописец наполеоновских войн Курбаченко. Учитывая относительно небольшой по трудоемкости второй прополки свеклы фронт работ, бригада от КБ состояла всего из восемнадцати человек: Николай с Овцовским, давешняя осенняя повариха Тамара (ее партнерша Тоня забеременела зимой — от мужа, конечно), Петрищев и Алдошин, йог Сергунчиков, Васюков... Тот факт, что в «посылке» значительно преобладали подчиненные Дорофеева, объясняли намеренно возникшим конфликтом его с Кладуновым и Гриневицким... даже и не конфликтом в обычном понимании этого житейского слова, но чисто деловыми, производственными разногласиями. Многоопытный, всего добившийся своей головой и руками Дорофеев, явно огорченный плохо удавшимися в этот сезон огурцами на даче, снизив бдительность, возразил сразу двум начальникам отделений. Из сути этого возражения следовало, что орденосец Кладунов и лавролюбивый лауреат высокой премии Гриневицкий, мягко говоря, больше думают о себе, нежели об обороноспособности родной страны, в то время как он, Дорофеев, со своим малым числом коллективом...

Лучше бы Михаил Иванович не говорил последних слов. По слухам, просочившимся от Веры Григорьевны, начальники отделений пожаловались самому Трибелину на сомнение Дорофеева, представив его высказывание о малом числе подчиненных в ином свете: дескать, у уважаемого всеми Михаила

Ивановича «народ» не в полную меру загружен, а на носу вторая прополка свеклы... Остальное — дело техники и практики руководства. Кроме названных в ударную бригаду из «дорофеевских» угодили спортсмен Мирошников и — о чудо! — добровольно вызвавшаяся Давыдова. Две Людочки украсили компанию: подхалимажная девица от Веснянской и Целиковская — восторженная и экзальтированная, тайно влюбленная в Трибелина...

Но, конечно, самыми яркими фигурами летнего посылы были Паша Вежан, Дюк, Болт и марксист Яковлев. Главным в бригаде официально числился Алдошин, памятуя его сменное с Пируэтовым руководство в осенней кампании, но — именно чисто формальное, ибо вожаком стал Болт.

За исключением Дюка, учившегося в «пентагоне» в параллельной группе, с остальными из числа таких ярких фигур, старше годами, Николай познакомился за прошедший год работы в КБ. Все они были выходцами из радиолокационного НИИ, но в начальники не стремились.

Кстати, о Дюке, который появился, пропустив все сроки, в статусе молодого специалиста поздней осенью, доселе лабухая в сочинском ресторане. Но в Сочах курортный сезон завершился, в кабаках перевелась приличная публика, дающая оркестрантам на парнас. Хмурое межсезонье.

Жора Дергунов, к которому навеки прилипло прозвище Дюк — в честь американского гросслабуха Эллингтона — еще с первого курса, имея за плечами музыкальную школу по классу фоно* и наследственный по линии матери-еврейки отменный слух, играл в ресторанных оркестрах, в основном, в

---

* Известная в те годы присказка: в аэропорту Бен Гуриона сходят на землю обетованную советские репатрианты, прибывшие из Москвы через Вену: кто без футляра со скрипкой — тот пианист.

«Дружке» — «7-м корпусе политеха»... Поэтому среди молодежи КБ пароль «сходим на Дюка» означал приглашение зайти после работы на пару-тройку часиков отдохнуть в «Дружку» — обычно в табельный день, после получения аванса и месячной зарплаты. Как-то в начале зимы Николай, Смышляев и Мишин в такой вот день, да еще «отягощенный» квартальной премией, отправились «на Дюка». Кстати, вместе с самим Дюком, торопившимся на вторую работу.

В незаполненном еще заведении, куда после шести-семи вечера попасть можно было только по знакомству с обслугой, тем же Дюком, или выстояв очередь на улице, заказали обычное: столичный салат, он же оливье, антрекот, водку и боржом. Дюк за компанию принял разгонную стопку и поспешил на угловую в большом зале эстраду к подтягивающимся коллегам-лабухам. Неспешно беседовали («на работе о бабах, после работы — о ней самой») под «столичную» о новейших веяниях в разработке противотанковых управляемых снарядов. Оба зала очень быстро заполнились, преимущественно выпускниками и студентами-старшекурсниками политеха, младшими офицерами из расположенного рядом артучилища. Зазвучала музыка. В ожидании парнаса Дюк с компанией наигрывали вяловатые фокстротики и эстрадные попури, словом, тянули вольнку.

— Что-то Левы не наблюдается,— заметил Дюк, в короткий перерыв подошедший к столику. Отказавшись от стопки — весь вечер впереди, надо форму держать,— Дюк, продолжая давний разговор-уговоры, искательно посмотрел на Мишина:

— Дима, может все же надумаешь к нам в лабухи?

— Да нет, Жора,— степенно ответил осанистый в свои молодые года, усатый и в очках Мишин,— не по мне такая развеселая жизнь. Должно быть

ленив; кроме того, на эстрадную песню не тянет, по мне приятнее свадебно-революционный репертуар. Так нас в музшколе в Магдебурге воспитали. Так что, Дюк Николаевич, вы уж без меня.

◆ Все, конечно, знали давнюю мечту Дюка, как старшины ресторанного оркестрика, придать своим лабухам этакий одесско-сочинский шарм — чтобы парнас веселее сыпался, для чего нужен был аккордеонист. А Мишин недурственно играл на этом инструменте, чему обучился в музыкальной школе в столице Группы советских войск Магдебурге, где его отец служил в штабе танковой ударной (на Ла-Манш с Па де Кале!) армии. А аккордеон его же трофейный с сорок пятого года.

Меланхоличный Соловьев согласился бы на предложение, но Дюку по его замыслу баян не подходил, а на аккордеон Славик переучиваться принципиально не желал: «Не наш, не православный струмент, души русской в нем нет!» Явно отшучивался. Хотя у Соловьева имелся опыт ресторанного соло-игрока. В студенческие годы все стремились подзаработать в летних стройотрядах, именуемых тогда «целинными», но Слава, как любитель лыжного спорта зимой, а летом — туристской экзотики, предпочитал для приработка к стипендии не пыльные степи Астрахани и Оренбурга со строительством коровников, но северные места.

Так и после третьего курса его занесло с коллегами по малообитаемым местам в заполярную Игарку: тоже что-то строить при местном пароходстве. Из развлечений в тех краях — только предприятие общепита, днем портовая столовая, вечером навроде ресторана для самой разношерстной братии, обитавшей в Игарке. Соловьев долго привыкал к местным оборотам речи, в основном, сугубо матерным, и к своеобразному юмору, явно занесенному столичными геологическими партиями. Так, вместо обычного об-

ращения к незнакомому: «Послушай, товарищ!» — общепринято было: «Эй, ты, организм!» И так далее.

Скучая по вечерам после стройработ, Слава как-то ради любопытства, будучи непьющим, заглянул в портовый кабачок, увидел отсутствие оркестра и вообще какой-либо музыки, только стелющийся слоями до потолка табачный дым и незлобный сорокаэтажный мат, на котором посетители дружески беседовал за спиртом* и закуской: олениной и копченой рыбкой пелядью. После чего решил, чем ему занять случные длинные, с незаходящим летним заполярным солнцем вечера, и направился к боцману этого заведения, то есть к матерому, одинаковому во всех измерениях своего дородного тела буфетчику дяде Мише. Предложил совершенно бесплатно, для собственного удовольствия, играть по вечерам на баяне. С инструментом Соловьев не расставался в любых поездках.

На северах народ простой и душевно бескорыстный, если только обухом топора по пьяни не вдарят, поэтому дядя Миша совсем не удивился, долго жал руку «одаренному музыканту и композитору». А на счет отказа от зарплаты веско рассмеялся: «У нас ее и по штату на музыку не положено! Так тебе, милоч, к закрытию заведения портовики и морячки, что не успели все пропить и <...> полную шапку накидают!»

На том и порешили к обоюдному интересу: Славик скрашивал скуку бесконечных вечеров среди пьющих и дрыхнувших в бараке-временке собригадников, а кабак дяди Миши с обретением музыки стал и вовсе культурно-досуговым центром.

Вторым, а точнее по времени — первым, культуртрегером заведения дяди Миши являлся любитель-фотограф Сашка, работавший по почте на рай-

---

* Питьевой спирт в фабричных бутылках с этикетками, продаваемый в Заполярье, не от потребности северян в очень крепком напитке, но исключительно требование экономики: дороговизна перевозки алкоголя на северном бездорожье...

онную газету в Салехарде. В кабаке он приходил выпить и заработать на выпивку, а именно — фотографировал местных и заезжих «на память об Игарке» на фоне буфетной стойки, кровожадно улыбающегося дяди Миши в белом халате и поварском колпаке и, главное в кадре — самолично изготовленного буфетчиком на большом ватманском листе, помещенном в рамку, плакате, висевшем на стене над стойкой. Текст гласил: «Просьба <...> не ругаться!»... Догадайтесь, читатель этой книги, сами: что за крепкое русское слово, а печатать здесь — высоко нравственная Госдума не позволяет... Отглагольное существительное. Лева оказался легок на помине.

◆ Компания сидела за столиком у окна. Дневное солнце растопило изморось на стекле, и через него и тюлевые занавески все увидели подкатывающий к ресторанному входу патрульный милицейский «воронки», причем все это сопровождалось пугающим мирных посетителей и уличных прохожих ухающим на полную громкость сигналом сирены ментовской машины.

— Однако, рановато прибыли мильтоны добычу для трезвяков хватать, — заметил Мишин, — обычно часам к девяти-десяти подкатывают.

С тем большим изумлением увидели следующий кадр живой хроники: с принятым для «воронков» металлическим скрежетом растворилась, явно выбитая ударом ноги, правая от водителя дверца, из которой явился мешковатый в зимней куртке Лева без шапки, тут же вновь нырнул плечами и головой в машину и отпрянул от нее, нахлобучивая сорванную, по всей видимости, с головы водилы-сержанта милицейскую фуражку. — И ринулся к дверям ресторана. Через миг объявился в большом зале, зарыскал между рядами столиков, кого-то выискивая, на ходу скидывая куртку на руки бежавшего за ним милицейского водилы и уныло тянувшего:

— Лева! Ну будь человеком, отдай фуражку-то! Мы и так уважили: с сиреной полгорода мчались на полной скорости!

Лева рассмеялся, снял фуражку и кинул владельцу:

— Куртец отдай гардеробщику. Благодарю за оперативную доставку! Передай своему лейтенанту: еще раз не признает — пойдет из оперов склады в Носкове охранять, по морозу снег топтать...

Не найдя нужных ему лиц, подсел к давешней компании, хлопнул налитую ухмыляющимся Смышляевым стопку.

— Во, козлы! Торопился сюда, встреча деловая, наскоро Нинку удовлетворил, из подъезда выбежал и через дорогу — заметил таксера остановившегося, а тут эти псы за мною зарулили, садись, мол, с нами в участок прокатимся! Потом заизвинялись: не узнали тебя, Лева, попервоначалу, отвезем куда тебе надо. Я и говорю: гоните, как на задание, с мигалкой и сиреной! А-а, вот мои должники заявили, бывайте, ребята!

...Вспомнив давний жизненный курьез, Николай Андреевич как-то перескочил через несколько лет работы в КБ, связав эпизоды памяти с Левой. Первый относился к горестному для того событию. Утром, слушая за завтраком кухонный громкоговоритель, Николай узнал: вчера с почетом проводили на заслуженный отдых областного милицейского генерала. Новым начальником областного УВД назначен полковник... И так далее. «Гм-м,— подумал Николай, завершая летнюю яишенку с помидорами,— теперь Лева следует к новому ритму жизни привыкать... Вот пройдут проводы дядьки на пенсион, так придется разбаловавшемуся Льву Николаевичу с оглядкой по улицам ходить. У мильтонов память на обиды мстительная».

Но даже пары-тройки дней не дали Лева на акк-

лиматизацию. В этот же день он, возмущаясь человеческой несправедливости, брызжа слюной и топорща соломенные усы, сам некурящий, кричал в курилке:

— Вот сволочи неблагодарные! Скольких я псов-сержантов и которых со звездами на погонах от выгона из ментовки спас! А некоторым и вовсе красная зона в Тагиле просвечивалась. Чуть что, девок из кабака пьяных вывезут за город и по кругу отфакуют, да те с заявой, или не по чину возьмут и на принципиального нарвутся — сразу с парой флаконов ко мне: Лева, дорогой, замолви перед дядей слово, спаси, а мы тебе со всем нашим уважением — поможем даже сверх наших сил и полномочий!

Вот и уважили, суки в красных шапках... Еще вчера, когда в облуправлении дядька в президиуме сидел и орден пенсионный получал, отловили прямо на проспекте, засунули в зарешеченный задок «воронка» и сдали в трезвяк, а там — раздевайся до трусов и марш в камеру! Протокол по всей форме: сильная степень опьянения. К вечеру выпустили, а хорошо, что может впервые в сознательной жизни перед этим целых три дня не пил! Это и спасло, метнулся в наркодиспансер к дежурному врачу, сдал кровь и получил справку об отсутствии промилле. Завез в отделение, заяву написал. Хорошо, тамошний майор прямо с банкета, что дядька давал, заглянул и позвонил в трезвяк, дал отбой. Хоть тот добро вспомнил: дядька ему, как многодетному, квартиру вне очереди подписал... Но и он сказал: ты, Лева, месяц-другой пей только на ночь дома или у бабы, если там остаешься. А по утрам старайся один не ходить! При свидетелях чтобы постоянно был. Эти псы сержантские...

Второй же эпизод и вовсе по времени был близок к горбачевщине, а именно относился к первым годам после кончины второго Ильича. Как-то в один

день Николай пообщался с двумя будущими знаменитостями — еще этого они сами не подозревали.

В обеденный перерыв, благо недалеко, Николай со вчерашней полочки заглянул в городскую «Буккнигу» и... набил баки коллекционеру Овцовскому: по смешной цене купил явно просмотренную профессиональными перекупщиками редкую книгу Николая Греча — это о котором с Фаддеем Булгариным Крылов писал: «Кукушка хвалит петуха...» — а именно: «Записки о моей жизни». Великолепно изданный в 1930-м году девятисотстраничный томик из серии памятников литературного быта. И это при том, что Николай уже являлся обладателем еще за сто лет до этого томика изданной «Пространной русской грамматики» — основного филологического труда Греча. И заторопился обратно, дабы не опоздать к послеобеденному звонку. Кстати, в «Грамматике» имелось на первой странице книги пространное посвящение «верноподданного Николая Греча» его Императорскому Величеству Государю Николаю Первому...

Овцовский позеленел и высказался в том смысле, что новичкам в карты всегда везет... И Лева, зашедший зачем-то в комнату их сектора, с любопытством осмотрел покупку:

— Ну что, Никола, следует обмыть удачный гешефт? Понимаю, все тугрики карманные на книжку спустил, так я приглашаю составить компанию после работы: в «Москве» в номере ждет ящик чешского пива и мой новый дружбан Володька. Он закончил в столице театралку и распределен помрежем в наш драмтеатр. Тот и оплачивает ему гостиницу, пока хату не подберут. Так как?

Николай, вдохновленный приобретением, неожиданно для себя согласился. После отбойного звонка, проехав три остановки до конечной, вокзальной, дошли до гостиницы, Лева шутливо отсалютовал дежурной за стойкой, поднялись на третий этаж.

Пльзеньское пиво оказалось свежим и превосходным, хотя и Тулуповск славился своим домодельным. Новый знакомый представился Николаю Владимиром Гусинским. В завязавшемся разговоре очкастый и пухловатый помреж кисло отзывался о местном храме Мельпомены: не по мне вся эта провинциальщина. И главреж на побегушках держит, боится конкуренции. Пожалуй, поменяю профиль: уже стакнулся с комсомольским обкомом — им позарез требуется спец по всяким празднично-показательным массовкам, а у меня в этом опыт еще по Москве...

Пиво допили, помреж заторопился в театр к началу спектакля по служебным докукам, а Лева предложил продолжить за его счет банкет в «Дружбе». Потерявший осмотрительность Николай и здесь согласился, хваля себя за осторожную догадливость: не прихватил домой книгу Греча, а дал на день-другой Овцовскому насладиться добротностью старосоветского издательского дела...

В ресторане, как обычно в разгаре вечера половина сидельцев — знакомые, а вторая — виртуально опознаваемые, гремел оркестрик Дюка, где к тому времени он был уже не просто фонистом, но еще и внештатным коммерческим директором, то есть собирал весь парнас, а по закрытию кабака делил между лабухами. А трояки оркестрантам совали разошедшиеся посетители с некоторых пор охотно — с тех самых, когда певцом стал Миша Шафутинский, уже известный за пределами провинциального Тулуповска.

От Дюка все знали, что надумал тот под видом репатриации на историческую родину уехать на ПМЖ в хлебосольную Америку, куда его давно звали калифорнийские соплеменники. Но поскольку Миша приписан с Тулуповской филармонии, а отъезд в Штаты — это большой скандал по партийной и иной линии для директора филармонии, понятно,

тоже соплеменника, то Миша и директор решили этот щекотливый вопрос полюбовно: на год, пока выездная виза оформляется и очередь на авиабилет до Вены продвигается, будущий эмигрант переходит официально на работу в какой-нибудь запьянцовский ресторанный оркестрик без партнадзора. И все получается тип-топ: волки сыты и овцы целы. — Ведь не от филармонии, морально предав вырастившую и воспитавшую его родину, бежал в страну стратегического противника!

Вот и заливался синайским соловьем Миша, исполняя на щедрый парнас от подгулявших артиллерийских офицеров-преподавателей, фарцовщиков и случайно заглянувших в «Дружбу» снять бабенку-другую заезжих кавказских купцов. Именно случайно, ибо у них в городе на этот предмет имелся другой кабак при гостинице, что между площадями Восстания и Челюскинцев...

Под конец «вечера дружбы», как в их среде именовалось посещение ресторана, и возбудившийся Николай нащупал в кармане утаенный от банкировавшего Левы трояк и вручил его певческой знаменитости — за исполнение военно-морской песни, памятной по заполярному детству и юности.

...Давно уже те два шапочно знакомых Николай Андреяновича пребывали в иных весях: долларовый миллиардер Гусинский, в лучшие свои времена владевший всем телевидением России, спасается от правосудия в Израиле (С Дону выдачи нет!..), а Шуфутинский нет-нет да и заглянет с гастролью в бывшее отечество, видно, в Америке лениво подают... а Николай Андреянович ностальгически усмехается: до чего же мал земной шарик! С кем только по жизни судьба не сведет?

◆ Совершенно неожиданным компаньоном в летней поездке в колхоз оказался Владимир Николаевич Яковлев, сорокавосемилетний инженер-кон-

структор, давний еще отставник в чине старлея, вроде как в знаменитое хрущевское сокращение офицерского состава армии под сурдинку подсуетился, хотя младший комсостав особо не тревожили.

Однако, все в КБ от молодежи до руководства (последние в своем кругу) звали его только марксистом Яковлевым. И был он головной болью всего парткома, являясь членом партии. «Нашей партии», — как обычно уточнял Кладунов.

Невысокого роста, худощавый, светловолосый, активный курильщик и, главное, оратор. Чтобы его завести в случившейся зимней скуке курилки кто-то, обычно любивший беседы на отвлеченные темы Овцовский, произносил вроде как ни к селу ни к городу любое слово и словосочетание из партийно-политической фени, например, «погода нынче как в Петрограде в октябре семнадцатого», или «чтоб тебе в день полочки Маркс с Энгельсом приснились!». И так далее. Затем все собравшиеся и вновь подходящие, даже начальники малого ранга, с нескрываемым интересом слушали как всегда блестящую, выверено аргументированную получасовую речь прирожденного лектора.

Слушателей охватывало умиротворяющее чувство возвращения в студенческие годы, поскольку Яковлев на памяти цитировал целые страницы из трудов классиков марксизма-ленинизма, которые они, чертыхаясь, некогда конспектировали в читальном зале общественных наук политеха, с торца которого на них укоризненно, как Энгельс на Каутского, смотрел воплощенный в бронзированный краской бюсте Владимир Ильич.

Суть же всем известного дела заключалась в создании Яковлевым собственной, отличной в некоторых существенных моментах от классиков, политэкономии социализма. Главное в его ревизии Маркса — Энгельса — Ленина заключалось в уточне-

нии формулировки прибавочной стоимости при социализме и неременном введении в народное хозяйство плановой конкуренции.

...Как сейчас, по прошествии многих и многих лет, уже проживая в другой стране и мире, понимал Николай Андреевич: марксист Яковлев предвосхитил современную китайскую модель, в результате действия которой сам Китай то ли вовсе отошел от социализма, сохранив лишь его «оболочку», а может и выступил провозвестником новой, посткапиталистической и постсоциалистической, общественно-экономической формации.

Дело архитонкое и политичное, но с марксистом Яковлевым в спор вступать — дело абсолютно бесполезное: наряду с хорошо поставленной, как у Троцкого, речью и железобетонной убежденностью в своей правоте, он прочитал и держал в недурственной памяти все труды классиков, а также Плеханова, Каутского того же, даже Евгения Дюринга — купил в «Буккниге» дореволюционное издание его основной труда по политэкономии.

Ко времени перехода марксиста Яковлев из радиолокационного НИИ в трибелинское КБ — на более высокий оклад, конструктор был он превосходный — тот завершил написание курса ревизионистский политэкономии. Поскольку никто из женщин машбюро, предупрежденные парторгом и лично Кладуновым, ни за какие коврижки не взялись за перепечатку, Яковлев самолично, выдающимся чертежным конструкторским почерком, что читается лучше всякой машинописи, создал трехсотдвадцатистраничный шедевр каллиграфии и политэкономии, в имевшейся в городе переплетной мастерской «одел» его в революционно-красный сафьян и послал ценной бандеролью на адрес ЦК КПСС, что в здании на Старой площади.

Знающие люди впоследствии разъяснили наив-

ному марксисту, что почтовые отправления с таким занимательным адресом пределы Тулуповска не покидают, а фельдкурьером отправляются из сортировочной почтамта напрямик гзбешникам в Кленовый переулок. Там труд внимательно просмотрели, не нашли ничего предосудительного по своей части, наоборот, отметили упор автора на историческую правоту вечно живого учения — и тем же фельдкурьером с иной почтой передали в обком.

Там люди занятые, читать не стали и перенаправили в райком по месту работы автора манускрипта. И там народ простой, заваленный текучкой и жалобами жен на неверных мужей-партийцев. Ознакомились только с сопроводилкой из обкома и передали третьему секретарю для ответа по существу и разъяснительной беседы с автором — членом партии.

Третий секретарь, кряжистый мужик от сохи, совсем недавний выдвиженец из совхозных парторгов, имел за плечами только среднюю сельскую школу и пару лет учебы с необязательным посещением в областном университете марксизма-ленинизма, которым, кстати говоря, руководил сосед Николая по лестничной площадке Петр Борисович, в войну летчик-штурмовик.

◆ С беседы в райкоме, куда его отпустили в рабочий день по присланному в КБ отношению, марксист Яковлев вернулся в обед взбешенный, засел в курилке и не уходил из нее до самого отпускного звонка в половине шестого вечера.

— ...Понимаете,— кипятился до глубины души обиженный апологет нового марксизма... ленинизма тож,— при упоминании закона прибавочной стоимости у этого секретаря глаза на лоб полезли! Отдал он под расписку мою книгу и посоветовал держать линию партии прямо по Марксу — Энгельсу... Ленину тож. Тьфу!

Марксист Яковлев решил посоветоваться со своим научным коллегой Трифоновым, что трудился в знаменитом гусаковском НПО «Меткость». Тот слыл в интеллигентских кругах Тулуповска ярким ревизионистом учения Фейербаха об историческом материализме. Чем-то они не сходились в оценке роли Дени Дидро и, особенно, Кондильяка в формировании материалистического мировоззрения во Франции эпохи Просвещения. Ни много, ни мало...

Трифонов дружелюбно посмеялся над попыткой отправить трактат на Старую площадь обычной почтой: «Самому в Москву ехать и в приемную ЦК под роспись сдать!» И объяснил коллеге по увлечению как добраться до этой приемной и вести себя там. Сам он имел уже основательный опыт в подобных делах. Особо супротивник Фейербаха отметил: надо ехать в будний день. В субботу и воскресенье технические службы ЦК КПСС — тоже ведь люди! — отдыхают.

Простодушный Яковлев, даром что с самими Марксом-Энгельсом стачку затеял, имел неосторожность огласить беседу с Трифоновым в курилке. Тотчас это стало известно парторгу и Кладунову, в отделении которого наш марксист трудился. В итоге всю зиму и весну он безуспешно пытался взять один день без оплаты или в счет будущего отпуска. Увы, ссылаясь на его (действительную, как опытного конструктора) загруженность по работе, ни единого дня для поездки в столицу ему не давали. Пробовал он получить больничный в заводской поликлинике, но тоже увы: его стальной большевистский организм не поддавался никаким сезонным хворям навроде гриппа...

И здесь до Николая дошло-таки: марксист Яковлев с огромным трудом добился включения в летнюю колхозную бригаду для зарабатывания отгулов, чтобы по осени начать поездки в Москву для атаки на Старую площадь. Даже сверхпроницатель-

ный Кладунов не просчитал такого варианта. Истинно, голь на выдумки хитра!

Паша Вежан, также вписавшийся в летнюю борьбу за урожай, по знаменитости, особенно среди девушек и женщин, не только не уступал Дюку, марксисту Яковлеву, Овцовскому, Смышляеву, Логвинову и другим заметным — каждый в своем деле — личностям в КБ, но, даже в чем-то их превосходил как по биографии, так и по делам его.

Был Паша, с обычным его прозвищем Пал Маховлич — по имени популярного хоккеиста, югослава родом — дальним, но прямым по мужской линии потомком парижского коммунара Клода Вежана. Когда пруссаки вошли в Париж и по приказу Бисмарка начали шеренгами расстреливать как коммунаров на баррикадах, так и вообще ненавистных им лягушатников, юный сапожный подмастерье Клод, примкнувший к восставшему супротив Наполеона Третьего пролетариату из-за скуки жизни, огородами-огородами, затем зайцем по железной дороге добрался с несколькими такими же пацанами до Марсея, где по распоряжению человеколюбивого царя Александра Николаевича уцелевших коммунаров грузили на русские торговые суда. Так славный предок Паши попал в Россию. Следуя установившейся традиции, с 1789 года и по первую четверть двадцатого века Россия и Франция регулярно обменивались волнами вынужденной эмиграции...

Николай, книголюб и книгочей не хуже Смышляева и Овцовского, в первые же дни работы в КБ разглядевший Пашу и узнавший начерно его происхождение (поначалу принял было за ветхозаветного потомка), тотчас вспомнил фразу то ли из Ромена Роллана, может Анри Барбюса, или кого другого из галльских классикой нынешнего века, что за сто лет со времен Бонапарта до окончания Первой мировой войны внешним своим обликом и характером фран-

цузы стали совершенно другой, совсем не похожей на прежнюю, нацией. Бесконечные наполеоновские войны, многочисленные революции века девятнадцатого, отток пассионариев в Канаду, Штаты, Россию и многочисленные колонии в Африке и Индокитае, бойня Мировой войны...— все это лишило страну лучших носителей романо-галльских генов, а Франция д'Артаньянов превратилась в косопузых буржуа, лавочников и безликих рабочих и крестьян. Тогда Николай поразился, но, сравнив изредка мелькающих на экранах телевизора и кинотеатров, на фото в газетах современных французов с олеографиями и полиטיפажами старых книг, к которым имел доступ в областной библиотеке по знакомству с тамошней молодой сотрудницей — дело было до его женитьбы, — альбомными иллюстрациями выдающихся мастеров кисти, убедился: да, все так, современного француза и рядом-то не поставишь с его предком, не столь уж и далеким...

Но Паша Вежан сохранил в себе эти старинные гены и являл собой облик наполеоновского гвардейца, усиленного крепким arrasским землепашцем и бронзоволицым мастером-маслоделом из Прованса. Плотной вырубки из того же arrasского мрамора, немного выше среднего роста, с покатыми мощными плечами, неспешной развалистой походкой, даже по выходу из парикмахерской — с густой гривой вьющихся иссиня-черных волос, в гренадерских усах... Книжечей Николай, как и друг Смышляев — большой почитатель таланта Ивана Бунина, глядя на Пашу, все так же неспешно курившего услужливо предложенную Овцовским болгарскую сигарету «солнышко» из твердой картонной коробочки и kloкочущим баритоном здраво размышлявшего о несомненных преимуществах нашей русской водки над всем остальным мировом дерьмом в розливе, всякий раз помимо воли вспоминал рассказ «Натали» из «Тем-

ных аллей», где героиня описывает внешность пока что неудачливого претендента на ее руку и сердце Алексея Мещерского, что-де это тот упитанный, весь поросший черными блестящими волосами молодой человек... Все предки Паши в новой отчизне женились на русских или еврейках, но могучие старофранцузские гены неизбежно побеждали славянские и семитские примеси...

Года на два-три постарше молодого контингента, выходец все из того же радиолокационного НИИ, Паша трудился конструктором. Его хорошо знали все выпускники «пентагона», особо, что понятно, женская часть. Отец его, недавно скорострительно скончавшийся, занимал в Тулуповске очень приличную должность — начальствовал над городскими электросетями. Потому Паше с сестрой досталась квартира в самом престижном в центре доме сталинской постройки, в котором проживали все знаменитые оружейники Тулуповска, а по памятным табличкам и барельефам на стенах домища в полквартила можно было изучать всю историю этого славного и полезного дела в России. И будущий академик Гусаков там же квартировал.

Еще Паше от отца досталась почти новехонькая «волга» бежевого цвета — обычно несбыточная мечта всякого автомобилиста, то есть родившегося под звездой бога Марса, покровителя всех любителей железных самодвижущихся цапек... Счастливым обладателем машины Паша стал в начале весны, предшествовавшей его переходу в КБ, но уже в июле он ее продал, особо не торгуясь, кавказскому джигиту с центрального рынка. Объяснял это просто и в том смысле, что идиотом выглядеть не желает: «...Все друзьяки мигом оккупировали меня, требуют возить их компаниями за город на шашлыки с бабами и водярой. Нашли дурака! Отказывать по характеру не могу и бабенок факать на природе по мне, но вот

ведь все нажираются, а мне, трезвому как парторг на хозактиве, развозить их по хатам!»

С теми же друзьями, которыми по его общительности являлся весь город, вырученное за машину Паша пропил за неполных три месяца. Деньги вообще у него долго не залеживались. И этим он в корне отличался от современных французов, которые, как известно, самые жадные в Европе... после болгар.

Но что тут ходить вокруг да около! — Паша более всего прославился, почти что в пределах всего Тулуповска, своим благожелательным отношением к женщинам, практически безотказным не то что к домогательствам, что было для него чуждо, но к простодушно прямым предложениям. Обычно же они сами предлагали. Даже воспитанные и благонаправленные. Хотя и коса на камень находила. Так Галочка, еще до близкого знакомства с Андрюхой, при попытке Паши вроде бы шутливо приобнять ее нечто такое шепнула ему в волосатое ухо, что тот несколько минут стоял в задумчивости, восхищенно глядя на осиную талию и прочие прелести удаляющейся по коридору несостоявшейся партнерши. И Давыдова с присущей ей своеобразным чувством юмора порекомендовала Паше «завязать узелком и подождать до защиты ею кандидатской диссертации». Он не обижался и в голову не брал.

Самолично Николай, ехавший по проспекту троллейбусом первого номера, наблюдал картину, достойную режиссуры Феллини: на очередной остановке вошел, как к себе домой, Паша, отвечая взмахом руки на приветствия знакомых: «Привет, Паш!» и «Давно не виделись, Пал Маховлич!» А некоторые молодые женщины, видевшие его явно впервые, почти что бессознательно и чтобы никто особо не видел стаскивали с безымянного пальца правой руки обручальное кольцо и прятали в сумочку... Женщи-

ны постарше, домовитые и читающие журнал «Здоровье», между собой именовали Вежана Пашей-тестостероном. И женщины не совсем лишены чувства юмора.

Николай не любитель подслушивать чужие секреты, особенно женские, но опять-таки однажды и случайно, едучи домой, но уже трамваем старой устькатовской фабрикации со спинками деревянных сидений попарно впритык, разобрал слова Алочки из отделения Гриновицкого, тридцатипятилетней разведенки, сидевшей к нему спиной и потому не видевшей коллегу. Она увлеченно рассказывала подруге, не знакомой Николаю, что в прошедшее воскресенье была на дне рождения — круглая дата — своей дальней родственнице, гуляли в «Дружбе». Там же завсегдаем объявился Пашка («Из нашего КБ, ты его не знаешь...») и... словом, поехали ко мне — дочурку ближе к вечеру бабуся к себе забрала.

Здесь трамвай тронулся с остановки, загремел всеми своими железными частями, заглушая разговор захихикавших подруг. Но уже заинтересовавшийся Николай невольно прислушался. Трамвай снова остановился, Алочка по инерции не успела приглушить голос: «...От запястья по локоть моей руки и в стакан не влезает!.. Нет, нет, какие «уши», что он — зек что ли? Сам смеется: доморощенный, мол!» О бесстыдстве беседующих в своем кругу женщин, даже самых благовоспитанных и стеснительных, Николай знал по своему невеликому жизненному опыту.

И еще Николай понял: Паша вовсе не примитивный бабник, психологически обусловленный Казанова, но... невольная жертва тех своих качеств, что не дают покоя окружающим его женщинам, особенно в самом их <...> возрасте, лицемерно именуемом ранним бальзаковским, а отказать он не может в силу своей добродушной покладистости, каковой отличаются даже дальние потомки обрусевших инозем-

цев. Это как тигр в зоопарке: тому бы понежиться, проспять целую неделю, как на воле, затем сожрать неловкую косулю и снова спать, спать... А здесь, в клетке, надо изображать перед глупой публикой кровожадную свирепость, рычать и делать прочие необходимые глупости.

Вот в такой интересной компании ехал он биться за урожай.

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
Турпоход по чеховским местам*

НОВЕЛЛА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ: БИТВА ЗА УРОЖАЙ. СЕРЕДИНА ЖАРКОГО ЛЕТА

◆ Наутро, водрузив на плечи пионерский рюкзак с бельишком и большим кулем напеченных супругой пирожков, другой закуской к заранее запасенной бутылке водки, Николай попрощался с домашними максимум на пару недель и убыл на трамвае на место сбора у заводской проходной... «что в люди вывела меня», — усмехаясь, напевал он про себя, ощущая великий прилив бодрости и, как любил повторять Михаил Иванович Дорофеев, начальник Смышляева, — социального оптимизма.

В ожидании автобуса традиционное напутствие произнес Кладунов, вместе с Гриневицким пришедший на проводы сотрудников обоих отделений КБ. Стараясь не смотреть, окромя как боковым зрением, на бюст Давыдовой, предельно подчеркнутый обтягивающим летним свитерком-безрукавкой, но зато грозя глазами Паше Вежану в его обычном состоянии (не поймешь — выпивши он или трезв в стельку?), Кладунов четкими, рубленными, как эсэсовская команда на ловлю партизан, словами обрисовал успехи советского сельского, колхозно-совхозного агросектора и ответственность посылаемых, несмотря на загруженность по основной работе, на вторую прополку свеклы. И завершил речь на торжественной ноте: «...Но будьте уверены, дорогие коллеги, как только ступившие на путь инженерного творчества, так уже умудренные опытом, что целых две недели нам будет не хватать вас, но мы здесь не подведем вас, будем работать, как некогда Стаханов и сестры Виноградовы, и, проходя, конечно, по делам, мимо ваших пустующих столов с приборами и кульманов, всякий раз будем мысленно вспоминать: а вот они и за нас бьются за урожай!» — И посмотрел преду-

преждающе на Овцовского, любителя вставить едкое словцо. Но тот в упор, не скрываясь как Кладунов, смотрел на бюст Давыдовой, явно задаваясь вопросом: «Из интеллигентной ведь семьи, очень даже может дома иметься приличная библиотека?»

Как раз к окончанию напутствия Кладунова подкатил автобус — радующий глаз в такое прекрасное утро новенький «пазик», недавно пополнивший заводское автохозяйство.

Аккуратист Кладунов, давший отмашку на посадку, еще раз глазами и указательным пальцем пересчитал «колхозников» и, изобразив строгость на волевом ефрейторском лице, в упор посмотрел на равного ему по чину Гриневицкого:

— Почему семнадцать? Должно быть на одного больше и именно из твоего отделения?

— Да тут дело такое, спозаранку позвонил из автомата отец Чернякова — сын, мол, на сквозняке балконном простыл. Сейчас собирается в поликлинику за больничным. Может врет, а может и правда простудился, так ему замену нашел, благо телефон дома есть у...

— Здесь я, — раздался из-за автобуса четкий, похожий на командный, голос, — извиняюсь, граждане начальники, за опоздание, ведь из постели звонком выдернули!

Грузившиеся в «пазик» ахнули: сам Болт в нашу команду попал! Наверное, меньше бы удивились, загрузись в отъезжающий автобус Розалина Тимофеевна, Дорощеев или кадровичка Надежда Борисовна...

Сложилась гармошка передних дверей, шофер отсигналил Кладунову, опустившему руки по швам, ставшему по стойке «смирно». Гриневицкий дергающейся походкой молча направился к проходным.

Пошел отсчет битвы за урожай.

◆ Впервые Николай увидел Болта, беседующего с начальником 203-го сектора Чурбаковым в учреж-

денческом коридоре, явно вышедшим из кабинета Трибелина, на четвертый месяц своего пребывания в КБ и уловил мимоходом отрывок из разговора:

— ...Рад, Виктор Васильевич, что мы снова вместе будем трудиться! Только тематика сектора отлична от радиолокационной как в нашем прежнем НИИ.

— Служу моему начальнику,— с серьезной дурашливостью козырнул такой молодцеватый красавец, каких Николай видел доселе только в кино: высокого роста, но не верста, а удивительно плотно, замечательно сложенный — так, что обычный его светлосерый костюм смотрелся мундиром. А волевое, скрашенное природным добродушием лицо, аккуратно подстриженные русые волосы с косым пробором и сводящие серьезных женщин с ума голубые глаза с ультрамариновыми искорками и вовсе могли принадлежать как белогвардейскому поручику, так и герою-полярнику советских фильмов тридцатых годов...

С нарочитым почтением подставив ладонь под локоток Чурбакова, военный красавец в штатном удалился с ним в сторону комнаты 203-го сектора, оставив Николая в полном недоумении. За обедом в заводской столовой Смышляев, хотя и шапочно, но давно знакомый с новоприбывшим, кое-что прояснил:

— Известная в политехе, в наших инженерных кругах и вообще в городском бомонде персоне этот Виктор, но многие даже не знают его имени и фамилии, а за глаза зовут Болтом, друзья — и в глаза. Почему так, даже не совсем созвучно с фамилией? Скорее всего, по действенности его характера, по отцу: военная косточка в гражданской жизни, сказал — отрезал, обещал — сделал, выпьет за компанию и с большой охотой литровку «очищенной» — ни в одном голубом глазу, только на баб после этого серьезно тянет. Инициативен предельно, но только по-серьезному, конкретному делу. Словом, кремень, болт! У женщин, понятно, кликуха его бо-

лее понятные им ассоциации вызывает — по части ниже пояса. И тоже правы; они с Вежаном — самые самцы, как говорят бабы между собой, и в НИИ славились и, естественно, здесь себя проявят. Но только если Пал Маховлич как бык-производитель на выпасе — куда пастух направит, туда и идет молча, то Болт с подходцем, на слух женщину берет, сходу замечательные белые стихи километрами выдает. Впрочем и ему долго на это время тратить не приходится...

— Откуда его знаешь?

— А он из наших, с радиотехнического факультета. Года на четыре нас постарше, в армии срочную служил. Я на первый курс поступил, когда ты в своем «пентагоне» на второй пошел, а Болт, чередуя в силу неровности своего житейского поведения вечернее и заочное отделения, уже готовился к дипломному проекту. Чертовски подвижный, голь на выдумку хитра! Ему бы крупным организатором быть — от партийно-профсоюзных до промышленных или военных, да все дело в этой самой неровности поведения.

— Бабы, водка, да?

— Не сказал бы, все не без греха, тем более, что все это много времени у него не отнимает: девушки-женщины в интимной обстановке, как загипнотизированные, сами расстегивают свои пуговицы, «молнии» и крючки, а пьет он луженой глоткой. Нет, здесь именно неровность, что, к сожалению, а может быть и к счастью для абстрактно понимаемого человечества, есть частое свойства сверхэнергичных натур...

— Ты, Андрюха, прямо под Тургенева косишь, говори попроще что ли?

— А проще некуда: срывается, как предохранительный клапан котла паровоза, гусарить начинает, забывая все и всех! Бабы, всегда готовые под него лечь, водка, которая внешне его не пьянит, в кабаках мечет направо и налево бумажки с Ильичем, зарабо-

таные многочисленными халтурами, в основном, по оформительской и фотокиношной части, и все это однажды заканчивается полным опустошением души и тела: удовлетворенные под завязку бабы к своим домашним делам возвращаются, собутыльники к другому кутиле перебегают, в карманах ни гроша и еще пару недель корячиться бесплатно над оформлением ленинской комнаты в мильтовке: расплата за публичный скандал и умеренное сопротивление красным шапкам...

Но он как птица Феникс: выходит из ступора — и месяц-другой, а то и полгода инициативы, всяких прожектов, всегда исполняемых, словом, планов громадье. Все окружающие в восхищении. А потом опять срыв. Наконец-то в нашей конторе жизнь заиграет красками!

◆ Войдя в автобус последним, Болт жестом Остапа Бендера, откинувшись торсом назад и прикрыв тыльной стороной ладони глаза, изобразил восхищение:

— Ба-а, какие люди и без вертухаев собрались в дополнительный оплачиваемый отпуск!

Сбросив тугой брезентовый заплочный тучок с одной лямкой — носительный атрибут художников-оформителей — на свободное сиденье, где ближе к окну уместился Николай, с которым Болт почти сдружился за эту зиму-весну, одетый в альпийскую, со шнуровкой, куртку цвета хаки, на голове — брезентовая же фольксштурмовка с утиным козырьком, гвардейским шагом проследовал по проходу, здороваясь за руку с Дюком, Пашей, марксистом Яковлевым, Овцовским и всеми остальными мужиками, попутно делая незамысловатые, но конкретные комплименты женщинам, обнял повариху Тамару и разомлевшую на ярком солнце в окошке Давыдову.

Принял из рук Вежана стакан с соткой водки, с чувством выпил, сопроводив действие тостом:

— Пьянству, товарищи, бой решительный и бескомпромиссный!

Алдошин, уже тяготившийся возложенной на него ролью старшего, в восторге закричал, перебивая возникший с появлением Болта в автобусе многоговорливый шум:

— Все, закончилось мое начальство! Пусть вами командует Виктор Васильевич. Васильич, передаю тебе эту банду. Пузырь с меня! Как, коллектив, согласны?

В гуле одобрительных голосов выделился тенор книжника и фарисея Овцовского:

— Согласие есть продукт непротivления.

И еще Людочка Целиковская, восторженная и экзальтированная, тайно (всему КБ известно...) влюбленная в Трибелина, по всей видимости, мысленно изменив Владиславу Сергеевичу, пропела своим низким контральто:

— С таким старшим хоть на край света!

— Намеки понял, товарищи,— изобразил серьезность в голосе и на лице Болт,— непротivление приветствуется не только и не столько на краю света, но гораздо ближе, особенно при разговоре о поэзии в интимной обстановке.

Но раскрепостившаяся временно Людочка даже не засмуцалась. Война и колхоз все спишут...

Автобус резко взобрался вверх по проспекту, скоро город остался позади, а шоссе нырнуло в тенистый и сухой аромат летнего леса. Болт, задвинув свой тючок под сиденье, сел рядом с Николаем.

— Хочешь еще выпить? У меня на закус домашние пирожки и бутерброды с колбасой и иваси.*

---

* Загадочная тихоокеанская селедка малого размера, жирная и восхитительно вкусная. В советское время ее косяки раз в пятнадцать лет запружали Охотское море, и вся страна в течение пары лет лакомялась этой рыбкой. После горбачевщины народ забыл не только ее вкус, но и само название. Наверное, весь улов теперь продают японцам...

— Оставь на вечер. Давай, Коль, стратегию поведения выработаем. Надеюсь, ты не рвешься на необъятные свекольные поля, тем более, что сахар — сладкая смерть? Я тоже не рвусь, а согласился ехать — захотелось отдохнуть на природе. Да и вся почти здесь компания подобралась явно не из любителей-аграриев.

— Зачем мешок свой оформительский взял, если отдыхать собрался?

— Интуиция подсказала, может пригодиться инструмент. Что-то меня в сон клонит, стратегию до приезда отложим. Почти не спал, домой под утро явился от Аллочки... совсем баба осатанела, замуж надо срочно, надо кого-нибудь ей подыскать. Толкни когда прибудем на зеленыя.

◆ По лицу заснувшего крепким, как у сменившегося с караула часового, сном Болта явно было видно, что с каждым верстовым столбом приближение автобуса к селу Пятницкому все грешные Аллочки, застоя в «седьмом корпусе» политеха напрочь выветриваются из памяти, точнее — из правого полушария мозга, ответственного у человека за все его художества: от сочинения эпических поэм до интимных утех, а на смену подуставшему правому вступает полушарие левое, логическое, продуцирующее все наши благие и неблагие материальные свершения...

У размышлявшего в таком духе Николая промелькнувшее слово «материальные» мигом проассоциировалось с вечно живым материалистическим учением, а от него всего-то ничего до самого Карла Маркса, основоположника. В институте, где мукой мученической являлось конспектирование «Капитала» этого основоположателя, Николаю этот труд очень нравился, особенно начальные главы первого тома — это где о возникновении мануфактур. «*Manu facto, manu destruo*», — усмехнулся он, — почти по-русски читается: «Руками сделано, руками разруше-

но...» Все же Карл Генрихович знал о чем пишет в части мануфактур не понаслышке... И опять выстраивающаяся мысль перебилась слышанным от любителя всяких книжных кунштюков Овцовского: «Знаешь, Никол, настоящее-то имя Карла Маркса — Мордехай Маркс Леви; последнее указывает на отца-раввина! Вот Володька не даст соврать, а?» Но Шапиро на всякий случай промолчал, затушил наполовину засмоленную сигарету и вышел из курилки. «Да-а,— кивнул Овцовский на захлопнувшуюся дверь,— мается Володька, намылился еще в школе в Израиль уехать, да сразу на «пентагоновский» факультет поступил! Теперь ему еще здесь два с половиной года срок молспеца отрабатывать, а затем еще пять лет в какой-нибудь сугубо гражданской шарашке репу чесать.* Так что нашему Владимиру Батьковичу только через семь-восемь лет можно будет окопачиваться!***

...Николай отогнал видение Овцовского, что сейчас тоже подремывал на сиденье через поход, и их общего приятеля Шапиро. Вернулся к Марксовому учению о мануфактурах. Болт вряд ли даже по диагонали пробежал по страницам «Капитала», не до того всегда было при резкой подвижности характера, но давешний разговор о стратегии поведения теперь казался Николаю резонным. Чем мануфактура отличается от единоличного ремесленника, Маркс пояснял на примере производства булавок; Николай не помнил: обычных или английских? Нет, скорее по-

---

* В советское время поездка за границу, даже по турпутевке в соцстраны, не говоря уже о ПМЖ в «мире капитала» (хотя Израиль де-факто социалистическое государство...), разрешался ОВИР'ом только через пять лет после окончания работы в оборонной промышленности.

** Принятый тогда термин от названия Колпачного переулка в Москве, где будущие репатрианты на землю обетованную хлопотали, порой годами, о визах.

следних, они намного сложнее в своих операциях-переходах изготовления.

Действительно, в нашу эпоху разделения труда, при развитии, чтобы там не говорили вечно недовольные из соотечественников и заокеанские «голоса», и технически оснащенном сельском хозяйстве, зачем мастеру-оформителю, фото- и кинохудожнику Болту пропалывать свеклу? И это при том, что назначенные к тому деревенские бабы из полеводческих бригад колхоза, свалив все на городских посланцев, заняты своими садами-огородами, воспитанием личных коров, свиней и прочей живности. И где же здесь разделение труда в городе и на селе? Если до этой минуты Николай еще слабо колебался в доводах Болта о том, что летний колхоз — дополнительный оплачиваемый отпуск, главное — выбрать себе нишу для такого отдыха, то сейчас это колебание кануло в Лету.

Стаканчик портвейна, протянутый ему Дюком, солнце в окнах, залетающий из них же, раздвинутых сверху, дурмящий запах истекающих смолой сосен и тополей смешанного придорожного леса, сделали свое доброе дело: и Николай задремал вослед за своим соседом по сиденью.

...Лето, лето, духмяное лето, как ты вольнолюбиво действуешь на человека, как расслабляешь? Вот и Николаю привиделся совсем неуместный для его статуса молодожена роскошный бюст Давыдовой, который, кстати, уже мысленно осваивал Паша, вежливо прогнавший ее соседку по сиденью Людочку Целиковскую и с пьяной простотой обнимавший прелестницу. Та похихикивала, даже не пробуя освободиться от железной хватки потомка коммунаров восставшего Парижа 1871-го года. Непротивление как продукт лета. А автобус все также резво мчался. Как корабль в феллиниевском кино...

◆ Надо сказать, что всю зиму и начало весны

Болта в КБ видели редко и мельком. Когда спрашивали о нем у его номинального начальника Чурбакова, тот махал обреченно рукой: «Ладно, молодые не в курсе, но ты-то его по НИИ прекрасно знаешь! Где-где, в Караганде! Я сам вижу только в дни аванса и получки».

Николай со временем уяснил: Болт к регулярной работе за паяльником и осциллографом, чем должны заниматься радисты, питает полное отвращение. Его стихия — организация и обслуживание всяких внеслужебных мероприятий, поэтому с первых дней появления Болта взяли в оборот партком, профком и самодеятельность завода. Подчиненный формально предприятию Трибелин тоже махнул рукой: хорошо знал нового подчиненного по прежней совместной работе. Чаще Болта, обвешанного фото- и кинокамерами, подсумком с репортерским магнитофоном и прочими причиндалами, лицезрели в дни праздничных мероприятий в заводских цехах и — непременно — на клубных заводских, совместно с полуавтономным нашим КБ, сборищах: от партхозактивов до октябрьских, новогодних, первомайских и других вечеров. Здесь Болт явно тянул на главного распорядителя, метался между сценой с кулисами, ложей с заводским начальством, оркестром и буфетом, конечно.

Так что до поры до времени они с ним при случайных встречах только кивками голов обменивались как малознакомые, причем вечно торопящийся по делам Болт при таких стыковках на миг останавливал взгляд голубых глаз на Николае — словно вспоминая: кто это такой? И вовсе не обидно и не удивительно: Болта знало полгорода. Как и Пашу Вержана, как и Леву...

В конце марта, когда Трибелин крепко встал на ноги и уже поверял в узком кругу Кладунову, Гринецивкому, замам Волчанову и Дунайцеву свои рассуждения о способах и сроках полного отделения от

завода и обретения «знамени и барабана» самостоятельной организации, парторг и профорг КБ тоже активно включились в подготовку грядущей самостоятельности. Если «знамя» — дело Трибелина, то «барабан» — за ними, общественниками. Кстати, сам термин «барабанные дела» прижился в КБ с легкой руки зама начальника главка Цфасмана. Во время очередного визита на опекаемые им многочисленные тулуповские предприятия оборонпрома заглянул он по-дружески и к Трибелину. Тот собрал ради гостя в кабинете всех высших начальников. Туманно говоря о будущей самостоятельности, Аркадий Исаакович с природным обаятельным юмором высказался в том смысле, что «это все дело будущего, но знамя и барабан надо загодя готовить». Все намек поняли и заулыбались...

Первым «барабанным» делом парторга и профорга явилась настенная наглядная агитация, центром которой должна стать регулярно выпускаемая стенгазета. Поскольку за прошедшую осень-зиму оба присмотрелись к молодежи, то состав редколлегии утвердили скоро: Николай — редактор, Овцовский — художник, а отдел юмора и сатиры возложили на Володьку Шапиро. Парторг рекомендовал Николаю для обретения опыта обратиться к «непревзойденному мастеру агитационного дела Виктору Васильевичу, о чем я его сам попрошу».

Здесь-то они и познакомились накоротке. В неполные полчаса Болт все расставил по полочкам, объяснил, закрепив двумя-тремя примерами из личного опыта и анекдотами на тему — из серий про Чапаева, чукчей и руководителей партии и правительства. От Болта в ту беседу Николай узнал и тайну источника чапаевских анекдотов, появлявшихся с пугающей периодичностью: один в неделю с перерывом на июль-август.

Киношник Болт общался в свои деловые поездки

в столицу со студентами ВГИК'а. Оказывается, в мастерской Бабочкина как-то подобрались ребята очень юморные и не дураки выпить на дармовщину. А поскольку уважаемый их мастер каждое свое еженедельное занятие начинал со слов «а вот когда я играл Василия Ивановича», то и состоялось коллективное пари: к еженедельной встрече с мэтром каждый поочередно должен сочинить анекдот про Чапаева, который и рассказывал однокашникам по семинару после занятий в известной пивной рядом с институтом. Если анекдот случался забористым — именинник пил пиво и принесенную водку за счет слушателей. Но когда очередник не успевал анекдот сочинить или гнал очевидную халтуру — сам за свой счет поил коллег. Традиция эта передавалась от каждого предшествующего набора мастерской к последующему — и так до кончины мэтра... Но, к счастью, все это было еще в будущем.

◆ Зимой отдел, в котором трудился Николай, пару месяцев лихорадило: из-за начальственной неопытности молодого руководства КБ неправильно были расставлены акценты на перво- и второочередное выполнение плановых заданий. Поскольку всегда виноват стрелочник, то Николаю с тремя другими рядовыми конструкторами пришлось несколько суббот выходить на работу. Образовались-таки и у него отгулы, чем козыряли бывалые «колхозники»... жизнь всех уравнивает. Он их берег к лету, но в конце первой декады апреля молодая супруга, входящая в роль рачительной и заботливой хозяйки, заметила, что вот лето на носу, а у тебя, Коленька, нет подходящей легкой, удобной и красивой обуви. И посоветовала сходить в лучший городской обувной магазин на проспекте напротив артучилища. «Только лучше в будний день ближе к полудню — завоз бывает часто и народ не толпится». И откуда такие познания, размышлял Николай, ведь в девицах до свадьбы

обычный овощной магазин запросто путала с продуктовым кооперативным? Подумав, решил — это возрастное, до времени придуряются, пока невестятся, затем вроде как резко умнеют. Но отгул загодя, в конце рабочей недели, оформил на понедельник — наиболее вероятное время завоза товара. Тем более, что на прошедшей неделе выдали премию за первый квартал.

Часов в десять вышел из трамвая своего маршрута у истока проспекта — у кремля. Прекрасная комфортная погода с нежарким солнцем и чистым, убраным после стаявшего снега проспектом звала прогуляться по тротуару, хотя идти до магазина вверх минут тридцать-сорок, но ведь это сущее удовольствие! Это как в любовной жизни, любил повторять Овцовский: основное удовольствие — в долгом ожидании близости... главное, не перекипеть в этом ожидании. И тротуар малолюден, ведь начало трудовой недели...

Миновав две трети пути, самые подъемные, Николай чуть замедлил шаг на пологой его части, все размышлял — и уже далеко не в первый раз: что-то в Тулуповске с исторических его времен все наперекосяк делается. В других городах разъездные бригады гемуэзцев по приглашению князей строили кремли на верхних точках города, а в Тулуповске смастерили в самой низине и с угрозой затопления рядом протекающей реки, что во время средневековых осад и делалось. Мд-а-а, вредительство сплошное! А то Сталин, Сталин во всем виноват...

Совсем приободрился, вступив во владения родного политеха, раскинувшегося своими десятками зданий на два квартала по правой стороне проспекта. Лишь украшенный ионическими колоннами корпус «пентагона» с ангаром военной кафедры во дворе горделиво смотрел на главную улицу города слева, а напротив его — «седьмой корпус», ресторан «Друж-

ба». Напротив дверей которого он лоб-в-лоб и столкнулся с Болтом. Тот шел навстречу явно из своего дома, что располагался в трех минутах ходьбы вверх по проспекту.

— Ба-а, пошалить захотели, Николай Андреевич, в трудовой день, что в самом разгаре?

Николай разъяснил ситуацию с отгулом и летней обувкой.

— Без вопросов, у меня в этом магазине давняя знакомая продавщицей, так что ты станешь счастливым обладателем лучшего обувного импорта, а мне придется за это исполнить с Ирешкой мужской долг чести. Так что с тебя причитается, дорогой!

— Так я готов завсегда...

— Шучу, шучу, Никол, но вот в это приличное заведение, куда я шел освежиться, все же заглянем.

— Так еще одиннадцати нет?

— Это для широких трудящихся масс. Пошли.

В большом, что слева от входа, ресторанном зале нераскачавшиеся еще официанты накрывали скатерти и раскладывали сервировку, с неудовольствием оглядели вошедших, но заулыбались, узнав Болта.

— В буфет, господа офицеры, или как? — К присевшим за уже сервированный столик подошла, сделав на красивом лице очаровательно-дурашливую гримаску, молоденькая официантка. — Что празднуем сегодня?

— Ты, Кларочка, как всегда, права: именно «или как», но не надолго. Празднуем же первый понедельник второй декады апреля, месяца любви и прочих шалостей в ожидании скорого лета. — Болт нарочито посерьезнел, — метника-ка нам на стол графинчик средней емкости с «экстрой», по салатику столичному и минералки из холодильника. Себя шоколадкой не обдели. Да-а, сразу возьми, — Болт, пресекая жестом руки возражения Николая, протянул Кларе пятерку, — сдачи не надо, очаровательная!

Собеседнику же объяснил: пригласил я, а тем более при деньгах: за оформилку в санэпидемстанции вчера получил. Здесь же вчера и половину ее прогусарил.

◆ За водкой и закуской Болт пояснил новому приятелю, почему его стараются поименовать офицером, а он никогда в кабаках не берет сдачи, если таковая меньше рубля.

— Мне, Никол, военная форма очень идет...

— Да я заметил. Ты и в штатском на поручика смахиваешь.

— Вот-вот, на поручика. Я все три года срочной в Прибалтике обретался, в гарнизоне городишка недалеко от Лиепай. Такую бурную оформительскую и фотодетальность развил, что через год службы, считая сержантскую школу — меня с первого курса политеха за неправильность поведения турнули, потому и попал в школу по радиотехническим войскам — уже имел на погонах широкую лычку старшего сержанта. Мать регулярно присылала да и в армии халтура какая-никакая есть, так что раз в неделю с дружкой посещал местное заведение. Официантки лабсдушные так и именовали господином офицером.

Они же отучили навсегда в кабаках требовать сдачу мелочью и ею же расплачиваться. Как-то счет принесла — рубли с копейками, я рубли-то выложил на столик и начал было мелочь отсчитывать, а эта Марта скривилась: «Господин офицер! У нас не принято копейками расплачиваться». Ссыпал я чертову мелочь в карман, достал еще один рыжий. Та взяла, фыркнула и пошла прочь.

— Как же за год широкую лычку получил?

— Говорю, бурная деятельность. Опять же офицеры в полку знали, что мой батя с нашим командармом в одной роте лейтенантами войну заканчивали.

— Наверное, «куском» на дембель вышел?

— Куда там! Характер не тот. Не успел я покрасоваться с широкой лычкой, как на губу по серьезному делу попал. В том же кабаке, где мелочью не берут, с дружкой моим крепко повздорили с молодыми лабсдухами, те сами нарвались — хуже бандеровцев! Я-то не любитель руками махать, а дружка не выдержал, сам здоровенный, сибиряк, и двоим членовредительство нанес. Тут милиция, патруль... я на себя все взял — дружка на год старше меня служил и готовился со второго года срочной по льготе идти в военное училище, ему нельзя засвечиваться... История эта в местную газетенку попала, так что меня наше офицерье с испуга в округ, к командарму потащило. Вхожу в его кабинет — размером раз в пять побольше трибелинского, докладываюсь, а он поднял голову от бумаг и так грозно: «Что, тяжело носить сержантские погоны?»

Отматерил громко, но с человечностью, призвал равняться на отца, своего военного сослуживца. В полку уже не ждали, полагали меня в дисбате, но командарм ограничился понижением в звании сразу до младшего сержанта. Думаю, идти в военторг новые погоны покупать? Потом сообразил: отыскал узенькую ленточку цвета погон, перетянул поперек широкой лычки, закрепил на обороте — и стал из старшего младшим с двумя узенькими полосочками... Остаток ленточки припрятал на всякий случай и как в воду глядел: еще два раза пригодилась! Но дембельнулся с широкой лычкой: в очередной раз за бурную деятельность присвоили, не успел до приказа нагрешить.

Николай в полном восторге от услышанного даже поперхнулся ледяной минералкой — после стопки водки.

— Однако, товарищ неслуживший лейтенант ракетных войск, нам пора покинуть это ласковое заведение во избежание нежелательной для меня встре-

чи, а то уже скоро двенадцать — адмиральский час! Потом объясню.

Николай затушил в пепельнице недокуренную сигарету, а Болт, вставая, ловко огладил приятный во всех отношениях аккуратный задик Клары, проходившей мимо их столика (зал наполнялся ранними пташками...), порекомендовал ей не шалить, а, проходя мимо гардеробной, сунул седоусому, как Бисмарк, швейцару Митричу монету с Ильичем.

◆ Вышли и взяли направо — мимо близкого дома Болта в сторону обувного магазина. Не успели дойти до угла ресторанного здания, как спутник Николая по-строевому выправился, нагнал на лицо серьезную трезвость и порекомендовал тому сделать то же самое, пояснив:

— Отец навстречу нам шествует!

Даже без этого пояснения Николай непременно обратил бы внимание на приближающуюся к ним фигуру. Она того стоила. Несмотря на возраст, впрочем, еще не достигший «гражданского пенсионного», по-военному подтянутый и четко отшагивающий, он тотчас напомнил Николаю персонажа западных фильмов: черное, тонкого сукна демисезонное — ближе к летнему пальто, чуть удлиненное, с высокой верхней пуговицей застежки, явно регулярно отглаживаемое, кипенно-белый шелковый шарф, в тон пальто брюки с режущей глаз стрелкой, зеркально начищенные ботинки, а на голове — идеально симметрично посаженная на причесанные короткие седоватые волосы такая шляпа, что и не во всяком заграничном кино увидишь: что-то навроде котелка с подвернутыми по краям полями. Тонкие черные перчатки с кнопками-застежками на запястьях и отделанная под слоновую кость тросточка — явно не ортопедического назначения, а для дополнения костюма, завершала чудесным образом явившийся в малочерноземном Тулуповске облик то ли знающего

себе цену немецкого бургера, а может и почтенного отставного инспектора Скотланд Ярда.

Более того, все детали одеяния, включая прогулочную трость, добротные ботинки и защелкивающиеся на запястьях перчатки, прямо говорили о их заграничном, точнее — немецком происхождении. И еще более опытный, чем у Николая, взгляд, конечно, женский, непременно бы отметил: вся эта одежда, безупречная по фасону и забугорному изготовлению, отлично содержится хозяйкой и аккуратно носится хозяином, но пошита и приобретена лет десять-пятнадцать тому назад. Впрочем, это никакой роли в имидже владельца не играет: одежда и ее аксессуары сделаны не по переменчивой моде, но по каноническому стилю, не меняющемуся, исключая элементы мелкой отделки, во временных пределах двух-трех поколений.

Поравнявшись с приятелями, отец командирски окинул взглядом Болта и вежливо-равнодушно коснулся двумя пальцами оперчатанной ладони полей шляпы, приветствуя незнакомого ему спутника сына. А тот изобразил каменное спокойствие лица. Так в молчании и разминулись.

На недалеком пути до магазина Болт кратко рассказал об отце:

— Сейчас в отставке. До сих пор в смертной обиде: не получил Героя, к которому был представлен за водружение Красного знамени на Бранденбургских воротах — символе прусского милитаризма. Дома фотография есть: молодой лейтенант со знаменем на этих самых воротах. Говорит — после третьей стопки — в штабе армии недруг в большом чине имелся, вместо Золотой звезды отделились Боевым Красным знаменем. По другой версии — пока представление по штабам от полка до фронта шло, тут и рейхстаг взяли, там свои разборки пошли — кому Героев давать, а Бранденбург задвинули на задний

план... Словом, по Твардовскому: «Города сдают солдаты, генералы их берут».

Затем десять с небольшим лет служил в ГСВГ, в самом начале, получив старлея, комендантом небольшого города. Затем — сюда военным комендантом Тулуповска, подполковником в отставку вышел. В двенадцать часов, как на службу, ходит обедать в «Дружбу».

— Что, дома плохо готовят?

— Избави бог! Мать не хуже иного шеф-повара кухарит. Здесь другой расклад. Отец — абсолютная военная косточка, а значит строго исполняет все неотмененные приказы. Жуков, как и Иосиф Виссарионович, после войны в части престижа командиров равняясь на царских золотопогонников, издал приказ: офицерам предписывалось обедать в ресторанах не ниже второго разряда. Приказ есть приказ, но почти все, включая бату, почему-то восприняли его не как ограничительный, а именно поощряющий ресторанные обеды; равно завтраки, полдни, ужины...

А поскольку вскоре Георгия Константиновича «за бонапартизм» бросили на низовку — командовать Одесским военным округом, о приказе забыли и официально до сих пор не отменили. Вот папаня и обедает в «Дружбе», справедливо считая его заведением не ниже второго разряда. К тому же у меня весомые подозрения: мужик он бодрый и подбивает клинья к директорисе Елене Витальевне. Если уже не подбил. Я лично одобряю — для здоровья очень даже полезно!

...Купленные по протекции Болта превосходные румынские летние туфли Николай впоследствии носил под десять сезонов.

*Владимир Белтов. Цыганенок.
Из цикла «...1980-е»*

НОВЕЛЛА ПЯТНАДЦАТАЯ: КАПУСТА — ОВОЩ ЦЕЗАРЕЙ

◆ В 305-м году нашей эры император Древнего Рима Гай Аврелий Валерий Диоклетиан, сын вольноотпущенного раба, отрекся от цезарского престола, ограничившись номинальным титулом августа, и навсегда поселился в своем роскошном дворце в Салонах на побережье Далмации. В истории Римской империи, среди много прочего, он прославился строительством знаменитых столичных термов-бань, а на пенсии — разведением и селекцией капусты. Когда к нему, как к августу, то есть императорскому советнику, приезжали из Рима важные чиновники и сенаторы консультироваться по вопросам большой политики тогдашней мировой сверхдержавы, Гай Аврелий (с Валерием) отмахивался, мол, все это мелочь и ерунда, а пойдемте на огород: посмотрите — какая капуста у меня нонче уродилась!

Впрочем, может память подвела Николая, не Диоклетиан, другой цезарь на пенсиие капустой увлекался — известно, что все римские императоры чудаковаты были: один столицу сожжет дотла от скуки жизни, другой вот, мичуринец, капусту селекционирует, а третий и вовсе всю Западную Европу, Переднюю Азию и Северную Америку завоюет...

Шустрый «пазик» подкатил к правлению колхоза «Большевик» на центральной усадьбе в селе Пятницком. Бывавшие здесь ранее, а их большинство прибыло, весело оглядывали ставшие родными места. И бодрые старушки, спешившие также к правлению, к которому пришвартовалась недавно подъехавшая автолавка из райцентра, одобрительно шамкали: приехали, черт их дери, помощнички водовку жрать, девок своих окучивать заместо свеклы! Ишь, орда какая, опять председателю нетеля им на закуску резать... Молодые же бабы и девчонки-старшеклассни-

цы с интересом, ощущая некое волнение в грудях и низу живота, подглядывали на ходу на Пашу Вежана и Болта, похихикивали, шептались — явно насчет новоприбывших, особенно двух кобелей: черняво-кучерявого и голубоглазого.

Словом, все и всех радовало и (женщин) возбуждало в этот ласковый, еще не палящий до полудни, летний день. Но — кроме преда. На данный шофером автобуса тоекратный сигнал прибытия корабля в родную гавань сутуловатый Иван Игнатъич выскочил на крыльцо правления с легким подцензурным криком:

— Кто старшой? Ко мне, — но и сам спустился со ступенек.

Алдошин, как номинальный глава прибывших, оробевший при начальственном крике, неуверенно оглянулся на Болта. Тот сделал ему знак глазами и слегка подтолкнул в спину:

— Пошли к преду, я для подстраховки с тобой.

Выслушав нетерпеливо скомканный рапорт Алдошина о прибытии «бригады шефской помощи для второй прополки свеклы», Иван Игнатъич уже на чистейшем великорусском языке, не обращая внимания на девушек из прибывших, обложил все мыслимое начальство в районе и в городе, запутавшееся в сводках сельхозработ. Облегчив кипение души, пред уже нервически спокойно пояснил:

— Понимаю, ребята, вы здесь не при чем, но эти дятлы (Иван Игнатъич страстный охотник по боровой птице) в сельхозуправлении сиднем сидят в своих конторах, забыли как поля-то выглядят — ишь, на вторую прополку инженеро́в прислали, от важной работы отвлекли! Конечно, откуда им, дармоедам, знать, что в колхозе «Большевик», замечу — одном из самых передовых в районе — вторая прополка свеклы уже неделю как выполнена шефами со стосорокшестой шахты. Да-а, дела, нехоро-

шо получилось, но придется вам в обрат домой возвращаться...

Здесь на крик председателя на крыльцо правления вышел коротконогий и несколько бочкообразный колхозный парторг:

— Чего шумствуешь, Игнатъич?

— Да вот, Федор Архипович, наши сводки, оказывается, наверху на подтирку используют, не читают! Ребят даром прокатили сюда и обратно повезут. Видите ли, вдругорядь на вторую прополку свеклы прислали!

Но парторг, вдруг потерявший интерес к словам преда, все смотрел, пристально вглядываясь в Болта, и, улучив паузу, обратился к тому:

— Скажите, а зимой на областном партсельхозактиве, что проводился в Доме культуры железнодорожников, не вы сопутствовали второму секретарю обкома на показе образцовых стендов агитации на селе?

— Так точно,— улыбнулся как давнему знакомому Болт, шутейски приложив ладонь к своей фольксштурмовской шапочке,— а вы еще интересовались у меня после показа исполнителями стендов.

Парторг заулыбался во всю ширь округлого лица, как рыбак, набредший на удачную поклевку:

— Извиняюсь, подзабыл ваше имя-отчество, ваша бригада на какое время сюда прибыла?

— Зовите просто Виктором, уважаемый Федор Архипович. Команда нам дана две недели здесь быть-стать, но вот руководство колхоза, ввиду отсутствия наличия фронта работ, нас назад отправля...

— Иван Игнатъич,— не дослушав, обратился парторг к преду, изобразив на добром своем лице государственную озабоченность,— как нет фронта? А капуста на низовом поле без присмотра осталась, все пять капустных ба... женщин как сговорились: одной к внуку в райцентр на месяц нужно, Матвеевна рас-

хворалась своим радикулитом — словно не в деревне, а в городе живет, ну-у, про остальных сам знаешь: кто в сад, кто по огород! Давай-ка ребят и приставим к капустному полю... Что, многовато их для поля? Ничего, зато тщательно обработают, да и отдохнут летом от своего тяжелого инженерного труда.

— А-а,— махнул пред рукой,— пусть остаются, пойду завхозу дам команду.

Парторг же, взяв Болта под локоток, отвел чуть в сторону от начавших было нервничать, но повеселевших вмиг новоприбывших. Николай, стоявший поблизости от сдружившейся парочки, расслышал их короткий диалог.

— Я, Виктор, завтра уезжаю как раз на пару недель в Курск на зональный семинар по своей партийной линии, а как вернусь — предложение тебе будет. Так что дождись.

— Так понимаю, Федор Архипович, предложение по части оформилки?

— В точку попал. Наш колхоз в передовиках по району числится, но меня постоянно чехвостят в райкоме за неудовлетворительное состояние агитационного материала. Поможешь? Я в долгу не останусь.

— Ну отчего же не помочь хорошему человеку... и, конечно, полезному делу. Кстати, и помощник мой, вот тот, с бородой,— Болт кивнул в сторону Николая,— наверняка не откажется поучаствовать.

— Вот и договорились,— облегченно заулыбавшийся парторг уже по-свойски хлопнул собеседника по плечу, пожал руку, при этом что-то тихо сказав, приблизившись к уху художника-живописца.

— С удовольствием,— ответил тот,— Николай! Я попридержу автобус, а ты с Федором Архиповичем дойди до его кабинета, захватишь противопожарную инструкцию — вместе будем изучать с товарищами.

В колхозном парткоме Федор Архипович поре-

комендовал снять с плеч котомку и развязать ее, после чего достал из тумбы стола с зеленым, местами прожженным сукном две пузатенькие бутылки коньяка «Плиска», заговорщицки подмигнул Николаю и самолично уложил в котомку.

— Завязывай, Коля,— подошел к стоявшему в углу комнаты простенькому сейфу, окрашенному кирпичного цвета краской, открыл, отсчитал от пачки (Николай зорко это отметил) «углов» три бумажки и протянул бородатому помощнику мэтра-оформителя:

— Чтобы не скучно было дожидаться меня с семинара!

◆ Пока верткий «пазик» с подсевшим у правления завхозом шустро взбирался на школьно-клубную горку, Болт, входя в роль ответственного за бригаду, задумчиво рассуждал вслух:

— Светлое будущее, Никол, нам на все лето обеспечено, аванс от партайгеноссе получен, но надо и о коллективе думать. А дума такова, что уважаемый Иван Игнатъич в пылу гнева на свои сельхозуправления нарушил первую заповедь командира: не раскрывать карты перед подчиненными. Она же и заповедь кидалы. Теперь все наши знают: работы почти никакой не ожидается, две недели гуляй не хочу на дармовой калорийной, главное — натуральной пище и в прекрасное лето с дивными пейзажами...

— Это ты, Виктор, к чему клонишь?

— А к тому, мой юный друг-художник, что уже вижу по лицам и личикам наших боевых подруг — даже пообещай кому из них предоставить Пал Маховлича в полное ночное пользование, все одно никто в поварихи не пойдет. Так что единственный верный выход: мы с тобой возьмем кухню под опеку. Я готовить умею...

— Я тоже. С Севера, там всему обучаются.

— И-и замечательно. Бабы всегда халтурят в

таких ситуациях, фантазии тем более им не дано, а при нас хоть народ пожирует. Парторг дал завхозу команду: не жмотничать! Как говорится, прежде думай... нет, и о себе подумаем — никаких капустных полей!

Вышедших из автобуса на горке посланцев города дружелюбно, отчаянно вертя хвостами на отлете, встретили не умеющие лаять на людей две гончие собаки: мамаша и щенок-подросток. Своего щенка осенью охотник Погорельский явно взял на воспитание из предыдущего помета. Мать и Сынок, как их тотчас нарек Овцовский, намекали на свое чувство голода, выразительно посматривая радужными карими глазами на пустое кухонное помещение. Завхоз пояснил: собаки, конечно, хозяйские, породистые, но в деревне в обычае на лето, безохотное время, экономии для отпустить их на вольные хлеба. Вот и Мать с Сынком еще с весны прописались на этой кухне...

По летнему, каникулярному времени, еще с первой свекольной прополки «колхозников» селили не в клубе, но в школе. Окончательно задвинув — к его несказанной радости — Алдошина, Болт в неполные два часа привел казарму, по его терминологии, в образцовый порядок. Первым делом мужики вынесли на школьную помойку горы мусора и бутылок, оставшихся от шахтеров-пропольщиков, а женщины с большой охотой — ведь для себя стараемся! — помыли полы в двух комнатах: побольше — для мужиков, поменьше — для себя. Классные столы еще с первой прополки вынесли и составили в три этажа вдоль безоконной стены актового, он же физкультурный, зала. Болт также распорядился очистить и прибрать класс — слева от входа в торцевой части здания, предварительно померив ее шагами и сделав некие мыслительные вычисления, ответил на немой вопрос адъютанта Николая:

— Нам здесь долго жить, так что это наши с

тобой владения. Поставим две кровати, письменный стол для изучения первоисточников, а на второй половине — большой сборный стол из шести ученических: мастерская под наглядную агитацию. И еще у школьной сторожихи, что неподалеку живет, плотные шторы возьмем — гардины здесь имеются. Это чтобы от дневной жары прятаться. И так жарко от работы будет...

Незамысловатые шахтеры спали вповалку на соломенных тюфяках, поэтому старшой распорядился принести из кладовой и собрать бывшие интернатские кровати во всех трех жилых отныне комнатах.

К концу уборки и заселения было замечено отсутствие Овцовского, серьезно клюкнувшего Паши и Людочки Целиковской, но тут же их забыли ввиду более серьезного события — общего собрания, на повестку которого Болт поставил один вопрос: кто будет кашеварить на кухне? Через пару-тройку минут общего молчания старшой исчерпал повестку:

— Зам-мечательно! Кухню мы с Николаем берем на себя. Сейчас пригонят телегу с продуктом. А ты, Володя, — обратился он к хозяйственному Логвинову, — хорошо запомнил, где это самое капустное поле, что завхоз жестом Ильича указал? Тогда дуй туда, вон оно, справа под горкой, на низине у речки, обмерь шагами периметр его площади и заодно захвати тройку, нет, лучше пять молодых кочанчиков для щей.

◆ Отослав хозяйственника Логвинова обмерять поле, Болт осмотрел свою команду, отметил недисциплинированность Паши и Людочки Целиковской, явно соблазнившихся земляникой на южной, лесной стороне горки, и наметил диспозицию на две недели:

— Раз избрали, так я и буду старшим в команде. Николай — мой адъютант, точнее — адмирал-адъютант, учитывая его военно-морское воспитание. Только что откомандированный на капустное поле

Володя Логвинов — заместитель по сельхозработам. Главная его обязанность — составить и отслеживать график выхода на барщи... тьфу, на шефскую работу в поле.

Общее замечание: в казарме поддерживать чистоту и порядок, в одиночку не пить, шалить шалите, но без скандалов и мелодрам. Скромнее, скромнее все делайте! Обращаю внимание на внешний вид. Мы в деревне, где народ, хотя преимущественно выпивающий, но высоконравственный. В шортах обеому полу разрешается только в поле и на нашей горке находиться. Не дай, бог, в них в селе появиться? — Запросто могут на пятнадцать суток отвезти в воронке в райцентровскую мильтовку!

И вообще внешний вид ваш должен соответствовать статусу советского инженера; особенно мужчины наши славные должны быть в форме: про внутреннюю, по части шалостей разных, всяк себе хозяин, а про внешнюю известная присказка: настоящий мужчина должен быть до синевы выбрит и слегка, пардон, пьян, но только не наоборот! Еще должен он пахнуть «шипром», а в карманах иметь чистый носовой платок и три рубля.

Понятно всем? Теперь по текущей организации остатка сегодняшнего, нетрудового — кроме нас с Николаем кухонных работников — дня: вон под горкой вижу «лошадку, везущую хвороста воз», продукт доставляют. Потому рюкзаки свои и сумки опорожните, сухой домашний паек и жидкость в бутылочной таре — на кухню. К ним мы с адмирал-адъютантом на скорую руку что-нибудь из горячего, желудок надо лелеять, сообразим, а через пару часов милости просим за сервированный стол под навесом! Пока же раз-зой-тись! Осмотреться и освоиться.

Оставшись наедине с Николаем, Болт озаботился: понятно не Пашей и Целиковской, а куда подевался Овцовский? Ладно, не потеряется. Да-а, по-

ищи пока какую-нибудь небольшую комнату из числа незапертых на лето, распорядись ее убрать и поставить туда кровать, матрац и одеяло не забудь, еще стол и пару стульев, а завтра поутру, если ключ не найдем, внутреннюю задвижку сами установим.

— Как народу объяснить?

— Как захочешь: минивытрезвитель, кабинет шефа, то есть меня, спальня для сильно храпящего и прочее. А то возьмут моду землянику на ночь глядя искать... Забудутся еще, отвечай за них. Заботиться надо о народе, вверенном нам! Давай, затапливай печь. Дров в поленнице на неделю хватит, попроси еще привезти.

Сам старшой пошел встречать телегу, затем разгружал привезенное, ставя в небольшой погребок с крышкой, открытый в темном углу кухни. И кровать там стояла с осенней кампании... Остался он доволен и посудой: горки вдетых друг в друга алюминиевых мисок, гирлянда нанизанных на железный прут алюминиевых же поллитровых кружек, ложки-вилки все из того же крылатого металла, а для готовки — трехведерные кастрюли, чугунные сковородки различных калибров.

Плита печи разогрелась, Болт взялся жарить на двух больших сковородах мясо с луком:

— Адмирал! Ставь на плиту большую кастрюлю и организуй пару девок картошку для варки чистить, а затем расставляй на обеденном столе домашние припасы и бутылки; колбасу, сыр и селедку раскладывай вот на те плоские алюминиевые тарелки. Сообразишь. Хлеб привезенный — пару буханок, больше не надо, порежь.

Вокруг кухни с замечательными ароматами жарящейся свинины с приправой и навеса с сервированным столом толкались, вожделенно приносиваясь и косясь на стол, изрядно проголодавшиеся с раннего утра рядовые бойцы бригады.

◆ В самый разгар кухонного священнодействия прибыл очень серьезный Логвинов, в правой руке держа увесистую матерчатую сумку, а левой поправляя на носу очки в благонамеренной роговой оправе:

— Докладываю, товарищ командир: размеры поля вот я на бумажке записал, переведя шаги в погонные метры. Пять приличных кочанов отобрал, а еще морковочки и зеленого лучка — на пару дней хватит.

— Так там еще и морковка с луком?

— Да нет, вроде как рядом растет; может чье-то личное, либо правленцы пользуются.

— Нехорошо это, Вова, без спросу брать, но инициативу одобряю. Помой-ка под краном пяток морковочек, в мясо добавлю. И зелени помой — отдай Николке для стола.

— А бумажку со схемой поля и расчетами?

— Забыл сказать: тебя моим замом по полеводству выбрали. Ты ведь в Замостовье в своем доме живешь? Значит, сад-огород имеешь, а капусту выращиваешь?

— Конечно, полсотки на нее отвожу...

— Вот и хорошо. Значит, что с ней делать, как и чем пропалывать — завтра объяснишь своей бригаде. А бумажка? Так это ты для себя ее припас.

— Как так?

— А вот так. Ты, если не ошибаюсь, два года в физтехе учился, откуда в наш политех прибыл? Так тебе, физику и математику, и карты в руки, тем более — ты будешь командовать на полях. Пока ужин готовится, иди в нашу с адъютантом летнюю резиденцию, там столы, стулья, бумага и ручки имеются. Произведи расчет, зная капустную агротехнику: по сколько человек в день назначать на работы, исходя из шестичасового рабдня: три часа поутру, пока роса не сошла и прохладно, и три пополудни, к вечеру — солнце с зенита склонится. Понятно задание?

Логвинов деловито пошагал к школе. Николай живо припомнил: среди молспецов КБ двое начальные два года учились в самых престижных вузах страны, Володька в МФТИ, а Петлицын, с одной специальности со Смышляевым, в МИФИ*. Но после окончания второго курса совершенно добровольно вернулись в родной Тулуповск — на третий курс политеха: Логвинов в «пентагон», Петлицын — на радиотехнический.

Оба школьных золотых медалиста, гремевшие на областных и всесоюзных физико-математических олимпиадах, давали любознательным коллегам вполне резонные объяснения такого шага. До мозга костей практичный и хозяйственный Логвинов, сын полковника-интенданта, говорил, что по завершении на втором курсе физтеха университетской программы высшей математики не в силах оказался представить себе оператор гамильтониана в многопараметрическом банаховом пространстве, хотя бы и сдал соответствующий экзамен на отлично. Петлицына же, размеренного и спокойного по жизни, потенциально-го доброго семьянина, неприятно удивило сообщение ректора на институтском общепрофсоюзном собрании, что-де «на стапелях Северодвинска и Комсомольска-на-Амуре удвоено число заложенных атомных подводных лодок, на которых многим из вас предстоит нести почетную службу в должности инженеров-физиков**!» — Подумав на досуге, подал заявление об отчислении по семейным делам...

Болт в последний раз перевернул мясо на сковоро-

---

* Московский физико-технический институт и Московский инженерно-физический институт.

** Автор настоящей книги, родившийся и выросший во «владениях» Краснознаменного Северного флота, хорошо помнит этих славных выпускников МИФИ — они считались гражданскими людьми на военной службе и носили специальную полувоенную форму без погон...

родах, доводя до готовности с аппетитной корочкой, посыпал для остротки мелко покрошенным адьютантом зеленым лучком, когда слоняющиеся без дела обнаружили пропавшего Овцовского: он выходил из клуба со счастливым выражением лица и стопкой новообретенных книг.

Николай, в это время с усилием перекапывавший привезенный тем же возчиком сорокалитровый бидон с молоком полуденной дойки за тенистую стену кухни (помнил рассказ Смышляева о чудодейственности утренней сметаны...), окликнул Валерку, также от Смышляева знавший о клубной библиотеке:

— Как Вера-библиотекарша поживает? Не огорчилась, что ты осенние книги ей не вернул?

— Верочка чувствует себя прекрасно, ждет первого сентября, ибо уже зачислена в областной кулек — по ходатайству Лены, подруги нашей, вернее уже смышляевской, Галочки, здешней училки.

— Перед кем же она, обычная учительница, ходатайствовала?

— Перед своей матерью — доцентом педа, отцом — завсектора в сельхозотделе обкома и бабкой — здешней зампредшей сельсовета. Словом, получила в итоге бумагу о целевом направлении. Так что ей теперь не до учета книг, к городской полнокровной жизни готовится. Даже стандартные два рубля залога не взяла, отыскала мой осенний формуляр для новой записи книг, сказала: бери сколько унесешь! Я уже, как материально ответственная, сдала отчетность в сельсовет.

— А чего так долго там торчал? Болт уже справлялся пару раз.

— Видишь ли, во-первых я — джентльмен, во-вторых, осенняя повариха Тонечка теперь в колхоз не ездит — забеременела...

— ?

— Не-не, не от меня, конечно. Она дама за-

мужняя, а я в этих скользких делах крайне аккуратен. Итак, что вытекает из первого и второго?

— Обучать наедине Верочку особенностям городской жизни и культуры общения.

— В точку попал! С завтрашнего дня и начнем. Книги книгами, а жизнь должна быть полнокровной. Как это старина Мефистофель Фауста уму-разуму учил: «Теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет дерево жизни». Кстати, это ведь он говорит в контексте...

— Знаю, знаю, мы сами с усами и книги читали: в контексте, как ты учено выразился. Искусство обольщения девушек-женщин.

— Во-во, а Верочка с осени совершенно изменилась. В лучшую, естественно, сторону: груди почти как у Давыдовой — от чистого воздуха и здоровой, не химической, пищи, размеренного течения жизни, а главное — от ожидания и предвосхищения вступления во взрослую женскую жизнь!

— Какой-нибудь механизатор широкого профиля за нее, пышногрудую, тебе бока не намнет?

— Нет, она особо пояснила: со здешними ухаже-рами загодя закруглилась, готовясь к новой жизни.

◆ Уже голодный народ роптать начал, Мирошник с Васюковым восстановили висячий рельс для гонга — сигнала на углу кухни, явно сорванный перепившимися шахтерами, а Мать с Сынком, которым Болт в начале готовки кинул по кусочку мяса червячка заморить — собаки своим сверхчутьем признали его своим временным хозяином, — расстелив хвосты по вытоптанной траве, преданно смотрели на вход кухни, как из пышущих жаром печи ее недр раздался голос командира:

— Николай! Собирай народ вечерять. Форма одежды: летняя парадная, для девушек — открыто то, что вам хочется продемонстрировать, задрапировано — что хотели бы показать, да папа с мамой не велят!

Последнее — офицерской скороговоркой, и такой же адресовал тихо адъютанту:

— Коньяк от парторга не выставляй, и так бутылочек много.

Сам Болт вынес поочередно, надев брезентовые рукавицы, обе жаровни с мясом, стал раскладывать на обеденном столе под навесом в миски, после чего с Мирошниковым приволокли бачок со слитой картошкой. Здесь и девушки подросли, стали ложками класть ее в те же миски. Николай с Сергунчиковым вынимали из бака с холодной водой водочные бутылки, обтирали их кухонными полотенцами и равномерно расставляли по длине стола. «Как на свадьбе», — восхищенно помотал головой марксист Яковлев. «Только Маркса с Каутским не хватает», — сыронизировал Овцовский. Яковлев промолчал.

— Гд-де свадьба! — На нарочито громовой, вроде как трезвый голос Паши все обернулись: к кухне со стороны лесистого склона горки незамеченными подошли Пал Маховлич с Людочкой Целиковской, — у нас она уже свершилась.

Ко всеобщему удивлению, нервически экзальтированная Людочка перевоплотилась за пару часов отсутствия в добродушную красивую женщину со спокойно-усталым, улыбающимся лицом. Она глубоко дышала волнующейся, вроде как в миг пополневшей грудью и неосознанно держалась за руку все же устойчиво пьяного Паши. В довершении чудесной картины в ее подстриженных «гаврошем» волосах алел воткнутый полевой цветок.

Давыдова, занявшая на лавке левого края стола место рядом со спортсменом Мирошниковым, известным своей тугодумностью по женской части, с интересом посмотрела на свою подругу с цветком в прическе и, демонстративно придвинувшись к соседу, попросив налить ей водки. Болт же, поздравив новобрачных, усадил их во главу стола, ошую от себя,

навек застолбив одесную за Николаем, который заканчивал хлопоты, мыл руки, как потомок старообрядцев, под краном. Как только и он уселся, Болт во всем великолепии своих альпийской летней куртки на шнуровке и неснимаемой фольксштурмовской шапочки с козырьком встал, держа в руке личный хрустальный стопарик, возимый всегда с собою, и произнес тост, затем вошедший в историю трибелинского учреждения:

— Тихо, тихо, товарищи! Пал Маховлич, уймите на миг ваш галльский темперамент. Все мы хорошо знаем, что пить вредно. Окажись здесь чудесным образом сам Владислав Сергеевич, он согласился бы со мной. Но бывают моменты — минуты, часы, дни и даже недели, — когда, накрепко держа в голове славный девиз «пьянству бой решительный и бескомпромиссный», все же нужно вспомнить и не менее актуальные слова крестителя Руси князя Владимира: «Веселие Руси есть питие!»

Вот именно в такие часы, оглядывая с нашей горки великолепные среднерусские просторы с их холмами, лесами и речкой, где, может быть, тысячу с лишком лет назад проходили в этой языческой земле вятичей и дружественной им мордвы киевские посланцы князя Владимира — Красное Солнышко, неся в вековую доселе тьму идеалы добра и совершенства, и хочется поднять сосуд с живительной влагой. Оставим в стороне спорный вопрос об исторической пользе религии, пусть о том думает наше ленинское ЦК и Политбюро, а главное — лично дорогой товарищ Леонид Ильич Брежнев, но где, скажите мне, в какие исторические времена, в какой стране так прекрасно, счастливо и беззаботно жили *все* люди — не избранные, не начальствующие, но именно *все*? Нет, только нам это отпущено судьбой и движением мировой истории. Где, в каких америках-европах, не говоря уже о пещерных азиях-афри-

ках, вам предоставят дополнительный второй, а кому и третий-четвертый оплачиваемый отпуск? Нигде, дорогие мои друзья. Так наслаждайтесь же за себя и за не знавших этого своих предков, а возможно и за грядущих потомков, ибо кто знает, что впереди всех нас ждет?

История дала нашему поколению передышку, явно готовя, увы и ах, очередные испытания. Надеюсь, что мы вступим в их череду, уже во всю ширь наших душ насладившись и не пресытившись.

Еще я пью за первых голубков нашей экспедиции Пашу и Людочку. Горько!

◆ И началось грандиозное веселье. Кстати, уже осенью, при появлении Болта на работе, его долго наедине пытал парторг: что он имел в виду в своем тосте, ставшем изустно достоянием общественности. Еще намекнул: и начальник отдела режима завода Афремов-старший интерес проявил. Болт отшутился: не помню, мол, деревенский первач в голову ударил; на мухоморе что ли они его настаивают?..

Начальник внимательно посмотрел на весельчака, но далее мурьжить известного всему заводу деятельного общественика от Трибелина не стал. Только намекнул на осторожность в словах: не так могут понять.

Отец профорга отделения Гриневицкого, начинающего карьериста из молспецов Афремова-младшего занял должность начальника режима после возвращения в родной Тулуповск по выходу в запас — доселе трудился начальником оперчасти, кумом позековски, в 19-м лагерном отделении Колымлага. Овцовский хвастался раритетом — подаренным ему Афремовым-младшим романом Мартина Андерсена Нексе «Пелле-завоеватель», вторым томом из собрания сочинений датского классика пролетарской литературы. Предмет же гордости книголюба — библиотечный штамп на титульном листе: «Библиотека

19 л/о, КВЧ, инв. № Н-1137». Овцовский восклицал: «Что бы там не сочинял Солженицын, которого закордонные «голоса» изо дня в день читают, но культурно-воспитательная работа в лагерях велась серьезно, что видно даже из инвентарного номера: только на букву «Н» авторов за тысячу томов!» Все расшифровки библиотечного штампа Николай знал все из тех же «голосов» про структуру ГУЛАГ^а: лагерное управление, возглавляемое генералом, это территория поболее европейского государства, тот же Колымский лагерь. Лагерь включает в себя десятки лагерных отделений, то есть собственно лагерей с «населением» в несколько тысяч заключенных. В свою очередь, лагерное отделение имеет подчиненные ему и территориально отдаленные лагпункты и командировки с сотнями тружеников лесопорубок или золотых приисков. А КВЧ — культурно-воспитательная часть. По всей видимости, убывая в запас, Афремов-старший запомнил сдать в библиотеку части книгу, видимо взятую для чтения супругой или сыном-школьником.

Еще с первых дней пребывания в КБ Николай обратил внимание на Афремова-старшего, проходившего через общий зал столовой в директорский отсек — комнату за кухней: как и его сын выше среднего роста, широкий в плечах, по-военному подтянутый, в неизменной темно-синей пиджачной паре, но вот только левое плечо почему-то опущено относительно правого... Но скоро и это разъяснилось — от двух его подчиненных делопроизводительниц: похотывая, они объяснили кому-то из своих подружек в КБ, что-де всю свою лагерную жизнь, как кум, их начальник носил под кителем пистолет в кобуре, закрепленной на ременной сбруе, что на левом плече. Так и сохранился этот выработанный изъясн в гвардейской осанке...

А ближе к окончанию зимы Николаю пришлось

и лично познакомиться с кумом, но теперь уже не лагеря, а режимного завода. Совсем Николай расслабился, забыл, что даже в благожелательные семидесятые годы доносчики на Руси и внештатные осведомители, тем более на военном предприятии, не перевелись и никогда не канут в речку Лету. И хотя прекрасно понимал, что в серьезных делах таковые просто необходимы, но одно дело понимать, совершенно другое — самому оказаться ответчиком.

К этому времени Николай близко сдружился со многими выдающимися коллегами. В числе их был и Артур Пирожников из группы дизайна, где рисовали в красках для демонстрации Трибелиным в главке снаряды и ракеты, в разработке которых принимало участие их КБ. Поскольку Артур окончил Высшее художественно-промышленное училище имени Веры Мухиной в Ленинграде, далее попав по распределению в Тулуповск, то под любым поводом оформлял себе командировки в Северную столицу — пообщаться с однокашниками и тамошней знакомой творческой и околотворческой богемой. Из Ленинграда же привозил отксеренную или отфотографированную литературу, не поощряемую Главлитом: сочинения Солженицына, крикливых московских диссидентов с «именами», «Собачье сердце» и «Роковые яйца» Михаила Афанасьевича Булгакова...

Испорченный либеральной жизнью столиц, где чтение самиздатовских книг было настолько обычным делом, что органы на это внимания не обращали, Артур и не предполагал: в провинции жизнь так скучна даже для этих самых органов, что они готовы слона из мухи слепить, лишь было бы чем отчитаться перед начальством: мол, не даром хлеб с икрой на повышенном окладе хрумкаем! А потому безбоязно давал почитать подпольщину наиболее проверенным коллегам, Николаю в том числе.

Словом, как-то пополудни Вера Григорьевна вы-

звала его к себе телефонным звонком. «Срочно иди в режим»,— сказала она таким чекистски твердым голосом, поедая провинившегося стальным, не хуже чем у шефа Трибелина, взглядом, что Николаю даже захотелось тотчас застрелиться — лучше из «ТТ», пробивающего человеческий организм насквозь.

В крохотном кабинетике Афремова находился некий, маловыразительный человек в штатском, с тусклыми серьезными глазами.

— Присаживайтесь, Николай Андреевич,— официально обратился к вошедшему со стуком в дверь хозяин кабинета,— вот майор Веснянкин из Областного управления комитета приехал задать вам несколько вопросов. Прошу вас, Иван Семенович.

Майор в штатском задал, не называя имен и прочей конкретики, три вопроса: читает ли *неофициально изданную антисоветскую литературу*, где ее берет и с кем наиболее тесно общается из числа коллег по работе. Был, мол, такой сигнал.

Как раз совсем недавно Николай прочитал взятую у Артура книжку столичного диссидента — своего рода инструкцию по общению с сотрудниками КГБ при допросах. Рекомендовалось сначала слегка разозлить допрашивающего, чтобы он сбился и потерял линию обвинения, далее все отрицать, если не предъявлено конкретных улик, а под конец намекнуть на определенную, например, через родственников, связь с *органами*. Что Николай тотчас и сделал:

— Товарищ майор! А что, у нас в стране имеется *официально изданная антисоветская литература*?

Матерый майор, наверняка совсем застрявший в этом чине, нахмурился, с невольным интересом посмотрел на бородатого молодого инженера и промолчал.

— Для предъявления столь серьезного обвинения, как чтение запрещенной литературы, нужны конкретные факты. Сигнал — это донос? Но вроде

как еще двадцатый съезд *нашей* партии доносительство осудил. Нет, не читал и читать не буду. И вообще, товарищ майор, конечно, что все эти диссиденты провокаторы и...

— Ну-ну, полегче, молодой человек, а то договоритесь,— чувствовалось, что майор теряет к нему интерес гончей к дичи...

— А круг общения? Что же, это почти все мои однокашники, люди достойные, например, выдающийся спортсмен Мирошников, вдумчивый инженер Курбаченко, талантливый музыкант-исполнитель Вячеслав Соловьев, будущий ученый и видный общественник Григорий Афремов...

На этой фамилии Николай сделал паузу, наслаждаясь, как майор Веснянкин и также майор, только отставной, Афремов-старший внимательно посмотрели друг на друга, а Николай Андреевич взял последнюю ноту, как колоратурное сопрано берет верхнее «си» в исполняемой арии.

— Вот мой дядька Лазарь Федорович, настоящий бериевский полковник НКВД, командуя в самом конце войны лагерем для высших чинов — военнопленных вермахта и СС, всегда говорит мне...

Здесь Веснянкин при слове «полковник» инстинктивно посмотрел на левое плечо гражданского пиджака, болезненно сморщился и прервал разговарившегося инженера, при этом что-то вычеркнув из раскрытого блокнота:

— Завершим беседу. Собственно, против вас существенных материалов нет, но мы должны проверить сигналы, поскольку вы и ваши коллеги еще с института имеете третью форму допуска к документам и работам, а сейчас на всех вас, работающих в КБ, оформляется вторая, а это уже очень серьезно. У вас — своя работа, у нас — своя. Но бдительность терять нельзя, вы еще очень молодой человек, все у вас впереди. Только ошибаться нельзя, есть

черта, за которой на ошибках уже не учатся, а за них отвечают! Подпишите вот здесь в бланке о неразглашении содержания и самого факта нашего с вами разговора и можете быть свободны... Да-а, Евгений Степанович! У вас, кажется, тоже вопрос к Николаю Андреевичу имеется?

Афремов-старший тоже махнул рукой на разговорчивого молодого специалиста, особенно после упоминания им фамилии сына, но все же как-то вяло вступил в беседу:

— Насколько я знаю, многие из молодых специалистов в КБ хотели бы перейти на другие предприятия, на более высокую зарплату и так далее. Но все должны три года обязательно отработать по месту распределения. Однако, для вас, как любителя рассказывать анекдоты про руководителей партии и правительства, поругивающего свое начальство и прочее, мы могли бы сделать исключение, поговорить с Трибелиным о вашем досрочном уходе с предприятия. Как вы отнесетесь к этому?

— Евгений Степанович! Насчет желающих уйти куда-то на более высокую зарплату есть замечательная русская пословица: славны бубны за горами! От себя не уйдешь, тем более имея желание, как ваш покорный слуга, со временем стать первоклассным инженером. Но для этого надо многому научиться, в КБ же есть с кого брать пример: прежде всего сам Владислав Сергеевич, Кладунов и Гриневицкий, Волчанов и Дунайцев — разве лучших учителей инженерного дела найдешь... где-то за горами? А если порой и сорвется с языка что-то неодобрительное в их адрес, так это от того, что по молодости завидуешь им! Обычный порок еще незрелого годами и опытом человека...

Выйдя из отдела заводского режима, Николай поухмылялся, но какой-то неприятный осадок в душе остался, ибо впервые в жизни столкнулся с *системой*.

Однако и этот осадок снял знаменитый дядька Лазарь Федорович, живший в собственном доме в Косолучье, к которому Николай вскоре заехал, впрочем, по чисто семейным делам. Выслушав, в нарушение подписки о неразглашении, рассказ племянника, он по-чекистски прищурил глаза, чуть подумал и резюмировал:

— Плюнь да разотри! Делать им, *нынешним*, нечего. На готовое пришли, а мы-то в свое время и в «смершах», и в разносах Лаврентия Пальча голову сберегли... Это, Никола, у них, как и во всем и по всей стране, «месячники бдительности» — для отчета перед верхами. Прошел «месячник» — и живи спокойно.

*Владимир Белтов. Из серии «Точмашевцы»
(цикл «...1980-е»)*

НОВЕЛЛА ШЕСТНАДЦАТАЯ: ЛЕТНИЕ ЭТЮДЫ И БУНТ НА КОРАБЛЕ

◆ Дружеский ужин в честь прибытия на капустную прополку завершился за полночь. Народ разгулялся: теплый вечер и роскошная лунная ночь прекрасного лета тому виной... или радостью? Скорее всего, второе. Для плясок дважды перемещались в школу, где в актовом, он же физкультурный, помещительном зале стояло вполне прилично настроенное, или нерасстроенное, пианино, на котором Дюк давал музыку. Потому Николаю под самое раннее утро и приснилась цыганщина, явно из фильмов по пьесам Островского, но добавленная коллегами его по колхозной эпопее. Пел хор из табора барона Филимона Молдаванского, запевала яркая красавица Глаша — все плясовое: «Хожу ль я по улице», «Эй, вы, гусары!» причудливо переплеталось с Дином Ридом, недавно ставшим гражданином ГДР, Джоном Холлидеем и ранними битлами. Советская эстрада явно отдыхала, представленная почему-то только «Марчуком, играющим на гитаре» Пахмутовой и Добронравова... На гитаре солировал и вел оркестр... отроду не знавший нотной грамоты марксист Яковлев с покрашенными в иссиня-черный цвет волосами и приодетый под артиста из театра «Ромэн». Первыми плясунами выказывали себя Паша Вежан в гусарском ментике, время от времени вынимавший из своей ташки бутылку «плиски» и отхлебывавший добрый глоток, и Людочка Целиковская — в паре с ним и одетая в сарафан с гуцульской вышивкой и рязанского покроя кокошник.

В цыганском хоре на подпевке стояли Дюк, Овцовский, техник Васюков и экс-повариха Тамара. Окружая спиралями пару Паши и Людочки, плясали все остальные новоприбывшие на прополку, в том

числе сам Николай в халате и колпаке шеф-повара и одетый в форму главстаршины ВМФ Болт, перемежаемые в лучах движущейся живой глассады откуда-то взявшимися плясунами с выходом и коленами: юнкера и ряженые цыгане, уланские корнеты и советские инженеры в пиджачных парах, при галстуках, бальные юные дворянки и бабы-полеводы колхоза «Большевик»... Плясали без перерыва и долго: от вечернего Юпитера на небе до утренней Венеры.

Внезапно калейдоскопическая картина безудержного веселья затухала, а в возникшую темень брызнуло дробящимся теплым светом. Николай мгновенно проснулся, замигал щурящимися глазами: из раскрытого настежь на ночь окна с отдернутой занавеской прямо на него смотрело румяное еще со своего сна солнце, только-только выпрыгнувшее из-за леса, что с восточной стороны школьно-клубной горки.

И снова зажмурил до боли глаза, соображая: перебрал ли он на вчерашнем веселье? И что если да? — Бежать в сторону кухни, под тенистой стеной которой стоит породивший за ночь сметану бидон с молоком, вспомнив прекрасные референции о ней Смышляева, осенью оказавшегося в угнетенном состоянии души и тела... Чуть не вскрикнул в полный голос: «Слава богу, не набрался!» Уже размеренно, разворачивая во времени назад свиток жизни, как Пушкин в своем «Воспоминании», все расставил по местам: во-первых, после кухонной готовки и связанной с этим суетой, особо к водовке вчера не тянуло; во-вторых и в-главных, ощущая груз военноморского воспитания, весь вечер чувствовал свою ответственность за кухонные дела. И когда в начале волшебной ночи все разбрелись кто в лес, кто по дрова, он при свете фонаря на столбе мыл под крапом и относил на кухню посуду, наводил порядок на пиршественном столе под навесом, выгребал угли из остывшей печи... Много чего и все один,

заранее выслушав устную благодарность от напарника:

— Дорогой мой адмирал! Извиняюсь, уборку сегодня тебе оставляю, ибо ты почти трезв, как школьник второй ступени, а я перед трудовыми подвигами на капустном двухнедельнике, а главное — на нашей с тобой оформилровке, пойду в свой кабинет пошालю. С твоего разрешения одну бутылочку партторговской «плиски» возьму с собой — даму угостить, вторая пусть будет НЭ! Давай, трудись. Пашка со своей новой пассией уже отдыхают на кухонном станке... Людочка уже и занавеску там сварганила. Утром кто раньше из нас двоих проснется — печку растапливать, сладкую парочку будить и выпроваживать из производственного помещения. Адью!

◆ Вот теперь можно смело раскрывать вежды. Все верно, постель Болта девственно застелена по самым строгим казарменным правилам. С кем же он пошел шалить? Но этот вопрос его менее всего трогал. Углядев на тумбочке с их пожитками стакан, наполовину наполненный коньяком — цвет и легкий запах не давали усомниться, — и накрытый от любопытных утренних ос явно подвернувшейся брошюркой Энгельса из школьной библиотеки о роли труда в превращении обезьяны в человека, Николай восхитился заботливостью друга. Надо же! На серьезное дело идет, на «станке» всю ночь трудиться, но не забыл и о нем, о Николае! А обнаружив возле стакана прикрытый бумажным листом бутерброд с бужениной — от вчерашнего изобилия вкладчину — уже не раздумывая, безо всякой к этому потребности организма с удовольствием выпил коньяк и со вмиг пробудившимся аппетитом закусил свежей, даже не скукорожившейся за ночь бужениной. Весело подмигнув все разгорающемуся светом и теплом солнышку, вышел из комнаты. В коридоре и видимом из него актовом зале полнейшая пустота и тишина.

То же самое на улице. Только не приученные лаять на человека Мать с Сынком вывернули из-за угла, вовсю вертя хвостами, строя умильные выражения морд с породистыми родинками справа у гуталинных носов, выстроились по старшинству впереди одного из двух своих хозяев и повели его, часто и приглашающее оглядываясь, в сторону кухни.

Николай, слегка сполоснув лицо и руки под красным умывальником, зашел под навес, где на дальнем, внутреннем окончании стола вчера упрятал под перевернутую раздаточную миску мясные остатки вчерашнего ужина, все это смахнул ладонью в эту же посудину, вынес и свалил под пару фунтов колбасных, сырных и рыбных остатков в «рабочую» собачью посудину. С умилением наблюдал, как Мать заботливо подвигала Сынку наиболее аппетитные кусочки, себя, конечно, не забывая. Все же сугубо стайные звери, не коты и кошки, что, хотя и индивидуалисты, но никогда не подойдут к кормушке, пока предшественник не насытится!

Преодолев минутную расслабленность от коньяка, буженины и собачьей умиротворенности, Николай решительно шагнул к поленице, набрал охапку хорошо просушившихся за первую половину лета дров и вошел в кухню. Чтобы как-то поделикатнее разбудить парочку за печкой и занавеской, хотел с грохотом сбросить дрова на металлический лист, по пожарному уставу прибитый к досчатому полу перед дверцей и поддувалом печки, но на миг замер, услышав оба голоса, умиротворенно-счастливый Людочки и хриловатый, но не спросонья, а от вчерашней винной порции, явно не раз и не два дополняемой ночью — видно из запасов заботливой партнерши:

— Пашечка, ты меня любишь?

— Угу.

— А что тебе больше всего нравится во мне?

— Все. Подставки особенно... и бренди югославский хорош был.

Сообразив, что Пашкин предмет сейчас не в работе, уже не опасаясь «заклинивания» у парочки, о котором любят в своем кругу поговорить выпившие, якобы опытные в жизни мужики («главное, от внезапного испуга это случается...»), Николай все же изобразил громкий кашель и шваркнул поленьями о пожарную жестянку.

— Эй, постояльцы! Утро уже, мне печку надо растапливать и жратво вам готовить. А-а-свабодить помещение! — И рассмеялся.

— Ой, Коленька, сейчас-сейчас.

Николай занялся набиванием печи дровам, подложил снизу для растопки подобранной у поленницы бересты, чиркнула спичка и, что-то глухо проворчав, погасла. Вторая же вовсе не загорелась. Чертыхаясь, вытащил из коробка третью, но здесь занавеска отдернулась, из-за нее выскользнула кокетливой змейкой Людочка, хихикнув, поздоровалась и припрыжкой счастливой лани выпорхнула из кухни, на ходу оправляя львиную гриву размахренных рыжеватых волос. Следом мятым медведем вышагнул Паша, на ходу застегивая только что надетые штаны.

— Выпить есть?

— Вместе со всеми опохмелишься, Паш, не мешай, пожалуйста, печь растапливать.

— А я сейчас жа-алаю!

Николай вздохнул — только что четвертая спичка сначала ярко, брызжуще искорками, загорелась, но тут же горящая сера резко отскочила и пролетела в сантиметре от лица поджигателя, — зашел за другой, не спальный бок печи, открыл картонную коробку из-под чего-то съестного, куда они с напарником вчера упрятали опохмелительное, вынул бутылку, налил в подвернувшийся стакан «сотку», вышел из-за печки и протянул страждущему Паше:

— На, Пал Маховлич, введи в организм и иди досыпать в школу, а там может у Людки еще что припасено.

— Будь здоров, Никол,— Пашка вылил в рот водку и качающейся матросской походкой вышел на улицу.

...Только с шестой спички сумел он поджечь растопочную бересту. «Отсырели за ночь что-ли»,— подумал он безотносительно, но, взглянув на этикетку коробка, расхохотался, да так звонко, что в кухонную дверь-проем заглянула встревоженная Мать, явно отвлекшись от вкусной еды, которой хозяин собак явно их не баловал.

А рассмеялся он, увидев на этикетке название производителя: объединение «Гомельдрев». Все стало на свои места. Как только этот «Гомельдрев» не честили в журнале «Крокодил» — карикатурами, а в центральных газетах — разгромными статьями на половину полосы! Уже третью пятилетку в Гомеле никак не могли освоить производство этого незамысловатого товара. Не идет — и баста!

Дунайцев, единственный из высоких начальников в КБ позволявший себе изредка пообщаться с простым народом в курилках, хотя сам этим делом на баловался, недавно побывавший в Минске в командировке по вопросам комплектующих на телевизионном заводе «Горизонт», где имелись военные цеха, со смехом рассказывал: в Белоруссии про этот самый «Гомельдрев» бытует целая серия анекдотов, как у нас про Чапаева и чукчей. И один характерный рассказал.

...Зима сорок третьего года, на оккупированной Белоруссии по приказу Ставки развернута рельсовая война. Командир одного партизанского отряда получает шифрограмму из Москвы. Взглянув на подпись, вытягивается по стойке «смирно» и опасливым шепотом, дрожащим голосом сообщает своему заму: «Са-

мим подписано!» А в шифрограмме сообщается, что в такой-то день и час через зону ответственности вашего отряда на Восточный фронт проследует эшелон с семьюдесятью «тиграми» новейшей модификации, броню которых не пробивают снаряды наших пушек. Кровь из носу, не считаясь с потерями, эшелон пустить под откос! И та самая подпись: «Товарищ Иванов».

К означенному дню и часу, потеряв в схватках с немецкими заграничными отрядами, охраняющими подступы к стратегической магистрали, почти всех бойцов отряда, к линии вышли командир, пара бойцов и подрывник, специально присланный из Центра. Залегли на опушке придорожного леса, смотрят: на каждой стометровке полотна по эсэсовцу, сходятся и вновь расходятся. Выждал подрывник, когда напротив него охранники, отдав друг другу честь, разошлись, и бегом к рельсам, уложил на шпалах ящик с тротилом, припорошив его снежком, а из-за поворота уже паровоз с составом сигналы подает. Опытный подрывник, на слух определив расстояние и скорость движения эшелона, отметил нужную длину бикфордова шнура. Достал спички, чиркнул: не загорается. Вторая, пшикнув, погасла, третья сломалась, четвертая... Увлёкся, матерясь, опытный подрывник, а тут: «Хэнде хох!».

Поднял голову, а прямо над ним, остолбеневшим, сидя на коленях, висит здоровенный эсэсовец в длинной шинели, начищенных сапогах, в черной каске, со шмайсером на груди. «Дафай, дафай», — тянет немец руку к коробку со спичками, подносит его к глазам, читает и расплывается в доброй по-детски улыбке: «О-о! Гомэл-драйв!» — и протягивает партизану коробок обратно: «Дафай, дафай, протолшай!»

Народ в курилке хохотал до упаду.

...Николай Андреевич, прервав на этом месте нить воспоминаний, расхохотался не хуже того моло-

дого специалиста Николки, напугав личного кота, который только-только собрался перейти из отдыха перед сном к собственно глубокому почиванию.

А повод был. Только что в Тулуповске, а может и по всей стране, напрочь исчезли из продажи привычные калужские, вятские и пензенские спички, а их повсеместно заменили белорусские производства фабрики «Пинскдрев» со старинным советским ГОСТ 1820, только год госта заменен на 2001-й. Опытный в жизни народ объяснял это тем, что все отечественные спичечные фабрики взяли в бессрочную аренду немцы, перенесли туда из фатерлянда вредные химпроизводства, связанные с горючими веществами. ...Известно, народ наш любит позлопыхать на партию и правительство, или как там они сейчас называются, но дотошные пенсионеры, глядящие в телевизор круглые сутки, обратили внимание: все губернаторы названных областей как-то враз радостно заговорили о крупных иностранных инвестициях... На благо опекаемых ими регионов. И — о чудо чудесное! Так тепло на душе Николая Андреевича стало, таким добрым советским временем повеяло, когда при первой же попытке зажечь газ в конфорке новомодными спичками удалось только с четвертой спички!

И подумал он с восхищением: «Хрен нас, славян восточных, бывших царских, потом советских, а теперь и вовсе президентских, западники педермотовские заставят в рот и в срамные их места смотреть! Как не умели русские делать легковые автомобили, так и не будут уметь. Не получают у белорусов, умеющих с советских времен все делать на отлично, спички — и не получатся никогда! Про хохлов Николай Андреевич никак не мог подобрать сравнительный пример: «Евроньюсу» он не верил, а у нас в части Украинского гетманства пишут, говорят и показывают только войну в Новороссии. Так что

сомнение берет: а производит ли Киев вообще что-то железное и деревянное?

Нет, нас, советских славян, просто так не возьмешь! Бандера вас задери... Сталина и Лаврентия Пальча на вас нет, педермоты!»

◆ Хорошо просохшие на солнце дрова своим потрескиванием веселили совсем ободрившегося повара-истопника; тепло от «плиски» разбежалось по всем жилам, захотелось... нет-нет, Николай даже покраснел чуток и мысленно извинился перед супругой за возникшее плотское желание — пуцай их Паша с Болтом и остальные, кому пара нашлась, развлекаются по принципу (это уже для девиц): война и колхоз все спишут. А он хранит верность молодожена.

Еще вчера с шеф-поваром обговорили меню на сегодня: утром опохмелительным — макароны по-флотски со свиной и кофейный напиток «Дружба» на молоке; с утра же заняться обеденными щами, благо вчера девки два ведра картохи в предвосхищении «вечера знакомств» начистили — одно на сегодня осталось. Обеденное второе-третье и ужин в процессе определяются...

Набирая под краном воду и расставляя кастрюли по разогретой плите, Николай от мысленных извинений перед супругой за нескромное желание перешел к более общей материи: чего это девицы, в конторе сущие, а может и лицемерные, скромницы, вчера так разошлись и легко обзавелись парами на короткую летнюю ночь? И обрадовался, как истый книжник тотчас найдя ответ. А вспомнил он одну из многих теорий старины Зигмунда Фрейда, великого спеца по половой части. Книжки его двадцатых годов издания он некогда, до женитьбы, уважал читать тет-а-тет в постели тогдашней своей подруге, юной библиотекарки, что и приносила их ему из шкафов «не для всех» областного хранилища вековой мудрости... И редкое, роскошное издание «Кама сутры»

начала века приносила Неллечка, на пару с Николаем постигавшая начала искусства любви телесной.

Так вот в чем дело-то! Фрейд с немецкой дошностью объяснял, что достаточно длительная езда на транспорте с *тряской*, на том же поезде или автомобиле, механически возбуждает мужчин, но особенно женщин, у которых механическое ритмическое возбуждение дополняется от долгого сидения приливом крови в тазовой области. Что и произошло с девицами нашими вчера, эврика!

Еще Фрейд отмечал повышенную сексуальность женщин сугубо сидячей работы, например, бухгалтерш, кассиров и машинописных барышень — все от того же тазового прилива.

Все правильно, ибо как-то Болт, из учения Фрейда знавший только его имя и фамилию, беседуя на правах некурящего («Отец в школьные годы сильно лупил») с народом в курилке, начал философствовать о соотношении профессии женщины с ее половой активностью. Получалось так, что в его богатой жизненной практике факаться более всего уважают молодые бухгалтерши. «Вот была у меня...». Далее следовал увлекательный характерный рассказ. Но сам Болт неверно объяснил эту связь: «Наверное, тяга к шалостям у них от того, что «на деньгах сидят»!» — «Классиков марксизма и психоанализа надо читать», — усмехнулся Николай, приступая к операции с молоком. Откинув крышку бидона, с удовольствием убедился: никто по примеру Смышляева утром не опохмелялся сметаной — она, родимая, под завязку горловины тускнела даже на взгляд плотным, жирно отсвечивающим ранневечерним лунным диском.

Как управляться со сметаной Николай хорошо знал. В годы северной жизни каждое лето их семейство проводило отпуск в калужской деревне у тетки отца, так что юный Николка изучил все техпроцессы

ведения личного деревенского хозяйства. Потому отобрал несколько разноформатных стеклянных банок, что пылились кучей в дальнем углу кухни за печью, тщательно с содой помыл их под краном, перенес к молочной фляге. Не торопясь, тож чисто помытой ложкой слой за слоем снимал сметану, укладывая ее сначала в одну, затем в следующую банку. Покончив со сметаной, обвязал горловины банок марлей, тоже имевшейся на запасливой кухне, отнес в погребок: к обеденным щам!

Поставив обок фляги стеклотару побольше, осторожно наклонил бидон и слил («Отсюда ведь и название?» — тотчас пришло в голову) сливки, помогая им течь в банку гребками ложки. Как только засинело снятое молоко, установил бидон на днище. Относя теперь уже банку со сливками в погребок — задумал, входя в роль рачительного домохозяина, побаловать в ужин народ земляничкой или малиной, если удастся послать девок, со сливками, — все восхищался жирностью молока: «Не зря ведь «Большевик» из лучших хозяйств района!»

Опустошил бидон, разлив молоко поровну в две большие кастрюли, отнес на кухню, поставил на скамью «в очередь» — вся плита занята закипающей водой под макароны, обеденные щи и вновь поставленную большую сковороду — жарить свинину к «флотскому» второму блюду.

Занятый резкой мяса на узкие полоски, а последние на кубики, все это по частям сбрасывая с разделочной доски на шипящую сковороду, все же боковым зрением углядел в проем двери, как из школы вышел, щурясь на набирающее высоту солнышко и молодецки потягиваясь, шеф-повар и направился к раскопчегаренной кухне. Не успел он загородить проем, как Николай увидел и второго, то есть вторую выходящую и направляющуюся к умывальнику — Наташу по прозвищу Стриж. Мигом

сопоставив оба явления из сонма глухо спящих постояльцев, Николай озадаченно присвистнул: ого! Кто бы мог подумать и поверить? Истинно говорят: не верь глазам своим... Спутался младенец с чертом!

Понятно, что Наташа младенцем не была, все из того же «пентагоновского» выпуска, что и он сам. С другой специальности — с полигонных установок, но за шесть лет учебы на своем курсе все друг друга не то что шапочно знали, но и характерно. Наташка, тогда еще не Стриж, невысокого росточка, худощавая, с приятным личиком, не очень разговорчивая даже в своем женском кругу, ничем особым не выделялась, как и все от корки до корки прочитывала очередной номер «Юности», смотрела все новые фильмы... Как и все летом на выездной практике крутила, но втихую, легкие, ни к чему не обязывающие студенческие романчики. На полигонной практике в Ржевске под Ленинградом завязала более серьезные отношения с молоденьким лейтенантом из части, даже замуж собралась, но того срочно перевели на полигон в Гороховце, что в Горьковской области... Словом, ни скандалов тебе за все шесть лет, ни бабских истерик в деканате — все ровно, обычно и прилично.

Но в КБ на четвертый месяц ее работы все ахнули: Наташка пришла в понедельник... наголо постриженная. Через полчаса две ее близкие подружки разнесли не то что по КБ, но и по всему заводу: такая мода сейчас в Голливуде и его окрестностях случилась. И действительно, кое-кто припомнил виденное в «*Rigas modas*», что регулярно покупает супруга-модница, в теленовостях в рубрике «Их нравы», в карикатурах «Крокодила» и на фото в «Огоньке»: да, появилась такая мода на загнивающем Западе!

...Но Запад не указ бдительным парторгу, комсомольскому вожаку, Трибелину и Афремову-старшему.

Начали вокруг да около через добровольных дознавателей выяснять *истинную* причину бритоголовости вовсе не глупой и даже смазливой девицы: не педиклез ли, не попадание в женский вытрезвитель, а может некий, с подтекстом, протест против устоявшихся норм *нашей* жизни? Остановились — с подачи чекистки в душе Веры Григорьевны: слабохарактерная Наташа попала в сети неких сектантов-изуверов. Девушку надо спасать во что бы то ни стало!

Словом, довели бедняжку и ее родителей почти до умопомрачения. На общем комсомольском собрании КБ та разревелась и дала страшную клятву: если хоть еще раз последую голливудской моде, то сама выйду из комсомола! Но и в этом комсорг с курирующим его парторгом увидели подвох: выйдем, как же... чтобы взносы не платить! Куда ни кинь, всюду клин.

К середине лета волосы по-мальчишески отросли, но все равно привередливый Болт, похвалив Николая за хлопоты по утренней кухне и перехватив готовку в свои руки, не разъясняя, где провел ночь, словно его адмирал-адъютант свечку держал у изголовья и все знает, заметил вскользь: «Впервые в жизни такое испытал: просыпаешься ночью, чтобы *дело* продолжить, со сна и коньяка подзабыв, где и с кем находишься, увидев голову с короткой стрижкой — и оторопь берет, доигрался! Опыта у нее маловато, как бы не залетела...»

— Мальчики, вам помочь? — Чуть охрипший, но уверенный голос отвлек поваров от готовки в самом разгаре. В проеме, несколько фигурно облокотившись о притолоку, объявилась свежеумытая, розовощекая, вся пышущая внутренней энергией Наташа.

— Во-во, именно помочь. Вовремя проснулась, — заговорщицки подмигнул ей Болт, — возьми в углу тазик и в него порежь, только мелко, картошку что в ведре, капусту и морковку логвиновскую,

тройку головок лука покрупнее из связки за печкой... и поскорее, вода в суповой кастрюле скоро закипит. Хорошо спалось на новом месте?

◆ После опохмелительного завтрака, в начале которого Болт поздравил коллег с годовщиной взятия Бастилии, начались трудовые будни. По диспозиции несостоявшегося физика-теоретика Логвинова на все и про все при шестичасовом рабочем дне и одном выходном в неделю на окучивание капусты следует ежедневно выходить по четыре человека. Сообщение руководителя встретили восторженными возгласами. Паша, как истинный французский аристократ, к завтраку выйти не соизволил, видно, у Людочки еще одна единица НЗ имелась. Болт благословил подчиненных на труд и на подвиг, не забыв повторить о заботе партии и правительства в части второго оплачиваемого и оздоровительного непыльным трудом отпуска. Проводив первую четверку по графику, составленному Логвиновым, остальные занялись своими делами: Овцовский ушел к открытию клубной библиотеки, Николай с Болтом готовили обед, Тамару с Давыдовой усадили чистить картошку на ужин и на завтрашний супчик. Паша до обеда спал, по военному уставу — отдыхал, расстегнув ворот гимнастерки и сняв сапоги. За ягодами к вечерним сливкам с охотой вызвались Наташа, Людочка Целиковская, оставшаяся без Паши не у дел, и марксист Яковлев, как любитель третьей охоты и для охраны женщин.

Обедали всухую, но к ужину из жареной картошки с грибами, собранными Яковлевым не в сезон, лесной ягоды со сливками и хорошо заваренного Николаем, страстным чаевником, настоящего индийского Рязанской чаеразвесочной фабрики чая — из чьего-то женского запаса, — Васюков, собрав со всех, исключая поваров, по рублю, притащил из сельмага увесистый мешочек четвертинок белоголовки. С женщинами,

по их желанию, брал полтинник. Паша еще отдельно посылал Людочку Целиковскую, велел ей прикупить для себя самой полкило «Кара-кума». Народ понял, что Вежан тратит остатки выручки за отцову «волгу».

...Так пролетели десять дней безмятежного отдыха. Лето стояло чудесное, в меру жаркое — что называется комфортное, раз в три дня, по небесному расписанию, особенно жаркие, под тридцать градусов, ближе к ночи небо над колхозом «Большевик» и его окрестностями энергично захватывалось огромной черной тучей, пронесился легким ураганом заметно гнувший деревья ветер, затем с полчаса сверкали многочисленные молнии, непрерывными раскатами гремел гром и стеной лил теплый дождь, освежая воздух на всю тихую безлунную ночь.

Болт с Николаем, как серьезно относящиеся к любому делу люди, с увлечением отдались кулинарным изыскам. Народ, особенно из «варягов», то есть уже хорошо знавших колхозную жизнь, изумлялся: вместо стандартной каши утром и вечером, борща или щей и пустых макарон в обед, редкого компота из сухофруктов, помоечного оттенка чая, скоро надоедающего кипяченого молока на столе под навесом их каждодневно ждали отменной вкусноты щи, борщ и даже настоящее харчо, заправленное свежайшей, утреннего съема из молочной фляги сметаной. Уже никого не удивляли макароны по-флотски, жареная картошка с мясом или грибами, настоящий узбекский плов, а если девки не ленились, то и малина со сливками. Гурманы в обед заказывали бульон с половинкой вареного яйца и мелко покрошенным зеленым лучком... Обеды и ужины сопровождалась наркомовскими ста граммами. На поддержание последней традиции Болт выдал один из парторговских «углов».

Образовавшиеся пары сдружились до элементов почти что семейной жизни. Овцовский набивал кни-

гами из клубной библиотека, сплошь раритетными в Тулуповске, уже второй вещмешок, запасливо захваченный из дома, а ночевать уходил к библиотекарше Верунчику, благо мать ее, пользуясь сельскохозяйственным межсезоньем, уехала тож на пару недель к сестре в Липецкую область. Отец проживал в Пятницком, но уже давно с другой женой и в нравственное воспитание дочери не вмешивался. Утром вместе и об руку поднимались на горку: очарованная предчувствием вольной городской жизни Вера шла на дембельскую работу в библиотеку, а Овцовский, уже съевший в гостеприимном сельском доме сквороду яичницы на беконном сале (курицы и свинья с подрастающим поколением на дворе) и запивший натурпродукт тройкой стаканов хорошо заваренного чая с огнедышащими пирожками с разносортным вареньем, брезгливо окидывал пресыщенным взором кухню и шел в школу отсыпаться. Если по пути встречался Паша, что, расчесывая орангутанговскую шерстистую грудь под расстегнутой рубашкой, тоже не совсем одобрительно смотрел на коллег, обсевших стол под навесом, то Валерка показывал ему два пальца со словами: «Счет два-ноль в мою пользу!» На что заухмылявшийся потомок коммунаров, что-то мысленно считая, сначала осматривал обе свои растопыренные пятерни, иногда переводя взгляд на пальцы ног в открытых сандалиях...

В обед Овцовский лениво ковырял макароны по-флотски, зато с аппетитом съедал миску превосходных щей... еще до ужина спускался с юной подружкой под гору.

Известно, что к хорошему так быстро привыкают, что хочется, даже против воли, гораздо худшего. Такова вот противоречивая натура человека, сбросившего с себя обыденное ярмо служебной дисциплины, домашней скуки и стесненности, забот о ближнем и самом себе... Инженер, в том числе и

человеческих душ, по призванию Болт умело воспользовался такой противоречивостью натур подчиненных, когда ему понадобилось в конце двухнедельного срока пребывания на селе на три-четыре дня съездить в Тулуповск по делам:

— Наш добрый гений Федор Архипович через пять дней прибывает со своего винпозиума-семинара и сразу возьмет нас в оборот. Мы должны быть готовы...

— Но фронт-то работ ты с ним вроде как не обсуждал?

— А чего его обсуждать? Я не первый раз замужем, а такие оформилки идут по накатанной и будут далее идти пока существует советская власть и русский человека не выродился. Надеюсь, и наши с тобой внуки так же будут говорить и думать. Словом, завтра с самого утра идем с тобой к преду: предъявлять тебя как ВРИО старшего...

— Кормежка-то как?

— Не части. Все продумано. Слушай по порядку. Значит, Ивану Игнатичу, он явно в курсе от парторга, объясняю: надо в город, что по мелочи для оформилки — с собой привезу. А насчет более габаритных материалов, того же холста, красок, подсобного пиломатериала, столярного инструмента и другой приспособы — договорюсь с друзьями в худфонде и на заводе. Парторг по прибытии даст колхозный «газик» и деньги на оплату — одним днем смогаюсь туда-обратно.

Итак, второй момент. По обычному распорядку шефской помощи на следующие две-три недели должны прислать такую же, как и наша, по численности бригаду: начинается уборка зерновых, на току и складах лопатами махать и на всякую разовую работу. Тебе разве охота менять наш коллектив?

— Нет, конечно, но как это перед Трибелиным обоснуешь, ведь даже я, молокосос и молспец, ха-

рактик начальника понимаю: если подчиненный что-то просит, то сделает все наоборот. Ведь как мыслят они: если хотят на второй срок остаться, то слишком хорошо им!

— В данной ситуации, когда все в отпусках по летнему времени, Владислав Сергеевич даже обрадуется: меньше ему же со своими опричниками хлопот. К тому же я сегодня соберу со всех подписи о желании остаться для трудовых свершений, а от пре- да — Почетную грамоту. Пару дней в городе побегаю: по материалам, с Трибелиным все согласую, потом и отдохнуть надо же? И ты эти дни в преддверии ударной работы по оформилровке насладись летней погодой, осмотри здешние великолепные окрестности. Не стесняйся в расходах: из оставшихся «углов» один с собой возьму на представительство, другой тебе — побалуй себя. И вторую бутылку «плиски» используй, можешь даже с Наташкой посидеть за стопкой-другой. Только без шалостей! Мне-то не жалко, но у нее, видишь ли, воспитание. И вообще свободные две девки имеются... Не все же верность супруге своей уважаемой хранить, колхоз — вне юрисдикции устоявшегося быта...

— Да-да, понимаю, как в римском праве формула базовая: во время совершения преступления закон не действует.

— Разумеется. Теперь о снятии нас с тобой с ответственных поварских обязанностей, а то мы до совершенных изысков в пылу увлечения дошли: до шашлыков с водкой на обед и чихиритмы из цыплят! Завхоз почти плачет: весь колхоз объели! Но куда ему, бедолаге, деваться? — В курсе затеи парторга, супротив которого ему и вякнуть нельзя.

На тебя одного кухню на эти дни бросить совесть не позволяет, а при оформилровке не до других дел будет.

— Народ, командир, обидится?

— Во-во, именно обидится. Уже сегодня вечером нас с тобой с позором выгонят из поваров.

— Эт-то как? — Николай, уже достигший искусства повара общепита второго, нет, первого разряда, не на шутку обиделся.

— А вот как, используем испорченность нравов современного советского человека: лучшее — это хорошо забытое худшее, и — наоборот! Словом, проведу разъяснительную работу с Наташкой, она девка хоть и стриженная, но понятливая, да и вроде как втюрилась в меня. Она же поставит на уши всех баб. Итак, бабий бунт, иди, учитывая твоё военноморское воспитание, бунт на корабле нам вечером обеспечен. Волки сыты, так сказать, и овцы целы! Главное, мы уйдём с гордо поднятыми головами, а слава о нас пойдёт по всему Тулуповску.

До готовки прощального ужина ещё полтора часа. Я пошел Наташу стропалить и диспозицию бунта вырабатывать... И народ в продолжении сельской жизни убеждать.

— А кого взамен нас? Ведь девки с самого начала отказались все.

— То было в начале... как в библии сказано: в начале было слово, а теперь у нас дело. Будут кухарить Тамарка и Людочка — все одно с Пашкой при кухне живет. Маховлич согласие мне даст. А ты возьми из моей папки для канцелярии бумагу и ручку и пиши два ходатайства на имя Трибелина о продлении командировки бригады: одно коллективное, другое от преда. Тексты — сам сообразишь, упирай на сознательность народа, но не перебарщивай, за издевательство Кладунов сочтет. И ещё проси дополнительно двух женщин, а то у нас этакое половое неравенство... Напишешь — дуй в библиотеку к Верке; Овцовский видел там печатную машинку: она же и перепечатает. Действуй!

Перед ужином Болт положил в свою кожаную,

от отца-коменданта, папку ходатайство от бригады: подписали все, даже не «задействованные» девушки-женщины. Правда, Паша что-то забурчал о винной порции, но Людочка что-то шепнула ему на ухо, тот заухмылялся и поставил свой автограф.

Сели вечерять. После особо издевательски-изощренного ужина, включавшего в меню оставшийся от обеда, вновь разогретый бульон с яйцом и зеленью, жареную молодую картошку со свиными антрекотами, тож украшенные лучком и ветками укропа, салат из помидоров с огурцами — под несколько поллитровок «очищенной» (перешли на местный, но качественный самогон — по наводке библиотекариши Веры)... словом, народ отвалился от общего стола с совершенно обалдевшими желудками — и тут девки подпели хорошо срежиссированный Наташей, игравшей в институтской, а теперь в заводской самодеятельности, спектакль.

Заранее обо всем уведомленные Болтом мужики ухмылялись, а женская общественность упрекала поваров во всех грехах земных: объели родной почти колхоз, мяса полуторамесячную норму народу скормили, мужики водку в обед и ужин жрут в три горла, какие-то бульоны, жареная с мясом и грибами картошка, а мы хотим здоровой, настоящей деревенской пищи: каши молочной, борща чтоб ложка стояла и пр., и пр.

По договоренности примкнувший к бунтовщикам Дюк выразил и поставил на голосование общее решение стихийного собрания бригады: пункт первый — выразить недоверие прежним поварам; пункт второй — утвердить кандидатуры новых, указав на Тамару и Людочку Целиковскую. Все проголосовали «за», включая Болта и Николая.

Поскольку Болт, уезжавший по поручению руководства колхоза в командировку в Тулуповск, клятвенно пообещал завтра утром выбить из Ивана Иг-

натьевича зарплату бригаде за десять рабочих дней и, по возможности, аванс за следующие две-три недели труда, то народ в полном восторге сбросился последними рыжими и зелененькими. Пир затянулся далеко за полночь, так что новые поварахи с девушками-добровольцами нажарили несколько сковородок картошки с мясом и луком, совершенно истощив запасы кухни. В эту ночь все «обрученные» мужчины истово отработывали согласие партнерш на бунт.

Утром Болт представил преду своего зама, подписал ходатайство колхоза перед Трибелиным, а бывший шеф-повар самолично красивым художественным почерком исполнил Почетную грамоту — для показа Трибелину. Полученную зарплату и аванс отдал Николаю: раздать народу.

С тем и убыл на попутке до райцентра. С собой он захватил письма от участников эпопеи о возможной задержке — родственникам.

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

НОВЕЛЛА СЕМНАДЦАТАЯ: НА ПЛЕНЭРЕ — РАЗГОВЕНЬЕ

◆ Все же прекрасное это чувство полной свободы ото всех обязанностей! С ним Николай в утро отъезда шефа в Тулуповск и проснулся. Еще замечательнее, что вчера вечером и в начале ночи, по инерции соблюдая осторожность, дескать, раньше всех вставать и идти на кухню, не превысил норму спиртного. И более корыстный мотив довлел: в предчувствии обещанной бабским бунтом молочной с кашей диеты до отвала наелся жареной с мясом картохи. Потому и проснулся удивительно свежим и счастливым, как-вым может себя ощущать в подобной обстановке молодой, полный силы и, социального, как бы сказал марксист Яковлев, оптимизма, мужчина.

Проводив Болта, вернулся на горку с распухшими карманами штанов, где лежали две банковские обандероленные пачки денег: с пятерками и с рублями: пред безропотно выплатил заработанное и аванс на бригаду. Свои тридцать с небольшим рублей предводитель экспедиции, нарушив девственность бандеролей пачек, взял с собой в город, но, чуть подумав, три пятерки вернул для сохранности адъютанту: «Все одно улетит, здесь сохраннее».

Хозяйственник Логвинов разлиновал лист бумаги, составил ведомость на бригаду, округляя копейки до рублей по обычным арифметическим правилам: меньше полтинника — ноль рублей, больше — рупь! Он же взял на себя обязанность кассира, организовав для солидности очередь у кассы. Все заулыбались даже не столько получению колхозной *трудо-вой* зарплаты, сколько увидев Логвинова в роли кассира. Мигом вспомнился Володька за своим столом инженера-расчетчика: явно выглядевший старше своего возраста, очки в благонамеренной роговой оправе, аккуратно зачесанные на косо́й пробор волосы,

стесанный подбородок — отсюда его институтское прозвище «акула», но главное — сатиновые бухгалтерские, как в старых фильмах, нарукавники на резинках, надетые поверх пиджачных рукавов. Новое его прозвище в КБ: аккуратист.

Немаловажны и его рассказы об учебе в МФТИ: за первый курс сэкономил на стипендии и купил матери новую стиральную машину, а на обед в студенческой столовой выбирал на раздаче самый толстый кусок хлеба и уже личным перочинным ножиком разрезал его на два тонких... Чем очень гордился.

К концу раздачи, когда уже принимал от Логвинова заполненную ведомость, подошла повариха Тамара, кокетничая с намеком, пригласила позавтракать:

— Коля, ты совсем с делами замотался, иди поешь, мы с Людочкой тебе оставили, даже подогрели на плите.

Предчувствуя ненавистную молочную кашу, о которой вчера на бунте мечтали женщин, Николай все же решил уважить новых хозяев кухни, прошел под навес, сел на скамью на углу стола.

— У нас, конечно, все скромнее, чем вы с Виктором Васильевичем готовили, но — чем богаты, тем и рады, — и слегка иронично улыбающаяся Тома, по неясным пока слухам положившая глаз на йога Сергунчикова, поставила перед оцепеневшим ВРИО сковородку... с макаронами по-флотски, политыми вкусно пахнущим соусом, что даже им с Болтом не совсем удавался.

Поблагодарив и со вкусом поедая, подумал: хитрые бестии, все же вчера благоразумно оставили мяса на утро. Уже за невиданным доселе в меню какао — из чьих-то женских запасов — и свежеподжаренными гренками из зачерствевшего белого хлеба, вымоченного в молоке, Николай понял всю полководческую гениальность бывшего шеф-повара: уйти с кухни не притворно хлопнув дверью, но поставив

сменивших их поварих в такую ситуацию, при которой готовить хуже им никак нельзя. Он даже помотал головой от восторга. Стоявшая чуть поодаль, побабьи сложившая руки на замечательной, не давидовской, конечно, но отменной груди Тамара, ласково глядевшая на едока, даже встрепенулась на этот жест:

— Что, Коль, какао остыло? Или гренки жестковаты? Так из чего было, но теперь жарить их будем, оставляя на утро хлеб посвежее. А печенье к какао не хочешь? У нас полпачки осталось «Юбилейного»...

Несколько посрамленный Николай искренно поблагодарил повариху, даже, подражая Болту, приобнял ее. Та не сопротивлялась, но искоса осторожно взглянула в сторону Сергунчикова, совершавшего утреннюю мантру: глядя в упор на нарисованный мелом на школьной стене кружок, медитировал: «Ом-мм, ом-мм...»

Еще до раздачи трудовой зарплаты Николай сообщил поварихам: Болт сегодня договорился с предом о новом завозе продовольствия, через пару часов прибудет возчик от щедрот завхоза.

Отпустив порозовевшую от похвалы и объятия повариху, даже слегка позавидовав йогу Сергунчикову, Николай прислушался к прогнозу погоды — из приемника «Океан-201», привезенному Алдошиным и обычно стоявшему на дальнем краю обеденного стола — для увеселения кухонных работников. Вечерами марксист Яковлев, Валерий Павлович и Овцовский, если не был занят своей библиотекаршей, что случалось крайне редко, ловили по нему «Голос Америки», «Би-би-си» и «*Deutsche Welle*» — для общего развития и чтобы быть в курсе происков империализма...

А в прогнозе дикторша объяснила, что сегодняшний день в центре страны может огорчиться пополудни грозами с дождем и слегка шквалистым

ветром, но последующие — теплые, ровные и спокойные с возможными грозами-сполохами по ночам. Уяснив погодные тонкости, решил экскурсию по окрестностям перенести на завтрашний день. Но чем заняться сейчас отставному повару?

◆ Но дело — не клад золотых «николаевок», всегда найдется. Издали увидев возчика от завхоза, приближающегося к их горке, отыскал Логвинова и увлек его под навес, к столу — подбивать бабки в бухгалтерии по части уже съеденного бригадой за десять дней и вновь ожидаемого. Здесь и лошадь зафыркала, развернув телегу перед кухней и дружелюбно кивнув мордой старым знакомым — Матери и Сынку, развалившимся после завтрака на травке обок. Те воспитанно тоже побили хвостами о землю, ленись подниматься. Телегу разгружали оба счетовода и поварихи. Походкой вразвалку подошел сонный Паша и, не увидев в телеге интересующего его (всегда), лениво подмигнул Людочке и удалился явно в сторону спуска с горки к сельмагу, бережно нащупывая в кармане полученную зарплату.

Вслед ему, но чуть правее спускались к капустному полю четверо сегодняшних работников — по графику Логвинова. Закончив разгрузку, Николай и Логвинов присели за столом; за труды праведные Тома принесла им пару стаканов — не кружек! — и фарфоровый заварной чайник. За этим занятием оба прислушались к приемнику: некто очень ученый толковал о задачах современной физики атомного ядра, часто упоминая кварки.

— Слушай, Володь, ты ведь в физтехе успел-таки за два курса если не собаку, то щенка съесть в ядерной физике?

При этих словах лежавшие чуть поодаль Мать и Сынок повернулись мордами к говорящим, явно прислушиваясь.

— Да уж пришлось голову поломать. А что интересует?

— Вот о кварках лет шесть-семь все талдычат ученые головы. Так существует он в природе или это чисто математическая условность? Я понимаю, сам не пальцем делан, что все мельче молекулы, да и сам атом в силу двойственности представления, есть динамическое взаимопревращение вещества и поля. Да еще принцип неопределенности Гейзенберга — размытость этого вещества-поля по вероятностному пространству. Но как кварк-то сюда вписывается и почему на нем свет клином сошелся: дескать, первокирпичик материи!

— Верно, Андреяныч, рассуждаешь и хорошо, что с кварками именно ко мне обратился. Понятно, не в силу, ха-ха, каких-то неординарных способностей, но просто досталась по теорфизике, она же ядерная, тема курсовой работы: «Поле Янга-Миллса и конформизм кварков в структуре адрона...»

— Надо же, это ведь почище твоего камня преткновения насчет оператора гамильтониана в нелинейном пространстве мистера Банаха?

— Тогда уж пана, Стефан Банах поляком был. Да нет, с кварками проще. Когда тему получил и пошел на консультацию к профессору, тот безо всякого юмора сказал, что исходить надо из следующего: в природе кварки полностью отсутствуют в свободном виде, отсюда равновероятны две ситуации: либо кварки есть фантазия, или они есть, но накрепко привязаны к порождающей частице, то есть испытывающей сильное взаимодействие — протон и нейтрон, вместе называемые адронами. Адрон же состоит либо из трех видов кварков, всего их шесть, или из кварк-антикварковой пары; первые именуются барионами, вторые — мезонами.

— Это понятно в общем, как-то на пятом курсе грипповал неделю, не выходя из дома, и том теории

поля Ландау и Лифшица прочитал с карандашом в руке, а позже, заинтересовавшись, и полупопулярную книжку по ядерным частицам. Но твой-то вклад в курсовой в чем состоял? И, извиняюсь за невежество, ведь я все же ракетчик, а не физик-теоретик, какое-такое поле придумали уже явно мистеры Янг с Миллсом.

— Это абстрактное, как мне представляется, обобщение привычного нам электромагнитного поля Максвелла. Дотошно объяснять не буду, тем более на пальцах, но, в общем, это обобщение сводится к использованию калибровочных полей, то есть в знаменитых уравнениях Максвелла обычная производная заменяется на ковариантную производную. Понимаешь?

— Слава богу, институт недавно окончил, а математику в «пентагоне», как сам знаешь, серьезную дают. Так все же чем ты в курсовой своего профессора удивил... или огорчил?

— Пожалуй, удивил поначалу, решив уравнение поля Янга-Миллса, как неабелевой калибровочной теории, и доказав математически, что кварки вполне реальны, но они не могут физически покинуть свой адрон, что по-научному называется конфайнментом кварков, поскольку при нелинейном взаимодействии составляющих поля Янга-Миллса возникает энергетический потенциальный барьер, что и препятствует отрыву кварка от материнского адрона. Это как электроны и дырки в полупроводнике, как нам еще в школе излагали. Итог: кварк в свободном состоянии существовать в природе не может по определению!

Профессор снисходительно похвалил, дескать, давай погружайся в эту задачу и дальше, что называется, вширь и вглубь, затем выберешь ее темой диплома, а там, глядишь, и до Нобеля недалеко! Ну тут я его огорчил, совершенно от похвалы рассудок потерял, забыл, что фамилия профессора Нахимсон, и что тот

то ли в шутку, а может и всерьез любил на семинарских занятиях со студентами рассказывать семейное предание: происходят они от знаменитого адмирала Нахимова. Сам же флотоводец русифицировал фамилию, поступая во флотский кадетский корпус...

Я же по юношеской тогдашней наивности вполне серьезно ответил: нобелевской премии мне не видать — советским ученым ее скупно дают, если претендент не ярый диссидент. Во-вторых, статус премии не распространяется на теории, но только на практические изобретения и открытия, ибо сам Альфред Нобель был инженером и изобретателем, а математику и вовсе ненавидел, поскольку за неуспехи в ней его чуть не отчислили из гимназии... И — вот дурак же я был! — привел пример Эйнштейна, которого десять раз проваливали в Нобелевском комитете за его теорию относительности и дали премию только на одиннадцатый раз: по совету сионистов* Алик представил заявку по второму, квантовому, закону фотоэффекта, который он создал совместно со своей первой женой — сербкой Милевой Марич...

Здесь профессор помрачнел и вместо явно мною ожидаемой пятерки вкатил тройбан, что-то пробурчав насчет некорректности вывода решения уравнения Янга-Миллса.

---

* Чтобы читатель не пугался упоминанию о сионизме, что сейчас является неpolitкорректным по понятной причине, запросто антисемитизм могут приписать, напомним: в те «золотые» 70-е годы СССР насмерть схватился с мировым сионизмом, особенно после «шестидневной войны» Египта с Израилем, в итоге добился резолюции ООН о признании сионизма фашистской идеологией. Ни много, ни мало... Как только СССР потерпел поражение в Третьей (холодной, информационной) мировой войне, ООН втихую эту резолюцию отменил. Отечественные СМИ сейчас вдалбливают массам, что-де сионизм есть всего лишь возвращение евреев на историческую родину, хотя для этого в Израиле есть специальный термин: алия.

Вот так меня и подвел заочно «гений всех времен и одного народа»! — При этих своих словах наученный жизненным опытом Логвинов на всякий случай оглянулся: за спиной его лежали на травке Мать с Сынком и стоял внимательно вслушивающийся марксист Яковлев.

Николай, предчувствуя, как в известной присказке, что пришел поручик Ржевский и все испортил, вступление в долгий и нудноватый разговор Яковлева, у которого на все имелись свои теории, а том числе в части ядерной физики, встал, вспомнив поручение командора перед отъездом и направился в сторону клуба, в библиотеку.

Логвинов же, как не переносящий табачного дыма, а потому не слушавший лекций марксиста Яковлева по всем отраслям знания — от политэкономии Маркса до параллельных вселенных — произносимых в учрежденческой курилке, поддался на провокацию и вступил в беседу, к концу которой полностью и безоговорочно согласился с доводами оппонента: все мы окружены мириадами абсолютно свободно летающих кварков — и даже не шести, а семнадцати типов.

◆ В прохладном покое библиотеки Овцовский с Верой только что закончили обниматься и целоваться, занялись в перерыв делом: отыскивали что-то в каталожном шкафчике, выдвигая ящички с библиографическими карточками по разделам отечественной и зарубежной художественной литературы. Как тотчас сообразил Николай, искали указания на раритеты, пропущенные библиофилом Валеркой при самой тщательной ревизии стеллажей.

Библиотекарша ласково, как на всех коллег *своего*, поздоровалась на шутливый полупоклон вошедшего, одновременно подведенными васильковыми глазками указывая, как любящая молодая супруга указывает пришедшей в гости подружке на мужа,

увлеченного пустяшным, но извинительным делом, например, рассматриванием марок в классе филателиста, на согбенную спину Овцовского, наклонившегося над нижним каталожным ящичком. Тут и Валерка распрямился и повернулся:

— А-а, Андреяныч, вовремя пришел. Я тут для тебя последний, незаконченный роман Томаса Манна «Приключения авантюриста Феликса Круля» приготовил. У меня дома уже два экземпляра имеется, а этот на обмен не пойдет: с библиотечными штампами.

— Спасибо, возьму. Но я вообще-то по другому делу: Верочка, где здесь стеллаж с политлитературой и трудами лично товарища Леонида Ильича?

Валерка от полного изумления даже уронил каталожный ящичек, хорошо тот не рассыпался:

— Андреяныч, ты что — в *нашу* партию собрался вступать?

— Нет, я, конечно, *нашу* с тобой партию беспрдельно уважаю, но книги нам с Болтом потребны для цитат наглядной агитации на селе.

Оставив парочку в некотором недоумении, Николай зашел за первый от стола библиотекарьши стеллаж и занялся выискиванием нужных книг. Так велел командор. Первым делом отложил на подоконник три книги в переплетах небесно-голубого цвета — только что «Политиздат» начал многотомную серию статей и речей Леонида Ильича. К ним добавил столь любимый им и Смьшляемым первый том «Капитала» и еще один из полного собрания трудов Маркса — Энгельса, где усмотрел в оглавлении слова «сельское хозяйство», а также два тома Ленина — с употреблением того же словосочетания. Книга Косыгина и россыпь брошюр образца «Задачи комсомола на селе» дополнили оказавшуюся увесистой стопку, с которой в обеих руках он и подошел к библиотекарскому столу:

— Верочка! Запиши, пожалуйста — открой мне формуляр, — и протянул две рублевые бумажки.

— Да что вы, Николай! Вы же для нашего колхоза будете трудиться, а потом такие книги домой не увозят, принесете, когда закончите.

Николай согласился с доводами хорошенькой библиотекарки («Такому сукину сыну и такая красота досталась!»), все же всучил ей «рыжий» на шоколадку, за компанию присел на пяток минут, полагая невежливым сразу уходить. Завел необязательный разговор:

— Ты что это, Валер, о партии вспомнил, не к квартальной премии будь она помянута, или сам мыслишку лелеешь? А что, вступишь, дорастешь до заместителя парторга, получишь через райкомовские связи доступ на областную книготорговую базу — дефицит мимо тебя точно не пройдет!

— Оно-то так, только я по другой линии собираюсь идти после трех лет обязательности — во ВГИК думаю поступать на сценарный факультет. А в киношной, как и в театральной, литературной, части принадлежность к счастливым обладателям партбилета роли особой не играет. Если, конечно, не ставить себе целью должность парторга киностудии или театра. Союза писателей тож. Чем глупостями заниматься, я целенаправленно готовлюсь к будущей сценарной деятельности, вот уже договорился с Артуром Пирожниковым и его компанией — в сентябре перехожу в их дизайнерскую группу, им рисовальщик нужен, а я, как сам знаешь, три года ходил в детскую художественную школу. Надо технику этого дела усовершенствовать.

— Так в сценаристы собрался, при чем здесь рисование?

— При том, что когда готовишь сценарий, нужно к каждой сцене кино делать характерные прорисовки. Ты с Болтом на досуге поговори — он в этом деле

мастак. Потом, если бы дикая мысли вступить в партию в минуты отчаянной трезвости и пришла в голову, то ты забыл — нам, с «вышкой», туда труднее пролезть, чем верблюду в игольное ушко.

— Это почему, ведь вроде не тридцатые годы на дворе?

— А потому, что ты, дорогой, экономя личное время, не ходишь на комсомольские собрания. Я хожу, во-первых, чтобы образы героев будущих кино-сценариев заранее в голове отложились; во-вторых, там порой полезные вещи узнаешь. Так, в позапрошлом месяце выступал, поучая молодую смену, зам чего-то из райкома и обнародовал неписанную инструкцию свыше, вроде как из ведомства Сулова: сдвинуть количественный состав партии в сторону гегемонов, то есть рабочих, потому если инженер, в частности, хочет стать *портвейным*, как говорит наш завхоз Пал Игнатъич, то он обязан прежде пять работяг агитнуть в ряды нашей славной! Это мне пришлось бы целый год четверть зарплаты тратить на ублажение пролетариев...

— Поясни, не соображу.

— И соображать нечего: нужно всех этих достойных гегемонов постоянно опохмелять и просто по их настроению поить, то есть, рискуя нарваться на «строгача», под полой пронести водяру мимо вахтеров, да еще у Пал Игнатъича спиртягу клянчить. Чего тут понимать!

— Дело тонкое, спасибо за просвещение, хотя оно мне ни к чему. Вот мой отец, что служил двенадцать лет в старшинском чине на Северном флоте с тридцать шестого по сорок восьмой год, включая всю войну, по своим старообрядческим предрассудкам все это время отказывался от назойливости политотдельцев: вступай, Андреян, в партию! А тот отвечал, что по грамотности еще не созрел, хотя имел среднее образования и два курса техникума...

Это я к тому, что ничего у нас в стране со временем не изменяется, что, впрочем,— Николай произвольно залюбовался идеально округлыми коленками Веры в коротенькой ситцевой юбочке, но тут же строго одернул себя,— ...впрочем, говорит о силе нашей партии и лично товарища Леонида Ильича!

Овцовский одобрительно, явно запечатлевая в памяти одного из героев будущего сценария фильма об инженерной молодежи, кивнул головой.

— В связи с новыми условиями вступления, наверное, и по части нашего друга Шапиро утеснения появились? — Николай поинтересовался напоследок, уже вставая со стула и беря со стола пачку партлитературы.

— Володьке в партию вовсе не требуется записываться, зато уже не от райкомовского зама, а из официального бюллетеня правительственных указов, что самолично читал в подшивке их в заводской библиотеке, узнал новость — весьма огорчительную для всех шапиров, мечтающих об отъезде в «маленькую страну», как диссидентски замаскированно поют с эстрады. И куда товарищ Суслов смотрит со своим огромным ведомством? То эту маленькую страну заставляют всю страну петь, то «снятся голубые города» и «катится, катится голубой вагон»? Между прочим, семь лет лагерей общего режима за эту «голубизну» отменять не собираются...

— Постой, эк тебя куда занесло! Ты мне вроде как про указ начал?

— Да-да, указ* суров, но справедлив: теперь уезжающим на ПМЖ в капстраны надо выплатить стоимость полученного высшего образования — от трех до двенадцати тысяч в зависимости от катего-

---

* Как автор не доискивался, но так и не мог узнать: когда и при каком генсеке или президенте втихую отменили этот полезный для страны указ?

рии вуза и способа получения: очного, вечернего и заочного. Самое дорогое — в МГУ. Шапиро придется раскошелиться на семь — так наш политех оценен. Самое интересное, даже если до диплома не дотянул — плати за округленное число курсов, что прошел! Ладно, нам с Верочкой пора идти в ее гостеприимный дом на обед. Не забудь к «ста томам партийный книжек» приложить Томаса Манна...

— Спасибо, вдругорядь... и-и, Верочка, дай, пожалуйста, небольшую книжку стихов Бунина — тоже, безусловно, верну, у меня дома шеститомник имеется.

◆ Выходя из клуба, Николай усмехнулся: а вот и окрутит Вера Овцовского? Да нет, это не Галочка со Смышляевым, не тот колер, как говорит дизайнер Пирожников. У Валерки — долготекущие планы по жизни, он человек упертый. Вот добьется своего, станет сценаристом, осев в Москве, тогда и женится. — Даже несколько с расчетом. Верочка же просто прелестная девчушка, не пара ему по устремлениям. Пусть, пусть поучится искусству общения с мужчинами, а в Тулуповске, закончив свой «кулек», в девках не засидится: разбуженная в это прекрасное лето чувственность своего затребует и обязательно найдет.

Все же как в композиции любовной сказки, если их читать или слушать, как в детстве, подряд: развязка может быть различной, но зачин всегда одинаков — Бова-королевич и Принцесса на горошине... Николай усмехнулся: одно и то же село, но две пары находят друг друга, себя в другом или другого в себе, и почти сказочным образом обстоятельства способствуют, как говорится, и дом и стол для самой горячей поры готов: то бабка в санаторий уезжает, то мать к сестре в другую область... Или все наоборот? — Не случись оказии с «домом и столом», проще — с общей постелью, так все бы по-другому

сценарию (это от Валерки привязалось) пошло, либо вовсе не пошло? — Особенно в части Овцовского и его юной пассии.

Но все же эта жизнь, на время вырвавшая молодых людей из рутины города и поместившая в деревенский бивак, все делает и делает зачины очередной сказки. Может и до него дойдет? Нет, буду крепиться. Вот и хозяйственный, степенный не по годам Володька Логвинов наемни проговорился ему подружески, что познакомился с молодой училкой, живущей в Пятницком, уже дважды в гостях чаевничал. И отец с матерью и ее братом, как в той сказке с одинаковым зачином, живут в недалекой деревне, где своей школы нет, а дочери по дешевке купили поддома с отдельным входом и небольшим участком у своей сельской дальней родни. А та попривыкла уже жить в Пятницком, хотя пока сама одна, и в летние каникулы чаще здесь бывает, чем у родителей...

Все тоже благоприятствует, но — нет, трусоват Володька, слишком обстоятелен, дамокловым мечом постоянно мерещится ему столь же хозяйственная и властная супруга Зинка. Узнает о шашнях — не сдобровать! Такая сама прибьет, жалобами по всем инстанциям завалит, да и дом-то в Замостовье ее собственность.

Так несостоявшийся физик-теоретик и ограничится с молодой учительницей истории и географии, достаточно привлекательной, как все девушки в ее возрасте, чинными чаепитиями с домашним вареньем и обстоятельными рассуждениями (она охотно поддакивает) о структуре личного приусадебного хозяйства с настораживающей ее ссылкой на свой шестисоточный участок в городе... Но ведь и ему приятно даже платонически пообщаться с новой для него молодой женщиной, и ей все пойдет впрок в обретении жизненного опыта: на кого серьезно глаз положить,

а с кем ограничиться чаем с земляничным вареньем!
С пирожками тож.

◆ За столом под навесом Логвинов слушал разошедшегося марксиста Яковлева. Самое удивительное — за время отсутствия Николая по библиотечным делам — к ним подседа.. не кто иная как Катя Давыдова. Она, наверное, услышав рассуждения о конфайнменте кварков и мироустройстве «по Яковлеву», вспомнив свои мечтания о диссертации, сочла возможным и нужным поприсутствовать при ученой беседе.

Чтобы не пропустить такое редкостное событие, Николай скоренько отнес партлитературу к себе, вышел тотчас из дверей школы, прихватив томик библиотечного Бунина, и подсел к давешней троице.

К его изумлению, тема астрофизики элементарных частиц, кварков в том числе, явно была исчерпана, а разговор с неменьшей горячностью марксиста Яковлева, короткими репликами Логвинова и несколькими негодующими жестами рук Давыдовой, шел о... моральном оправдании, апологии — по ученой терминологии Яковлева, свободной любви. Кто-то дал зачин такой экзотической теме: может, теоретик-марксист, либо Володьку волновало его знакомство с юной учительницей, а скорее всего предельно обольстительная в колхозно-курортной простоте нравов Катерина в настоящих левистраусовских джинсах и маечке-безрукавке, с точностью и пунктуальностью художника-реалиста из Товарищества передвижников обрисовывающая ее выдающийся бюст фасона «аэродром».

— ...Август Бебель в своей знаменитой работе «Женщина и социализм», пожалуй, первый отходит от традиционных немецких трех «К»: *Kinder*, *Kuchen*, *Kirschen* и обосновывает право женщины на определенную свободу в выборе любовного партнера. Конечно, он совершенно справедливо понимает по-

гегелевски свободу как осознанную необходимость. Женщина, как и мужчина, должна иметь полный набор свобод чувствования. Это как у музыкантов — спросите, когда вернетесь домой, у Соловьева: чем его любимый русский баян отличается от того же немецкого аккордеона, на котором играет, выпивши, Дима Мишин? Он ответит: баян обладает полным, то есть хроматическим, звукорядом в клавиатуре правой руки.

— Владимир Николаевич, — встрял в монолог Логвинов, — а как же так получается: оба, Бебель и наша Коллонтай, социалисты, но если товарищ Август говорит об ограничительной свободе женщины в выборе, то товарищ же Александра Михайловна, кстати, очень дальняя, седьмая вода на киселе, родственница моего однокашника по МФТИ, произнесла знаменитую фразу навроде как переспать мужчине с женщиной все одно, что стакан воды выпить: то и другое чисто физиологическая потребность. Как понимать, ведь оба яростные социалисты?

При слове «переспать» — Николай такое впервые во взрослой, наблюдательной жизни видел — грудь неподвижно и расслабленно сидящей на скамье, опершись локтем правой руки о столешницу, а на изогнутую ладонь положившей подбородок, Катерины сама по себе прочертила контуром сосков по туго сидевшей майке зримое движение вверх-вниз, сантиметра на два.

Все вмиг перевернулось в мыслях его, до приторности сладко заняло в низу живота. Какая там мораль, какая юная супруга: кол-лон-тай, кол-лон-тай, — гудело в голове. Вроде как даже что-то неопределенное на ставший ватным язык прорвалось, потому что Катя перевела на него глаза — может наскучившись рассматриванием спорщиков, а может? Николай, невидимо для сидевших поодаль марксиста Яковлева и Логвинова, да и в пылу ревизии млад-

ших основоположников никого вокруг не замечавших, положил ладонь на ее полусжатый кулачок левой руки, положенный на обтянутое джинсами бедро — ниже к коленке. «Пропал, Николка», — единая здравая мысль пропорхнула в голове, вдруг наполнившейся бухающим горячечным жаром. А когда она под покровом столешницы не то что не отняла руки, но расправила кулачок и повернула, не снимая с бедра, руку ладонью кверху, Николая охватило то ступорное, восторженно-пугающее чувство, какое он когда-то испытал в миг становления мужчиной. Она же, чуть отведя глаза, опустила их, тревожно-сумрачно медленно прикрывая длинными своими ресницами, даже здесь, в деревенской простоте, умело затушеванными.

Замерев в невероятно долго длящемся времени, они слушали, но не воспринимали разговор увлекшихся теоретиков морали:

— ...Так, Владимир Николаевич, недалеко от женской свободы дойти и до свободы проституции!

— Э-э, дорогой мой тезка, пальцем в небо попал! Это абсолютно разные, даже противоположные понятия. Свобода, в разумных, конечно, рамках, любви — это прерогатива личности: мужчины или женщины. Можно с натяжкой назвать ее — по Александре Михайловне — даже физиологией, но только особой, присущей лишь человеку с его доминантой разума и окрашенной, так сказать, разумной чувственностью. А вот проституция есть, с одной стороны, профессиональная занятость, с другой — специфическая черта любой женщины с тех пор, когда по Фридриху Энгельсу образовалась семья и частная собственность.

— Первое, Владимир Николаевич, очевидно и понятно; я просто не так выразился, имея в виду...

— Понятно, что имея в виду — то, что в русском языке именуется почти что нецензурным словом, хотя бы в старорусском и вплоть до конца де-

вятнадцатом веке оно и являлось вполне литературным. А происходит оно, как и весь великорусский мат, от татарского, вообще — тюркского, джальяб. Просто в веках произношение и грамматика несколько изменились, а в тюркских языках джальяб — абсолютно цензурное слово и обозначает женщину, живущую с мужчиной вне уз — слово-то какое великолепное: узы! — брака. У нас же оно перевоплотилось в характеристику любвеобильной женщины, а это суть несколько усиленная свобода женского выбора; физиология тоже роль играет, каждому свое требуется...

— Хорошо, это тоже понятно, но вот второй, подчеркнутый вами со ссылкой на друга и соратника Карла Маркса, момент, а? Ведь грубо: каждая женщина — проститутка!

— Звучит, соглашусь, не комильфо, но здесь надо отвлечься от грубоватого звучания этого слова, от его фонетического остранения, а взять во внимание собственно профессиональное содержание, семантику, так сказать. Проститутка, понимаемая как сугубая профессионалка, зарабатывает на хлеб насущный чистой торговлей своим телом. Профессия, как принято считать, древнейшая. Это уже заставляет задуматься. В русской литературе своего рода энциклопедией проституции является «Яма» Куприна, хотя в этой повести Александр Иванович делает грубейшую методологическую ошибку: полагает проституцию биологическим, но не социальным явлением. Так полагает наше, советское литературоведение. На самом же деле гениально прав Куприн, в художественной форме показав: именно биология, точнее — физиология, женщины обусловила проституцию. Социальные же мотивы — вторичны и влияют лишь на вид проституции. Здесь несомненно, что сугубо профессиональная проституция тем распространеннее и заметна, чем выше пауперизм, нищета

угнетаемых классов общества. В современном СССР этого нет, потому и проституция сведена к минимуму и глубоко законспирирована.

Идем дальше: содержанки как вид проституции. Это прерогатива высших классов, у нас — в дореволюционной России. Здесь социальный мотив и вовсе отступает далеко на задний план. Типичную содержанку ничто не толкает на торговлю своим телом, но ей не хочется трудиться физически или умственно, что называется, в поте лица, но ее физиологическая конституция — от привлекательной внешности до повышенной чувственности, даже влюбленности в своего содержателя, — расчетливо подвигает ее все к той же в основе своей проституции, только более легальной, малообременительной, позволяющей существовать безбедно и с элементами роскоши.

...Опять же в русской классике: сейчас все, молодые и в возрасте, увлеклись, даже помешались на Бунине, которого начали издавать; вон, смотрю, и на столе перед Николаем лежит его книжка! Именно у Бунина есть маленький рассказ «Пароход «Саратов», где великолепно раскрыт характер классической содержанки.

Далее идем по Энгельсу: к семье, тоже классической, сложившейся в неразрывном единстве с институтом частной собственности. И что? — Буржуазная семья с ее принципом нацеленности женщины на богатого мужа есть апофеоз проституции при несменяемости партнера-мужа. Вершина этого — пресловутый брачный контракт в капстранах.

— А у нас, в СССР, Владимир Николаевич, как понимать семью? — Ужель единственная форма проституции, коль скоро обычно понимаемая и содержательство почти обнулены?

— Нет, Володя, советская семья дело совершенное иное, здесь биологическая первооснова, так сказать, установка женщины отрицается от частнособст-

венничества, а ее выбор переключается на древнейший, самый естественный: выбор самца, гарантирующего гено- и фенотипически здоровое потомство...

— А шли бы вы лучше по бабам, чем бред нести,— перебила ученый диалог грубоватая Тамара, появившаяся с горой мисок в руках,— освобождайте-ка стол, да зовите оглоедов на обед!

Николай с Катей вздрогнули и вернулись в реальный мир. Оба отдернули руки, но востроглазая повариха все углядела и одобрительно кивнула им, с дробным стуком расставляя алюминиевые миски.

Выходя из-под навеса обок Кати, Николай — а может показалось? — не то что услышал, а иным, шестым чувством угадал ее тихие слова: «Сам реши...».

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

НОВЕЛЛА ВОСЕМНАДЦАТАЯ: ПРОСТАЯ РАДОСТЬ БЫТИЯ...

◆ Слова радиодикторши о возможной грозе по-полудни обещались сбыться: сразу после обеда, в который Тамара с Людочкой порадовали «этих бездельников» отменными щами, вполне съедобным мясом с овощами, явно тоскуя по заводской столовой, и компотом, со стороны дальнего, за большим свекольным полем, леса, быстро по-летнему нарастая, двинулась на колхоз «Большевик» иссиня-черная туча. Доселе дувший ласковый ветерок, готовя силы для обещанных в прогнозе порывов, совсем сник, установилась предгрозовая духота, птицы замолчали, пообедавшие со всеми, только что не за столом, Мать с Сынком загодя улеглись под навесом, как только поварихи собрали и отнесли на мойку под краном посуду, протерли стол и подмели утрамбованный земляной пол.

Ел Николай в непреходящем оцепенении, стараясь не смотреть по диагонали стола в сторону Катерины. Та тоже как-то механически подносила ко рту ложку. Встав из-за стола, отправился в свою комнату-мастерскую, прилег. В растворенные два окна все вливалась и вливалась внезапная духота. Хотелось думать и думать, мысленно отвечать на уловленные шестым чувством слова «сам решаешь...». Но ступор, оцепенение все заглушало. И пришел тяжелый, предгрозовой, но сейчас такой спасительный сон без видений.

Он не проснулся, когда загремел жестяной гром, в окна ворвалась свежесть, а в темном небе бесились молнии, явно досадуя, что не разгуляться им в летней быстропроходящей грозе. Только сон из тяжелого вошел в иную ипостась: радость, ощущаемая всем телом, выливающаяся во вроде бы беспричинный восторг...

— Ну и спать ты здоров, как сурок! — Николай мгновенно перешел из сна в явь от громкого голоса вошедшего в комнату Овцовского.

— Сколько времени? — Спросил совсем не думая: зачем ему время?

— Да уже шесть часов, даже земля и трава подсохли после грозы. Ладно, давай собирайся, ты сегодня званый гость.

— Это где же? — Может все еще сон, промелькнуло в голове.

— У Верочки дома. Предложила провести вечерок в компании. И правильно, скоротать время перед походом в постель на ночь. А ей надо входить в ритм и стиль общения будущей городской жизни. Женщины, даже молоденькие, все делают с расчетом! Природа их такая.

— А почему я?

— Сама предложила. Даже рекомендовала тебя с парой, так сказать, для паритета, привести. Но ты ведь анахоретом себя держишь! Смотри, свободных девок почти не осталось.

— Где она сама-то? В библиотеке?

— Нет, с обеда не пошла, только меня послала за тобой, а сама хочет в грязь лицом не ударить — готовит парадный ужин. Насчет кирки не беспокойся, у нее дом запасливый: настойки всякие, домашнее вино, наливки...

Николай лихорадочно раздумывал. В наступившей паузе в комнату через растворенную дверь донеслась игра на пианино, что стояло в углу школьного актового зала: что-то явно забугорное, джазовое, но постоянно перебиваемое.

— Это кто музицирует?

— Катька сегодня чего-то в ударе, не сонная ходит, вот взялась выучивать Логвинова чаттаного исполнять. Вспоминают оба музыкальную школу, что во дворе за «пентагоном»; они, оказывается, в одной

группе по фоно в детстве мучились. А что тебя так заинтересовало?

— Посиди, Валер, пяток минут, я сейчас, — и направился в сторону зала по боковому коридорчику.

Зайдя за спины играющих в четыре руки, но на разных октавах, Николай дождался, пока аккорды стихли:

— Сейчас, Володя, один проиграй. — Катя боковым зрением увидела Николая и, поднимаясь со стула, добавила:

— И вообще урок на сегодня завершен, скоро ужин.

Логвинов, растягивая такты, заиграл, а Катя подошла к Николаю, вопросительно и приветливо подняв брови.

— *Нас* с тобой Валерка со своей пассивной приглашают сегодня отужинать по-домашнему... Нет, нет, Катя, пригласили меня со спутницей — неконкретно, не называя по имени. Нет, Катюша, что-то я запутался. Понимаешь, пригла...

Она спокойно и дружелюбно коснулась ладонью его плеча и чуть погромче, ибо Логвинов застрял на громких аккордах американско-негрской пляски, ответила:

— Я все поняла, Коля; подождите меня с Овцовским с четверть часа, легкий марафет наведу и переоденусь... на спуске с горки меня увидите.

Вдругорядь коснувшись его плеча, повернулась и пошла в сторону женской спальни. Душа Николая преисполнилась восторгом и взлетела к небесам. Все, все он забыл на свете в эту минуту... и все последующие часы, дни и недели запер на крепкий засов дверь в привычный, ранее устоявшийся мир. Много ли надо для торжества радости бытия?

◆ Войдя в комнату-мастерскую, будничным голосом сказал, что четвертой в сегодняшней компании

будет Катя Давыдова. Валерка с изумлением и неподдельным уважением посмотрел на приятеля:

— Ого! Высокого полета девушка. По себе ли дерево рубишь?

Уловив в голосе Овцовского нечто похожее на тщательно скрываемую зависть, обрел обычную хладнокровность:

— Я, Валера, не дровосек. Это по части Пал Маховлича — лес вались, не считая щепок. Сам же сказал: Вера просила девушку в гости привести. Вот и пригласил.

— Ну и замечательно. Когда она причапурится, хотя при ее-то данных и не требуется перед зеркалом вертеться и наряды перебирать?

— Через двадцать минут примерно. Будет ждать на дорожке под горку. Что это в руках вертишь?

— А тебе принес. С возвратом, конечно. Я сейчас копался в библиотеке, Верунчик мне напостоянно запасные ключи вручила, и в хламе всяких брошюр и старых подшивок газет на списание обнаружил эту вот тетрадку, просмотрел — вроде как личный дневник. Судя по всему — из этой школы училки, бывшей, заканчивается об отъезде из Пятницкого насовсем. Как попал в библиотеку? — Вряд ли кто скажет. Может, торопясь и радуясь, оставила в столе учительской, а оттуда все бумаги на лето для сохранности Верке передают... Ты почитай на досуге — знаю твоё пристрастие ко всяким первоисточникам.

...По выходу из школы увидели марксиста Яковлева и Валерия Павловича по прозвищу Челентано — за внешнее сходство, мимику и грубый голос, но абсолютного добряка в душе, — присевших перед ужином на скамейку перед входом, на которой, судя по всему, школьники осенью и весной переобуваются. Из доносившихся слов Николай тотчас сообразил: заведенный Логвиновым с утра, Яковлев нашел очередного благодарного слушателя и излагал свою

теорию происхождения и содержания мужской полигамности, которую даже советская власть и лично товарищи Суслов с Екатериной Алексеевной Фурцевой из Вышнего Волочка не пытаются отменить.

Валерий Павлович, в душе с детских лет видевший себя исключительно паровозным машинистом, отвечал на рассуждения марксиста Яковлева только междометиями и характерными для уроженца Лентяевки, окраины бывшей Носковской слободы, меткими присказками: «Да ну! — Котёлки гну, погну-погну, еще найду!» Или навроде: «Хрен возьмешь с тарелки деньги у попа!» Лентяевцы слыли во всем Тулуповске словесными охальниками и грубиянами...

Катя, ожидавшая на самом начале склона клубно-школьной горки и тетешкавшая ласковых *наших* собак, оделась для гостевания с изысканной простотой в удивительно шедший ей наряд: сарафан шелковистой материи — клетчатой, модной уже второй сезон расцветки «столетие Одессы», очень гармонировал в тон и покрой просторной блузке с мотивами малороссийской вышиванки с расклешенными рукавами чуть ниже локтей. И туфли на среднем каблуке умело затушевывали ее рост, чуть выше женского среднего. Как сообразил Николай — чтобы в компании ненавязчиво выравнивать двух высоких парней и хозяйку дома.

Завидев свою смену, Мать с Сынком, отдавая честь быстрым вертеньем хвостов, устремились в сторону кухни, дисциплинированно стараясь не опоздать на ужин, тем более, что уже слышали голос Тома: «Собаки! Куда запропастились? Дармоеды все sloпают, вам не останется...»

Овцовский начал было замысловатый комплимент, но Катя, кивнув ему, взяла обоих под руки:

— Пошли, ребята. Целоваться позже будем — каждый по интересам своим. Такое чудесное лето и

наша робинзонада... оглянитесь, как *наши* младшие родители помчались на кухню...

— Да-да, Катюша,— блеснул интеллектом Овцовский,— прямо из *нашего* любимого Ивана Алексеевича: «Благословенно Господне имя! Пси и человецы — единое в свирепстве и уме».

— Какое же свирепство, дорогой Валера, мы живем сейчас, да и вообще, почти что в раю земном. Ум и чувственность довлеют над нами. Здесь марксист Владимир Николаевич и мой папа, комполка десантников, совершенно правы. Владимир Николаевич — по наитию, а отец, как комэск к концу войны с полным иконостасом, исключая Звезду, как все фронтовые говорят, наград,— по жизненному опыту. Он меня, по-домашнему, называет Катькой-дурой, любя, конечно, безмерно, и поясняет после третьей стопки за праздничным столом: радуйся, родная моя кровиночка, вам первым довелось испытать безмятежное счастье жизни! Дай, бог, это исполнится... Мать! Наливай!

На самом входе в село, напротив руин помещицкой усадьбы, дорогу перегородил в дупель пьяный колхозник. Он требовал участия и справедливости: «Ну, утопил я сегодня комбайн на мосту, ну и что? Такие комбайны неразворотливые у вас в Тулуповске мастерят».

Овцовский спокойно и размеренно пояснил: в Тулуповске делают только жатки на Комбайновом заводе, а сам механизм — в Ростове, который на Дону. К ним и претензии насчет неразворотливости. Однако к этому времени комбайнер перенес интерес на Катерину и даже попытался обнять ее. Николай с Овцовским, понимая чувства механизатора, вежливо его отстранили, а Катя по-женски жалостливо посоветовала забыть хотя бы на время о происшествии: «Ну что вы, уважаемый, комбайн вытащат из реки, завтра починишь механизм! Еще и в соцсоревнова-

нии победишь». На что провинившийся вытащил из кармана спецовки ополовиненную бутылку самогонки и с уважением протянул ободрившей его красавице. «Ну, не хочешь, блюдешь, значит, себя, молодец! А я выпью — как же домой мне теперь трезвому являться?» И, откозыряв, не забыв сказать, что в ГСВГ танкистом служил и соображение имеет, двинулся строевым шагом в сторону ему ведомую.

Катя заулыбалась, почему-то вздохнула, промолвив вполголоса: «Трудно вам, мужикам... и нам не легче. Все, пошли, ребята!»

Перед домом, где Овцовский остановился, приглашающим жестом указав на калитку, Катя на секунду замедлилась, потом чмокнула того в щеку, а Николая поцеловала. У Николая дыхание остановилось, вспомнил пересказ супруги подробного поженски откровения Галочки, четко и встревожено стукнуло в голове: *иду неверным путем по верной тропе Смышляева.*

◆ Взбираясь тихой ночью в горку, они целовались, обнимаясь, на каждом шагу. Грудь ее под свободной вышиванкой обжигала. «Это любовь?» — «Да, мой милый, любовь. И неважно: будет ли ее продолжение? Главное — сейчас мы с тобой».

Думали — придут, все спят, хотя Катя предупредила: никакой конспирации, если, конечно, тебе, как женатику, не повредит, но народ здесь собрался не из доносчиков... Наоборот, во втором часу ночи горка сверкала полным и разнузданным великолепием, явно раздражая ближние хаты села. Народ праздновал новолуние. Она, вечная и единственная спутница Земли, будоражила по всем биологическим законам женщин, а те возбуждали мужиков. Может и наоборот.

Фонарь под конусом на столбе, что между кухней и навесом, освещал всю обитаемую верхушку горки — от клубной стенки до школьного входа. Музыка сразу от двух источников: стоявшего на

обеденном столе кассетника воронежского производства Сергунчикова, на котором йог слушал утренние и вечерние мантры, и от гитары на лавке у умывальников, на которой поочередно играли Дюк, техник-лаборант Васюков и Людочка, но не Целиковская, а одна из трех девиц Розалины Тимофеевны, слывшая подхалимистой. Еще виртуозно брал аккорды в диссидентских песенках-речевках Овцовский, отсутствовавший сейчас по известной причине.

Впрочем, все это Николай, чувствовавший на своей груди не перестающие раскаленно жечь два пятна, разглядел и расслушал чуть позже, пока же остановились у школьных дверей. На давешний «обувной» скамейке сидели марксист Яковлев и наглухо уловленный им слушатель Валерий Павлович.

— Коленька, я пошла переодеться в партикулярное, отвыкла по здешней простоте даже от средних каблучков. А ты подожди, еще повеселимся ради новолуния...

Присел обок горячащегося марксиста Яковлева, все еще заведенного на утреннюю тему: о взаимоотношении полов при капитализме и в нашей стране. По всей видимости, подospel к окончанию очередной темы, сугубо анатомической. Валерий Павлович, мысли которого явно крутились вокруг паровозов и личного мотоцикла ирбитского завода, заменявшего ему любую людскую физиологию, психологию и — тем более — специфическую анатомию.

— ...Я ей и говорю, — Андреяныч, я рассказываю Валере о своей зимней поездке в санаторий-курорт на Оке, — пояснил Яковлев вновь подошедшему слушателю, явно в пылу даже не заметившему Катерину, — вот и говорю: Маша, я не ханжа и в свои сорок три года чувствую себя в полной форме, но, понимаешь, не по мне эти курортные романы, что называется, по срокам путевки: двадцать один день и остатки отпуска на проезд до дома! Спорт

какой-то получается, извиняюсь, случки для здоровья женского, едва ли не входящие в назначенные врачом процедуры... А вот в части физкультуры — пожалуйста, в любое время готов: на лыжах, хотя ты и моложе на десять лет, обгонишь только так, дав километр форы! Безо всякой постели доведу до полного изнеможения: два дня потом с натуральным румянцем будешь, а про аппетит и говорить нечего, благо диету тебе соблюдать не требуется.

...А насчет острых ощущений и специфической мужской брутальности, ты, Маша, обратись к моему соседу по номеру. У него, как говорит, такая «брутальность», что две жены — официальная и сожительница — в панике сбежали, начитавшись журнала «Здоровье» и заопасавшись всяких женских эрозий! Сейчас нашел себе татарочку или башкирку с низкой посадкой таза — та не опасается. Вот тебе, мол, и Приап для острых развлечений!

При этом античном имени Валерий Палыч со зверским лицом Челентано и его же грубым голосом расхохотался, вспугнув пристроившихся за скамейкой на ночной отдых Мать с Сыном:

— Ха-ха-ха! Приап — это как Артур рассказывал в курилке?

Здесь и Яковлев, и Николай, мысленно отсутствовавший в части темы беседы, тоже рассмеялись. Новизна этой истории еще не прошла в КБ, все помнили ее.

Артур Пирожников, дизайнер и непереученный левша, был старше на пять лет своих молодых коллег, потому, не поступив с первого захода в художественное училище, попал в армию, в зенитчики ПВО. Здесь как раз случился Карибский кризис, Никита с Джоном ухватились за ядерные дубинки, а полк Артура на гражданском теплоходе и в штатской же одежде — колониальные трусы-бермуды и белая рубашка — срочно перебросили на Остров Свободы.

На Кубе отделения радиолокаторщиков сделали смешанными — спешно обучали бойцов революционной армии. С добрым юмором наши солдаты наблюдали, как непривычные к воинскому делу латиносы — белые, негры и мулаты втроем-вчетвером с усилием разворачивали на учении антенну РЛС. Выходил первый силач отделения Вася Буркин, призванный из Ленинграда, похлопывая по плечам, отстранял воинов-побратимов и без особого напряжения, к тому же левой рукой, образцово-показательно разворачивал гнутую параболой решетку антенны, которая едва ли поместится в комнату на четыре кровати их временной казармы. Кубинцы восторженно аплодировали, говоря между собой, что-де у них только команданте Фиделю такое под силу...

Зато в субботние банные дни и они торжествовали над Васей: по сравнению с их «хозяйствами», особенно у мулатов, здоровяк во всем остальном Вася смотрелся детсадовцем. «Ну, Вася, — уже хорошо лопотали по-русски дружественные воины, — как же ты с женщинами-то будешь?»

...Надо сказать, что тогда Фидель еще не успел, не сумел запретить проституцию — тяжелое наследие американцев, так и называвших до недавней революции Кубу публичным домом Америки. Какие-то притоны этого веселого дела существовали. Кубинские бойцы приучили и кой-кого из советских братков туда похаживать. Понятно, что наряды вне очереди и гауптвахты молодого солдата мало пугают, когда дело касается женщин. И плата посильная: в полностью блокированной америкосами стране входной «билет» в виде флакона тройного одеколona, вместо исчезнувшего «шанеля», очень даже приветствовался.

Вася, вполне нормально сложенный мужик — во всех отношениях, заикнулся над банными шутками, а тут ему подсказал кто-то из местных проституток,

тож успешно осваивающих русский язык, насчет специальной мужской мази: рецепт далекие предки-невольники из Африки привезли. Сторговались, Вася отдал за малую аптечную баночку все имевшиеся у него рубли, песо и два флакона тройного.

Но на месте испытать не удалось: Никита с Джоном ударили по рукам и мирно разошлись к обоюдной пользе, а полк Артура тем же порядком вывезли на родину. Сразу по прибытии полк перестроили, так что не видел он Васю вплоть до дембеля и поступления Артура в Ленинградское мухинское училище. Адрес Васи сохранился, перед Новым годом навестил его и узнал окончание истории с негритянской мазью.

Поначалу после дембеля имел он огромный успех у девушек, а вскоре пришлось едва не со слезами бежать к врачу-андрологу. Тот обследовал его и удовлетворенно, ведь каждый врач в душе садист, сказал: «Эк у вас, молодой человек, адреналин взбунтовался? До приапизма довел, вот и штаны на два размера больше носить маскировочные приходится!» Но услышав рассказ о мази, которую Вася захватил с собой, понюхав ее, посерьезнел: «Вот что, боец, мазилку немедленно выбрось и жди, когда природа над тобой смилостивится, процентов девяносто, что скоро можешь отказаться от мужских радостей. Моли бога!» К счастью, бог оказался милосердным к естествоиспытателю...

Николай, которому словно плюнули в нежную душу этими натуралистическими рассказками, нервно затушил сигарету и поднялся со скамейки, готовясь уйти подальше от теоретиков локомотива и специфической анатомии человека; здесь вышла Катя и, спокойно взяв его под руку, повела к центру веселья. Благо — глупости ее не интересовали.

◆ — Секундочку, Коленька, камешек в шлепки попал, — она, покрепче взяв его под руку, другой,

наклонившись, сняла домашнюю обувь, выколавшая досадливый кирпичный осколок.

Николай все торопился увести подругу от школьной скамейки, где марксист-сексолог продолжал тему:

— ...Так что, Валерий Палыч, ничего хорошего для обладателя сверхразмерного «предмета» нет: представляешь, сколько в момент «икс» крови там накапливается, организм же в целом слабеет, давление артериальное падает, голова кружится. Какое здесь удовольствие?

— Точно так, Владимир Николаевич! Это как у паровоза, разогнавшегося под уклон, а потом клапан со свистом кубометры пара сбрасывает...

— Вот-вот, Валера, есть у меня соображения насчет парового клапана...

Катя распрямилась, пошли. Не преминула заметить:

— Ты не нервничай. Я ведь не выпускница Смольного института — с шифром и фрейлинским бантом. И как дочь офицера достаточно ездила по гарнизонам. Пусть мужики теоретизируют о своем на вольном выпасе. У каждого, извиняюсь, своя свадьба.

Их появление на утоптанном пятачке у кухни и навеса вроде и не было замечено. Как раз Сергунчиков, оставив обхаживаемую им, возможно и не без успеха, Тамару, пошел к обеденному столу менять кассету в замолкшем магнитофоне. Танцующие пары смешались, а Дюк, сидевший на порожке кухни с гитарой, не обращавший внимания на танцмузыку, закончил исполнение под собственный аккомпанемент песни из обычного репертуара Овцовского: «...За орденами в Душанбе два капитана кагэбе... а капитаны — те в такси — помчатся, боже упаси!»

И передал гитару грубому технику Васюкову. Все хорошо знали его речитативный репертуар парней с городской окраины: «Слева молот, справа серп — это наш советский герб! Хочешь жни, а хочешь куй,—

все равно получишь...» Здесь слушатели диссонировали: «Рубль!» Посмеялись, а Васюков так и сыпал, даже согнав с лица угрюмость: «Не стоит в штанах, в штанах бархатных...» Хор отвечал: «За спиной лакей!» Но Васюкову не дали развернуться, Сергунчиков врубил свой прибор.

Николай с Катей присоединились к танцующим что-то не очень быстрое: йог Сергунчиков подбирал записи, хоть чуть-чуть, но созвучные с мантрами, избегая рок-н-рольных воплей и американо-негрских плясок...

Несколько протрезвевший в послеслужинном отдыхе на кухонной кровати Паша сидел на лавке перед столом, рядом с магнитофоном, и ел теплые щи, принесенные Людочкой: захотелось ему супчика. Обок тарелки стояла наполовину опорожненная бутылка-«огнетушитель» с ординарным портвейном. Паша немзыкально подпевал легкому фокстротику, а Людочка подливала в стакан, влюбленно глядя на усталое лицо потомка героя первой в мире пролетарской революции.

Улучив момент, Сергунчиков отвел Николая на пару шагов, извинившись перед его танцевальной партнершей, и сходу попросил ключ от кабинета босса.

— Иди и договаривайся с Наташкой. Он ей ключ оставил. Во всяком случае мне не передавал.

Йог кивнул, отыскал взглядом короткую стрижку Наташи, скучавшую в танцпаре со спортсменом Мирошниковым, и направился в их сторону. Катерина кивнула в сторону Сергунчикова, заулыбалась и шепнула на ухо: «Быть может, он сегодня слышал, как я, покинув кабинет, по темной спальне в залу вышел...» Да-а, Бунин-то Буниным, но от женщин ничего не утаишь!

Видимо, получив заветный ключ, Сергунчиков сделал Тамаре какой-то йоговско-масонский знак,

объявил танцы завершившимися, забрал свой драгоценный кассетник и удалился в сторону школы. Замолкла и гитара — уже в руках Людочки от Розалины Тимофеевны. Как-то неслышно, без разговоров круг под фонарем распался и рассеялся.

— Пошли и мы, Коленька. Иди к себе и жди меня.

На школьной скамейке уже вставшие марксист Яковлев и моторист Валерий Павлович вновь задержались у самых дверей, завершая тему сегодняшней беседы:

— ...Пошли, Валера, и мы в казарму отдыхать. Вот и ВРИО начальника сигарету перед сном последнюю смолит. А насчет твоей мысли о динамическом реверсировании в торможении локомотива у меня есть кой-какие доводы, ну-у, это мы завтра, благо общий выходной, обстоятельно обговорим. Пошли! Спокойной ночи, Андряныч!

Николай же так и сяк вертел в голове: как обезвредить самое слабое звено в бригаде в части сплетен — Людочку-гитаристку, но — и успокоился, вспомнив, что она вместе с Галочкой в одной группе Розалины Тимофеевны трудится и вроде как у подруги Смышляева есть на нее некий компромат. «Все равно, надо ее для надежности свести с... Валерием Павловичем. Нечего ей здесь шастать и подслушивать-подглядывать!»

Решив задачку, докурил сигарету, уже похозяйски оглядел обезлюдивший пяточок, обочь которого на зелени спали под светом фонаря внештатные охранники Мать и Сынок, Николай вошел в школу, затворив за собою дверь. Его бросило, уже в который раз за день, в жар: вот оно — свершается! — Сладкий грех, что сродни клятвопреступлению, или это и есть высшее счастье? — Простая радость бытия...

Страшась ожидаемого и восхищаясь его близкому свершению, Николай, не включая свет в комнате,

плотно зашторил оба окна, мысленно благодаря Болта за предусмотрительность, хотя бы и по другому поводу, оставив для притока ночной свежести полурастворенными створки и форточки, присел на старинное кожаное кресло, также приволоченное из школьной кладовки, явно из помещичьего наследия. Катя вошла слишком буднично — так ему, взбудораженному, и должно было показаться, задвинула щеколду и, угадав, вернее увидев в секундно отворенной двери в тусклом луче света из коридора, его местонахождение, подошла, одетая в мягкий, пушистый на ощупь ткани халатик, обняла за плечи. Он почувствовал теплую тяжесть ее тела на своих коленях.

...Разговаривать, почему-то шепотом, начали только в тесноватой для двоих, но просторной для *них* двоих кровати, уже миновав первый, самый острый и волнующий миг предельной близости тел и душ. Или наоборот? — Чем и отличается любовь от всего лишь одной из ее составляющих, хотя и самой сладостной.

.....
*Утомясь, она просила нежно:
«Убаюкай, дай мне отдохнуть,
Не целуй так крепко и мятежно,
Положи мне голову на грудь».*

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
Самодеятельность: памяти Гарсии Лорки*

НОВЕЛЛА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ: ОТЕЧЕСТВА ХОЛМЫ...

◆ И утро любви, как прошедшую ночь, гением своим осенил Иван Алексеевич. Они и не спали вовсе, только под тот, угадываемый час, когда лучики должны прорваться в комнату через колеблющиеся щели штор, расходящихся от свежего рассветного ветерка в растворенные створки окон, забылись на полчаса.

От такого лучика, попавшего горячей точкой на щеку, Николай проснулся — удивительно, но с ощущением утренней бодрости. Как и не было нескольких часов страстного сгорания в нерасжимаемых объятиях! Думал только о ней, приказав сам себе: забыть сейчас обо всем, что касается свершенного им греха настоящей, ничем не оправдываемой измены...

Катя неровно, тихо дышала в коротком сне, укрывая по плечи простыню, устроившись спиной к нему, но всеми изгибами жаркого и прекрасного тела прижимаясь, вливаясь, волнуя и привлекая вторую свою половину. Комната их любви заметно осветилась. Он чуть приподнялся на локте, рассматривая ее лицо под сетчатой сенью рассыпавшихся волос: *«У меня от нежности и боли разрывалась грудь... Если б, друг мой, было в нашей воле эту ночь вернуть!»* Он вполне был уверен: произносит эти вещи слова про себя, но Катя подняла ресницы, открывая в полуприщуре глаза: «Спасибо, милый, не надо ждать возврата того, что только началось». Почему-то иные слова женщин кажутся мерилom мудрости...

Через полуоткрытые окна и раздвигаемые ветерком шторы в комнату как-то разом начали проникать обыденные звуки начала дня. Со стороны кухни доносились голоса Тамары и Людочки, стукотной перезвон поварской посуды. Там же повизгивали проголодавшиеся за ночь, не умеющие лаять гончие Мать

с Сыном. Но вот всех покрыл бас проснувшегося и вышедшего из кухонного запечья на свежий утренний воздух Паши:

— Па-а-чему собаки не кормлены, а я не поен?

Кухарки весело смеялись. Еще немного побурчав незлобиво, Паша умолк. Надо полагать, Людочка вынесла ему заначенный с праздничного вечера и начала ночи стакан кирки... Словом, началась обычная дневная суета сует.

Она повернулась, положив растрепанную голову на его руку, а свободной он отбросил мешающую простынь и обнял. Только через полчаса они разомкнули объятия.

— Давай, милый, в порядок себя приводить. Чую — сейчас Пашка будет ломиться — забыл? Ты ведь проболтался на радостях ему по парторговскую «плиску».

— Да он уже в дупелях был тогда?

— Напрасно так плохо о нем думаешь. Как говорит мой боевой папа, под лежащего офицера портвейн не течет! Подай, пожалуйста, мой халатик. Пойду переоденусь, а вообще-то намереваюсь сегодня весь день проваляться-проспать. Сам понимаешь почему...

— Да-да, моя красавица, *jus prima noctis*, только в другом смысле прочитанное.

— И ты не ходи сомнамбулой, погуляй по окрестностям, куда вчера меня приглашал, попереживай и порадуйся — можно одновременно. А вечером увидимся и так далее. Я тебя, милый, действительно полюбила. Поцелуемся — и я пошла. Да-а, две просьбы: дай почитать дневник местной училки, о котором вчера с Овцовским говорили, и еще — в нашей женской казарме жарко днем и вообще неудобно; так я здесь пристанище найду?

— Конечно, конечно, о чем говорить-то! Мы комнату на ключ не закрываем — вот он на тумбочке, на всякий случай. Про задвижку помнишь сама.

Условный стук мой: два раза по «тук-тук» с паузой. Закрывайся, а то Пал Маховлич вообразит, что Федор Архипович здесь весь партийный запас коньяка держит! И-и, может...

— Нет-нет, мой дорогой, мы так до обеда отсюда на люди не выйдем. Все — впереди!

Женщины в отношении поведения мужиков в быту не ошибаются. Памятуя о визите Паши, Николай, застелив по-солдатски кровать, достал из тумбочки партийный напиток и граммов триста отлил в плоскую фляжечку из нержавеющей стали, принадлежащую патрону, а остаток в бутылке вручил без лишних слов потомку коммунаров, вошедшему в незакрытую Катей дверь.

— Ишь, как наше начальство живет, коньячком болгарским балуется! А не от тебя ли Катерина сейчас в халате шла?

— Иди, пожалуйста, Пал Маховлич, а про все тебя мало интересующее твои кухонные девки подробно доложат... если это, конечно, вообще кому-либо интересно.

— Согласен, Андреяныч. Это я так — для разговору. Спасибо тебе. С этим я до обеда продержусь... или до завтрака? Нет, надо до обеда. Кстати, там бабы уже посуду расставляют. Ну, я пошел.

Прихлопнув дверь в комнату, чего обычно не делал, но теперь она хранила *тайну двух*, Николай, прихватив полотенце, вышел из школы, направляясь к умывальнику. Поприветствовал сидящих в ожидании зова на завтрак на «обувной» скамейке марксиста Яковлева и Валерия Павловича, сошедшихся в негативной оценке гитаристов Высоцкого и Окуджавы. «Баламутят малолетний народ да и в возрасте недоумков, — возмущался Яковлев, — вместе с Исайкиным Солженицыным по негласному наущению цэрэушников пытаются страну развалить!..» Николая тема эта мало волновала; тягомотину бывшего калуж-

ского учителя слышать не мог, а Высоцкого воспринимал только после третьей компанейской стопки...

Умывшись и отнеся полотенце, вновь вышел на улицу, где и услышал явно смягченный этой ночью йогом Сергунчиковым призыв Тамары к столу: на этот раз даже привычных «дармоедов» заменила на «граждан отдыхающих». За завтраком старался не поедать глазами Катю, сидевшую от него по длинной диагонали общинного стола. А та о чем-то своем, девичьем, уже объединившем их, тихо беседовала со стриженной Натали, как та с давних пор рекомендовала себя называть. Скучно поедая рисовую кашку, правда, щедро политую топленным маслом, понимая, что обе поварихи сегодня поздно проснулись, Николай по ассоциации вспомнил недавний разговор с Болтом. На вопрос о причинах выбора стриженной подруги, когда в наличии более видные, та же Давыдова, тот, чуть подумав, пояснил: «И в маленьких стриженных девицах есть своя изюминка, а Екатерина, несомненно, очень эффектная, но создана для серьезных отношений, — и, еще поразмыслив, добавил, — впрочем, замуж она выйдет по-английски, где-то к тридцати годам».

Смущаясь своей лукавостью, трусливо прогнал из головы почему-то испытанное облегчение... Мужик всегда ищет лазейку в отношениях с женщинами, даже искренне ее любя. А мы все: женщина, женщина...

◆ Вернувшись к себе, подумал было отложить сегодняшние этюды на холмистой местности, хотелось заняться иным, дождавшись прихода Кати, но, уважая женскую мудрость, понимал: она дала себе и ему этакий антракт — подумать, все расставить по местам... и все продолжить. Вдохнув, скоренько собрался. Поскольку в такой жаркий день, да еще в постоянной ходьбе, даже майка с коротким рукавом тяготит, то взял небольшую брезентовую сумку на

длинном плечевом ремне, называемую Болтом репортерской, положил в нее книжку Бунина, сигареты со спичками, складной ножик, еще кой-что по мелочи навряде носового платка и трешки денег (усмехнулся: как в известной присказке...). Подумав, гулять так гулять по окрестностям, захватил и давешнюю фляжечку с отлитым коньяком.

На улице уже установилась пустота общего выходного дня: все разбрелись, в основном, по своим интересам. Даже голос стального марксиста Яковлева ниоткуда не доносился. Лишь под навесом Людочка чистила картошку, а Тома стругала капустный кочан; значит на обед будет фирменное мясо с овощами, подметил Николай.

Мать с Сынком стояли, как кони на привязи, около навеса в полном недоумении: они привыкли в это время сопровождать тех дежурных «полеводов», что спускались под горку на капустное поле, но сегодня никто туда не шел. Но вот в том же направлении двинулся Николай, собаки замахали сабельными хвостами и пошли было за ним, но тот запретительно махнул рукой, дескать, нельзя со мной, в другую деревню иду, там вам от местных псов не поздоровится! Умная Мать поняла и мордой подтолкнула своего отпрыска в сторону лужайки для обычного дневного отдыха. Как это у *Него* сказано про собак? Николай подпружинил растопленную жарой летнего дня цепкую свою память:

*Вдыхая, ты свернулась потеплей
У ног моих — и думаешь... Мы сами
Томим себя — тоской иных полей,
Иных пустынь... за пермскими горами.*

Спустился к речке, зашел в сельмаг у моста. На его счастье путешественника только-только разгрузилась районная хлебовозка. Выстояв небольшую очередь из пожилых деревенских женщин, купил пару мягчайших городских булок, небольшой кусок почти

незалежалого сыра, банку рыбных консервов в масле и большую шоколадку — для Катерины. Выйдя, но не переходя мост, заглянул и на знаменитое капустное поле, по устной ориентировке Логвинова обочью ее разыскал луковую посадку и надергал пук зеленых перьев.

Поместительная сумка солидно потолстела. Перешел через мост и по грунтовке минут за двадцать одолел пологий подъем на лесистый холм. Ориентировался он по схеме, нарисованной им на тетрадном листе вчера вечером со слов библиотекарки, выросшей в этих местах. Спуститься с холма, за которым уже владения другого колхоза, можно, дав крюк в десять верст по полевой грунтовке, либо менее пары километров через лес. Дороги здесь нет, но светлый сосновый лес разрознен, поскольку вырос на месте очень старого скотомогильника. Настолько уже неопасного, старого, далеко довоенного, что уже с четверть века не обозначается на различного назначения районных и областных картах. Николая, с детских северных лет любителя мысленно попутешествовать по карте, а затем по возможности все проверить ногами, всегда озадачивал условный значок на картах сельских мест, расшифровываемый в картографической сноске как скотомогильник. Из географических популярных книг знал, что иные скотомогильники ведут свою историю едва не с языческих времен и людям крайне не советуется приближаться к ним, поскольку возбудители сибирской язвы и других причин массового падежа скота переживают века и в любой момент их споры готовы расконсервироваться... Но Вера с девчонками-подружками, уже не опасаясь, почти с десяток лет назад бегали туда за грибами маслятами и малиной.

Свернув направо с грунтовки, вошел в сосновый лес, действительно, очень светлый, под ногами ни травинки, только желтый сухой песок, усыпанный

прошлогодними иглами и скукорожившимися, расклеванными птицами шишками. Так обдало освежающим теплом густого смоляного запаха, что захотелось закричать: жизнь люблю! Катю люблю и... всех, всех на свете люблю! И как в первые два дня по приезду в Пятницкое от избытка кислорода постоянно тянуло в сон, так сейчас хотелось стоять и бесконечно дышать в полную грудь до хрипоты выдоха, до пригибания внутрь грудных позвонков... по приезду из такого леса в город этот аромат, этот воздух зримо снится, но все реже и реже — до освежения обонятельной памяти следующим летом:

*Полями пахнет,— свежих трав,
Лугов прохладное дыханье!
От сенокосов и дубрав
Я в нем ловлю благоуханье.*

...А Николай, в отличие от своего кумира в поэзии, сейчас поймал намного более контрастное благоуханье светлого соснового леса. Он шел, ловко огибая ямы меж разреженных ими же в зачатке роста сосен. В ямах старого скотомогильника белели обточенные вековыми дождями и ветрами кости, черепа, распавшиеся хребтины коров, лошадей, овец и коз, некогда сраженных целыми отарами на горе всех крестьян округи скотской моровой язвой. Их, зарытых людьми с закутанными тряпками, пропитанными уксусом и самогоном лицами и руками, в голодные зимы разрывали волки, разбрасывая по свежим ямам обглоданные кости. От года в год, а может из века в век, песчаные боковины вырытых голодными волками ям размывались осенними дождями и весенними бестолковыми ручейками, днища ям все поднимались и поднимались, вынося черепа и кости все выше и выше на уровень отметки высоты холма, словно говоря досужему человеку, удивляющемуся, что песок и тонкий земляной слой не хотят погребать кости: зри, человек, зри и помни, что только от тебя зависит жизнь

подневольных тебе животных, ты за них в ответе, не во всем ты властен, но оберегай сколь можешь свою животину, да не пополнится наше открытое миру и небесам скорбное братское кладбище!

◆ На рукотворном плане Николая со слов Веры зачитал название окрестных сел и деревень: Стрешнево, Грешнево... названия-то какие родные, русские, давние! Вот в таком же Грешневе, только Ярославской губернии, сто пятьдесят лет назад родился в имени отца своего Некрасов — тоже из любимейших поэтов Николая. И в личной своей жизни человек прелюбопытный: начал писать стихи в полнейшей нищете, а завершил их «Последними песнями» самым богатым писателем России, внезапно став, как у Пушкина, в одночасье «наследником всех своих родных», да в картах (не шулер!) везло немеренно: до полутора сотен тысяч рублей, а это тогда стоимость двора или солидного поместья, за одно утро выигрывал!

...А за Грешневым на листке абриса стоят Хохлацкие выселки, официально именуемые деревней Хуторянской, потом выморочная в войну деревенька — и обратный путь в Пятницкое прочерчен рукой Николая. Путь на целый день по Отчества холмам, микроскопический даже по районной трехверстке, но в этом геометрически неровном то ли кольце, а может и овале масштабирована вся Европейская Россия с ее местностями, характерами людей и всей многовековой историей от недалекого отсюда Куликова побоища до больших танковых сражений сорок первого и сорок второго годов.

И всюду холмы, холмы, безлесые и поросшее сосняком как этот, с костями и черепами. А между ними извиваются малые речки и ручьи, раскинулись села и деревни. Страна холмов — последний поэтический русский талант, недавно трагически завершивший свой недолгий земной путь, так и писал в своем

лучшем стихотворении: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны, неведомый сын удивительных вольных племен!» Как и Пушкин, знак смерти через женщину получил. Лева и Овцовский, привозившие из столицы все новости, не озвучиваемые в прессе, говорили, что задушила Рубцова ночью его жена, или сожительница, пописывающая в областную газету посредственные стишки, после того как накануне на семинаре пьяный в стельку Рубцов в пух и прах изничтожил ее крохотную музу... Добро бы неловко себе рифмовала, но в провинциальной гордыне захворала звездной болезнью. А не сочиняет ли Катя стихов? Господь с ней; зато ведь я не пишу их? Есть женщины, и есть русские женщины, пока еще не переродившиеся в качества первых. Их, как и саму Россию, умом бесполезно «алгеброй гармонию поверять». Остается — верить? Тем и живем...

Закончился сосновый лес, но уже без костей и черепов, резким спуском, исчерпывая холм. Николай вышел на равнинное место все с той же, что и в их Пятницком, извивающейся речкой, за которой в сени разросшихся фруктовых деревьев все той же «комбайновой» (господи, во сколько же обходятся те комбайны государству?) краской отсвечивали на почти полуденном солнце крыши домов села Стрешнева. Справа — осыпавшаяся израненными войной стенами и погнутым крестом церковь с наполовину разрушенной колокольней. Николай дошел по безлюдной улице — все при делах трудовых — до церкви. За ней неухоженный, самовыросший лиственный лес, вплотную наступающий на заиленный, заброшенный пруд, а за прудом — Николай поначалу и не понял, не сообразил что к чему: на противоположной стороне пруда, по воде которого из-за отвращения к не порядку даже деревенские утки и гуси не плавали, достигая верхушек самых высоких деревьев, высилась геометрически правильная пирамида египетская,

только аккуратно накатанная — сложенная из металлических удлиненных бочонков зеленого, ящеричного цвета. Как вчера покрашенные, бочата отсвечивали на солнце.

Обогнув пруд и подойдя к пирамиде, Николай, как человек приближенный к военной технике, да еще разобрав на ободах номера и надписи по-немецки, сообразил: хозяйственные немцы в этом районе больших танковых боев аккуратно складывали подотчетное имущество — опустевшие танковые баки с эрзац-бензином, полагая вывезти их в фатерлянд. Экономно, конечно, мыслили фрицы, но при откате фронта не до баков оказалось...

Поковыряв камешком нетленную краску, что не облупилась за тридцать лет дождей, снега и ветров, одобрил качество продукции *ИГ Фарбениндустри*. Впрочем, по его наблюдениям и «комбайновая» краска достойна внимания... тем более, что дармовая, за бутылку-другую ведро...

◆ Пахнуло резковато самосадом, покашливание и вежливое поблеивание коз — Николай обернулся и увидел подошедшего высокого старика, типичного деревенского, любой возраст можно сходу давать, высохшего, но с седыми усами и бритой бородой, ведущего на веревке двух коз. Однако на вежливое приветствие городского парня тот распрямылся, опустив руки по швам, вроде как показывая: и мы были рысаками! Особо не задумываясь, выросший во флотской среде Николай мигом сообразил: бывший моряк перед ним, даже если времен царя-гороха, что и подтвердилось в завязавшемся разговоре.

Присели на бревнышко, Николай закурил, дед Трофим свернул новую самокрутку, а козы, таща за собой отпущенные веревки, принялись оципывать кустики, выбившиеся из-под нижнего ряда баков от *Panzerwaffe*.

— А что, дед, народу у вас что ли хозяйствен-

ного нет, за тридцать лет такую удобную тару не разобрали по дворам?

— Почему нет, как есть водятся. Да разве такой пропасти к делу приспособу найдешь? С другой стороны, где дорога, гора эта раскатана, оттель и берут: и наши, стрешневские, и грешневские, с выселок опять же и с Пятницка вашего, из других мест на машинах приезжают Бочонки-то как новые, ржава их не берет, немец на совесть все делает. Воду дождливую в них собирают, пойло свиньям и иному скоту творят, а умелые по самогонному делу люди хвалят не нахвалятся... Как же, нарасхват бочонки идут, да их тьма, еще на полста лет народу хватит. Народ охоч на всяку дармовщину.

— А сам-то, дед Трофим, в войну здесь был, или где в другом месте воевал?

— Нет, парень, в эту войну не воевал. Мне ведь весной восемьдесят шесть стукнуло, тоись даже в обозники не призвали — не то что возраст, а хромота еще с японской, потому не брали и в Империалистическую, и в Гражданскую. Здесь и крестьянствовал.

— Немцы лютовали в этих местах?

— Да нет, здесь все больше бои танковые, село наше уцелело: и фрицам, и красноармейцам было чем заниматься, не до нас. Колокольню церкви только наполовину взорвали, чтобы, значит, под наблюдательную вышку не пользоваться. Страху, конечно, много натерпелись, но бог миловал, через село снаряды все летели, да и закончилась вся недолга, ушел вместе с немецкими танками фронт отсюда. И в японскую тоже недолго воевал. Как призвали — попал по грамотности и высокому росту в учебный отряд в Кронштадте. Даже не до конца срока обретался — взяли в экипаж «Авроры», что в Третьей эскадре, которую Николашка-царь, японский городской его задери, отправил с япошками воевать из-за

этого городского*. Вот в цусимском сражении, хотя крейсер наш уцелел и во Владивосток прорвался, и получил я контузию и хромоту на ноге. Еще война не закончилась, а я, комиссованный по чистой, домой обратился. Так и проживаю туточки.

Николай поначалу и ушам свои не поверил: участник японской войны, да еще на «Авроре», сидит с ним на трухлявом бревнышке, зорко глядит нестаряющимися выцветшими глазами на коз: дескать, вы у меня не балуйте! Но затем изумление перешло в обыденное: мало ли чего не узнаешь в жизни. Вспомнил детские свои поездки с семьей в отпуск в калужскую деревню отца, где в избу тетки иногда приходил деревенский пастух Филофей — просить у богатого северного гостя на опохмелку. Вся деревня знала, что тот служил на «Варяге», хотя в число героев, что царь велел с торжеством провезти после японского плена по всей империи — с банкетами и награждением крестами и медалями, не попал по чисто русской причине: накануне исторической битвы в заливе Че-

---

* Распространенная в России народная версия русско-японской войны, хотя истинные причины намного сложнее: во время принятого для воспитания кругозора будущего императора кругосветного путешествия цесаревича Николая, будущего Второго, в Японии случился казус. Тамошние похороны весьма специфичны и непривычны для европейцев. Стоя со своими наставниками в толпе провожающих покойника, не совсем, мягко говоря, воспитанный Николай громко засмеялся и указал пальцем на процессию со словами: «Вот дураки!» Стоявший рядом полицейский ударил его по голове тыльной стороной шапки. Япония с трепетом ждала от России объявления войны, к которой тогда вовсе не была готова. Однако Александр III, самый умный русский царь, поставил на телеграмме от русского посла в Японии резолюцию: «Дураков во все времена и везде били. Сдать в архив». (см. об этом инциденте в трехтомных «Воспоминаниях» С. Ю. Витте — первое издание в 1923-24 гг., второе — в начале 60-х гг.). А в народе пошел слух: царь затаил злобу на япошек за тот сабельный удар, повредивший его разум, и объявил им войну... Может и прав народ...

мульти вусмерть напился в корейском кабаке, заснул там же и на борт героического крейсера попасть не смог... Без него «Варяг» самозатопился.

...Еще в детские годы Николай встречал и участника восстания на броненосце «Потемкин», но несколько сомнительного. Подросши, поумнев и прочитав дилогию об Остапе Бендере одесских классиков, со смехом вспоминал этого дитя лейтенанта Шмидта... хотя бы и с другого броненосца славного Черноморского флота.

Из беседы с дедом Трофимом Николай извлек очень интересную для себя вещь. Полагал он, что известная присказка «валять дурака» — из самого дремучего русского фольклора и означает человека, который ничего путного в жизни не делает, придуряется, словом. Оказывается, по словам бывшего авроровца, заставшем самое начало брожений революции девятьсот пятого года в Кронштадте, «валять дурака» вошло в обиход именно тогда. Становился напротив городского подвыпивший мастеровой или будущий революционный «братишка», вынимал из кармана серебряный рубль или полтину, за неимением их — четвертак, словом все, на чем отчеканен портрет Николашки, и начинал вертеть монету в руке: то на ребро поставит, то гербом двуглавым вверх положит, то профилем царя, словом — валяет дурака. Городовой багровеет от злости, но поделать ничего не может: нет такого приказа! ...Это ведь был не нынешний советский мильтон с его «пройдемте, граждане!»

◆ На прощание со знатным авроровцем Николай предложил за знакомство и по погоде принять по пятьдесят грамм коньяку. Дед Трофим не отказался, указав на старую, разросшуюся ветлу:

— Возьми, сынок, в дупле стакан. Из него мужики, прячась от баб, самогоновку потребляют. И молодежь иногда балуется; здесь вечер, пока клуб на

ремонте, вишь, трава вся утоптана, ребята с девками плясы разводят под гармонь. Только по пятьдесят, а то мне с козами еще возжаться, разморит еще на солнышке!

От закуски из николаевой котомки дед отказался, мол, нечего такой духмяный запах глушить.

Уже вставая с бревнышка и уточняя дорогу на Грешнево, Николай спросил, а бывал ли он в Ленинграде — посмотреть на *свой* героический крейсер.

— А как же, милоч, как помлаже годами был, ездил. У меня ж старшой парень, теперь, конечно, сам дед, по отцовской линии во флоте служил, там же в Кронштадте начал по призыву в двадцать пятом году. Училище ленинградское окончил и в войну вступил капитаном третьего ранга на Северном флоте, где ты, говорил, вырос. Так что почти земляки. Опося войны снова на Балтфлот перевели. До адмирала чуток не дослужился, сейчас в отставке, в Выборге с семейством живет, а все одно в форме ходит, начальствует в тамошней гражданской обороне. Он-то и возил меня со старухой к себе — на детей и внуков смотреть, на «Аврору» всякий раз меня, сам в форме и при кортике, водил, представлял по корабельному начальству. Фотографировали там меня для корабельного музея. Недавно написал: в книге про тебя, отец, пропечатали: ты один живой из цусимских авроровцев остался. А из тех, кто по Зимнему палили вхолостую, еще достаточно кто тельняшку носит. Я-то сегодня срамотную майку под рубаху надел — старуха все мои тельники разом в стирку замочила. Сама уже по ветхости не стирает, в избе помоложе кто из баб есть. И половина улицы родичей, чтоб не скучно было. А старшой теперь к нам с супругой и внуками каждое лето в августе приезжает. Вот и седни уже скоро ждем. Прощевай, парень! А как увидишь у себя в Пятницком председателя Ваньку Игнатъича — привет, мол, тебе стре-

шневский Трофим с поклоном передает. Он мне какой-то троюродный, старуха моя точно знает кто: внук, племянник, а может и брательник? Нет, он еще молод слишком для брательника...

Пройдя наискосок село в узкой его части, Николай начал взбираться на очередной холм, держа курс на Грешнево. Взгорье безлесое, потому, оглядываясь, всякий раз видел все уменьшающуюся пирамиду баков от *Panzerwaffen* армии Гудериана, действовавшей в этих местах. И совсем крохотной точкой различал деда Трофима. Выпитые полпромилле* коньяка, пополуденное, не палящее, а ласково теплое солнце, захватывающий дух вид с холма, чередование лесов и желтых пшеничных полей, деревенок, раскиданных тут и там, ровный стрекот тракторов и комбайнов, все настраивало путешественника на лирическое восприятие вроде как обыденного, но всякий раз все нового, по-новому воспринимаемого.

Смахнул ненароком выбежавшую слезинку — это о деде Трофиме. Почему-то незаслуженно попенял на Катю, не отправившуюся с ним. Сидит с козами моряк-цусимец со знаменитой «Авроры», смолит свою махорку-крупку, бездумно смотрит выцветшими глазами на вещное напоминание войны минувшей, а та, давняя-предавняя война если и вспоминается порой, то уж не стройными, как кадры в кино, последовательными картинками, а все в общем, как на полотне художника, который вроде остановил своими красками миг, но в этом едином, выбранном из многих, миге запечатлена эпоха, действие, мысль.

О чем думает Трофим? Конечно, не о своем фотопортрете, что сейчас украшает в ряд с другими

---

* Старый, еще с дореволюционных времен, шуточный инженерный жаргон: полпромилле — 50 грамм понятно чего, промилле — 100, соответственно.

кают-компанию легендарного корабля. И не о цусимском, выветренном в деталях годами, бое. Думает он о сыновьях, внуках и правнуках, о своей старухе, что уже по немощи не может стирать его тельняшки, а только их замачивает... Такая большая жизнь прошла, в таких событиях истории, и доживает дед Трофим, не стыдясь за эту жизнь, в полном спокойствии и родственном обихаживании. Мир ему!

◆ В Грешневе он прошел пустыми улицами до следующего холма. Здешний колхоз (или совхоз?) чисто полеводческий, все на начавшейся уборке. Даже дети вне села себе занятие нашли. И этот холм безлесый, далеко окрест все видно: уже пройденное и еще не топтаное его ногами.

Добравшись до плоской, поросшей травой и мелким кустарником верхушки холма, уже видя по другую его сторону — разглядывая сверху вниз — Хохлацкие выселки, даже не глядя на часы, уже привычно по солнцу определил: второй час дня миновал, желудок требовал своего. Присел на нагретый камень-валунок, расстелил на пригнувшейся траве прихваченную старую газету, порезал булки, сыр, открыл своим универсальным ножиком банку с рыбой — и ложку запасливо прихватил. Отвинтил крышку заветной фляжечки, сделал пару первых освежающих глотков, принялся за еду, не жалея дармового зеленого лука. К концу обеда, вот и фляжечка пуста, потянуло в сон.

Перекурив, положил под голову потощавшую котомку, вынув шоколадку для Кати, чтобы не поломать, растянулся на траве и тотчас задремал. Без сновидений, как спится жарким летним днем, но с лейтмотивом строк Поэта: *«Ты чужая, но любишь, любишь только меня. Ты меня не забудешь до последнего дня...»* К чему этот мотив? — Пробудившись, Николай на миг почувствовал острую тоску. Беспочинную в окружающем его сейчас великоле-

пии, но от этого еще более глубокую, но — скоро преходящую. *«Как ты покорно и без спора...»*

И вновь без часов, даже присвистнув, сообразил: часа три спал! Вот тебе и виды, вот и коньячок партийный, вот и Кати рядом нет; скорее, скорее к ней! Ранний вечер здесь не только по склонившемуся солнцу определяется, но и по звукам: замолкают трактора и комбайны, мычат вдалеке коровы, мечтая об облегчающей их дневную жизнь вечерней дойке. И, главное, отдаленные людские, взрослые и звонкие ребячьи, голоса возвращающихся в свои дома.

Николай с места в карьер настроился на скорый шаг: пора уже завершать путешествие, а главное — увидеть Катю, снять даже напоминание о секундной тоске. Потому и Выселки почти что обогнул, прошагав лишь мимо окраинных изб деревни, не совсем изб — срубленных, но, как память о иной жизни в других местах, выбеленных под малороссийские хаты, а если правильнее — западенские.

Двое встреченных баб и подросток на велосипеде ничем бы не отличались от окрестных жителей, тех же пятницких, если бы не один, чутко уловленный Николаем, штришок: первый взгляд на него — настороженный. Не потому, что чужой в деревне, но в силу чего-то давнего, памятного, а у велосипедного подростка явно перенятого у взрослых. Но только первый, мимолетный взгляд, далее настороженность спадала, охотно отвечали на принятое в деревнях «здравствуйте», а парень по знаку Николая притормозил и пояснил более ближнюю тропинку в сторону Пятницкого. И произношение уже ничем не указывало на их прежнюю родину.

...Со слов Веры и Овцовского, любившего поговорить с местными («Час беседы с полутрезвым пастухом стоит суточного разговора со вшивым интеллигентом!»), Выселки — послевоенный новострой: привезли на место выморочной деревеньки семьи западных ук-

раинцев, галичан, как они сами себя именовали, выдали стройматериал, кормовые и какую-никакую скотину, приписали к грешневскому колхозу. К зиме деревня была застроена добротными домами, засажены сады при них, и уже через пару лет слово «бандеровцы» исчезло из обихода окрестных Выселок мест.

Эта великая сталинская задумка, к сожалению, не законченная при жизни Вождя, а после его смерти похеренная Никитой, хорошо знакома Николаю по Тулуповску. Их семья приехала с Севера и поселилась на окраине Косолучья в частном секторе, а через дикий еще, подрастающий парк раскинулся обширный, с городской район, поселок тоже сплошь из частных домовладений — того же происхождения, что и здешние Выселки.

◆ ...«Это только кажется,— поучал иногда студента политеха Николая его дядька Лазарь Федорович, бывший в годы войны полковником НКВД, а теперь сосед-пенсионер в частном секторе Косолучья,— что все во власти руководителя государства, увы... далеко не все и не везде, он сам во многом стеснен!» И приводил пример с теми же западэнцами-бандеровцами.

Понятно, что народец этот «далеко не нашеньский», говоря крылатыми словами Владимира Ильича.— И вообще не совсем славянский, тем более не украинский в смысле малороссийский, то есть киевский, полтавский и другой окрестный. Так вот исторически случилось, что между восточными славянами малороссами-хохлами и закарпатскими русинами сложился народ, совершенно чужой своим соседям и России в целом. Никогда эти потомки насельников древнего Галицкого княжества не были под Россией, а сначала их ополячивала Речь Посполитая, затем их онемечивала Австрия и соседями их были чехи и венгры. Вот такая гремучая смесь случилась, да и язык их — тоже мешанина польского, немецкого и

даже идиша — все того же германского корня. Поэтому хохол-малоросс, слыша галицийское «яка файна кобета», переводит на понятный и русским: «Яка гарна дивчина!» И так во всем, и все им, галицийцам, поперек горла: москали, поляки, немцы, венгры и даже собственно хохлы.

Вовсе не удивительно, что хитроумнейший Черчилль во все время войны на «больших сборах» в Тегеране, Ялте и в Потсдаме упорно боролся со Сталиным за самые малые клочки земли в послевоенной Европе, но очень охотно уступал бандеровскую Галицию: мину подводил под СССР.

Иосиф Виссарионович, как человек многонационально-сварливого Кавказа и первый нарком национальностей, все это прекрасно понимал, но... слишком важными в стратегическом отношении являлись Карпаты. И уроки только что завершённой Великой войны об этом свидетельствовали, и брусиловский порыв в Империалистическую, когда только глупость, а то и предательство царево́й верхушки в Петрограде, не позволили славному боевому генералу со своими армиями прокатиться по венгерской равнине, взять Будапешт и расколоть Австро-Венгерскую монархию и вынудить кайзера к замирению... Увы, не все может руководитель государства, даже такой величины как генералиссимус!

Но, коль назвался груздем — с бандеровщиной следовало покончить радикально, с максимальной пользой для страны, в которой Сталин был рачительным хозяином, без массового кровопролития с обеих сторон. Прекрасно понимал Вождь: пока есть база для бандеровской партизанщины, то есть население, тем более и самое несчастное, запуганное и запутанное — порой в одной семье были подписавшие бумагу о сотрудничестве с прежней польской дефензивой, с гитлеровским абвером и советским НКВД, — ликвидировать это невозможно. Осталось одно, ради-

кальное, но и гуманное, полезное для всех, лишенных демагогии и предрассудков: расселение, благо нехватка рабочих рук после войны огромна, территория еще более того...

И на примере тулуповской Глухаревки, что через парк от родительского дома, Николай видел полную, абсолютную правоту Вождя. Не одного, не двух, а поболее зайцев было догнано здесь. Расширяющийся до общесоюзного гиганта Комбайновый завод получил в избытке свежую рабочую силу. На Западной Украине обезлюдела еще одна потенциальная база для бандеровцев. А сами переселенные, получившие земельные участки, материал для строительства домов себе и оплачиваемые подъемными отпуска для устройства новой жизни, а далее гарантированную работу для взрослых, школьное и иное образование для детей, подростков и юношей, мигот отреклись в человеческих условиях от прежнего кошмара, выкинули из своих голов всякое воспоминание о нем, забыли и суррогатное галицийское наречие, заговорили на русском языке.

Сколько у Николая было в политехе, да и сейчас в КБ, знакомцев из второго поколения глухаревских переселенцев — так только фамилиями они и отличались от коренных тулуповских... приезжих, как сам Николай, тоже. Но пришел Никита-кукурузник и все испортил. Еще аукнется это и России, и Малороссии, и всем остальным. Не успел Сталин довершить это великое, но необходимое «переселение народа». Что бы там столичные диссиденты, зарабатывая себе очки для переезда на ПМЖ на Брайтон-Бич, не говорили-злобствовали...

Однако уже зашелестел ранний вечерний ветерок, а солнце, сменив раскаленность на переносимую уже глазом красноту, начало задевать лучами самые высокие деревья. Обратный путь всегда дольше. Много в Отечестве холмов.

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
Сельские виды*

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТАЯ: ВСЕ ВПЕРЕДИ!

◆ После завтрака Катя, чтобы не смущать своего Николая буридановым выбором и сомнением, направилась в женскую «казарму», где имелся утюг, вытащила из своей дорожной сумки платье-халат, ранее здесь не надеванное, долго и тщательно гладила его тонкую набивную ткань, переделалась в него, все время поглаживая в окно с видом на речку и спускающуюся с горки тропинку к ней. Как раз после окончания глаженья увидела кого и хотела увидеть: Николая с фотосумкой на ремне, явно с сомнением удаляющегося от школьной горки. Послав ему воздушный поцелуй и суеверно подумав: «А мой ли он сейчас?» — сделала шутливо ручкой скучающей Наташе, улегшейся на свою кровать, и вышла в школьный зал, завернула в малый коридор и уверенно отворила свою дверь. С собой из женской спальни захватила пакет: надо устраиваться на новом месте, а не бегать за каждой мелочью.

В комнате долго и тщательно, мурлыча от довольства жизнью что-то веселое, эстрадное, убирала комнату, приводя во вполне сносное жилое состояние, вымыла пол, взяв ведро и швабру в закутке школьной уборщицы. Когда солнце начало жарко заглядывать в растворенные окна, задернула шторы, тотчас заколебавшиеся под ветерком. В комнате от этого колыханья штор, приглушенного освещения и только что вымытого пола скоро установилась деревенская летняя комфортность, что хорошо помнила от поездок, еще девчонкой, с родителями к бабушке — только в соседней области. Не хватало только легкого, не простужающего летом, сквозняка, а его могла дать только растворенная дверь. Но чем завесить проем? Не долго думая, снова сходила в женскую спальню, сняла со своей кровати простынь,

сложила ее и, опять сделав ручкой хандрящей Наталье («Потерпи пару дней, дождешься...»), вернулась в комнату. Инструмент, гвозди, шурупы и прочая железная справа разложена хозяйственным шефом на полочках учительского шкафчика-стеллажа — и через пяток минут уже дверная занавесь в такт с обеими оконными колебались под нужным сквознячком. Вот сейчас как у бабуси!

Вряд ли кто войдет — все разбрелось по причине общего выходного, тем более Николай оповестил, что до вечера отправляется искать окрестные сокровища. «Я — твоё сокровище, милый мой, чего меня искать», — улыбнулась сама себе. Паша уже здесь был — она заприметила за углом шкафа пустую бутылку из-под «плиски». «Да и пусть заходят», — равнодушно подумала и стала расставлять на нижней полке принесенное с собой: расческу-ежик, шпильки, пузырек с польскими духами, пачки с печеньем и вафлями, коробку индийского чая, баночку с индийским же растворимым кофе, коробочку рафинада, захваченные из дома десертную тарелку, чайную ложку и вилку. Нечто покрупнее, завернутое в газету, поставила за стопку партийных книжек из клубной библиотеки.

Утренний напиток «Дружба» на молоке она не пила, памятуя, что в хозяйстве шефа и Николая имеются заварной, почти литровой жестяной чайник и спиртовка. «Насчет спиртовки, Катя, Паша запуган патроном, мол, спирт к ней метиловый. Хотя, конечно, это не так, обычный ректификат, но Пал Маховлич, который пьет все что горит, имеет странную слабость: боится отравиться. Так что не придет клянчить».

Сходила, уже не стесняясь своего домашнего платья-халата, к крану водопровода, что у умывальника, набрала графин, вернулась и поставила кипятить на спиртовку чайник, но здесь что-то всполошилась, сбегала в спальню, принесла сумочку, достала «женский» календарь с помеченными числами —

и успокоилась, рассмеявшись: «Точно, женщины дуры от рождения, как порой папа-полковник говорит, когда ему к ужину вместо стопки коньяка подадут сухого вина... А как не дура, если на численник посмотрела не «до», но «после»? Вот оно — отсутствие практики аж со времени третьего курса! Слава богу, еще четыре дня впереди вольных, а потом... женщина, хоть и дура, но на всякие выдумки хитра».

Снова хихикнув, заварила чай — для кофе утреннее время упущено уже. Поставила на тумбочку около *своей* с Николаем кровати давеча принесенную из спальни свою же чашку, заварной чайник, прикрытый сложенным вафельным полотенцем, блюдечко с сахаром. Подушка показалась ей тощеватой, чуть задумавшись, взяла подушку со второй, «шефской» кровати, но подложила ее под *свою*. Уютно устроилась на боку, немного поджав ноги («И красивые же вы, мои ножки!») и укрыв ступни платьем-халатом. Выпив полчашки чая, совсем зауютилась, тихо помурлыкивая, раскрыла дневник учительницы, явно «русачки» — видно по едва не каллиграфическому, округлому, но и убористому почерку, сразу бросающейся в глаза грамотности: испи-санная наполовину обычная сорокавосемистраничная тетрадь, столь памятная Катерина по шести годам записывания конспектов в политехе... По давней, невесть откуда приобретенной привычке сразу просмотрена начало и конец тетрадной записи.

◆ Дневник начинался красиво написанной обиженной фразой: «Как и думала, с моими тройками-четверками распределение будет в деревню, хотя и не в свою, даже не в поселок или райцентр... Крепись, Ритуля!» А заканчивался уже скорописью, торопящимся, как будто на поезд опаздывает, почерком: «Вот и все, завершен «курс молодого бойца». Многое в части жизненного опыта приобретено, не меньшее и разочаровало. Но — все впереди! Глав-

ное, середина молодости, до категории старородящих, как профессионально грубо говорят гинекологические врачихи, еще как пешом до горизонта идти и идти... И здесь опыт предварительный имеется, хихи. Лето проведу дома по-деревенски, потом в Тулуповск; Ленка научила куда и к кому обращаться для устройства. Главное, не прозевать два ближайших года для замужества, а то...»

Здесь дневниковые записи обрывались. Может и вправду опаздывала если не на поезд, но на попутную машину или ходящий два раза в день райцентровский автобус. Впопыхах и тетрадку небрежно забыла.

Стиль изложения бывшей сельской «русачки» явно понравился. Катя взбила повыше подушки, устраиваясь поуютнее, поудобнее. Поскольку хозяином дневника отныне был Овцовский, известный еще с первого курса всему «пентагону» как ревностный блюститель аккуратного отношения к своим книгам, что порой, скрипя сердцем, давал почитать, то Катя, усмехаясь, вспомнила его наставления: книгу держать в обеих руках, листая страницы так, чтобы не раздирать переплет, ибо книга после такого прочтения перекашивается, теряет товарный вид. Избави, бог, загибать уголки страниц — пользоваться закладками. Читать сидя за столом, при этом не есть, не пить! А дышать при чтении лучше всего в сторону, чтобы не увлажнять листы и не коробить переплет... И многое другое, предостерегающее.

Но тетрадь не книга, потому Катя (Ах, где же Коленька? Целый день его не видеть, не...) совершенно спокойно, без угрызений совести (У нас, баб, совести нет, коль скоро это не относится к *своему*...) держала тетрадку в правой руке и, не отворачиваясь от страниц, спокойно дышала, порой смеялась, а иногда, сочувствуя авторше жизнеописания, хмурилась в женском сопереживании. Всякая женщина видит в другой свое *alter ego*...

Еще при первом знакомстве с заключительной фразой дневника подумала: «Что же тесен мир! Вот и Леночка-учительница всплыла — та самая подруга еще школьная Галочки, что пригрела в своем доме осенью ее со Смышляевым, тем самым предопредив их, надеюсь, крепкий союз на всю жизнь. Да, скорее всего, крепкий, раз, уезжая с ним в предварительный медовый месяц в Крым, шепнула-таки ей на ушко: «Все в порядке, Катюха, уже месяц не предостерегаюсь!» Бог им навстречу, славная и добрая пара образовалась! Мне сложнее — женатика полюбила. И как еще полюбила?! Ну и что, так и буду любить. Как эта училка пишет: еще далеко до возраста старородящей... А возьму и так рожу! Нет, Катенька, не решай не подумавши! «Ты первого меня любила...» Да, именно первого, ибо любить не значит просто спать вместе. Грешна ты, Катя, но чем грешна-то? Природа своего от женщин требует — еще до осознанной любви. Не школьница ведь до вчерашнего дня была? А ведь я *ему* до безумия нравлюсь как женщина... и как человек, наверное, не меньше. Хороша Маша да жена Наташа! Сложная штука — любовь, когда нельзя понять, что преобладает: взыгравшая чувственность или осознание того, что нашла свою вторую половину, без которой жизнь доселе являла собой пустоту? Ладно, буду читать до вечера, а там все встанет на свои места: он придет! Как бы чужие собаки его не покусали?..»

◆ Однако, увлеклась чтением, действительно, *alter ego* откровение одной женщины для другой. С поправкой на сельский колорит и бытовые неудобства, впрочем, в детские и подростковые годы и сама Катерина насмотрелась, на себе «примерила» житейское бытие в зачуханных гарнизонах.

Заглянула Наташка, явно уже считающая себя подругой Катерины, позвала на обед. Вместе и пошли. Узнав от Тамары, что команда грибников во

главе с марксистом Яковлевым собрала аж пару ведер, потому на ужин их поджарят с картошкой и мясом, Катя чуть подумала, у себя, куда, чтобы не бегать в женскую спальню, окончательно перенесла свою сумку, переделась в обыденное и спустилась с горки, поинтересовалась у встреченной бабуши: где можно купить яиц и соленого сала. Та и повела ее к себе, снабдила за божескую цену искомым да еще десятком калиброванных огурчиков с грядки. Возвратившись, вновь облеклась в нравящееся ей самой платье-халат, прилегла-умостилась, взяла в руки дневник, но скоро задремала вполювья: на то он и летний полуденный час. Тишина, прохлада затененной комнаты, приятное колыхание оконных и дверной занавесок и ненадоедливое жужжание одинокой мухи: скорее по насекомой своей обязанности, нежели... Катя так и не додумала: нежели чего? С наслаждением зевнула, зябко передернула плечиками и провалилась в сон. Снилось грешное и святое; даже в сюжете сновидения суксилась, обиделась на него: разбудил во мне яростную женщину, а сам на весь день запропастился! Но здесь успокоение на душу снизошло вместе с любимыми стихами:

*Ночь царила долго в темном поле,
Долго милый сон я охранял...
А потом на золотом престоле,
На востоке, тихо засиял...*

Проснулась ближе к пяти часам, принялась дочитывать учительские откровения, что так неосторожно оставлены для чужих глаз. Да-а, Овцовский, если пробьется после своего ВГИК'а на киношную или телевизионную студию художественных фильмов, прекрасный, хотя и среднестатистический, сценарий из жизни сельской интеллигенции слепит.— Немного, чуть заметно в подтексте, с присущим ему умеренным диссидентским душком. На уровне кухонных разговоров под хозяйскую водку и закуску.

...Вернувшийся уже после табельного часа ужина, усталый Николай застал хлопочущую у стола хозяйку, нимало подивившись сервировке и обилию съестного: картошка с грибами и мясом, целая сковорода яичницы на сале, присыпанная петрушкой и зеленым лучком, салат из огурчиков с грядки... И плоская, только входящая в моду, бутылка кизлярского коньяка, высоко ценимого знатоками этого дела. На немой вопрос Катя, только освободившаяся от объятия, пояснила:

— Не забывай, милый, я же полковничья дочь.

Как пишут в старинных романах, ужинали долго и при свечах, не заметив, как вечер сменился ночью, а ночь утром...

* * *

После завершения эпопеи с бурно развитой Болтом оформиловкой с посильной помощью лично вызвавшихся, в том числе чтобы не обременяться сельхозработами, Кати и Наташи, в результате чего колхоз «Большевик» вышел по агитработе на первое место в районе и почетное третье в области, все четверо возвращались домой на только что полученной колхозом новой «волге»: с председательской и партторговской похвалой, с приличными деньгами и справкой — для отдела кадров КБ, что еще месяц они числятся за колхозом. Как ценные работники. Ракеты подождут... Болт, выкушавший с устатку (они с Николаем это делали, впрочем, умеренно, каждый вечер трудового подвига) что-то много партторговской «плиски», дремал обок шофера. Наташа компенсировала бессонные ночи, прикорнувши в уголке заднего сиденья. Катя и Николай замерли в бесконечном объятии. «Все впереди, мой милый, а что? — Того мы не знаем», — шептала она.

Мне снилось северное море,

Лесов пустынные края...

Мне снилась даль, мне снилась сказка —

Мне снилась молодость моя.

*Инженеры 70-х... Любительское фото.
Реки и холмы Отчизны*

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>К читателю: Предисловие Леонида Ханбекова</i>	4
Пролог-зачин.....	12
Новелла первая: Дни и ночи триста шестой палаты.....	16
Новелла вторая: О шестидесятниках и детективах.....	54
Новелла третья: Этот май-баловень и чайный гриб.....	96
Новелла четвертая: Досье четыреста восемь.....	128
Новелла пятая: Начальники и их подчиненные.....	155
Новелла шестая: Виды на урожай. Осень.....	163
Новелла седьмая: Битва за урожай. Осень.....	176
Новелла восьмая: «Под сенью девушек в цвету».....	199
Новелла девятая: Бдительность — наша сила.....	225
Новелла десятая: Старинные рассказчики. Руссише шпирт ист зер гут!.....	242
Новелла одиннадцатая: Старинные рассказчики. Челноки над Рейхом.....	257
Новелла двенадцатая: Виды на урожай. Весна и лето на носу.....	273
Новелла тринадцатая: Виды на урожай. Новые персонажи кампании.....	287
Новелла четырнадцатая: Битва за урожай. Середина жаркого лета.....	310
Новелла пятнадцатая: Капуста — овощ цезарей.....	330
Новелла шестнадцатая: Летние этюды и бунт на корабле.....	353
Новелла семнадцатая: На пленэре — разговенье.....	375
Новелла восемнадцатая: Простая радость бытия.....	396
Новелла девятнадцатая: Отечества холмы... ..	412
Новелла двадцатая: Все впереди!.....	433

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЯШИН
АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

**ЗАТО МЫ ДЕЛАЛИ РАКЕТЫ:
ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ**

(Седьмая книга рассказов Николая Андреевича)

18+

Компьютерный набор Л. П. Хохлова
Редактирование и корректура А. А. Яшин
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета С. В. Никитин

Издатель: Независимое литературное агентство
«Московский Парнас»
123995, Москва, Поварская ул., 52, комн. 24
Тел.: 8-495-691-63-41

Подписано в печать 30.09.2015 г.
Формат бумаги 84×108 1/16. Печ. л. 20,0.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Академу»
Тираж 100 экз. Заказ №
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Папирус»,
300041, г. Тула, ул. Ленина, 12
Тел.: 8-4872-38-40-09

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья. В числе его высших образований — Литинститут им. А. М. Горького. Член Союза писателей России (СССР) с 1988 года и член Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь». Автор 27 книг прозы и свыше 500 публикаций в периодике Москвы, Тулы, Воронежа, Екатеринбурга и др. городов. Главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», член редколлегии ряда московских и тульских периодических изданий. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова. Награжден рядом литературных медалей, Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министра культуры РФ. Кавалер орденов «М. Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Академик Академии российской литературы, член ее Правления.

Литературное творчество совмещает с научной работой. Ученый-биофизик с мировой известностью. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, Почетный радист России, лауреат премий Тульского комсомола (1977 г.) и им. Н. И. Пирогова (2008 г.), академик ряда российских, иностранных и международных академий. Почетный член Международного биографического центра (Англия, Кембридж). Удостоен ряда почетных наград, в том числе медалей им. А. Нобеля, В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования». Почетный изобретатель Европы и Почетный деятель науки Европы (Гамбург).

Биография А. А. Яшина опубликована в двух десятках энциклопедий и биографических словарей (Москва, Тула, США, Англия, Швейцария и др.); см. также книгу Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина» (М.: «Московский Парнас», 2008) и статью в «Википедии».